

ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ

1905
ГОД

**ЛЕНИН
И РЕВОЛЮЦИЯ**

**1905
ГОД**

Ленин и революция: 1905 год/[Сост. В. И. Старцев]. — Л.: Лениздат, 1980. — 400 с.

В коллективной монографии освещается жизнь и деятельность В. И. Ленина в годы Первой русской революции, его последовательная борьба за укрепление пролетарской партии нового типа, за ее революционную стратегию и тактику. Именно тогда В. И. Ленин со всей убедительностью обосновал и развил учение о гегемонии пролетариата в демократической революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Л 10203 0103020000 — 255
M171(03) — 80 49 — 80

66.61(2)253

Составитель В. И. Старцев

**ЛЕНИН
И РЕВОЛЮЦИЯ.
1905 год**

Составитель
Виталий Иванович Старцев

Редактор *Н. В. Кузьмичева*. Художник *Н. И. Абрамов*. Художественные редакторы *О. И. Маслаков*, *А. К. Тимошевский*. Технический редактор *А. В. Семенова*. Корректор *С. А. Батюто*

ИБ № 1383

Сдано в набор 30.06.80. Подписано к печати 14.11.80. М-24463. Формат 84×100^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,5+вкл. Уч.-изд. л. 22,59+0,08=22,67. Тираж 15 000 экз. Заказ № 615. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57

© Лениздат, 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга рассказывает о жизни и деятельности вождя большевистской партии Владимира Ильича Ленина в период революции 1905—1907 гг. Ленин и революция неразрывны. Ленин был гением революции, ее теоретиком, ее руководителем и вождем. Известно, что вызвать революцию искусственно нельзя. Революции зреют десятилетиями, иногда даже веками. В возникновении всякой действительно народной революции огромную роль всегда играет элемент стихийности. Но, раз возникнув, революция может или победить, или потерпеть поражение. И здесь уже от силы и сплоченности революционной партии, от умения и опытности ее вождей, от авторитетности партии в рядах революционного класса или классов зависит успех революции.

Ленин и основанная им партия большевиков годами работали для приближения революции. Но в 1905 г., когда разразилась Первая русская революция, сил большевиков оказалось еще недостаточно для того, чтобы эта революция увенчалась полным успехом. Тем не менее значение теоретического и практического опыта партии, полученного в 1905—1907 гг., чрезвычайно велико. Владимир Ильич Ленин не случайно называл революцию 1905 г. генеральной репетицией революционных событий года 1917-го. Ленинская аналогия с генеральной репетицией дает в своем развитии очень многое для изучения истории всех трех

русских революций. Предвидение величайших революционных перемен мы находим в ленинских статьях и письмах 1905 г., в его книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Двенадцать лет, которые отделяют эту ленинскую работу от другой замечательной ленинской книги «Государство и революция», наполнены были многими большими и малыми политическими событиями. Но с точки зрения всемирной истории, с точки зрения истории развития марксистско-ленинской теории революции, — это две соседние страницы, соседние ступени. И чтобы подняться на вторую, надо было пройти первую. А ведь книга «Государство и революция» задумывалась В. И. Лениным еще до Февральской буржуазно-демократической революции, в Цюрихе в январе — феврале 1917 г. по новому стилю. Заметки на полях знаменитой «Синей тетради», озаглавленной «Марксизм о государстве», запечатлели ленинский вывод о необходимости замены в программных установках партии демократической парламентарной республики республикой Советов. Два образца были к тому времени перед глазами Владимира Ильича: Парижская коммуна 1871 г. и русские Советы рабочих, солдатских, железнодорожных депутатов 1905 г.

И всего через две-три недели в огне февральского восстания возник Петроградский Совет рабочих депутатов. Через месяц сотни Советов покрыли сетью всю Россию. Еще же через семь месяцев Советы рабочих и солдатских депутатов стали государственной властью.

В революции 1905—1907 гг. в полный голос заявили о себе все главные классы тогдашнего российского общества: рабочий класс, крестьянство, буржуазия, дворянство. На первый взгляд интересы первых трех классов совпадали. Их ближайшей целью было уничтожение монополии дворянства на политическую власть, уничтожение отжившего свой век русского самодержавного режима. Именно эта поверхностная мысль о совпадении интересов этих классов и составляла всю «политическую мудрость» российских меньшевиков от Плеханова до Дана. Революция России предстает буржуазная, рассуждали они, а значит, пролетариат и крестьянство по западноевропейскому образцу должны помогать буржуазии добывать «свободу для всех». Только Ленин выдвинул на первый

взгляд парадоксально смелую идею: революция буржуазная, но вождем ее будет пролетариат. Свергнув царскую власть и завоевав победу, пролетариат не пустит к власти крупных и средних буржуа, а в союзе с революционной мелкой буржуазией, т. е. крестьянством, создаст свое временное революционное правительство. Это даст возможность пролетариату, используя рычаги государственной власти, перейти к социалистическому этапу революции, обеспечить переращение буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Пролетариат не должен таскать каштаны из огня для буржуазии. Об этом стали задумываться и политические вожди русской буржуазии, которые тоже кой-чему научились с 1905 г. В конце 1916 г. вождь русских октябристов А. И. Гучков, иезуитские черты характера которого еще весной 1906 г. были подмечены тогдашней прессой, поучал лидеров буржуазного «прогрессивного» блока IV Государственной думы: тот, кто будет делать революцию, постарается воспользоваться и ее плодами, захватит власть. Отсюда лидер октябристов делал вывод о необходимости для буржуазии спланировать и провести дворцовый переворот. Но народ опередил Гучкова в феврале 1917 г. Добавим к этому, что победивший пролетариат не пустил бы буржуазию к власти и в 1905 г. Именно об этом настойчиво писал В. И. Ленин с весны 1905 г., это он повторил на страницах своей книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Следовательно, в 1905—1907 гг. за власть боролись три главные силы, три лагеря: революционно-демократический, состоявший из пролетариата и крестьянства, буржуазный и правительственный, куда входила значительная часть дворянства и высшей бюрократии. Правительственный лагерь перестал существовать только в феврале 1917 г. Обнажились два противоборствующих крыла — пролетариат и буржуазия. Но оппортунистическая часть революционных партий — меньшевики и эсеры — тут же попытались создать третий лагерь, увлекая в него большинство мелкой буржуазии и часть недостаточно классово сознательных рабочих. Уже с мая 1917 г. пролетариат имел перед собой объединенный фронт этих двух лагерей, подобно тому как с октября 1905 г. ему проти-

востоял как правительственный лагерь, так и буржуазный.

Все главные политические партии революции 1917 г. дебютировали на политической сцене в 1905—1907 гг. Прежде всего это были большевики, революционные социал-демократы — подлинные выразители интересов российского пролетариата. Меньшевики составляли оппортунистическое, правое, крыло РСДРП, отражавшее настроения и идеалы прежде всего мелкой буржуазии и ремесленников. Интересно, что В. И. Ленин еще в мае 1905 г. предлагал меньшевикам быстрее организовать и выделиться в отдельную партию. Развитие событий в 1905—1907 гг. пошло другим путем: казалось, что борьба с самодержавием требует единства социал-демократических сил, воссоединения фракций в единую РСДРП. Это произошло на IV съезде партии весной 1906 г. Соглашаясь на соединение, Ленин выступал против смешения частей РСДРП. Подлинного слияния революционной и оппортунистической частей партии произойти не могло, и первое же испытание в связи с отношением к I Государственной думе привело к фактическому разрыву. Однако и следующий, V съезд в мае 1907 г. прошел еще как съезд единой РСДРП. Последующая острая внутрипартийная борьба привела к 1912 г. к выделению большевиков в самостоятельную партию. В 1917 г. были две уже полностью оформившиеся партии со своими центрами и тактическими установками. Объединительные тенденции, возникшие в мартовском угаре после быстрого падения самодержавия, были вовремя пресечены вернувшимся 3 апреля из эмиграции В. И. Лениным.

Партией крестьянства рекомендовала себя и в известной мере была тогда партия социалистов-революционеров. Хотя В. И. Ленин неустанно критиковал псевдосоциалистический характер идеологии этой партии, в 1905—1907 гг. он видел в ней представителей мелкобуржуазной революционной демократии, крестьянства и полагал возможным заключение с нею боевых соглашений для проведения восстания и избирательных блоков, совместного формирования временного революционного правительства. В 1917 г. партия эсеров претерпела сильные изменения. Она приняла в свои ряды сотни тысяч буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов, которые в 1905—

1906 г. записывались в кадеты. Эсеры в 1917 г. стали контрреволюционной партией с самого начала революции. Однако с левым крылом этой партии Ленин, как известно, считал возможным заключать соглашения и в 1917 г., а после победы Великого Октября большевики заключили правительственный блок с левыми эсерами.

В октябре 1905 г. появилась на свет и буржуазная конституционно-демократическая партия. Хотя она и не требовала свержения монархии, царь и его окружение видели в кадетах чуть ли не главных революционеров, окрашивая их если не красной, то розовой краской. В рядах кадетской партии находились сотни тысяч буржуазных интеллигентов, часто настроенных весьма радикально. Тем не менее и тогда партия кадетов оставалась партией буржуазной по своей программе и интересам класса, который она представляла. Ленин призывал массы не давать обмануть себя словами о народной свободе, которые произносили лидеры этой партии. Он разоблачал присущую этой партии склонность к маклерству, к переговорам с царским правительством, чтобы предательством интересов революции пробраться к власти в государстве. В противоположность меньшевикам В. И. Ленин боролся против кадетской гегемонии в революции и отстаивал гегемонию в ней русского пролетариата. В 1917 г. кадеты стали главной силой крупной буржуазии, главной силой внутренней контрреволюции, злыми врагами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Они приняли в свои ряды бывших октябристов и прогрессистов, мирнообновленцев и сторонников партии демократических реформ, всех тех, кто в 1905 г. выступал под собственными политическими знаменами и занимал позиции правее кадетов.

Именно в 1905 г. получили боевое крещение руководящие кадры всех российских политических партий. Кадры их остались неизменными и в 1917 г. Это были люди одного поколения, сверстники, лишь кадеты, пожалуй, немного постарше. В 1917 г. они постарели на 12 лет. Теоретики и практики, экономисты и литераторы, философы и социологи русских политических партий вели борьбу между собой в 1917 г. почти в том же составе, изредка кое-где проглядывала молодая поросль. Герои и резонеры,

трагики и комики исторической сцены, прошедшие генеральную репетицию 1905 г., в 1917-м выступили самостоятельно перед лицом многомиллионной массы народов России. Теперь, когда пала железная опека полицейского аппарата царского самодержавия, каждая партия должна была доказать, выдержит ли она столь нелегкий экзамен. Читатель знает, что его выдержала только партия большевиков во главе с В. И. Лениным. Вот каково место революции 1905—1907 гг. в политической истории нашей страны в XX в., в истории трех русских революций.

И все же не исторические аналогии и параллели составляют существо этой книги. В ней рассказ о революции девятьсот пятого года, о Ленине в пору той революции. В апреле 1905 г. Владимиру Ильичу исполнилось только 35 лет, а до победы Октября, как мы знаем сегодня, оставалось тогда еще 12 лет.

Историческая обстановка 1905 г. имела много своеобразия и неповторимости. После 25 лет политического застоя и всевластия охранки даже полтора месяца относительной свободы в октябре—ноябре 1905 г. казались чудом. Открытая организация политических групп и партий шла фантастически быстрыми темпами. И все же реальная власть оставалась в руках самодержавия. Темп и размах организации и вооружения народа оказались недостаточными для решительного удара революционных партий по царизму.

9 января 1917 г. в Цюрихском народном доме Владимир Ильич Ленин прочел на немецком языке доклад для швейцарской молодежи о революции 1905 г. «Необходимо изучить этот переход, — говорил он о невероятно быстром, за несколько месяцев, скачке от дремлющей России к стране революционного пролетариата и революционного народа, — понять его возможность, его, так сказать, методы и пути.

Самым главным средством этого перехода была *массовая стачка*. Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которой она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая рес-

публика, 8-часовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения,— все меры, которые почти в полном объеме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 гг.

Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий.

Русская революция является в мировой истории *первой*, но она будет, без сомнения, не последней, — великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль»¹.

Поразительно, что в тот момент, когда в Цюрихе произносились эти слова, только в одном Петрограде в память жертв 9 января 1905 г. объявили забастовку 150 тыс. рабочих фабрик и заводов российской столицы. А всего через полтора месяца всеобщая политическая стачка за неделю переросла в Февральскую буржуазно-демократическую революцию, вторую революцию в России. Так сама история перекинула мостик от одной революции к другой.

Период открытого, легального выступления большевистской партии составил в 1905 г. всего полтора-два месяца, большевистская газета «Новая жизнь» выходила легально всего месяц и пять дней. В 1906 г., в дни работы I Государственной думы, время легальности длилось два с половиной месяца, причем полицейские преследования стали более жесткими. Тем не менее большевикам с 26 апреля по 7 июля удавалось выпускать ежедневную легальную газету. После роспуска Думы большевистская газета «Пролетарий» печаталась нелегально в Выборге и лишь с 20 февраля 1907 г., со дня открытия II Государственной думы, появилась возможность для выпуска легальных газет. За 55 дней (по 15 апреля) легальная газета большевиков сменила четыре названия и могла выходить только 26 дней.

Значение работы большевиков в период первой русской революции огромно. Никто не сказал об этом лучше, чем сам В. И. Ленин в своей книге «Детская

болезнь «левизны» в коммунизме», написанной в апреле 1920 г., через 15 лет после начала первой русской революции и спустя почти три года после победы Великой Октябрьской социалистической революции: «Годы революции (1905—1907). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким, крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении Советов предвосхищают великую борьбу 1917—1920 годов. Смена парламентских форм борьбы и непарламентских, тактики бойкота парламентаризма с тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношения и связи — все это отличается удивительным богатством содержания. Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий — году «мирного» «конституционного» развития. Без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»².

Мы можем повторить это и сегодня, значение опыта большевистской партии в революции 1905—1907 гг. остается непреходящим. Многие годы он будет изучаться революционерами всех стран. История первой русской революции исследовалась еще в период между двумя революциями, затем — весьма интенсивно — в 20-е годы. Ее изучение, публикация новых источников не прекращались и в 30—40-е годы. С 1955 г., даты пятидесятилетнего юбилея начала первой русской революции, интерес к ее истории заметно возрос³. Много значительных книг вышло к семидесятилетию революции⁴. Но, разумеется, нельзя сказать, что все проблемы, связанные с изучением истории революции 1905—1907 гг., исследованы уже достаточно полно. Это относится, в частности, к жизни и деятельности В. И. Ленина в 1905—1907 гг. До сих пор нет еще ни монографии, ни научно-популярной работы по данной теме. Этот пробел и старались восполнить по мере своих сил авторы на-

стоящей книги. Они опирались в своей работе не только на общие достижения советской исторической науки, но и на имеющиеся историко-партийные исследования общего и специального характера, справочную литературу по биографии Владимира Ильича Ленина⁵. Важнейшим источником для раскрытия теоретической, публицистической и практически-политической деятельности В. И. Ленина в период первой русской революции послужили произведения самого Владимира Ильича⁶. Неоценимым подспорьем стали первый и второй тома биографической хроники «Владимир Ильич Ленин», подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Большой материал о жизни и работе Ленина в 1905—1907 гг. дают воспоминания его соратников и товарищей по партии, изданные в многочисленных мемуарных сборниках⁷.

За рассматриваемый период прошли четыре важнейших съезда РСДРП, на которых большевизм появился и вырос в самостоятельное политическое течение и партию. III и V съезды РСДРП проходили под руководством В. И. Ленина. Поэтому протоколы II—V съездов партии явились для авторов книги ценнейшим источником изучения деятельности Ленина как вождя партии нового типа. Использованы также опубликованные и некоторые неопубликованные архивные источники⁸.

Рассказ о деятельности В. И. Ленина ведется в данной книге в неразрывной связи с фактами его биографии и условиями жизни. Лучше всего для этого подходил хронологический метод изложения, который, за некоторыми исключениями, и был избран авторами. Они опирались при этом на опыт издания книги по истории жизни и деятельности В. И. Ленина в 1917 г.⁹ Авторы с особым вниманием старались осветить деятельность В. И. Ленина в Петербурге и под Петербургом, где в основном и проходила жизнь вождя партии с ноября 1905 г. по конец 1907 г. Авторы ни в коей мере не считают свою работу исчерпывающей и рассматривают ее как первую попытку связать воедино изложение вопросов теоретической, публицистической, организаторской и практической деятельности В. И. Ленина — борца за создание партии рабочего класса, руководителя революционной борьбы российского пролетариата. Естественно, что

отдельные общетеоретические вопросы предпосылок первой русской революции и ее характера и этапов затронуты в данной книге лишь в наиболее общей форме. Авторы прежде всего стремились дать возможность сегодняшнему читателю почувствовать романтическую и героическую окраску эпохи первой русской революции, взглянуть на нее глазами очевидцев и современников, участников революции, наиболее ярким и деятельным из которых был сам Владимир Ильич Ленин.

Свой доклад о революции 1905 г. В. И. Ленин заканчивал словами: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы — буржуазия, и их приказчики — правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода». А дальше он сказал, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»¹⁰. Это была осторожность ученого, скромность великого человека. Через несколько недель рухнула романовская династия, в России победила Февральская буржуазно-демократическая революция. А в октябре 1917 г. именно Ленин встал во главе первого в мире социалистического государства, государства диктатуры пролетариата.

Книга написана: Х. М. Астраханом (VI и VII главы), О. Н. Знаменским (II глава), В. И. Старцевым (III — V главы) и А. Н. Цамутали (I глава), предисловие и заключение написаны В. И. Старцевым.

1 ГЛАВА

А. Н. ЦАМУТАЛИ

НАКАНУНЕ

1. II съезд РСДРП. Большевики и меньшевики

В начале XX в. важнейшей чертой в социально-экономическом развитии России было перерастание капитализма в его высшую и заключительную стадию — империализм. Обострение присущих империалистическому обществу противоречий сказалось в российской действительности с особой силой. Россия в цепи империалистических государств стала наиболее слабым звеном. «Народная революция назревала в условиях, — указывается во втором томе «Истории КПСС», — когда непримиримый антагонизм между самодержавно-полицейским строем и потребностями общественного развития усугубился вступлением мирового капитализма, в том числе и российского, в империалистическую стадию. Надвигалась эра крушения капитализма, эра социальных революций пролетариата и подъема национально-освободительного движения угнетенных народов. Рабочий класс — единственный до конца революционный класс капиталистического общества — все энергичнее оспаривал у буржуазии роль той силы, которая стоит в центре эпохи, определяет смысл и направление общественного развития.

В России монополистический капитал сочетался с сильными пережитками крепостничества, что придавало особую остроту классовой борьбе. В начале XX века Россия стала узловым пунктом противоречий империализма, центром мирового революционного движения.

Российский пролетариат вступил в смертельную схватку с царизмом — оплотом европейской и азиатской реакции, добиваясь его свержения. В силу этого рабочий класс России выдвигался в авангард международного освободительного движения. Победа демократической революции, уничтожая пережитки крепостничества в экономике и социально-экономическом строе страны, вместе с тем открыла бы путь к пролетарским революциям в Европе и национально-освободительным революциям в Азии»¹.

В накаленной политической атмосфере явственно ощущалось приближение революционной грозы. Освобождение России от самодержавного строя, оплота самого грубого экономического и политического угнетения трудящихся, стало насущной необходимостью. Характеризуя обстановку в стране, В. И. Ленин писал в начале XX в.: «Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны»².

Огромное влияние на развитие событий приобретал теперь русский рабочий класс. Он выступал в качестве наиболее сплоченной и организованной общественной силы, прошедшей серьезную проверку и закалку в ходе стачечной борьбы. Передовые рабочие стали наиболее значительной фигурой в революционном движении. Пропагандистская работа социал-демократов, тяга самих рабочих к изучению передовой революционной теории — марксизма, увеличение числа не только экономических, но и политических стачек подготовили почву для новой формы борьбы пролетариата — демонстраций. Ее первым предвестником была харьковская маевка 1900 г., переросшая в 10-тысячную демонстрацию рабочих. Свидетельством крупнейших качественных сдвигов в рабочем движении были как демонстрации, которые с весны 1901 г. прокатились почти по всей России, так и «Обуховская оборона» в Петербурге, стачки и демонстрации в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 г., всеобщие стачки на юге России в июле — августе 1903 г. Подъем рабочего движения оказывал воздействие и на крестьянские массы, активизировал их борьбу. Реши-

тельные действия пролетариата имели своим следствием также и оживление политической деятельности других классов. Выражением идейной консолидации в среде мелкой буржуазии было образование в 1902 г. первых организаций партии социалистов-революционеров. Осторожное брожение было заметно и в стане либеральной буржуазии. За границей стал издаваться нелегальный журнал «Освобождение», вскоре возник Союз земцев-конституционалистов в самой России. Усиление репрессий со стороны царизма еще более накаляло обстановку, обостряло недовольство широких слоев населения страны.

Ведущая роль в сплочении рабочего класса на борьбу с самодержавием принадлежала революционной социал-демократии. 17 (30) июля 1903 г. в Брюсселе состоялось первое заседание II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, торжественно открытое Г. В. Плехановым. Другой виднейший русский марксист, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) тайным голосованием был избран вице-председателем съезда и членом мандатной комиссии. Съезд этот был крупнейшим событием в истории партии и в жизни самого В. И. Ленина. «Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! — вспоминала Н. К. Крупская. — Вся жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключительно большое значение; он считал, что партийный съезд — это высшая инстанция, на съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть затушено, все сказано открыто. К партийным съездам Ильич всегда особенно тщательно готовился, особенно заботливо обдумывал к ним свои речи»³. II съезд РСДРП стал событием не только общероссийского, но и всемирного масштаба. Он ознаменовал собою становление РСДРП как революционной партии российского пролетариата, принял Программу партии, положил начало большевизму как самостоятельному политическому течению. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года», — писал В. И. Ленин впоследствии⁴.

В. И. Ленин был одним из главных руководителей съезда. Благодаря усилиям Владимира Ильича и его сторонников съезд большинством голосов принял революционную Программу партии, подготовленную редакцией заграничной общерусской социал-

демократической газеты «Искра». Им удалось отстоять также важные для подлинно революционной программы положения, как диктатура пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, право наций на самоопределение, пролетарский интернационализм.

В условиях, когда народы России находились в преддверии революции, II съезду РСДРП предстояло определить ее характер, движущие силы и перспективы. На съезде необходимо было также разработать принципиальные вопросы тактики российской социал-демократии в предреволюционный период, создать партию революционного действия, определить наиболее целесообразную в конкретных условиях России организационную структуру партии. В принятой II съездом Программе подчеркивалось, что российская социал-демократия считает себя «одним из отрядов всемирной армии пролетариата» и «преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран»⁵. Этой целью было осуществление победоносной пролетарской революции, установление диктатуры пролетариата и построение социалистического общества.

Назревавшая в России революция по своему характеру была буржуазно-демократической, ей предстояло уничтожить многочисленные остатки крепостничества и самодержавие, заменив последнее демократической республикой. В Программе были сформулированы основные требования эксплуатируемых масс и выделены силы, совместное выступление которых обеспечило бы победу революции. Такими силами в начале XX в. были пролетариат, крестьянство и трудящиеся массы угнетенных национальностей. Программа касалась и практической стороны подготовки революционных масс к выступлению против самодержавия. В частности, II съезд РСДРП, обращая особое внимание на организацию массовых политических демонстраций, возникавших в ходе стачечной борьбы, подчеркнул, что эти демонстрации, постепенно разрастаясь, «должны привести и частью уже приводят к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготавливая тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя»⁶.

Положения Программы, ориентирующие партию на неизбежность вооруженной борьбы против самодер-

жавия, вызвали яростные нападки бундовцев, «экономистов» и других оппортунистических элементов в РСДРП. Сторонникам «Искры» удалось одержать верх в борьбе за программу. Хотя искровцы составляли большинство, не все из них были «твердыми» искровцами, среди них оказались и неустойчивые, так называемые «мягкие» искровцы. Борьба между революционным крылом и оппортунистами носила сложный характер, она разгорелась и при обсуждении Устава. В. И. Ленин выступал за создание единой боевой партии, каждый член которой активно участвовал бы в революционной борьбе и строго выполнял требования партийной дисциплины. Поэтому он считал, что членом партии может быть тот, кто признает ее Программу, вносит членские взносы и состоит в одной из партийных организаций, лично участвуя в ее работе. Против предложения Ленина выступил Л. Мартов. Его предложение сводилось к тому, что для членства в партии достаточно признавать Программу и оказывать партии материальную помощь. Он не считал обязательным участие в работе партийной организации в подчинение партийной дисциплине. Между предложениями В. И. Ленина и Мартова была принципиальная разница. Ленинская формулировка предохраняла партию от проникновения в нее неустойчивых, непролетарских элементов, обеспечивала партийную дисциплину. Но при голосовании незначительным большинством прошла формулировка Мартова. Тем не менее «твердые» искровцы сумели отстоять другие принципиальные положения Устава. Они добивались соблюдения уставных требований при решении вопроса о роспуске ранее существовавших организаций, но не укладывавшихся в рамки принятого Устава, и при обсуждении вопроса о национальных организациях. Решительная и последовательная позиция В. И. Ленина и других «твердых» искровцев вынудила «рабочедельцев»⁷ и бундовцев, не желавших подчиняться Уставу, заявить о своем выходе из РСДРП и покинуть съезд. Это ослабило силы оппортунистов. Положение изменилось в пользу сторонников Ленина.

При выборах в Центральный Комитет и редакцию Центрального Органа партии, которым была признана газета «Искра», они получили большинство. С тех пор их стали называть большевиками, а их против-

ников — оппортунистов, оказавшихся в меньшинстве, меньшевиками. Съезд, начавшийся в Брюсселе, был затем перенесен в Лондон. Переезд в английскую столицу был связан с тем, что бельгийская полиция не только установила наблюдение за делегатами, но и выслала некоторых из них. 10(23) августа 1903 г. II съезд РСДРП закончил свою работу. Вскоре после завершения съезда В. И. Ленин вместе со своими соратниками побывал на могиле Карла Маркса на Хайгетском кладбище.

Несмотря на то что после II съезда РСДРП большевики формально входили в состав одной партии с меньшевиками, фактически они составляли самостоятельную партию, партию нового типа, начало которой и было положено II съездом под ленинским руководством.

«Позднее факт раскола заслонил перед многими те громадной важности принципиальные вопросы, которые были поставлены и разрешены на II съезде, — писала Н. К. Крупская. — Владимир Ильич во время обсуждения этих вопросов чувствовал особую близость к Плеханову. Речь Плеханова о том, что основным демократическим принципом должно являться положение: «высший закон — благо революции», и что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения этого основного принципа, произвела на Владимира Ильича глубокое впечатление»⁸. Именно с такой точки зрения подходил В. И. Ленин к решению вопросов, обсуждавшихся на съезде и после него. Благо революции всегда оставалось для него высшим законом на всем протяжении его дальнейшей жизни, в отличие от Плеханова, сумевшего произнести этот афоризм, но не нашедшего в себе должной твердости, чтобы следовать ему впоследствии.

Расхождения между большевиками и меньшевиками были гораздо глубже, чем это могло показаться стороннему наблюдателю. За спорами вокруг вопроса о членстве в партии скрывалась различная социальная природа сторонников большинства и меньшинства. Ленин и возглавляемые им большевики были носителями идей революционного марксизма. Они выражали интересы пролетариата, являвшегося наиболее последовательным в своей революционности классом России. Что же касается меньшевиков, то в

их позиции сказывались непоследовательность и половинчатость, свойственные колеблющимся мелкобуржуазным слоям населения, особенно неустойчивым в условиях революционных бурь.

Возникновение партии большевиков вышло за рамки события общероссийской значимости и стало выдающимся явлением во всемирно-историческом масштабе. С этого момента начала свой путь как организованное целое партия, которая спустя четырнадцать лет возглавила трудящиеся массы России в борьбе за победу первой в истории социалистической революции. Но в самый момент окончания II съезда РСДРП лишь самые преданные делу пролетариата и уверенные в неизбежности победы коммунистических идеалов люди верили в скорое осуществление этих грандиозных задач. Именно таким человеком был Ленин. Смелость замыслов, относящихся к будущему, в его сознании сочеталась с трезвой оценкой положения в данный момент, с готовностью преодолевать все возникающие на пути преграды.

Вскоре после окончания II съезда, в середине августа 1903 г., В. И. Ленин возвратился из Лондона в Женеву. В создавшейся обстановке он становился главной фигурой руководящего ядра только что возникшей подлинно революционной партии русского пролетариата.

Вместе с тем человек, на плечи которого ложилась такая непомерная для простого смертного ответственность, в обыденной жизни был предельно простым и скромным. По возвращении из Лондона Владимир Ильич жил в том же домике, в котором он, Н. К. Крупская и ее мать Елизавета Васильевна поселились в апреле 1903 г. Этот небольшой домик был расположен в пригороде Женевы — рабочем поселке Сешерон. Крупская вспоминала об этом жилище: «...внизу большая кухня с каменным полом, наверху три маленьких комнатухи. Кухня была у нас и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды. Игнат (Красиков) в шутку называл как-то нашу кухню „притоном контрабандистов“»⁹. Эту картину несколькими характерными штрихами дополняет Ц. С. Бобровская (Зеликсон), попавшая в ленинскую квартиру (она называет ее дачей) в Сешероне вскоре после окончания II съезда РСДРП: «На даче внизу была кухня, рядом —

небольшая комнатка, где жила постоянно хлопотавшая по своему несложному хозяйству Елизавета Васильевна. Деревянная лестница вела наверх, в две более просторные комнаты. Мебель в них состояла из большого стола в комнате Владимира Ильича и стола поменьше в комнате Надежды Константиновны; в каждой комнате было по простой железной кровати, застланной пледом, по несколько стульев и грубо сколоченных полок для книг. Стол Владимира Ильича был завален вырезками из газет и рукописями, различными статистическими сборниками, таблицами».

Внешний облик самого обитателя этого дома тоже был очень скромным, и уж абсолютно ничего не имевшим с обликом западноевропейских политических деятелей того времени. Ц. С. Зеликсон-Бобровская так описывает Ленина в домашней обстановке: «Владимир Ильич одет был в темно-синюю косоворотку навыпуск, которая придавала всей его коренастой фигуре какой-то особо «российский» вид. Да и вся обстановка здесь как-то не увязывалась с чинным укладом жизни в Швейцарии. Недаром острый на язык Макар, придя сюда в первый раз, воскликнул: „Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!“»¹⁰ Шутливое замечание Макара (И. Александрова. — *Авт.*) скорее всего относилось не только и не столько к косоворотке, которую Владимир Ильич носил дома, а к тому, что сама атмосфера скромной ленинской квартиры в Женеве была пропитана повышенным интересом к революционному движению, к другим событиям, происшедшим в России. Ц. С. Зеликсон-Бобровская пришла к В. И. Ленину домой на следующий день после их первой встречи, состоявшейся в кафе «Ландольт», где Владимир Ильич в беседе со сторонниками большинства разъяснял положение в партии после II съезда, разоблачая раскольническую деятельность меньшевиков. Зеликсон-Бобровская, оказавшись в ленинской квартире, «рассчитывала услышать от Владимира Ильича еще что-нибудь кроме того, что слышала в «Ландольте», а вышло так, что Ленин больше всего ее расспрашивал, «интересуясь даже малейшими подробностями партийной работы в России», деятельностью профессиональных революционеров, в частности тем, как они, попав в тюрьму, используют это время для чтения, „если только к тому предоставляется возможность“»¹¹.

Но как бы ни приковано было внимание В. И. Ленина к тому, что происходило в России, после возвращения из Лондона ему пришлось с головой окунуться в дела, связанные с необходимостью разъяснить тем, кто находился или на время приезжал в Женеву, что же произошло на II съезде, какие он принял решения, какие задачи поставил теперь перед партией. Обычным местом встреч Ленина с его сторонниками было уже упоминавшееся выше женевское кафе «Ландольт». Именно в «Ландольте» в течение двух-трех недель после возвращения делегатов II съезда из Лондона происходили встречи или совещания сторонников большинства. Эти встречи по просьбе участников II съезда устраивали В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. Среди присутствовавших на этих встречах были Н. Э. Бауман, С. И. Гусев, М. М. Литвинов, В. В. Воровский, П. А. Красиков и другие большевики. В ходе таких встреч Ленин анализировал положение, сложившееся в партии, намечал пути укрепления РСДРП. В это же время он встречался с И. Х. Лалаянцем, В. Д. Бонч-Бруевичем, с которыми беседовал о причинах разногласий на съезде, о необходимости сплочения сторонников большинства.

Вместе с Г. В. Плехановым В. И. Ленин информировал членов Заграничной лиги русской революционной социал-демократии об итогах II съезда партии. Со стороны Владимира Ильича предпринимались попытки положить конец разногласиям среди редакторов «Искры». Так, В. И. Ленин просил И. Х. Лалаянца в товарищеской беседе уговорить Мартова снова войти в редакцию Центрального Органа партии и как можно скорее ликвидировать конфликт и угрозу раскола. Вместе с Г. В. Плехановым В. И. Ленин и сам вел переговоры со старыми редакторами о сотрудничестве в «Искре», предлагал им разногласия свои изложить на страницах газеты. Меньшинство во главе с Мартовым, Троцким и Аксельродом отказывалось принять участие в работе «Искры» в какой бы то ни было форме. Сторонники меньшинства начали борьбу за изменение состава высших учреждений партии, планировали издание собственной литературы и распространение ее за границей, а также среди местных комитетов партии.

Все это время В. И. Ленин продолжал внимательно следить за развитием революционного процесса

в России. В нескольких работах В. И. Ленина, появившихся в печати вскоре после окончания II съезда РСДРП, говорилось о симптомах надвигающейся революции. В статье «Эра реформ», опубликованной в «Искре» 15 августа 1903 г., комментируя появившиеся в России проекты закона об обществах взаимопомощи рабочих, законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий, о фабричных старостах, В. И. Ленин на основании этих новых для царской России явлений делал далеко идущие выводы. Он связывал появление этих проектов и законов с тем, что в России «пролетариат, пробуждающийся к сознательно-классовой жизни, выступил уже довольно давно как настоящий, как главный, как единственно непримиримый враг нашего полицейского самодержавия»¹². Русский пролетариат, по словам В. И. Ленина, заставил правительство считаться с ним и даже пойти на известные уступки, реформы, которые при всей своей лживости и ограниченности «все-таки уступки, реформы, составляющие целую эру»¹³. В этих уступках В. И. Ленин видел «реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимаемая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных»¹⁴. Такие реформы, по мнению В. И. Ленина, «являются всегда предвестником и преддверием революции»¹⁵.

Отчетливо сознавая необходимость скорейшего сплочения рядов партии русской революционной социал-демократии, В. И. Ленин особенно болезненно реагировал на раскольническую деятельность меньшевиков, которая в эмигрантской среде выливалась зачастую в инспирированные меньшевистскими элементами склоки и скандалы. В письме (Н. А. Алексееву) В. И. Ленин с искренним огорчением писал о тяжелой внутривнутрипартийной атмосфере и даже сетовал по поводу переезда из Лондона в Женеву¹⁶.

Н. К. Крупская так описывала настроения тех дней: «В Женеве, куда мы вернулись со съезда, началась тяжелая канитель. Прежде всего хлынула в Женеву эмигрантская публика из других зарубежных колоний. Приезжали члены Лиги и спрашивали: „Что случилось на съезде? Из-за чего был спор? Из-за чего раскололись?“»¹⁷

Распри среди социал-демократической эмиграции буквально ошарашивали тех, кто приезжал из России. П. Н. Лепешинский, над которым нависла угроза на 6 лет попасть в ссылку «в гиблых местах далекой Якутии», сумел бежать из Минусинска (куда был отправлен предварительно, до вынесения ему приговора) и наконец добрался до Женевы: «В Женеве я знал только адрес Плеханова и по приезде в этот город с вокзала отправился прямо к нему. Он любезно принял меня, угостил кофе со сливками, но в завязавшемся разговоре сразу же хватил меня, что называется, обухом по голове.

— Э-е, батенька, да вы, видно, не знаете, что у нас тут после съезда произошла свалка такая, что скоро обе половины друг друга съедят и от них останутся одни только хвосты».

Лепешинский быстро сообразил, что «по иронии судьбы попал не к своим, не к Ленину, а в лагерь врагов, ибо и Плеханов, несмотря на его гордое заявление, что он стоит вне драки и якобы поставил перед собою неблагоприятную задачу развести в разные стороны разъярившихся «драчунишек», на самом деле уже целиком и полностью ушел „по ту сторону баррикады“».

Все же Плеханов в это время держался еще нейтрально, а во многих случаях и лояльно по отношению к В. И. Ленину. Что же касается меньшевиков, то они старались приезжавших из России товарищей сбить с толку, извратить позиции Ленина. Их козни весьма образно описал Лепешинский: «Всякий товарищ, приехавший за границу, становился предметом «обхаживаний» и «улещивания» со стороны меньшевиков. Дан и Мартов проявили величайшее усердие, чтобы внушить мне твердое убеждение в том, что Ленин был причиной злоключений на съезде, поставивших партию под угрозу раскола. Оба приятеля, соревнуясь в «накачивании» меня бесчисленными анекдотами из съездовских бытовых картинок, перебивая друг друга,— ни дать ни взять Бобчинский и Добчинский из бессмертной комедии Гоголя — стараются как можно скорее «освоичить» меня и присоединить мой голос к хору меньшевистских запевал». Попытки Дана и Мартова привлечь на свою сторону Лепешинского не увенчались успехом. Тем более, что сразу после их ухода в дверь к Лепешинскому постучал

«новый визитер» — П. А. Красиков. Красиков посмеялся по поводу того, что Лепешинский сразу по приезде «попал в объятия меньшевиков», рассказал затем «эпизоды разгоревшейся борьбы» и предложил идти к Ленину, сказав: «Да что тут толковать, идемте сейчас к Владимиру Ильичу. Он быстро вас отшлифует». Лепешинский, увидев Ленина, нашел, что «вид у него усталый, измученный». Ленин стал спрашивать Лепешинского, как тот живет, где его семья. Красиков обратился к Ленину, сказав: «Владимир Ильич, я же к вам привел сего мужа, чтобы вы разрешили все его сомнения». На эту реплику Красикова Ленин ответил, что Лепешинскому лучше разобраться в сложившемся положении, внимательно прочитать печатные протоколы съезда и самому сделать выводы. «Его совет был самым разумным. Я раз и навсегда стал в ряды большевиков»¹⁸, — вспоминал потом Лепешинский. Рассказ Лепешинского — одно из многочисленных свидетельств того, что у В. И. Ленина твердость и убежденность сочетались со стремлением помочь товарищам самим убедиться в правоте позиции большинства, с желанием ни в коем случае не навязывать собственного мнения другим. Ленин и по отношению к меньшевистским лидерам проявлял редкие такт и терпимость. Как уже упоминалось, В. И. Ленин вместе с Плехановым призывал к сотрудничеству бывших редакторов «Искры». 21 сентября (4 октября) В. И. Ленин вместе с Г. В. Плехановым и Ф. В. Ленгником («Курцем»), избранным членом ЦК на II съезде, больше трех часов вел переговоры с Мартовым, Аксельродом, Потресовым и Засулич об условиях совместной работы в Центральном Органе партии. Несмотря на безрезультатный исход этих переговоров, В. И. Ленин не оставлял надежд на соглашение и 21—23 сентября (4—6 октября) набросал предварительные варианты письма редакции ЦО Л. Мартову с приглашением сотрудничать в «Искре» и «Заре».

23 сентября (6 октября) В. И. Ленин пишет это письмо, обращенное к Мартову, а также другим бывшим редакторам «Искры». Он вновь призывает их к сотрудничеству, но получает отрицательный ответ: «Нижеподписавшиеся никакого участия в «Искре» со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают. Засулич, Аксельрод, Старовер, Мартов, Тро-

цкий, Кольцов». Но и после этого В. И. Ленин старался, чтобы лидеры меньшинства подчинились решениям съезда. Получив приведенный выше отказ, он пишет проект обращения ЦК и редакции ЦО к лидерам меньшевистской оппозиции, в котором призывает их выполнять партийный долг, прекратить бойкот центральных учреждений, предлагает принципиальные разногласия выяснять перед всеми членами партии. Об этих усилиях, предпринятых Лениным, писала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская: «После съезда Владимир Ильич не возражал, когда Глебов предложил кооптировать старую редакцию, — лучше уж маяться по-старому, чем раскол». Даже после получения отказа на это предложение В. И. Ленин продолжает с небывалой терпимостью относиться к меньшевикам. Но беспардонное поведение меньшевиков казалось не оставляло сомнений в том, что примирения уже не достигнуть. «Бывали минуты, когда он (Ленин.— Авт.) ясно видел, что разрыв неизбежен», — писала Крупская и далее рассказывала, как нелегко было Владимиру Ильичу смириться с признанием неотвратимости раскола. Г. М. Кржижановский (подпольная его кличка Клэр), избранный одним из членов ЦК на II съезде, находился в Киеве и отсюда настойчиво писал о том, что интересы революционной практики требуют примирения большевиков с меньшевиками. В. И. Ленин, по словам Н. К. Крупской, «раз... начал писать Клэру о том, что тот не представляет себе совершенно настоящего положения, надо отдать себе отчет в том, что отношения старые в корне изменились, что старой дружбе с Мартовым теперь конец, о старой дружбе надо забыть, начинается борьба»¹⁹. Однако Ленин этого письма не докончил и не послал. Н. К. Крупская объяснила, что Ленин крайне болезненно переживал раскол не только с точки зрения революционного дела, но и чисто по-человечески: «Ему чрезвычайно трудно было рвать с Мартовым. Период питерской работы, период работы в старой «Искре» тесно связывал их... Потом Владимир Ильич яростно боролся с меньшевиками, но каждый раз, когда линия Мартова хоть чуточку выпрямлялась, у него просыпалось старое отношение к Мартову... Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен, он мне как-то грустно сказал: „Вот и Мартов тоже, говорят, умирает“»²⁰.

Насколько корректен и терпим при твердой убежденности в правоте своей позиции был Ленин, настолько бестактно вели себя меньшевики. Положение В. И. Ленина еще более осложнялось из-за того, что многие большевики, являвшиеся делегатами II съезда партии, уехали для практической революционной работы в Россию. «Меньшевики,— вспоминала Н. К. Крупская,— уехали не все, напротив, приехал к ним еще Дан. За границей число их сторонников росло». К тому же «меньшевики имели успех у заграничной публики и решили дать бой большевикам, созвав съезд Лиги русских социал-демократов за границей для заслушания доклада делегата Лиги на II съезде, Ленина». В правление Лиги входили Л. Г. Дейч, М. М. Литвинов, Н. К. Крупская. Крупская и Литвинов были против созыва съезда Лиги, поскольку, по словам Н. К. Крупской, не сомневались, «что при наличных условиях съезд превратится в сплошной скандал». Тогда оставшийся в меньшинстве (а еще точнее в одиночестве) Дейч «вспомнил» проживавшего в Берлине Вечеслова и жившего в Париже Лейтейзена, которые «фактически последнее время непосредственно в работе правления Лиги не принимали участия, но официально из него не вышли». Когда их привлекли к голосованию, то, по выражению Крупской, они «голоснули за съезд»²¹. В. И. Ленин протестовал против созыва Лиги, участвовал в составлении открытого письма ее членов и подписал его в числе 12 большевиков — членов Лиги. В письме говорилось о необходимости реорганизации Лиги и составления нового Устава, содержался протест против указанного выше грубого нарушения партийной дисциплины членом администрации Лиги Дейчем²². Видя, что съезд Лиги все-таки соберется, В. И. Ленин стал готовиться к выступлению на нем. Тяжелая атмосфера, созданная меньшевиками, отравляла Ленину существование. Как вспоминает Крупская, В. И. Ленин «перед съездом Лиги, задумавшись, наехал на велосипеде на трамвай и чуть не выбил себе глаз. Повязанный, бледный, ходил он на съезд Лиги»²³. На заседаниях Лиги Ленин энергично отстаивал линию большинства. Только на первом заседании съезда Лиги 13(26) октября он девять раз выступал в прениях по порядку дня и восемь раз — с предварительными замечаниями к докладу о II съез-

де РСДРП. 14(27) октября В. И. Ленин сделал на втором заседании съезда Лиги доклад о II съезде РСДРП, в котором отстаивал его решения. На последующих заседаниях Лиги В. И. Ленин вновь выступает по несколько раз. Ему приходится доказывать правильность линии большинства в условиях крайней враждебности со стороны представителей меньшинства²⁴. «С бешеной ненавистью нападали на него меньшевики. Помню одну дикую сцену — запомнились яростные лица Дана, Крохмаля и др., которые, вскочив, бешено стучали пюпитрами»²⁵, — писала впоследствии Н. К. Крупская. По ходу работы съезда Лиги становилось все более ясно, что меньшевики, став на путь сведения счетов с представителями большинства, стараются превратить Лигу во фракционную организацию, не подчиняющуюся партии. В своем содокладе Мартов позволил себе сделать в адрес большевиков клеветнические выпады. Еще во время содоклада Мартова В. И. Ленин подавал реплики. После окончания выступления Мартова В. И. Ленин заявил протест против недостойных приемов и измышлений, допущенных Мартовым.

Кампания, развязанная меньшевиками во время съезда Лиги, имела своим последствием изменение позиции Г. В. Плеханова. Как свидетельствует Н. К. Крупская, Г. В. Плеханов, который сразу по возвращении из Лондона занимал на собраниях большинства «самую непримиримую позицию» по отношению к их противникам, «весело шутил и подбадривал публику»²⁶, теперь потерял почву под ногами. Вечером 18(31) октября после окончания съезда заграничной Лиги состоялось собрание большевиков — членов Лиги, среди которых были В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. На этом собрании Г. В. Плеханов высказался за мирные переговоры с меньшевиками. По словам Н. К. Крупской, «плехановские нервы не выдержали скандала, устроенного меньшевиками, он заявил: „Не могу стрелять по своим“». Оправдывая свой шаг перед присутствовавшими на собрании большевиков товарищами, Плеханов сказал: «Бывают моменты, когда и самодержавие вынуждено делать уступки». «Тогда и говорят, что оно колеблется», — сказала, как вспоминает Н. К. Крупская, Лиза Кнуньянц, на которую Г. В. Плеханов «метнул сердитый взгляд»²⁷.

После этого Плеханов сказал, что он выйдет из состава редакции «Искры» и из Совета партии. Заявление Г. В. Плеханова означало, что он отступил от своих прежних принципиальных позиций, переходил на сторону меньшевиков. На следующий день, 1 ноября 1903 г., В. И. Ленин обратился к Плеханову со следующим письмом: «Дорогой Г. В.! Никак я не могу успокоиться по поводу волнующих нас вопросов. Это промедление, отсрочка решения — нечто ужасное, пытка...

Я, право же, вполне и вполне понимаю Ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче *гораздо* *вернее*, чем война с мартовцами. Это не парадокс. <...>

Ради единства, ради прочности партии — не берите Вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам»²⁸.

Вечером того же дня В. И. Ленин написал заявление о выходе из редакции «Искры». Что же касается Плеханова, то он тогда же начал переговоры с меньшевиками и единоличным решением кооптировал в состав редколлегии «Искры» Аксельрода, Засулич и Потресова. Разрыв Плеханова с большевиками вызвал бурю восторга в рядах их противников. Владимир Ильич тяжело переживал переход Плеханова в лагерь меньшевиков. 4 ноября 1903 г. он писал, что «Плеханов жалко струсил раскола и борьбы! Положение отчаянное, враги ликуют и обнаглели, наши все в бешенстве. Плеханов грозит бросить все немедленно и способен сделать это»²⁹.

Выше говорилось, что В. И. Ленин прилагал немало усилий, чтобы ликвидировать раскол в рядах РСДРП. Но, проявляя удивительную терпимость и редкий такт в отношении противников, он ни на йоту не допускал мысли о том, что объединение возможно за счет каких-то принципиальных уступок. Плеханов же, не найдя в себе сил пойти на разрыв с бывшими единомышленниками, делал поворот на 180 градусов по сравнению с прежней политической позицией.

Перемена в позиции Г. В. Плеханова окончательно показала всю глубину различия между Г. В. Плехановым и В. И. Лениным как политическими деятелями.

лями. Это сразу же отразилось и на отношении к В. И. Ленину и Г. В. Плеханову со стороны членов партии — большевиков, ставших свидетелями перехода Г. В. Плеханова на меньшевистские позиции. М. М. Эссен вспомнила, как уже в 1904 г. В. И. Ленин послал ее к Г. В. Плеханову договориться о совместном издании листка, посвященного 1 Мая. Миссия Эссен окончилась неудачно, о чем она рассказывала следующее: «Я говорила спокойно и осторожно, ибо имела задание Ленина не раздражать Плеханова, а постараться заинтересовать его нашей работой. Но Плеханов пришел в ярость. Больше всего его возмутило, что партия считает Ленина блестящим теоретиком. Конечно, мои дипломатические способности были довольно слабы, да никакой дипломатии и не нужно было. Плеханов, привыкший считать себя центральной фигурой в партии, не допускал и мысли о том, что кто-то может стать рядом с ним или иметь свое мнение. Владимир Ильич расспрашивал меня подробно, заставляя повторять, что сказал Плеханов. Сравнивая эти две фигуры, такие крупные, яркие, одаренные, всегда видишь разницу характеров. Ничто личное, мелкое не доходило до Ленина. Он любил и ценил Плеханова и неизменно возвращался к мысли о том, что его нужно сохранить для партии. А Плеханов? Он точно боялся «соперничества», никого не признавал рядом с собой. С ним нельзя было говорить, как с равным. Плеханов как-то жаловался, что его одолевают умники, которые приходят к нему и нудно, тягуче, длинно излагают свои теории, от которых веет затхлым чеховским провинциализмом. Это зло, но верно, и виноват в этом был сам Плеханов. Конечно, товарищи тянулись к нему, но их встречал такой холодный прием, такое подчеркнутое превосходство, что и неглупый человек терялся, начинал лепетать всякие несуразности, чтобы показать, что и он не чужд разных теорий»³⁰.

Эссен полагала, что Г. В. Плеханов, сам того не желая, отпугивал от себя товарищей, поскольку «своей манерой держаться он ставил грань между собой и другими членами партии»: «Он как бы говорил: «Я — автор «Монистического взгляда на историю» и целого ряда ученых трудов и монографий, а вы — просто ученики и слушатели». И когда Плеханов чувствовал, что ему благоговейно внимают, он становил-

ся изумительно милым, доступным, блестящим собеседником... трудно передать, до чего он бывал тогда блестящ, остроумен и ярко интересен... Всю свою эрудицию, исключительную начитанность, широту энциклопедиста, юмор, ораторское искусство — все он вкладывал в свою речь. Начитанность Плеханова поражала. Особенно хорошо он знал XVIII и XIX века. Энциклопедисты были им изучены полностью, и ум его находил больше всего пищи и удовлетворения в изучении философов и мыслителей того времени. И сам он, со своими вкусами, энциклопедичностью, был бы блестящей фигурой именно той эпохи».

Вождем совсем другого типа был Ленин. Сопоставляя его с Плехановым, Эссен писала: «Не то Ленин. Весь ушедший с головой в организацию рабочего класса, поставивший целью своей жизни создать партию, которая действительно могла бы повести пролетариат к победе над самодержавием и капитализмом, он по камешку сколачивал эту партию. Тысячами нитей Ленин был связан с партией, с рабочим классом. У него подход к людям был совсем иной, чем у Плеханова. Он, как хороший хозяин, подбирал все, что годилось для стройки. Иногда поражало, до чего Ленин был внимателен и терпелив с каждым товарищем. С Лениным никто не старался казаться умным, говорить о высоких материях, становиться на носки. Он видел человека насквозь, и каждый чувствовал, что с Ильичем надо говорить только просто, щеголять не нужно». Эссен, которой много раз приходилось присутствовать при беседах В. И. Ленина с товарищами, поражалась тому, «с каким доверием и вниманием он всех слушал». По мнению Эссен, «это был такт большого человека: ободрить работника, поднять в нем веру в свои силы, зажечь бодростью и энергией». По ее предположению, «исключительный успех и влияние Ленина» заключались в том, что «он умел, как никто, воодушевить волей к работе, и человек, соприкоснувшись с ним, трудился с удесятенной энергией». Под влиянием Ленина «каждый чувствовал, что у него точно крылья выросли»³¹.

В. И. Ленин, который боролся за сплочение рядов сторонников большинства, приложил немало усилий, чтобы переубедить Плеханова, повернувшего в сторо-

ну меньшевиков. Он написал несколько писем Плеханову, встречался с ним сам, всячески стараясь убедить в совершенной ошибке. Плеханов нанес партии серьезный урон. Он не только сам поддержал меньшевиков, но и открыл им дорогу сначала для захвата в свои руки Центрального Органа партии — редакции «Искры», а впоследствии и других центральных организаций партии. После этого меньшевистская оппозиция стала предъявлять все новые требования. Она добивалась для себя мест в Центральном Комитете, места в Совете партии, признания законными постановлений съезда Лиги. Те уступки, на которые соглашался Ленин, меньшевиками отвергались. «Мира никакого не получалось. Уступка Плеханова окрылила оппозицию»³², — писала Н. К. Крупская.

Пропасть, разделявшая меньшевиков и большевиков, росла. В № 53 «Искры» было помещено сообщение о выходе В. И. Ленина из ее редакции. В конце ноября В. И. Ленин написал в «Искру» открытое письмо «Почему я вышел из редакции „Искры“?», но меньшевистская редакция отказалась его опубликовать. В декабре 1903 г. письмо Ленина было издано отдельным листком. Яростные нападки меньшевиков, их намерение захватить центральные организации партии, переход Плеханова в меньшевистский лагерь не обескуражили Владимира Ильича. Его твердость и решимость бороться поддерживались не только благодаря его непреклонной вере в правоту дела, отстаиваемого большинством партии, но тесной связью с революционной работой в России, где именно большевики завоевывали на свою сторону все больше сторонников. Касаясь событий конца 1903 г., Крупская писала: «Тем временем в России также шла борьба. Большевистские делегаты делали доклады о съезде. Принятая на съезде Программа и большинство резолюций съезда были встречены местными организациями с большим удовлетворением. Тем непонятнее казалась им позиция меньшевиков. Принимались резолюции с требованием подчинения постановлениям съезда... из России писали ободряющие письма. Комитеты один за другим становились на сторону большинства»³³.

В первой половине ноября приехал из России в Женеву Г. М. Кржижановский (Клэр)³⁴. Избранный на II съезде РСДРП членом Центрального Комитета,

Кржижановский, как уже упоминалось, жил в Киеве, где находилась и основная ячейка ЦК. Кржижановский вспоминает, что был «в самом деятельном контакте с женевским центром». По его словам, на работавших вместе с ним товарищей «тягостное впечатление» произвело сообщение о том, что после II съезда произошел раскол в «шестерке» (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Ленин, Мартов, Потресов), «причем Владимир Ильич, первенствующая и решающая роль которого в редакции центрального органа для нас была давно ясна, должен был очутиться в полнейшем одиночестве»³⁵. Полагая возможным преодолеть раскол и помочь восстановлению единства, Кржижановский, добыв нелегальный паспорт, выехал в Женеву. О своей миссии он впоследствии писал так: «Судьба на этот раз была крайне немилостива ко мне и уготовила для меня, еще не разорвавшего со специфическим практицизмом той нашей революционной российской обстановки... крайне неблагоприятную буферную роль. Я стал напрягать поистине величайшие усилия в целях примирения недавних друзей».

Ленин умел в столь сложной и неблагоприятной обстановке сохранять и твердость своих убеждений и предельно терпимое отношение к товарищам, имевшим отличную от него точку зрения. «Владимир Ильич при всей удивительной цельности своего внутреннего «я» был, по сути дела, на редкость скромным и несамовлюбленным человеком. Вспоминаю, что один из моих споров с Владимиром Ильичем затянулся до глубокой ночи. Зная, какое значение он придает нуждам именно нашей, российской революционной практики, я старался убедить его в необходимости примирения, обрисовывая убийственное значение раскола именно для этой практики» — так описывал Г. М. Кржижановский одну из своих бесед с В. И. Лениным. При этом у Г. М. Кржижановского сложилось впечатление, что В. И. Ленин остался в одиночестве: «Наконец,— говорил я,— обратите внимание, Владимир Ильич, какая получается ситуация. Ведь, по сути дела, все, решительно все против вас! Даже среди тех немногих лиц, которые голосуют с вами, на мой взгляд, находятся такие, которые делают это главным образом по личной преданности вам. Выходит так, что вы один против всех». При подобном

настроении Кржижановский с удовлетворением воспринял «некоторое перемирие между Лениным, Плехановым и Мартовым». «Личной спайке этих лиц я придавал особое значение, и личный момент, казалось, был улажен». Вернувшись вскоре после этого в Киев, он «уверял своих киевских друзей, что опасность раскола миновала и что наша старая «Искра» по-прежнему „непобедимая армада“»³⁶.

Однако очень скоро Г. М. Кржижановский разочаровался в своих надеждах, о чем прямо и сказал в мемуарах: «Увы! Прошло еще несколько недель, и мы получили в Киеве целый ряд писем из-за границы с приложением надлежащей литературы, которые свидетельствовали о бесповоротном разрыве между сторонами. Бой вновь разгорелся по всей линии стой лишь разницей, что обе стороны изрядно и поделом поливали меня за мою «болотную» попытку, а дальнейшие события наглядно показали, что зорким в историческом смысле оказался действительно только один Владимир Ильич»³⁷.

Рассуждая о присущей Ленину способности предвидеть пути развития политической борьбы, Кржижановский писал: «Если гениальность заключается именно в предвидении событий, когда таковые познаются за много и много лет до понимания их сущности обычной массой средних людей, то именно в этом раннем распознавании революционного грехопадения меньшевиков с особой наглядностью сказалась гениальная историческая прозорливость Владимира Ильича». Кржижановский подчеркивает осознание Лениным на самом раннем этапе истории РСДРП того факта, что «большевизм и меньшевизм представляли два диаметрально противоположных восприятия объективной сущности вещей». Глубокое противоречие, разделявшее меньшевиков и большевиков, «с непреложной ясностью», по словам Г. М. Кржижановского, «выявилось лишь с дальнейшим течением событий, лишь по мере того, как росли и ширились баррикады народных восстаний на равнинах России»³⁸. В. И. Ленин уже тогда ясно понял, что дальнейшая борьба за создание подлинно революционной партии русского пролетариата неразрывно связана с необходимостью идейного разоблачения и организационного разгрома меньшевиков.

2. Борьба за партию, борьба за революцию

В. И. Ленина в борьбе с меньшевиками ободряли не только известия о росте числа партийных комитетов в России, поддерживавших линию большинства. Его уверенность в успех дела росла и под влиянием бесед с товарищами, приезжавшими в Женеву и примыкавшими к ленинской позиции. В числе их Н. К. Крупская называет Ц. С. Зеликсон-Бобровскую, М. М. Эссен, М. С. Ольминского³⁹. Как ни омрачали меньшевики жизнь В. И. Ленину и его сторонникам в конце 1903 г., большевики встречали новый, 1904 г. с оптимизмом и уверенностью в победе. Ц. С. Зеликсон-Бобровская вспоминает, как большевистская колония в Женеве провела канун Нового года: «Наступающий новый год, говорил нам Владимир Ильич, принесет дальнейший подъем революционного движения в нашей стране, он поведет нас к решающим битвам, а потому, давайте, товарищи, как-нибудь весело проведем новогоднюю ночь. И вот целой группой отправились мы в оперу, на «Кармен». После спектакля зашли в наше излюбленное кафе «Ландольт», выпили по кружке пива или чашке кофе и отправились бродить по ярко освещенным в эту ночь улицам Женевы, где происходил традиционный новогодний карнавал... Шагая по площади Плен Пале, набрали мы на группу меньшевиков, с которыми уже не здороваемся. Из их рядов кто-то ехидничает по нашему адресу: «Твердокаменные пошли!», а мы вдогонку им: «Дорогу мягкотелым!» Как-то особенно радостно было нам всем в ту новогоднюю ночь. С нами был Владимир Ильич...»⁴⁰.

В начале 1904 г. появилась возможность направить несколько большевистских работников в Россию. Первым поехал туда Н. Э. Бауман. Ему предстояло создать в Москве Русское бюро ЦК. Этот новый большевистский центр должен был, с одной стороны, собирать информацию о положении дел на местах, а с другой — помогать доводить указания В. И. Ленина до местных партийных организаций. Уехавший вслед за Бауманом М. М. Литвинов должен был наладить транспортировку через границу большевистской литературы, распределение ее на местах, а также обеспечить нелегальный переход границы тем, кто не мог

пересечь ее легальным путем. На Кавказ отправился В. Бобровский.

1904 г. стал временем напряженной подготовки к созыву очередного III съезда РСДРП. Идея о необходимости созвать III съезд появилась у Ленина еще в конце 1903 г. 27 ноября (10 декабря) 1903 г. он в письме к членам ЦК в Россию выдвигает требование созыва III съезда партии⁴¹.

К концу 1903 г.— началу 1904 г. определилось отношение большинства местных комитетов к решениям II съезда РСДРП. Местные комитеты принимали резолюции солидарности с решениями II съезда. Эти резолюции были серьезной поддержкой большевикам, самому Ленину. Н. К. Крупская, которая стала секретарем Заграничного отдела ЦК РСДРП, настойчиво добивалась от товарищей на местах, чтобы они присылали такие резолюции. Комитеты ответили на ее просьбу. Первой пришла резолюция Петербургского комитета. За ней последовали резолюции солидарности от Московского, Тверского, Северного, Тульского и других комитетов. К концу 1903 г. из 14 комитетов, имевших право участвовать в работе съезда и высказавших свое отношение к положению дел в партии, 12 поддержали В. И. Ленина⁴².

За границей же, особенно в Женеве, меньшевики еще больше накаляли атмосферу. Чем весомее получали большевики поддержку из России, тем более разнузданно вели себя оппортунистические лидеры в эмигрантских кругах. Измученный постоянными нападками своих противников, В. И. Ленин по настоянию Н. К. Крупской в январе 1904 г. совершил вместе с ней и Ф. В. Ленгником небольшое путешествие на велосипедах в горы. В письме М. А. Ульяновой Владимир Ильич описал эту «прекраснейшую прогулку на Салэв»⁴³.

Вернувшись после этого непродолжительного отдыха в Женеву, Ленин участвует в заседаниях Совета партии. Он протестует против принятия Советом резолюции Плеханова о кооптации меньшевиков в Центральный Комитет, предлагает обсудить вопрос о созыве III съезда партии, трижды выступает с речами и вносит проект резолюции по этому вопросу⁴⁴. 18(31) января В. И. Ленин пишет письмо в ЦК в Россию. Он сообщает, что сессия Совета партии приняла по основным вопросам меньшевистское решение

и обращается с требованием к членам ЦК решительно бороться за немедленный созыв III съезда.

В. И. Ленин настойчиво разъяснял самому широкому кругу членов партии существо разногласий между большевиками и меньшевиками. Особое внимание в этот период Владимир Ильич уделил освещению споров по организационным вопросам. Во второй половине января — в феврале 1904 г. он начинает подготовительную работу над книгой, которая под названием «Шаг вперед, два шага назад» выйдет в свет в начале мая 1904 г.⁴⁵ Книга Ленина в условиях, когда «Искра», Центральный Орган партии, оказалась захваченной меньшевиками, должна была показать как членам партии, так и широким кругам пролетариата всю опасность меньшевизма для революционной рабочей партии, для революционного движения. Труд Ленина «Шаг вперед, два шага назад» содержал дальнейшее развитие важных положений, уже изложенных в ленинских работах, вышедших вскоре после II съезда. Среди работ, предшествовавших книге «Шаг вперед, два шага назад» следует прежде всего назвать упоминавшееся выше письмо «Почему я вышел из редакции „Искры“?», в котором Ленин писал, что «споры о параграфе 1 устава партии и о выборе центров показывают отчетливо характер этого расхождения: меньшинство искровцев (с Мартовым во главе) сплачивает вокруг себя постепенно большее и большее число неискровцев...»⁴⁶.

В написанной вскоре после вышеназванного письма статье «Заметка о позиции новой „Искры“» Ленин подчеркнул, что «причина расхождения лежала именно в *повороте мартовцев к болоту*»⁴⁷. Этот поворот ясно выразился при голосовании первого параграфа Устава партии. Ленинское указание на принципиальный характер расхождений между большевиками и меньшевиками было особенно актуально еще и потому, что меньшевистские авторы поспешили в искаженном свете представить причины раскола в партии. Так, Мартов объяснял разделение на большевиков и меньшевиков личными обидами⁴⁸, а Аксельрод в качестве главной причины раскола называл недоразумение⁴⁹.

В книге «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин убедительно показал закономерность победы большевиков. На основе протоколов II съезда В. И. Ленин тщательно проанализировал ход прений

и голосования. Он составил диаграмму голосований, в которой показал разделение голосов при принятии решений, выделив четыре основные группы участников съезда: искровцы большинства, искровцы меньшинства, «центр», антиискровцы. В. И. Ленин показал, что меньшевики являются противниками партии как организующей силы в рабочем движении. Развивая дальше марксистское учение о партии как руководящей силе, без которой невозможно совершить социалистическую революцию и построить социалистическое общество, Ленин писал, что у пролетариата в его борьбе за власть нет иного оружия, кроме организации. Он разъяснял, что партия сможет успешно руководить борьбой пролетариата лишь при условии, что составляющие ее члены будут объединены в один отряд, спаянный единством воли, действий и дисциплины. В. И. Ленин напоминал, что партия должна быть вооружена революционной теорией, постоянно поддерживать и усиливать связь с массами рабочего класса. Книга «Шаг вперед, два шага назад» содержала разработку твердых норм партийной жизни, принципов партийного руководства. В. И. Ленин подчеркивал, что все члены партии должны строго соблюдать требования устава, единую партийную дисциплину, принцип подчинения меньшинства большинству, низших организаций высшим, выборности партийных органов и их отчетности, развивать активность партийных масс, критику и самокритику.

В то время как разработанные В. И. Лениным организационные принципы построения партии получали все более широкую поддержку партийных масс, меньшевистские лидеры продолжали интриги, направленные против В. И. Ленина. Они прилагали еще большие усилия к захвату руководящих органов партии. В ноябре 1903 г. В. И. Ленин был кооптирован в состав ЦК РСДРП. Одновременно он стал представлять ЦК и в Совете партии. Ленин и до этого входил в Совет партии, но был там представителем Центрального Органа, то есть «Искры», из редакции которой теперь вышел. Сам Совет партии согласно принятому на II съезде партии Уставу был создан как высшая партийная инстанция, согласовывавшая и объединявшая деятельность Центрального Комитета и редакции ЦО. Совет должен был восстанавливать ЦК и редакцию ЦО в случае выбытия всего состава

одного из этих учреждений. На Совет возлагалось также представительство партии в сношениях с другими партиями. Обязанностью Совета был созыв партийных съездов.

После разрыва Плеханова с большевиками и передачи редакции «Искры» в руки меньшевиков Совет партии превратился в орудие фракционной борьбы меньшевиков против большевиков. Но и в этом Совете В. И. Ленин решительно разоблачал раскольническую деятельность лидеров меньшевизма. Впоследствии в связи с принятием нового Устава на III съезде РСДРП Совет партии был упразднен.

В то время как В. И. Ленин в Совете партии и Центральном Комитете последовательно отстаивал проведение в жизнь решений II съезда РСДРП, защищал принципы партийности и боролся против кружковщины, отдельные члены ЦК заняли примиренческую по отношению к меньшевикам позицию. Особенно осложнилось положение в ЦК летом 1904 г. Сторонники В. И. Ленина Ленгник и Эссен выехали по его поручению в Россию и там были арестованы. Р. С. Землячку, поддерживавшую Ленина, примиренцы без законных оснований вывели из состава ЦК. Гусаров устранился от работы. Оставшиеся в ЦК Носков, Гальперин и Красин стояли на примиренческой позиции. В июле 1904 г., воспользовавшись отсутствием Ленина, они за его спиной устроили заседание, на котором приняли постановление, известное под названием «июльской декларации». Смысл декларации, призывавшей к примирению с меньшевиками, сводился к позорной капитуляции.

Из 26 пунктов декларации в номере 72 «Искры» были опубликованы только девять. В. И. Ленин, возмущенный тем, что от партии скрывают решения ее руководящего органа, написал в «Искру» свой протест⁵⁰. В условиях, когда комитеты в России стояли на стороне большевиков, а в ЦК примиренцы вели двойственную политику, мысль о III съезде, уже ранее высказанная В. И. Лениным, требовала своего немедленного претворения в жизнь. Не мог В. И. Ленин оставить без ответа и «июльскую декларацию». Он собирает в августе 1904 г. совещание, на котором присутствуют 22 большевика. Совещание принимает обращение «К партии», которое становится программой борьбы за созыв III съезда. В обращении

В. И. Ленин писал об обстановке в партии, возникшей из-за дезорганизаторской деятельности меньшевиков: «Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах»⁵¹. Такое положение В. И. Ленин считал нетерпимым, тем более, что «исторический момент», по его словам, предъявлял к партии «такие громадные требования, как никогда раньше»⁵².

Исторический момент, по мнению В. И. Ленина, состоял в следующем: «Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия»⁵³. Таким образом, В. И. Ленин указывал на симптомы приближающегося революционного взрыва. Он предсказывал близкий «позорный конец позорной войны» (речь идет о русско-японской войне.— *Авт.*), долагая, что тот «удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием»⁵⁴. Тем самым В. И. Ленин напоминал о близости революции в России и о той ответственности, которая ляжет на партию в ходе революционной борьбы. Для того чтобы удовлетворять этим требованиям, партия, по словам В. И. Ленина, должна была покончить с кризисом, в который она была ввергнута раскольнической деятельностью меньшевиков. В. И. Ленин подчеркивал, что меньшевики наиболее сильны в заграничных организациях, в то время как «Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций»⁵⁵. Наряду с разъяснением существа разногласий с меньшевиками, гибельности для партии и революции их деятельности В. И. Ленин предпринимает также ряд шагов для противодействия захваченным оппортунистами и примиренцами центральным организациям. В частности, по инициативе В. И. Ленина было положено начало созданию Бюро комитетов большинства (БКБ) —

руководящего органа, в который вошли представители большевистских комитетов.

В. И. Ленину приходилось в это время заниматься налаживанием революционной борьбы большевистских организаций в России, внутрипартийными спорами, журналистской деятельностью и многим, многим другим. И все же В. И. Ленин умел выкроить время для отдыха, чтобы набраться свежих сил. «Владимир Ильич не был аскетом: он любил жизнь во всей ее многогранности»,— вспоминала М. М. Эссен. Когда выдавалось время для отдыха, Ленин умел его использовать. Особенно любил он, живя в Швейцарии, прогулки и путешествия. М. М. Эссен так рассказывала о предпринятой в начале июля 1904 г. прогулке, в которой она приняла участие вместе с В. И. Лениным и Н. К. Крупской: «Доехали на пароходе до Монтрё. Побывали в мрачном Шильонском замке— в темнице Бонивара,— так красочно описанном Байроном. („На лоне вод стоит Шильон...“) Видели столб, к которому был прикован Бонивар, и надпись, сделанную Байроном. Из мрачного sklepa вышли и сразу ослепли от яркого солнца и буйной, ликующей природы. Захотелось движения. Решили подняться на одну из снежных вершин». Н. К. Крупская, устав, осталась ждать внизу, а В. И. Ленин и М. М. Эссен продолжали путь. Поднявшись на гору, М. М. Эссен была поражена красотой пейзажа: «Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!» Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы «не портить пейзажа». И Владимир Ильич шел, был весел и жизнерадостен, очевидно выбросил из головы всех меньшевиков и бундовцев, но вот он на минутку присел, и мысль заработала в прежнем порядке»⁵⁶. Во второй половине июня Ленин с Крупской совершили небольшое путешествие по Швейцарии, побывали в Лозанне⁵⁷. Более длительный отдых Ленин позволил себе в конце июля—августе 1904 г. Этому предшествовало время напряженной борьбы с меньшевиками, которое Крупская назвала «периодом безысходной склоки». В. И. Ленин и Н. К. Крупская решили переменить обстановку, «взяли мешки и ушли на месяц в горы»⁵⁸.

Вместе с ними пошла и М. М. Эссен, по скоро отстала, сказав: «Вы любите ходить там, где ни одной кошки нет, а я без людей не могу». По этому поводу Н. К. Крупская замечала: «Мы, действительно, выбирали всегда самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей. Пробродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали. Деньжат у нас было в обрез, и мы питались больше всухомятку — сыром и яйцами, запивая вином да водой из ключей, а обедали лишь изредка».

В одном трактирчике, принадлежавшем социал-демократу, какой-то рабочий посоветовал Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне: «Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шоферами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее». В. И. Ленин и Н. К. Крупская последовали этому совету. «И Владимир Ильич с особенным удовольствием шел обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно похваливал дешевый и сытный обед. А потом мы одевали наши мешки и шли дальше», — вспоминала Н. К. Крупская. Мешки, как свидетельствует Н. К. Крупская, «были тяжеловаты»: в мешок Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, в мешок Надежды Константиновны «столь же тяжелая французская книга», которую перед этим она получила для перевода. «Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия, — признавалась Н. К. Крупская, — не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады»⁵⁹. Путешествие пошло Ленину на пользу: «После месяца такого времяпрепровождения нервы у Владимира Ильича пришли в норму, — вспоминала Надежда Константиновна. — Точно он умылся водой из горного ручья и смыл с себя всю паутину мелкой склоки». Затем В. И. Ленин и Н. К. Крупская поселились под Лозанной в «глухой деревушке» у озера Лак-де-Бре неподалеку от станции Шебр. Здесь они уже были не одни. Там же жили М. С. Ольминский, А. А. Богданов, Первухин.

Отдых все более перемежался с заботами о партийных делах. «С Богдановым сговорились о плане работы; к литературной работе Богданов намечал

привлечь Луначарского, Степанова, Базарова. Наместили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию за съезд» — таков краткий перечень планов, намеченных в Лак-де-Бре при участии В. И. Ленина, приведенный в воспоминаниях Н. К. Крупской. Несмотря на все трудности, перед большевиками открывались новые перспективы в развертывании революционной борьбы. Усилия В. И. Ленина, направленные на то, чтобы защитить линию большинства, принятую на II съезде РСДРП, оказались не напрасными. К концу пребывания в деревне, вспоминала Крупская, «Ильич совсем повеселел»⁶⁰.

Когда Ленин и Крупская, отдохнув в горах, осенью 1904 г. вернулись в Женеву, они переменили квартиру, переехав из предместья, каким был Сешерон, ближе к центру. В сентябре они поселяются сначала на улице Каруж, 91⁶¹, а затем переезжают на улицу Давида Дюфура, 3⁶². В среде русских эмигрантов эту улицу называли «Давидкой». Л. А. Фотиева пишет о «скромной квартире из двух комнат (каждая в одно окно) и кухни». «В одной комнате жили Надежда Константиновна с матерью, в другой — Владимир Ильич. Обставлены обе комнаты были очень скромно, как квартира простого рабочего. В комнате Владимира Ильича стояли железная кровать с мочальным матрасом, небольшой стол и два или три стула. Здесь Владимир Ильич принимал товарищей, приезжавших из России, беседовал с ними, а работал он в общественной библиотеке и в «Société de Lecture» («Общество любителей чтения». — *Авт.*), где были очень хорошие условия для этого»⁶³. Рассказ Фотиевой об «Обществе любителей чтения» дополняет Крупская. По ее словам, там «была громадная библиотека..., получалась масса газет и журналов на французском, немецком, английском языках. В этом „Société de Lecture“ было очень удобно заниматься, члены общества — по большей части старички-профессора — редко посещали эту библиотеку; в распоряжении Ильича был целый кабинет, где он мог писать, ходить из угла в угол, обдумывать статьи, брать с полки любую книгу». Важным преимуществом этой библиотеки Крупская считала еще и то, что в ней, кроме Ленина, почти не бывали другие русские эмигранты. Ленин, по ее словам, «мог быть спокоен, что сюда не придет ни один русский товарищ и не станет расска-

зывать, как меньшевики сказали то-то и то-то и там-то подложили свинью. Можно было, не отвлекаясь, думать»⁶⁴. Фотиева свидетельствует, что В. И. Ленин «уходил туда с утра и возвращался к обеду». По ее же воспоминаниям, «обедали „Ильичи“ в 4 часа дня». Иногда и Фотиева, приняв радушные приглашения, обедала вместе с ними. «Владимир Ильич был обычно весел, шутил, поддразнивал Елизавету Васильевну (мать Н. К. Крупской), уверяя ее, что самое большое наказание для двоеженцев — две тещи. Ни за обедом, ни за чаем Владимир Ильич не вел деловых разговоров, ел с аппетитом, никогда не предъявляя никаких претензий и, казалось, не разбирался в том, что ест». После обеда Ленин «уходил снова до вечернего чая»⁶⁵.

Во второй половине ноября 1904 г. В. И. Ленин предпринимает поездку в Париж, Цюрих, Берн для того, чтобы познакомить товарищей со своим рефератом о внутрипартийном положении. В реферате В. И. Ленин обличал меньшевиков за их оппортунизм в организационных и тактических вопросах⁶⁶. 19 ноября (2 декабря) Ленин отправляется на собрание русских политических эмигрантов. До выступления с чтением своего реферата он встречается с А. В. Луначарским и рассказывает ему о положении, сложившемся внутри партии. А затем по реферату В. И. Ленина разворачиваются прения, которые, не будучи завершены 19 ноября, продолжаются 21-го (4 декабря нов. ст.). Ленин внимательно следит за прениями, ведет их запись⁶⁷. Из Парижа В. И. Ленин послал в Женеву письма В. Д. Бонч-Бруевичу и Н. К. Крупской. Оттуда же он написал письмо (которое затем было переслано через Н. К. Крупскую) в Россию А. А. Богданову, Р. С. Землячке и М. М. Литвинову. В письме он критиковал этих и других товарищей за недостаточно энергичную помощь в создании большевистского органа за границей. Ленин просил организовать в России сбор денежных средств для этого органа, выступил против идеи создания печатного органа в России. В этом же письме В. И. Ленин решительно осудил возможность каких-либо сделок с ЦК, настаивал на немедленном разрыве большевистских комитетов с примиренческим ЦК и Советом партии, требовал координации всех действий с ОК или Бюро комитетов большинства⁶⁸.

22 ноября (5 декабря) Ленин выехал из Парижа в Цюрих. Здесь он также прочел реферат. 26—27 ноября (9—10 декабря) В. И. Ленин возвратился в Женеву⁶⁹. Борьба за партию, за III съезд продолжалась.

3. Предвестники бури

Противоречия между большевиками и меньшевиками проявлялись не только по отношению к принципам построения партии и ее задачам, но и в отношении к либеральному буржуазному движению. Напомним, что после выхода в свет в июне 1902 г. заграничного либерального журнала «Освобождение», в Москве в ноябре 1903 г. прошел съезд земцев-конституционалистов, а в январе 1904 г. оформился и «Союз освобождения». На выступления буржуазных либералов, не шедших дальше выставления требований введения конституционной монархии, министр внутренних дел В. К. Плеве отвечал репрессиями. Общая политическая обстановка в стране, особенно после начавшейся в январе 1904 г. русско-японской войны, все более обострялась. Важное значение имел также быстрый рост рабочего движения. Стачки приобретали небывалые масштабы. В этих условиях со стороны правительства наметилась перемена в отношении к земской оппозиции. Ей предшествовал ряд событий.

В июле 1904 г. эсером Е. Сазоновым был убит В. К. Плеве. Новым министром внутренних дел был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский. Непримиимый противник революции, он в то же время понимал необходимость гибкого лавирования по отношению к буржуазным либералам. С согласия Николая II Святополк-Мирский провозгласил начало эпохи «доверия правительства и общества». Он фактически легализовал земское движение и в ноябре 1904 г. разрешил проведение земского съезда в Петербурге. Благодаря этому осень 1904 г. стали называть «весной» земско-либерального движения. Буржуазные либералы быстро оживились и смогли использовать преднамеренные уступки Святополк-Мирского. Сами же эти уступки явились следствием подъема рабочего движения.

Ноябрьский земский съезд 1904 г. раскололся.

Большинство его сплотилось на платформе требований всеобщего избирательного права и двухпалатного законодательного парламента. Меньшинство же считало эти начала не соответствующими «русским традициям» и высказывалось лишь за созыв законосовещательного учреждения. Оба мнения были доведены до сведения министра внутренних дел. Буржуазные либералы по призыву «Союза освобождения» ответили на «эпоху доверия» земской, или «банкетной», кампанией. На состоявшихся в столичных и провинциальных городах многочисленных собраниях за банкетными столами произносились речи с призывами к введению конституции, принимались обращения к верховной власти. В них говорилось о введении всеобщего избирательного права, созыве законодательных палат, введении гражданских свобод. Но подлинной целью либералов было уговорить власть пойти на уступки, чтобы предотвратить неминуемую революцию в России.

В этих условиях важно было показать истинный смысл этого движения, определить отношение к нему со стороны пролетарской партии. Меньшевики при этом полностью продемонстрировали свой оппортунизм. Изложив в письме к партийным организациям свою тактику по отношению к земско-либеральному движению, меньшевистская редакция «Искры» увидела главную задачу в том, чтобы придать «побольше храбрости» либеральной оппозиции, привлечь внимание либералов к требованиям, которые выдвинет возглавляемый социал-демократией пролетариат в надежде, что затем они и сами к ним присоединятся. В силу такого подхода меньшевистской редакции «Искры» к деятельности оппозиционно настроенных либеральных элементов практическая деятельность социал-демократии в представлении меньшевистских лидеров должна была свестись к тому, чтобы проводить демонстрации рабочих у зданий, где происходили заседания земских деятелей и политические банкеты, предупреждать при этом представителей земств о готовящихся демонстрациях, организаторам демонстраций вступать при возможности в соглашения с левыми элементами земского движения по некоторым вопросам.

Ленин быстро реагировал на предложения меньшевиков. В начале ноября (между 30 октября и 8 но-

ября (12 и 21 ноября) 1904 г. Ленину в руки попала листовка редакции «Искры» «Письмо к партийным организациям», в которой излагался план использования земской кампании для предъявления требований правительству. Тогда же Ленин начал работать над брошюрой «Земская кампания и план „Искры“»⁷⁰. В первой половине ноября (до 19(2) декабря 1904 г.) в женевском кафе «Казерн» он прочел для членов партии реферат на тему «Земская кампания и план „Искры“»⁷¹. Отдельная брошюра под тем же названием⁷² вышла в свет в Женеве в ноябре 1904 г.⁷³.

В этой работе Ленин не только вскрыл оппортунистическую сущность меньшевистского «плана», назвав его «бутафорски обставленным соглашением классов». Он проанализировал такое явление в общественно-политической жизни России, как земское движение, с позиций революционера, представляющего интересы пролетариата. Благодаря этому в ленинском освещении значение этого события приобрело совершенно иной смысл, чем в меньшевистской трактовке. Для меньшевиков оживление земского движения представлялось путем достижения конституции. Ленин же усмотрел в нем один из симптомов приближающейся революции. Новоискровцы, призывая «придать храбрости» земцам, предлагали сделать это за счет уменьшения храбрости пролетариата, которому рекомендовалось лишь устраивать мирные демонстрации перед земцами, поручая земцам свое представительство перед правительством. Ленин же ставил перед пролетариатом совсем другие задачи. Он призывал до конца развить его революционные возможности, подчеркивая, что «центральным фокусом и руководящей нитью должно быть для нас воздействие именно не на земцев, а на правительство». Главная критическая мысль Ленина, направленная против меньшевистского плана, была сформулирована им следующим образом: «И если мы способны оказать, на деле, а не на словах, «внушительное организованное воздействие на буржуазную оппозицию», то уж конечно не глупенькими «переговорами» о непроизведении панического страха, а только силой, силой массового отпора казакам и царской полиции, силой массового натиска, способного перейти в народное восстание»⁷⁴.

Подход меньшевиков к развернувшейся в России «банкетной» кампании, предпринятой земскими деятелями, свидетельствовал о том, что захватившие редакцию новой «Искры» оппортунистические элементы отнюдь не настроены наращивать революционные усилия пролетариата, готовы ограничиться более чем скромными уступками со стороны правительства, ограничить роль пролетариата оказанием поддержки земской оппозиции. В. И. Ленин же чутко реагировал на земское движение, как на новый симптом приближавшейся революции, решительно выступил против оппортунизма меньшевистских лидеров.

Либеральные деятели не дождались сколько-нибудь значительных уступок со стороны царского правительства. Они ждали в начале декабря указа, о котором ходили слухи как о первом шаге к созыву законосовещательного учреждения. Но указ от 12 декабря 1904 г. обещал лишь некоторые преобразования, которые к тому же должны были проводиться при «непременном сохранении незыблемости самодержавия». По совету председателя Комитета министров С. Ю. Витте и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Николай II вычеркнул из текста указа, подготовленного П. Д. Святополком-Мирским, третий пункт о созыве выборных. Надежды либералов потерпели крах. Вышедшее вместе с указом правительственное сообщение называло недопустимыми пожелания земцев о необходимости реформ внутреннего управления. Либеральная оппозиция оскорбленно затихла. Поведение земцев на этом этапе показало, насколько далеки они от серьезной борьбы с самодержавием, подтвердило правильность отношения В. И. Ленина к «банкетной» кампании.

Погруженный в напряженную борьбу с меньшевиками, занятый огромной теоретической и практической работой, направленной на подготовку III съезда РСДРП, Ленин продолжал одновременно не только изучать состояние русского революционного движения, внутривластную обстановку в России, но и внимательно следить за внешнеполитическими событиями. Важнейшим из них для России была разразившаяся в 1904 г. русско-японская война.

На фоне большого числа документов, связанных с партийными делами, на первый взгляд кажутся

Немногочисленными факты и материалы, свидетельствующие о том, с каким вниманием следил Ленин за военно-политической и дипломатической стороной русско-японской войны. Ленин сумел дать глубочайший анализ развития хода военных действий в тесной связи с обострением внутреннего кризиса и нарастанием революционной борьбы в России.

В январе 1904 г. японские миноносцы атаковали русские военные корабли на рейде Порт-Артура, положив тем самым начало русско-японской войне. Уже 27 января (9 февраля) 1904 г. В. И. Ленин выступил с речью, посвященной началу русско-японской войны⁷⁵. 3(16) февраля он написал листок ЦК РСДРП «К русскому пролетариату»⁷⁶. В нем Ленин разоблачил царское правительство, которое «зарвалось в своей политике военных приключений и грабежа соседних стран». Вскрывая несправедливый характер войны, Ленин писал: «Интересы алчной буржуазии, интересы капитала, готового продать и разорить свою родину в погоне за прибылью, — вот что вызвало эту преступную войну...». В написанном В. И. Лениным воззвании русскому рабочему не только убедительно разъяснялось, кем затеяна война и какие беды она несет трудящимся. В листке ЦК РСДРП, написанном Лениным, перед рабочими ставилась ясная задача: «...в ответ на бешеные военные клики, в ответ на «патриотические» манифестации холопов денежного мешка и лакеев полицейской нагайки сознательный социал-демократический пролетариат должен выступить с удесятеренной энергией с требованием: „Долой самодержавие!“, „Пусть будет созвано народное учредительное собрание!“»⁷⁷ Тем самым В. И. Ленин обращался к пролетариату с призывом свергнуть самодержавие, звал его к революционной борьбе.

С первых дней войны Ленин внимательно изучает вопросы, связанные с историей политических, дипломатических и военных акций, предпринимавшихся Россией, Японией, Германией, Англией и Францией на Дальнем Востоке.

В июле 1904 г. он составляет список книг из Женевской библиотеки на английском, французском и немецком языках по этим проблемам. На списке есть ленинское замечание о книге Георга Вегенера «По Китаю во время войны. 1900—1901 гг.» (Берлин, 1902 г.): «Почти ничего интересного, фельетонная болтовня»⁷⁸.

В октябре 1904 г. В. И. Ленин пишет библиографическую заметку о книге Пьера Жиффара «Рубль и пройдохи» (Париж, 1904), делает пометку: «NB» и другие записи, в частности, пишет: «Автор — репортер «Matin» отозван за резкость. Обличает подкупность, продажность чиновников, офицеров, двора в России etc. Был на войне». К тому же времени относится и библиографическая заметка Ленина о книге Гуго Ганца «Перед катастрофой. Впечатления о царской России». Ленин читает статьи о русско-японской войне, опубликованные в зарубежных газетах, делает записи, составляет список французских, немецких и английских книг о развитии морского судоходства и новинок литературы о Японии. В ноябре 1904 г. Ленин подготовил библиографические заметки о книжных новинках, составленные по сообщениям, содержащимся в немецких, французских и английских газетах. Был тогда же составлен В. И. Лениным и список английских книг о войне и французских книг и статей по вопросам экономики⁷⁹.

Внимание, проявленное В. И. Лениным к сообщениям в печати о русско-японской войне и об обстановке на Дальнем Востоке, показывает, с каким интересом следил В. И. Ленин за развитием событий. Оно также дает право сделать вывод о том, что военные действия в русско-японской войне Ленин тесно связывал с анализом кризисных явлений в России, выступивших наружу в связи с неудачами в Маньчжурии, с проявлением гнилости самодержавного строя.

В центре внимания В. И. Ленина события, свидетельствующие о неминуемом поражении царизма в войне. В декабре 1904 г. Ленин делает выписки (на русском и английском языках) из газеты «Таймс» от 16, 17 и 19 декабря 1904 г. о бедственном положении России, о выступлении матросов в Севастополе, о причинах поражения русской армии и флота в войне с Японией⁸⁰. Сделанные Лениным выписки затем будут им использованы в статье «Падение Порт-Артура». В этой же статье Ленин использует и заметки, сделанные им в конце декабря 1904 г. о сообщениях заграничной прессы по поводу падения Порт-Артура, а также выписки из «Таймс» и из других газет (английских и бельгийских). Тогда же В. И. Ленин составляет план статьи, посвященной падению Порт-Арту-

ра, и намечает ее отдельные положения⁸¹. Заметки и выписки, сделанные Лениным из газет, касаются не только обстоятельств падения Порт-Артура (в частности, стоимости русского флота, уничтоженного там), но и перспектив русской революции. Именно такой характер носили сделанные Лениным на немецком языке выписки из различных европейских газет за 4, 5, 6 января 1905 г.⁸².

Но еще до того, как статья «Падение Порт-Артура» появилась на страницах газеты «Вперед», В. И. Ленин дает отчетливую картину того положения, в котором оказался царизм. В упоминавшейся выше брошюре «Земская кампания и план „Искры“» В. И. Ленин писал: «Политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха, залог поддержки почина пролетариата, все ширится, растет и обостряется. Было бы очень неразумно поэтому, если бы теперь опять кто-нибудь вздумал кричать о немедленном штурме... Весь ход событий ручается за то, что царское правительство запутается в ближайшем будущем еще сильнее, озлобление против него станет еще более грозным. Правительство запутается неминуемо и в начатой им игре с земским конституционализмом...» Тем самым Ленин указывал на проблемы внутренней политики, которые свидетельствовали о том, что на фоне общего революционного возбуждения действия правительства только еще более усложняли его собственные позиции, заводили его в тупик. Поэтому-то В. И. Ленин был против призыва к немедленному штурму. Он полагал, что само правительство будет способствовать дальнейшему росту негодования и озлоблению широчайших масс. Новым, серьезнейшим поводом к усилению протеста В. И. Ленин считал развитие событий в ходе русско-японской войны. Он писал по этому поводу: «Правительство запутается неминуемо и в той позорной и преступной маньчжурской авантюре, которая несет с собой политический кризис и в случае решительного военного поражения и в случае затягивания безнадежной для России войны»⁸³.

Вскоре после выхода в свет в ноябре 1904 г. брошюры «Земская кампания и план „Искры“» в Женеве началось издание большевистской газеты «Впе-

ред». Это стало крупнейшим событием в жизни партии. «Вперед» стала выходить в дни, когда революция в России вот-вот должна была начаться. Газета сыграла большую роль в сплочении революционных сил, в обеспечении боевого единства рядов пролетариата. В этих условиях очень важно было дать отпор дезорганизаторским усилиям меньшевиков. На страницах газеты «Вперед» появились статьи и другие материалы, разоблачавшие оппортунизм меньшевиков, разъяснявшие необходимость созыва III съезда РСДРП.

«Направление газеты «Вперед» есть *направление старой «Искры»*. Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой „Искрой“»⁸⁴, — писал В. И. Ленин. Газета «Вперед», руководимая В. И. Лениным, внесла большой вклад в борьбу революционно-пролетарского политического направления против мелкобуржуазных и либерально-буржуазных элементов. В первом номере газеты была помещена статья В. И. Ленина «Самодержавие и пролетариат». Эта статья по времени ее выхода почти совпадает с днем капитуляции Порт-Артура. Акт о капитуляции Порт-Артура был подписан генералом Стесселем 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г. по новому стилю). Первый номер газеты «Вперед» датирован 4 января 1905 г. по новому стилю. Но из-за задержки набора газета фактически вышла на два дня позже — 24 декабря 1904 г. старого стиля (6 января 1905 г. — нового). Таким образом, она попала в руки читателей, которые уже знали о захвате японцами Порт-Артура. Что же касается момента написания статьи «Самодержавие и пролетариат», то он относится ко времени, относящемуся к кануну падения Порт-Артура. И тем не менее В. И. Ленин со всей определенностью констатировал военное поражение царизма, поставив его в прямую связь с судьбой революции в России, которая, по его словам, «всего более» оказывалась связанной с «ходом войны с Японией», которая «толкает на восстание пострадавшие народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв»⁸⁵. Еще не располагая сведениями о сдаче Порт-Артура, Ленин фактически предсказал также и последовавший почти полгода спустя разгром эскадры адмирала Рождественского. Более того, Лениным была дана общая картина

военного поражения России в войне с Японией: «Самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией, и всякая оттяжка только усилит и обострит поражение. Лучшая часть русского флота уже истреблена, положение Порт-Артура безнадежно, идущая к нему на помощь эскадра не имеет ни малейших шансов не то что на успех, но даже на то, чтобы дойти до места назначения, главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200 000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удешевление недовольства, брожения и возмущения»⁸⁶.

События ближайших дней подтвердили правильность прогноза, содержавшегося в ленинской статье. Во втором номере газеты «Вперед», вышедшем 1 (14) января 1905 г., была напечатана статья Ленина, озаглавленная «Падение Порт-Артура». Наряду с материалами, собранными Лениным еще в ноябре — декабре 1904 г., в ней содержались и последние сообщения с дальневосточного театра военных действий. Ленин развивал в статье положение, высказанное им на страницах предыдущего номера газеты «Вперед». Он писал, что после падения Порт-Артура эскадре Рождественского оставалось только «позорно вернуться вспять»⁸⁷. Констатируя, что царское правительство решило продолжать войну, Ленин решительно выступал против меньшевистской «Искры», которая «наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало», а «кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно «спекулировать» (!?) на победу японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие «независимо от того», кончится ли она победой или поражением самодержавия»⁸⁸. Далее в статье Ленина содержались слова, обращенные ко всему народу России и разъяснявшие ему, что «дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия», что это дело «много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка»⁸⁹.

Владимир Ильич подчеркивал революционизирующее значение поражения царизма в русско-японской войне. Он писал: «...мы всегда должны отмечать вели-

кую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий». В ленинской статье отчетливо говорилось о тесной связи военных неудач царизма с усилением недовольства и ростом революционных настроений: «Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу»⁹⁰. В статье «Падение Порт-Артура» не только раскрывалась тесная связь последствий войны с назреванием революционного взрыва. В ней содержались и новые аргументы в обоснование тактики большевиков. «Недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской»⁹¹. Ленин рассматривал военное поражение царизма на Дальнем Востоке прежде всего с точки зрения его значения для назревания революции.

Вместе с тем русско-японская война, другие события на Дальнем Востоке — только одна из проблем, которые занимают Ленина, поглощенного и многими другими заботами. Он много сил продолжает отдавать газете «Вперед». Кроме вышеупомянутой передовой «Самодержавие и пролетариат» в первом номере газеты «Вперед» были напечатаны и другие статьи Ленина: «О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов», «Пора кончить» и «Конференции комитетов». В последних числах декабря 1904 г. Ленин пишет письмо «Товарищу в России», в котором благодарит за обстоятельное письмо, резко критикует позицию меньшевистской «Искры» по вопросу об отношении к буржуазной демократии, сообщает о выходе первого номера газеты «Вперед», просит сообщать впечатления о газете и направлять побольше корреспонденций, особенно в рабочий отдел. В Женеву приходят первые письма, в которых содержатся приветствия по поводу выхода газеты. Появление первого номера газеты «Вперед» послужило поводом для небольшого торже-

ства большевистской колонии в Женеве. 24 декабря 1904 г. (6 января 1905 г.) в кафе «Ландольт» был устроен товарищеский вечер заграничных большевиков. Живое участие в нем принял Ленин⁹².

Издание газеты «Вперед» было сопряжено с немалыми трудностями. Своими соображениями на этот счет Ленин делился с революционерами-большевиками, находившимися в России. Во второй половине декабря 1904 г. Ленин получил письмо от члена БКБ А. А. Богданова из России. В нем Богданов сообщал о планах своей работы, о денежных источниках для деятельности партии, о своей беседе с А. М. Горьким по этому вопросу, о поражении члена ЦК РСДРП Л. Б. Красина в Тверском комитете РСДРП, который принял вопреки позиции Красина решение о немедленном созыве III съезда⁹³. По-видимому, в ответ именно на это сообщение Ленин написал письмо А. А. Богданову в Петербург. В нем он извещал Богданова и о выходе большевистской газеты «Вперед». Ленин писал о необходимости оказать газете финансовую поддержку, организовать литературное сотрудничество из России. В этом же письме Ленин настаивал на решительном и полном разрыве с меньшевистскими центральными учреждениями партии и немедленном выпуске открытого заявления о создании Бюро комитетов большинства⁹⁴.

Иногда В. И. Ленину удавалось ненадолго отвлечься от бесконечного потока партийных и литературных дел. В конце декабря 1904 г. он вместе с Н. К. Крупской и М. Н. Лядовым отправляется в театр на спектакль «Дама с камелиями», по пьесе Александра Дюма-сына. Главную роль в этом спектакле исполняла знаменитая актриса Сарра Бернар⁹⁵. Но такие вечера были редким исключением. Видимо, вскоре после памятного похода в театр М. Н. Лядов должен был ехать в Россию. Перед отъездом Ленин поручил Лядову связаться в Киеве с Г. М. Кржижановским и передать ему поручения по вопросам, связанным с подготовкой III съезда РСДРП⁹⁶. В декабре же из Женевы в Петербург уезжает С. И. Гусев. Ленин также долго беседовал с Гусевым о предстоящей работе в России. Владимир Ильич договорился с Гусевым о том, что тот будет подробно информировать его о положении дел в петербургской организации⁹⁷.

Связь с Россией, постоянная информация оттуда были для В. И. Ленина важнейшим источником сведений для решения вопроса о степени назревания революционного кризиса в стране. Эти сведения позволяли быстро вносить поправки в, казалось бы, только что принятые оценки положения в России, что было крайне важно, так как ход событий опережал самые смелые прогнозы. Статьи, написанные Лениным и опубликованные в первом и втором номерах газеты «Вперед», подчеркивали обострение кризисного положения в России в результате авантюристических действий правительства. При этом Ленин, как отмечалось выше, не советовал спешить с началом штурма самодержавного строя. Тем временем обстановка в стране, настроения рабочих стремительно изменялись. Особенно накалилась атмосфера в Петербурге.

Чем ближе была революционная гроза, тем теснее становилась связь В. И. Ленина с Россией. В свою очередь, он информировал товарищей, находящихся в России, о положении в зарубежных организациях большевиков.

Получив в начале января 1905 г. записку товарищей из московской Таганской тюрьмы с просьбой написать брошюру о том, как держать себя социал-демократу на суде, Ленин в письме от 6(19) января Е. Д. Стасовой и этим товарищам давал свои указания. Кроме того, он пишет: «Дела у нас теперь пошли хорошо... С тактикой отступления порвали. Теперь мы наступаем. Русские комитеты тоже начинают разрываться с дезорганизаторами. Газета своя поставлена. Практический центр свой (бюро) есть»⁹⁸.

В ночь с 7(20) на 8(21) января 1905 г. Ленин беседовал с В. Д. Бонч-Бруевичем, который уезжал нелегально в Россию в качестве агента Бюро комитетов большинства. Владимир Ильич говорил с В. Д. Бонч-Бруевичем о работе, которую тому предстояло вести. 8(21) января Ленин пишет статью «Петербургская стачка». Статью, в которой анализирует ход событий в Петербурге, приближающийся к развязке, которой суждено вылиться в первую русскую революцию⁹⁹.

Написанная накануне 9 января статья «Петербургская стачка» свидетельствует о том, что В. И. Ленин располагал достаточно отчетливой информацией о разворачивавшихся в Петербурге событиях. Рассмат-

ривая имевшиеся в его распоряжении сведения как «ограниченные и не проверенные еще», В. И. Ленин тем не менее сделал на их основании ряд принципиально важных выводов, касавшихся положения, создавшегося как в самом Петербурге, так и в России в целом.

В. И. Ленин отмечал «поразительно быстрый переход движения с чисто экономической почвы на политическую почву», громадную солидарность и энергию «десятков и сотен тысяч пролетариата»¹⁰⁰. В ленинской статье события, связанные со стачечным движением в Петербурге, рассматривались как непосредственное следствие роста рабочего движения и активной деятельности революционной социал-демократии. «Работа социал-демократии в течение последних десяти лет и уроки рабочего движения за это время принесли свои плоды, разлив идеи социализма и политической борьбы по самым широким каналам»¹⁰¹. Отмечая «действительно высокие формы мобилизации революционных классовых сил», продемонстрированные пролетариатом, В. И. Ленин в конце статьи высказывал уверенность в том, что «эта новая и высшая мобилизация революционных сил пролетариата семимильными шагами приближает нас к еще более решительному, еще более сознательному выступлению его на бой с самодержавием!»¹⁰²

Эти слова, предвещавшие «бой пролетариата с самодержавием», В. И. Ленин написал 8 января 1905 г. События, разыгравшиеся в Петербурге на следующий день, 9 января, показали, что этот бой начался...

2 ГЛАВА

О. Н. ЗНАМЕНСКИЙ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Девятое января

Петербург, 9 января 1905 г., воскресенье... Медленно наступающее, промозглое, холодное утро... Десятки тысяч рабочих несколькими колоннами идут с фабрично-заводских окраин российской столицы к ее центру, к Дворцовой площади. Они идут к резиденции императора всероссийского, «батюшки-царя» — к Зимнему дворцу; они по-праздничному одеты, поют гимн «Боже, царя храни» и молитвы; они несут кресты, хоругви, иконы, портреты царя и царицы. Во главе колонны Нарвского района — священник Георгий Гапон, зажавший в руке петицию с подписями множества рабочих. В петиции, адресованной царю, говорилось:

«Государь! Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и не свежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук»¹.

И далее в петиции перечислялись главные нужды рабочих, экономические и политические требования:

8-часовой рабочий день и ограничение сверхурочных работ, свобода стачек и учреждение профсоюзов, уменьшение налогов, отмена выкупных платежей с крестьян за их «освобождение» в 1861 г., бесплатное народное образование, равенство всех перед законом, свобода слова и печати, ответственность министров перед законом, созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Изложение главных нужд завершалось словами:

«Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее»².

Что же предшествовало событиям 9 января? При каких обстоятельствах появилась на свет эта петиция?

Напуганная ростом революционной борьбы царская администрация наряду с репрессивными мерами принимала и меры, имевшие целью расколоть рабочее движение, «просветить» рабочих в религиозно-монархическом духе, идейно развратить их путем поддержки отдельных экономических требований. Начальник московского охранного отделения С. В. Зубатов в 1901 г. приступил к созданию поднадзорных полиции рабочих организаций. Преемником потерпевших крушение зубатовских организаций стало основанное Г. Гапоном в феврале 1904 г. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». Эта организация тоже действовала под контролем полиции и охранки. Однако назревавшая революция подрывала и эту затею. В. И. Ленин еще в 1902 г. предвидел (в январе 1905 г. он напомнил об этом), что зубатовщина «втянет в движение некоторые, особенно отсталые слои рабочих, она поможет встряхнуть тех, кого не скоро, а может быть, и никогда не встряхнул бы агитатор-социалист. А раз втянутые в движение, заинтересованные вопросом о своих судьбах, рабочие пойдут дальше»³. Рядовые члены гапоновского «Собрания», так же, как ранее рядовые

члены зубатовских организаций, действительно пошли дальше. Их настроение все менее соответствовало планам руководителей «Собрания». Впрочем, некоторые из них, отчасти и сам Гапон, невольно поддавались нараставшему давлению снизу. В канун событий 9 января оно было особенно сильным.

3 января рабочие Путиловского завода начали забастовку, поводом к которой послужили увольнения четырех рабочих, членов гапоновского «Собрания», и безуспешные попытки добиться отмены произвольного решения администрации. 5 января Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку с призывом продолжать и расширять стачку, вовлекать в нее рабочих других заводов, дополнять экономические требования политическими. В тот же день при участии социал-демократов была подготовлена «Резолюция рабочих об их насущных нуждах», многие положения которой соответствовали программе-минимум РСДРП. «Резолюция» обсуждалась на собраниях и получала одобрение рабочих. К забастовке путиловцев примыкали рабочие окружающих заводов.

Известно ли было в Женеве о напряженном положении в далеком Петербурге? Да, так как телеграфные сообщения корреспондентов на следующий день появлялись на страницах заграничных, в том числе женевских газет. Особенно оперативна была «Женевская трибуна», выходившая по нескольку раз в день. Поэтому, вероятно, уже утром 4 января В. И. Ленин прочитал первые краткие газетные сообщения о начавшейся стачке путиловцев. Владимир Ильич сразу оценил значение полученной вестн. Но как необходимы письма от товарищей по партии, находившихся там, в гуще петербургских событий! Особенно от Сергея Ивановича Гусева. Его письма, как правило, были толковы, насыщены меткими наблюдениями. К тому же он, недавний член женевской эмиграции, лучше других должен был понимать острую потребность в информации.

«Отчего ничего не пишет *Гусев*? — обращается 4 января Надежда Константиновна Крупская к Розалии Самойловне Землячке. — Ради всего святого присылайте корреспонденции о путиловской стачке и скорее»⁴. В тот же день Надежда Константиновна отправила письмо Елене Дмитриевне Стасовой: «Ради бога, Абсолютик дорогой, о корреспонденциях поза-

ботьтесь, особенно надо корреспонденции о путиловской стачке»⁵. 5 января Надежда Константиновна пишет еще два письма — С. И. Гусеву и В. В. Липшицу (члену ПК). «Дорогой друг! Отчего Вы ни слова не пишете? Ждем от Вас с нетерпением писем» (Гусеву)⁶; «Из иностранных газет узнали, что на Путиловском заводе стачка. Есть ли у Вас там связи? Неужели не удастся раздобыть сведений о стачке. Надо бы только поскорее...» (Липшицу)⁷.

Письмо от Гусева уже идет, но в нем — увы! — ничего о путиловской стачке нет. Видимо, Сергей Иванович отправил его 1 или 2 января. Он оправдывается: «пока еще не осмотрелся...», «пока еще мало в курсе дел...»⁸ Другое письмо (в нем будут нетерпеливо ожидавшиеся вести!) Гусев напишет 6 января. А в Женеве приходится довольствоваться куцей информацией иностранных и поступающих на пятый день русских газет. Впрочем, как бы ни развивались петербургские события, главное — укреплять ряды пролетарской партии, которая должна возглавлять массовое движение. 5 января Ленин в письме цюрихской группе большевиков призывает к решительному разрыву с меньшевиками и немедленному созыву III съезда партии⁹.

Между тем в Петербурге массовое движение быстро ширилось. 6 января Гапон, стремясь удержать рабочих от революционных выступлений, выдвигает предложение устроить верноподданническое шествие с петицией к царю. В районных отделах «Собрания» это предложение поддержали многие рабочие, все еще находившиеся в плену монархических иллюзий. Текст петиции, первоначальным вариантом которой была уже упомянутая «Резолюция», спешно дорабатывался и обсуждался не только в отделах гапоновского «Собрания». О петиции и шествии к царю возбужденно толковали на заводах, дома, на улицах.

Большевики по решению Петербургского комитета РСДРП выступали на собраниях в отделах гапоновской организации, пропагандируя требования партийной программы-минимум, убеждая рабочих в бесполезности и вредности затеи с верноподданническим шествием. Ряд требований программы-минимум получил отражение в тексте петиции, но призывы отказаться от шествия не имели успеха. Противоречивость настроений рабочей массы проявлялась в сов-

мещении идеи шествия к «батюшке-царю» с таким революционным по сути и форме действием, как забастовка. Она охватывала всё новые и новые предприятия, превращалась во всеобщую. 7 января бастовали уже более 100 тысяч рабочих. Вся жизнь города становилась крайне напряженной.

8 января помещения всех 11 районных отделов гапоновского «Собрания» ломались от переполнявшей их массы рабочих. Тысячи людей стояли возле отделов на улицах. Последние усилия большевиков предотвратить намеченное на следующий день шествие с петицией окончились неудачей. Но вместе с тем расширялась забастовка — к ней примкнули уже 150 тысяч рабочих. А царские власти в это время готовили войска для расправы с участниками мирного шествия к Зимнему дворцу, шествия, в котором предполагалось участие и женщин с детьми. Убедившись в бесплодности усилий предотвратить шествие, большевики решили не покидать народные массы, разделить их участь. Они должны были находиться в колоннах и в подходящий момент призвать рабочих к решительной борьбе с самодержавием.

В этот день в Женеве продавались газеты с корреспондентскими отчетами о петербургских событиях 7 января. Появились и русские газеты с сообщениями об обстоятельствах начала стачки путиловцев. В. И. Ленин, характеризуя стачку, отметил 8 января: «Наши сведения исчерпываются пока сообщениями заграничных и легальных русских газет»¹⁰. Письма С. И. Гусева еще находились в пути. А в сообщениях газет было много путаного и недосказанного. Но для пронизательной ленинской мысли пока достаточно и этого.

Владимир Ильич взволнован, но заголовок статьи, написанной для газеты «Вперед», лаконичен и сдержан: «Петербургская стачка». Да, это еще не революция, «...движение далеко не достигло еще высшей ступени развития и надо дожидаться событий для полной оценки происходящего»¹¹. Движению, отмечает Ленин, недостает сознательности и организованности, руководства со стороны социал-демократии. Вожаки из гапоновского «Собрания» — люди отсталые, а среди части рабочих живуча вера в царя. Все это так, но работа революционных социал-демократов в предшествовавшие годы, собственный опыт

рабочих, их революционный инстинкт принесли плоды. В связи с этим выводом Ленин указал на поразительно быстрый переход от чисто экономической борьбы к политической, на необыкновенную энергию и чувство классовой солидарности, проявленные рабочей массой, на тяготение ее, несмотря на все преграды, к пропагандируемым социалистами идеям. Отсюда следовало заключение, что петербургская стачка — не рядовое событие, а «одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения»¹², громадной важности политическое событие. «Перед нами, — писал Ленин, — одно из великих столкновений формирующегося класса пролетариев с его врагами, столкновений, которые оставляют свои следы на долгие годы»¹³. Владимир Ильич завершал статью выражением уверенности в том, что петербургская стачка пролетариата «семимильными шагами приближает нас к еще более решительному, еще более сознательному выступлению его на бой с самодержавием!»¹⁴.

Действительность подтвердила ленинские слова. 9 января царские войска по заранее разработанному и утвержденному в верхах плану еще на окраинах расстреляли мирное шествие рабочих, не допустив их в центр города, к Зимнему дворцу. Затем была расстреляна многотысячная толпа, с утра собравшаяся на Адмиралтейском и Невском проспектах, в Александровском саду у выхода на Дворцовую площадь. Так рухнула наивная вера в «батюшку-царя» — одна из главных внутренних преград на пути к революции. Современник событий, историк М. Н. Покровский вспоминал: «Я никогда не забуду той совершенно неистовой ярости, с которой один рабочий, искалеченный 9 января, на одном из митингов говорил перед нами о Николае II. То чувство, которое я питал к Николаю II и которое, поверьте, отнюдь не было дружественным, — это было теплое молочко в сравнении с кипятком, в сравнении с тем, что выражал этот рабочий»¹⁵.

Глубокое возмущение охватило всю массу рабочих. Уже во второй половине дня 9 января на улицах Петербурга зазвучал призыв «К оружию!». «К оружию, товарищи! — говорилось в листовке, выпущенной рабочими 10 января на Васильевском острове. — Захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины... Свергнем царское правительство, по-

ставим свое. *Да здравствует революция*, да здравствует учредительное собрание народных представителей!»¹⁶ На Васильевском острове 9—10 января сооружались баррикады. Революция началась...

...Ранним утром 10 января Пантелеймон Николаевич Лепешинский купил одну из женеvских газет и, заглянув в нее, застыл на месте. В глазах запрыгали крупные буквы заголовка: «Революция в России». А под заголовком на целой странице жирным шрифтом напечатаны телеграфные сообщения из Петербурга. «У меня в глазах темнеет и ноги подкашиваются... Не сплю ли я... Не галлюцинация ли это зрения... Да что же это такое?.. Да неужели ж?.. Голова кружится, словно после «залпа» хмельного напитка. Руки и ноги дрожат»¹⁷. Примерно тогда же и в таком же состоянии читали газету Анатолий Васильевич и Анна Александровна Луначарские. Немного придя в себя, они поспешили к Ленину. Владимира Ильича и Надежду Константиновну встретили на улице, на пути в библиотеку...

«Запомнилась, — писала Н. К. Крупская, — фигура жены Луначарского, Анны Александровны, которая не могла говорить от волнения и лишь беспомощно махала муфтой. Мы пошли туда, куда инстинктивно тянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...», лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уж близко то время, когда „падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный...“»¹⁸.

По свидетельству А. В. Луначарского, В. И. Ленин в первые же часы помог женеvской большевистской эмиграции осмыслить значение и вероятные последствия петербургских событий¹⁹. Очередной номер (№ 3) газеты «Вперед» был уже сверстан, но не выпускать же его без отклика на свершившееся! Ленин пишет короткую статью «Революция в России» и помещает ее крупным шрифтом на месте снятого материала «почтового ящика». Писать было нелегко: «Каждый час меняет положение. Телеграф приносит захватывающие дух известия, и всякие слова кажут-

ся теперь слабыми по сравнению с переживаемыми событиями»²⁰. Но Ленин находит сильные слова, фокусирующие внимание на главном: пролетариат берется за оружие, он готов к самым решительным действиям, «разгорается гражданская война за свободу». Следовательно, «каждый должен быть готов исполнить свой долг революционера и социал-демократа.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!»²¹

Итак, задача революционных социал-демократов — готовиться к свержению царизма, к вооруженному восстанию.

Не все большевики уяснили тогда эту задачу. Меньшевики же с их доктринерскими рассуждениями о ведущей роли либеральной буржуазии были вообще не готовы и не способны к исполнению долга революционеров. Поэтому Ленин 10 января скептически отнесся к идее организовать совместно с меньшевиками митинг по поводу начавшейся русской революции. Он советует заключить с ними письменный договор, в котором указывались бы условия: на митинге председательствует беспристрастное лицо; от каждой социал-демократической группы выступает по одному оратору; выступающие в своих речах не затрагивают фракционных разногласий и т. п.²². В тот же день В. И. Ленин написал письмо члену Бюро комитетов большинства А. А. Богданову. В письме Ленин очень резко ставил вопрос о полном разрыве с меньшевиками, с находившимися под их влиянием ЦК и Советом партии. «Теперь *раскол полный*, ибо мы все средства исчерпали. *Третий съезд* против воли ЦК и Совета и *без них...* Полное отстранение меньшевиков и новоискровцев отовсюду»²³.

13 января в помещении цирка Ранси состоялся митинг, о котором шла речь 10 января²⁴. Председательствовала В. И. Засулич. Посовещавшись с В. И. Лениным, на митинге с яркой речью выступил А. В. Луначарский. Меньшевики, приведенные в замешательство очевидным успехом этого выступления, добились от Засулич предоставления слова двум своим ораторам — Л. Мартову и Ф. И. Дану. Последний сразу перешел к слегка замаскированным выпадам против большевиков. Все это было нарушением предварительного договора.

«Ильич, — вспоминал П. Н. Лепешинский, — не выдержал, наконец, состояния терпеливого и молчаливого свидетеля этого наглого издевательства над нашей доверчивостью, встал со стула и тихо сказал нам: «Идемте, товарищи!.. Нам здесь делать нечего...»²⁵.

Между тем в России революционные события ширились. В Петербурге 10 января бастовало до 160 тыс. рабочих. В последующие дни стачка то затухала, то разгоралась вновь. Лишь со второй половины января стачечное движение в столице медленно пошло на убыль. Но в борьбу сразу же включились рабочие Москвы и других городов. Столичный пролетариат не остался без поддержки. Всего в январе стачки прошли в 66 городах. 444 тыс. рабочих приняли в них участие²⁶. Это в 10 раз превышало среднегодовое (не среднемесячное!) количество стачечников за предшествующее революции десятилетие²⁷. Особенно значительной забастовочная борьба была в Москве, Центрально-промышленном районе, Прибалтике, Польше. Большим упорством и сплоченностью отличалась в январе стачечная борьба рабочих Риги, Ревеля, Варшавы. В ряде районов страны началось крестьянское движение. Активизировалась демократическая и либеральная интеллигенция. Но российский пролетариат, начавший революцию, оставался ее главной движущей силой, гегемоном. «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!» — эти лозунги, ранее выдвинутые и обоснованные В. И. Лениным, пропагандировались большевиками и находили все более прочную поддержку среди рабочих.

Начавшаяся в России революция по своему содержанию и непосредственным задачам была революцией буржуазно-демократической. Свергнуть самодержавную монархию, ликвидировать феодально-крепостнические пережитки в экономике и социально-политическом строе, завоевать политическую свободу — таковы были ближайшие цели борьбы. Но русская революция началась в эпоху империализма, когда определяющим классовым противоречием становится противоречие между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией и когда, следовательно, созревают объективные предпосылки социалистической революции. Потому-то стачки рабочих с самого начала явились важнейшей формой революционной

борьбы и главным средством «раскачивания», вовлечения в движение широких народных масс.

Поступавшая в Женеву информация становилась богаче, разностороннее, детальнее. Ежедневным источником сведений для Ленина в этом, по его выражению «проклятом далеке»²⁸, естественно, оставались газеты. Он продолжал усердно посещать библиотеку женевского «Общества любителей чтения», где в его распоряжении находились свежие газеты и журналы на многих языках. Владимир Ильич, читая английские, французские, немецкие, швейцарские газеты, работал как исследователь: внимательно анализировал корреспондентские сообщения, критически оценивал степень их достоверности, сопоставлял текущую информацию с предыдущей, а затем и с последующей, перепроверял материалы одной газеты материалами других, делал заметки и пространные выписки. Ленина интересовали не только сообщаемые в прессе факты, но и истолкование их газетчиками — ведь они участвовали в формировании европейского общественного мнения. Вот один из примеров оценки материалов иностранной прессы:

«Бунт или революция? Таков вопрос, который ставят себе европейские журналисты и репортеры, сообщаящие всему миру о петербургских событиях и пытающиеся дать их оценку... И заграничные газеты, имеющие всего более возможности «со стороны», с беспристрастием летописцев, рассматривать события, затрудняются ответить на этот вопрос. Они сбиваются постоянно с одной терминологии на другую. И неудивительно. Недаром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция... Буржуазные газеты, по-старому говорящие о бунте, мятеже, беспорядках, не могут не видеть, однако, их общенационального, даже международного значения. А именно это ведь и придает событиям характер революции. И пишущие о последних днях бунта нет-нет переходят к речам о первых днях революции»²⁹.

С середины января стала поступать и иная информация о событиях в Петербурге и России: письма партийных работников, корреспонденции для ленинской газеты «Вперед». 14 января наконец-то приходит письмо С. И. Гусева, отправленное из Петербурга 6 января. 15 и 16 января получены еще два обстоя-

тельных письма Сергея Ивановича (написаны 8—9 января)³⁰. 17 января Гусев отправляет новое письмо...³¹

С. И. Гусев был очень добросовестным корреспондентом. Он подробно сообщил Ленину о настроениях в рабочей и партийной среде, о ходе январских событий в Петербурге, а затем в Москве, Киеве, Саратове, Лодзи, Варшаве, Гельсингфорсе. К письмам он обычно прилагал вырезки из русских газет. Большой интерес представляли его оценки активных участников событий, особенно Гапона. В образе мыслей и намерениях этой личности следовало разобраться для того, чтобы лучше уяснить психологию поверившей ему на какое-то время рабочей массы. Гусев был осторожен в суждениях, но все же склонялся к выводу: Гапон если не провокатор, то авантюрист, за которым стоят провокаторы и который в конце концов поплыл по течению, увлекаемый могучим движением массы³². Ленина порадовало следующее сообщение: «Настроение у путиловцев боевое. Заявляют, что они не сложат оружия, пойдут до конца. На Невском слышны такие же речи, и рабочие кричат: „Долой убийцу-царя!“»³³ «Дорогой друг! — отвечал Владимир Ильич Гусеву. — За письма большое спасибо. Продолжайте непременно в том же духе...»³⁴. Письма Гусева, а также корреспонденция другого участника событий, отредактированные Лениным, были опубликованы в газете «Вперед» 18 января 1905 г.

Оперативное и всестороннее оповещение партийных деятелей и всех рабочих о ходе революционных событий в России В. И. Ленин считал одной из самых насущных задач. Но речь шла не просто об оповещении, о создании хроники, «дневника» русской революции. Требовалась партийная публицистика, насыщенная не только фактами, но и анализом их, выводами, необходимыми для руководства дальнейшей революционной борьбой. Идеи, выдвинутые и развитые в связи с этим В. И. Лениным, имеют непреходящее значение, они учат партийных публицистов и историков, как следует писать о революционных событиях. «Мы, — указывал вождь партии большевиков, — должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте дей-

ствий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»³⁵.

В. И. Ленин относился с величайшим уважением к революционному творчеству рабочих, к приобретаемому ими самими опыту революционной борьбы. «Эта масса, — писал он в статье «Что происходит в России?», — учится на практике, у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы»³⁶.

Работы Ленина являлись великолепным примером для партийных публицистов. Только между 10 и 18 января Владимир Ильич написал 15 статей и заметок³⁷, посвященных в основном январским событиям в Петербурге. Десять из них («Что происходит в России?», «Первые шаги», «Поп Гапон», «Канун кровавого воскресенья», «Число убитых и раненых», «План петербургского сражения», «„Царь-батюшка“ и баррикады», «Кровавый день», «На Дворцовой площади. Письмо очевидца», «Озлобление против войска»), объединенные общим названием «Революционные дни», были помещены на страницах газеты «Вперед» от 18 января. Здесь же публиковалась и передовая статья Ленина «Начало революции в России», написанная 12 января. Эти статьи и заметки быстро стали достоянием революционеров в России, обогатили их представления о пути и значении разворачивавшихся событий, вооружили программой дальнейших действий.

Революционное воспитание, сознание рабочих продвинулись далеко вперед, а рабочее движение за несколько дней поднялось на самую высокую ступень; революция, возможно с заминками и паузами, будет развиваться; вооруженная борьба, начатая петербургскими рабочими, неизбежно перерастет в более подготовленное и широкое восстание — таковы были главные ленинские выводы на основе анализа фактов

действительности, хода революционных событий. Широкое распространение известий о ходе революционной борьбы; немедленное вооружение рабочих, городской бедноты, крестьян; борьба за переход на сторону народа солдат; установление сотрудничества, при сохранении самостоятельности и ведущей роли пролетариата, с революционно-демократическими элементами; повсеместное создание революционных комитетов; устранение правительственных учреждений на местах и низвержение царизма; созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права — таковы были определенные Лениным очередные задачи и цели борьбы. «Да здравствует революция! Да здравствует восставший пролетариат!», — снова и снова провозглашал он в своих статьях.

Во второй половине января — начале февраля В. И. Ленин продолжал анализировать характер и задачи начавшейся революции, обосновывать тактику партии революционного пролетариата. Он пишет ряд новых статей, продолжает внимательно изучать прессу и все шире поступающую корреспонденцию из России; три раза в неделю (по понедельникам, средам и пятницам) Владимир Ильич дежурит в редакции газеты «Вперед», готовя к выпуску очередные ее номера. Ленин и большевики-эмигранты часто встречались в кафе «Ландольт», обсуждая вести из России, намечая планы дальнейшей революционной деятельности³⁸. Бывали встречи и с приезжими, причем не только с большевиками. Например, в начале февраля состоялась беседа с появившимся в Женеве Г. Гапоном³⁹.

Гапон, опасавшийся ареста, в середине января бежал из России. За границей его взяли под свою опеку эсеры. «Они, — вспоминала Н. К. Крупская, — страшно рекламировали Гапона, восхваляли его. В то время Гапон стоял в центре всеобщего внимания, и английский «Times» (газета «Время») платил ему бешеные деньги за каждую строчку»⁴⁰. Гапон пытался пристроиться к революционному движению. В частности, он вместе с эсерами вынашивал планы транспортировки оружия в Россию, и уже поэтому его стоило выслушать. Была и другая, уже упомянутая веская причина. «Один товарищ, — писала Крупская, — недавно возмутился: как это Владимир Ильич имел дело с Гапоном!

Конечно, можно было просто пройти мимо Гапона, решив наперед, что от попа не будет никогда ничего доброго... Но в том-то и была сила Ильича, что для него революция была живой, что он умел всматриваться в ее лицо, охватывать ее во всем ее многообразии, что он знал, понимал, чего хотят массы. А знание массы дается лишь соприкосновением с ней. Ильича интересовало, чем мог Гапон влиять на массу»⁴¹.

Встреча, в которой вместе с Лениным участвовали некоторые члены большевистской эмиграции, была назначена в кафе. Гапон пришел в сопровождении эсера П. М. Рутенберга, неотступно следовавшего повсюду за Гапоном с начала января. Видимо, здесь же Гапон передал В. И. Ленину свое «Открытое письмо к социалистическим партиям России». Письмо содержало призыв к партиям «немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма»⁴². На встрече Гапон возмущался действиями царских властей 9 января, толковал о намерении поднять на восстание крестьянскую молодежь Юга России и матросов на флоте, тайно перебросить в Петербург оружие. «Мы, — вспоминал А. В. Луначарский, — все больше слушали. Кое-какие, по обыкновению меткие, скрывавшие за собой известную политико-психологическую подкладку, вопросы ставил Гапону Владимир Ильич»⁴³. По свидетельству Луначарского, у Ленина вскоре сложилось нелестное мнение о Гапоне.

Владимир Ильич через несколько дней после беседы с Гапоном писал об отсутствии у последнего «ясности революционного мирозерцания»⁴⁴. «Гапон никогда не доработался до этой ясности, — отмечала Н. К. Крупская. — Он был сыном богатого украинского крестьянина, до конца сохранил связь со своей семьей, со своим селом. Он хорошо знал нужды крестьян, язык его был прост и близок серой рабочей массе; в этом его происхождении, в этой его связи с деревней, может быть, одна из тайн его успеха; но трудно было встретить человека, так насквозь проникнутого поповской психологией, как Гапон. Раньше он никогда не знал революционной среды, а по натуре своей был не революционером, а хитрым попом, шедшим на какие угодно компромиссы»⁴⁵.

Из работ В. И. Ленина, написанных в конце января — начале февраля 1905 г., особое значение имели статьи «Две тактики», «Должны ли мы организовать революцию?», «О боевом соглашении для восстания». К ним примыкает неоконченная и неопубликованная в то время работа «Первые уроки». В этих статьях В. И. Ленин подводил итоги первому натиску революции, разоблачал оппортунизм меньшевиков, намечал задачи революционных социал-демократов. «Первая волна революционной бури отходит. Мы стоим накануне неизбежной и неминуемой второй волны» — так начиналась статья «Первые уроки»⁴⁶. Свои мысли В. И. Ленин излагал в ходе острой полемики с меньшевиками. Последние по-прежнему уповали на либеральную буржуазию и своей пропагандой хотели бы пристроить рабочее движение в кильватер движению либеральному.

Подлаживаясь к либералам, призывая не отпугивать их от революции, меньшевики прикрывали свою оппортунистическую сущность завесой доктринерского глубокомыслия. В частности, пускались в ход рассуждения о том, что «перевороты в общественных отношениях», «народные революции», «не изготавлиются искусственно, а сами совершаются» и что народ вооружится самостоятельно, вооруженные восстания «не назначаются, а самозарождаются», а задача социал-демократов — «вооружить» массы «жгучей потребностью напасть на самодержавие». Иная тактика объявлялась «бланкизмом», «заговорщичеством».

Да, отвечал В. И. Ленин, «перевороты в общественных отношениях», т. е. изменения в экономическом базисе, в производственных отношениях, не «изготавливаются искусственно», не «назначаются». В России «переворот», содержанием которого было складывание буржуазных производственных отношений, начался уже с падением крепостного права. Толковать об этих хорошо известных истинах, отмечал Ленин, могли и люди с гимназическими познаниями⁴⁷. И рассуждения относительно «народной революции» тоже не отличались оригинальностью: «Не может быть назначена народная революция, это справедливо»⁴⁸. А что касается восстания, писал Ленин, то его нельзя смешивать с народной революцией⁴⁹. Это не однозначные понятия и не обязательно совпадающие исторические действия.

Итак, «назначить» народную, демократическую революцию нельзя, но назначение вооруженного восстания — «вещь вполне осуществимая»⁵⁰. И в этом назначении не было бы ничего общего с бланкизмом и заговорщицеством, ибо марксистское решение вопроса, подготовка и назначение восстания революционной социал-демократией ставятся в прямую зависимость от наличия объективных и субъективных предпосылок его. Ленин напоминал, что о необходимости подготовительных мер к вооруженному восстанию он писал в 1902 г. в работе «Что делать?», но тогда революции еще не было и подготовка революционных социал-демократов к восстанию не сопровождалась прямыми призывами к нему, агитацией за него. После начала революции положение изменилось. Рабочий класс не только проявил «жгучую потребность напасть на самодержавие», но и «напал» на него, уже 9 января обратившись к оружию. В связи с этим В. И. Ленин обращал особое внимание на упоминавшуюся выше прокламацию с призывом к вооруженному восстанию, свержению царизма, выпущенную группой петербургских рабочих.

В. И. Ленин как истинный стратег революции не только обосновывал жизненность и насущность лозунга вооруженного восстания, но и готовился сам, готовил большевиков к практическому руководству вооруженной борьбой против самодержавия. Он отправляет В. В. Филатову (В. Северцеву) письмо с предложением написать популярную брошюру по военной тактике, фортификации и о баррикадной тактике уличного боя и получает согласие на это предложение⁵¹. А вот что сообщила в своих воспоминаниях Н. К. Крупская:

«Ильич не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании, — он прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем знают...

Служащий «Société de Lecture» был свидетелем того, как раненько каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу

о баррикадной борьбе, о технике наступления, сядил на привычное место к столу у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение. Иногда только вставал, чтобы взять с полки большой словарь и отыскать там объяснение незнакомого термина, а потом ходил все взад и вперед и, сев к столу, что-то быстро, сосредоточенно писал мелким почерком на четвертушках бумаги»⁵².

Одно из условий успеха восстания в ходе буржуазно-демократической революции В. И. Ленин видел в достижении боевого соглашения по практическим вопросам с революционно-демократическими силами. Он считал естественным, если в процессе расширения и углубления революционного движения в активную деятельность включаются все новые и новые политические течения. О важности организации «общего революционного натиска», о необходимости добиваться сотрудничества с революционерами из лагеря мелкобуржуазной демократии Ленин писал еще в статье «Начало революции в России». Он указывал, что большевики, сохраняя самостоятельность, должны идти с революционерами-демократами «рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа»⁵³. Ленинская статья «О боевом соглашении для восстания», написанная 4 февраля, была целиком посвящена этому вопросу.

Ленин, положительно оценивая перспективу появления на политической сцене многих новых революционно-демократических течений, вместе с тем подчеркивал: «...наш идеал должен быть вовсе не тот, чтобы все партии, все направления, оттенки слились в один революционный хаос»⁵⁴. Напротив, во взаимоотношениях между различными силами должна была достигаться «полная ясность и определенность»⁵⁵, четкая, принципиальная договоренность о целях и методах борьбы. А для этого требовалось откровенное изложение исходных позиций, проведение дискуссий по программно-тактическим вопросам. «Мы, — писал Ленин, — неизбежно будем спорить, расходиться, враждовать и в будущих революционных комитетах в России, — но надо же учиться у истории. Надо думать о том, чтобы это не были неожиданные, ни для

кого не понятные, путанные споры в момент действия, надо подготовиться к тому, чтобы спорить принципиально, чтобы знать исходные точки каждого направления, чтобы заранее наметить возможное единение и неизбежную вражду. История революционных эпох дает слишком, слишком много примеров гигантского вреда от скоропалительных и незрелых опытов «боевого единения», склеивающего *для взаимных трений и горьких разочарований* разнороднейшие элементы в комитетах революционного народа»⁵⁶.

В. И. Ленин предупреждал потенциальных участников боевых соглашений, что большевики не пойдут ни на какие уступки в принципиальных вопросах, сохраняют при заключении соглашений полную самостоятельность. «Мы видим в *самостоятельной*, непримиримо марксистской, партии революционного пролетариата единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний. Мы никогда поэтому, не исключая самых революционных моментов, не откажемся от полной самостоятельности соц.-дем. партии, от полной непримиримости нашей идеологии»⁵⁷. Но это нисколько не умаляло готовности партии к «боевому единению» в практической борьбе за свержение самодержавия.

Так закладывались основы тактики «левого блока», развитой В. И. Лениным в процессе дальнейшего развития революции.

В начале февраля 1905 г. конкретно речь шла о заключении боевого соглашения с мелкобуржуазными революционерами в лице партии социалистов-революционеров. А поводом для постановки вопроса стали заявления печатного органа эсеров «Революционная Россия», который стал ратовать за «согласованный натиск» и «дух боевого единения», за «слияние терроризма и массового движения». В. И. Ленин резко осуждал авантюризм эсеров, их увлечение индивидуальным террором и не принимал на веру заявления эсеровского печатного органа. В тот самый день, когда Ленин писал статью «О боевом соглашении для восстания», телеграф принес весть о том, что эсер И. П. Каляев бросил бомбу в карету московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, который был убит. Ленин назвал этот акт «терроризмом старого образца» и предложил эсерам «идти вместе с массой не в фигуральном, не

в символическом смысле слова, а в буквальном»⁵⁸. Действительно ли эсеры намеревались, как заявляла «Революционная Россия», «потопить» террористов «в рядах возбужденной массы»? Если да, то Ленин считал возможным заключить с мелкобуржузными революционерами конкретное соглашение ради достижения следующих конкретных целей:

«1) свержение самодержавия, 2) временное революционное правительство, 3) немедленная амнистия борцам за политическую и религиозную свободу, — конечно, также за свободу стачек и т. д., 4) немедленное вооружение народа и 5) немедленный созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»⁵⁹. Эти пункты, примерно в таком виде изложенные в упомянутом выше гапоновском «Открытом письме к социалистическим партиям России», Ленин предлагал дополнить указанием на обязанность революционного правительства немедленно осуществить полное гражданское равноправие, обеспечить политическую свободу при выборах в Учредительное собрание и повсеместно создавать крестьянские революционные комитеты. «От революционной самодеятельности крестьянства, — пояснял Ленин, — зависит очень и очень многое в успехе революции...»⁶⁰.

Все задачи успешного руководства революционным процессом, в том числе и задачу вовлечения в массовую борьбу революционно-демократических сил, большевики могли решать путем укрепления и сплачивания своих рядов, разоблачения меньшевистских оппортунистов и дезорганизаторов, решительного воздействия на колеблющихся. «Надо, — требовал В. И. Ленин, — немедленно созвать съезд всех партийных работников, желающих организовать партию. Надо не ограничиваться убеждениями и усовещеваниями, а поставить всем колеблющимся, всем шатким, неуверенным и сомневающимся прямой и непреклонный ультиматум: выбирайте! Начиная с первого номера нашей газеты мы и ставили этот ультиматум от имени редакции «Вперед», от имени всей той массы русских партийных работников, которые доведены до небывалого озлобления дезорганизаторами. Скорее же выбрасывайте их, товарищи, и беритесь за дружную организационную работу!»⁶¹.

2. „Новые задачи и новые силы“

Демократическая революция в России продолжалась. Основным средством вовлечения широких масс в движение, главной формой борьбы оставалась пролетарская стачка, нередко сопровождавшаяся демонстрацией. В феврале 1905 г. бастовало 293 тыс. рабочих, а всего за три первых месяца революции — 810 тыс. История не знала такого размаха стачечного движения. И в самом деле: общее количество стачечников во всех главных капиталистических странах за целых 15 лет было меньшим, чем в России только за 3 месяца! Стачки вспыхивали в различных районах страны — в Промышленном центре и на Украине, в Прибалтике и Польше, в Сибири и Закавказье. Очень важной особенностью борьбы было выдвижение забастовщиками не только экономических, но и политических требований. У металлистов, являвшихся ведущим отрядом рабочего класса, политические стачки преобладали над экономическими. Всего же в январе — марте 1905 г. политические требования выдвинули 206 тыс. забастовщиков, т. е. примерно четвертая часть их⁶². Однако в целом стачечному движению еще недоставало организованности, о чем свидетельствовали разрозненность и неодновременность выступлений. Медленно втягивалось в революционную борьбу крестьянство. Основная масса солдат оставалась послушным орудием царизма.

Царские власти, продолжая репрессии против участников революционного движения, в то же время пытались обмануть рабочих посулами отдельных уступок и реформ. Именно с этой целью 29 января было объявлено о создании под председательством министра финансов В. Н. Коковцова специальной комиссии по рабочему вопросу и особой комиссии под председательством сенатора Н. В. Шидловского «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. Санкт-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». В состав комиссии Шидловского помимо чиновников и предпринимателей решили включить и выборных от рабочих. ПК РСДРП использовал это обстоятельство для усиления агитации и под ее прямым влиянием общегородское собрание выборщиков выдвинуло ряд политических требований: свобода слова и собраний, не-

прикосновенность личности и жилищ рабочих и др. Отклонение этих требований правительством вызвало отказ подавляющего большинства выборщиков от участия в голосовании и политическую стачку рабочих-металлистов. В итоге затея с созданием комиссии Шидловского провалилась.

Царь и его окружение, напуганные революцией, предприняли и другой маневр. 18 февраля были обнародованы сразу три документа. В указе правительствующему Сенату царь разрешал частным лицам и учреждениям подавать в Совет министров под его председательством предложения по вопросам, «касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». В рескрипте на имя нового министра внутренних дел А. Г. Булыгина Николай II заявлял, что он «вознамерился» привлечь «достоинейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Следовательно, речь шла о том, от чего царь наотрез отказывался всего два месяца назад — о созыве законосовещательного учреждения. Царизм отступал? Да, но он при этом и грозил. Утром того же 18 февраля в церквях оглашался «высочайший манифест» с выражением намерения искоренять «крамолу» и противодействовать «смуте внутренней».

Начало и дальнейшее развитие революции повысили требования к РСДРП, к партии как политическому вождю рабочего класса. Большевистские организации в России укреплялись, росли численно за счет наиболее сознательных рабочих. Например, численность петербургской организации за январь — март 1905 г. возросла примерно в три раза и к началу апреля составляла не менее 1000 человек⁶³. В стране создавались новые организации и группы. Усилению всей работы содействовали специальные организаторы, направлявшиеся в Россию по заданию заграничного большевистского центра и лично В. И. Ленина. Состоявшийся 2—6 марта 1905 г. в Женеве учредительный съезд заграничных большевистских групп избрал Комитет заграничной организации (КЗО), который сразу установил тесные связи с большевистскими организациями в России. К марту в стране действовали 32 большевистских комитета и 35 групп. Боль-

шевики преобладали в Центрально-промышленном районе, в Поволжье и на Урале, на Северо-Востоке⁶⁴.

Дальнейшему подъему работы, дружным и целеустремленным действиям партийных организаций препятствовала раскольническая, дезорганизаторская тактика меньшевиков. Они имели в России 23 комитета и 27 групп, преобладая на западе страны, юге и Кавказе⁶⁵. Ряд комитетов и групп занимал примиренческие позиции. Примиренчески держал себя и ЦК РСДРП. Пользуясь этим, а также лучшим по сравнению с большевиками материальным обеспечением своей деятельности, меньшевики активно боролись за влияние на партийные комитеты. Меньшевистская «Искра» развернула ожесточенную кампанию против большевистской газеты «Вперед».

7 февраля 1905 г. Н. К. Крупская отправила в одну из большевистских организаций письмо, сообщая: «В принципиальном отношении новоискровцы все более расходятся с впередовцами. «Искра» видела в выступлении рабочих на земских собраниях какой-то «высший тип» демонстраций по сравнению с массовыми демонстрациями вроде ростовской, толковала о необходимости добиться от либералов «обещания» не устрашать их и т. п. Во время кровавых событий «Искра» кричала, что «самодержавие уже схвачено за горло», а теперь поднят поход на впередовцев за то, что они говорят, что надо готовиться к вооруженному восстанию»⁶⁶.

Важнейшей очередной задачей большевиков становилось ускорение всей подготовительной работы к созыву III съезда РСДРП.

На основе ленинского проекта Бюро комитетов большинства (БКБ) подготовило официальное «Извещение о созыве III партийного съезда», напечатанное в Петербурге 21 января 1905 г. отдельным листком. Листок с «Извещением» Ленин получил в Женеве, вероятно 11 или 12 февраля, и тогда же подготовил текст «Извещения» к опубликованию в газете «Вперед». Документ этот был чрезвычайно важен, и Ленин решил написать к нему статью-примечание.

Эта статья под названием «О созыве III партийного съезда. От редакции» вместе с «Извещением» была опубликована 15 февраля в очередном номере (8) газеты «Вперед». В тот же день Ленин написал «Письмо организациям в России». Статья и пись-

мо содержали страстный призыв ко всем партийным организациям и группам, а также к отдельным лицам, причислявшим себя к РСДРП, по-деловому и без промедления готовиться к партийному съезду. Подготовка партийных коллективов и лиц должна была заключаться в сборе материалов для написания докладов и резолюций, в сообщениях об опыте работы среди рабочих, солдат, крестьян и интеллигенции, в конкретных предложениях относительно путей решения партийных проблем и преодоления последствий деятельности меньшевистских дезорганизаторов. Полемика с ними не должна была отвлекать внимания делегатов съезда от решения конструктивных задач:

«Партийный кризис выяснен в литературе до мельчайшей черточки. Обсуждение его не может и не должно занять много времени. Центральным пунктом работ съезда должны быть *новые вопросы* организации и тактики, выдвигаемые новым гигантским подъемом нашего революционного движения. Для решения этих вопросов коллективный опыт *всех* социал-демократов, хоть сколько-нибудь участвовавших в движении, представляет неопределимую важность»⁶⁷.

Итак, В. И. Ленин добивался, чтобы партийный съезд воспринял коллективный опыт всех социал-демократов, чтобы подготовка к съезду вовлекла в активную революционную работу новые силы. Поэтому Ленин, настаивая на строго принципиальном решении вопроса об участии в работе съезда с правом решающего голоса (предоставление безусловного права лишь комитетам и организациям, утвержденным II съездом РСДРП)⁶⁸, предлагал допускать на III партийный съезд «самым либеральным образом» делегатов с совещательным голосом⁶⁹. Особенно полезным он считал участие в съезде рабочих. Эти установки вытекали из вывода о том, что уже события 9 января обнаружили «весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов»⁷⁰.

Считая полезным широкое участие социал-демократов в подготовке съезда, Ленин, конечно, имел в виду не оппортунистов и дезорганизаторов. Речь шла о революционных социал-демократах, марксистах, т. е. о большевиках, а также о тех, кто числился в руководимых меньшевиками организациях или по какой-то причине находился вне партийных

организаций, но тяготел к большевикам. В статье-извещении «О созыве III партийного съезда. От редакции» Ленин подчеркивал, что призыв Оргкомитета по созыву съезда обращен ко всем сторонникам партийности, противникам меньшевиков-«бонапартистов», захвативших руководство ЦК и Советом партии и сопротивлявшихся созыву III съезда⁷¹. В письме А. А. Богданову и С. И. Гусеву от 29 января 1905 г. В. И. Ленин четко разъяснил, что «мы зовем на съезд *впередовцев*», что «мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой, партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов...»⁷²

Сплочение всех организованных и еще не организованных сторонников партийности, марксизма при одновременном разоблачении оппортунистов было главной целью. Но возникал вопрос об отношении к революционно-демократическим элементам в связи с подготовкой III партийного съезда. Напомним, что в начале февраля В. И. Ленин написал статью «О боевом соглашении для восстания». Вновь обдумывая выдвинутые в ней положения и определяя в «Письме организациям России» круг организаций и лиц, использование революционного опыта которых при подготовке к съезду было бы полезным, Ленин указал: «Сюда подойдут очень многие из элементов революционной демократии»⁷³. Вскоре, во второй половине февраля, Ленин уточнил само понятие «революционная демократия». Вот что записал он тогда в «Общем плане работ и решений III съезда РСДРП»: «Под революционной демократией разумеются те последовательные и решительные демократические течения, которые принимают *всю* демократическую программу социал-демократии, не останавливаются ни перед какими революционными мерами, но лишены ясного социал-демократического классового сознания»⁷⁴.

Так развивались положения относительно боевых соглашений с революционной демократией. Но в то же время в центре внимания постоянно держалась обязанность сохранения чистоты партийных рядов, укрепления партийной дисциплины, полной самостоятельности пролетарской партии. Поэтому в «Письме организациям России» В. И. Ленин указал на решимость большевиков добиться на III съезде изменения § 1 Устава партии⁷⁵. Как известно, на II съезде РСДРП

(1903 г.) была принята формулировка § 1, предложенная Л. Мартовым. Эта формулировка, не включавшая требования личного участия члена партии в одной из ее организаций, создавала возможность проникновения в партию мелкобуржуазных элементов.

Все эти вопросы (сплочение революционных социал-демократов и привлечение новых сил, принципиальные основы сотрудничества с революционной демократией, руководство массовым революционным движением и др.) были очень сложны и нуждались в дополнительном анализе и обобщении. Поэтому В. И. Ленин во второй половине февраля 1905 г. взялся за доработку очень важной передовой статьи для газеты «Вперед». История написания этой статьи, увидевшей свет под названием «Новые задачи и новые силы», позволяет ближе ознакомиться с ленинской творческой лабораторией⁷⁶.

В начале двадцатых чисел января (не позднее 24-го) Ленин, составляя план содержания № 5 газеты «Вперед» и делая подсчеты численности стачечников и демонстрантов в различных городах России, количества вооруженных столкновений, убитых и раненых, записал на листке с подсчетами навеянную ими мысль: «Революция есть война». И тут же сделал пометку: «Для № 6 не написать ли передовицу на тему: „Пробная мобилизация“». Подумав над названием темы, Владимир Ильич остался недоволен им и сверху надписал: «Мобилизация армии и пролетариата»⁷⁷. Листок с подсчетами, с этими и еще несколькими пометками (Ленин фиксировал проявления пролетарской солидарности, массовость стачечного движения и быстроту его перехода из Петербурга в другие города) стал кратким планом статьи⁷⁸.

Составив план, Ленин тогда же набросал и тезисы статьи. В первом тезисе он поместил два вывода: события 9 января, известия о них сами по себе имеют громадное агитационное значение, расширяют базу революции; рост революции позволяет партийным деятелям сосредоточиться на решении наиболее насущных задач, переложив вспомогательные функции на «новые, пришлые силы». Во втором тезисе отмечалось «расширение базы для организации», необходимость и возможность создания «вспомогательных

кружков» для работы по руководству революционной борьбой и подготовке восстания. Третий тезис гласил: «Практическая цель — *низвержение* правительства должна быть практически обсуждаема и выясняема уже как *ближайшая* цель, как „завтрашняя демонстрация“»⁷⁹.

Здесь же, в тексте тезисов Ленин выразил свою неудовлетворенность намеченным названием статьи: «...название, пожалуй, не годится, ибо слишком обще, почти шаблонно обще, не выражает перехода пролетарского движения в революцию»⁸⁰. Но иной, более точно отразивший замысел статьи заголовок тогда еще не родился. И Ленин, отвлеченный другими делами, отложил работу над статьей. Впрочем, некоторые очень важные мысли, записанные на листке, были развиты им в статьях конца января — начала февраля 1905 г., а затем в работах, непосредственно посвященных подготовке созыва съезда. Во второй половине февраля, как уже отмечалось, Владимир Ильич вернулся к задуманной им большой передовице для газеты «Вперед».

Прежнее название статьи «Мобилизация армии пролетариата» было заменено новым: «Злоба дня». Под заголовком Владимир Ильич написал семь пунктов еще одного плана статьи, поясняя в нем, что «злоба дня = восстание»⁸¹. Судя по плану, Ленин намеревался развить идеи, намеченные к изложению в статье «Мобилизация армии пролетариата». Главной, стержневой темой статьи «Злоба дня» должно было стать разъяснение способов поддержки «огня», революционного брожения в массах и указание на особое значение организаторской деятельности партии: «Не пятиться назад от задачи «организовать революцию» и *проводить* (и назначить) восстание, а подчеркивать *именно эти* задачи и *готовиться к ним*»⁸².

На основе этого плана и была написана статья «Злоба дня». Но едва завершив ее, В. И. Ленин снова берется за перо и составляет план переработки текста статьи после двенадцатой страницы рукописи. Согласно дополнительному плану намечалось еще рельефнее обрисовать роль партии в революции: «Сугубое значение приобретает роль *партии*, как авангарда класса, воспитателя, организатора»⁸³. Казалось бы, после доработки статью можно было отправить в ти-

пографию. Но требовательность Ленина к самому себе была поистине безгранична. Вот уникальный авторский приговор: «Статья не додумана, не доношена. Поэтому ясного развития строго определенной мысли нет. Это — газетные наброски, силуэты, беседа, «мысли и заметки», а не статья»⁸⁴. И снова Владимир Ильич берется за составление плана статьи, которая теперь получает окончательное название «Новые задачи и новые силы».

Каковы же основные идеи этой исключительно интересной, тщательно отшлифованной, имевшей программное значение статьи?

Обращаясь в ее начале к истории российского рабочего движения и связи его с развитием социал-демократии, В. И. Ленин указал на три перехода: от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации, от экономической агитации к политической и уличным демонстрациям и, наконец, от уличных демонстраций «к настоящей гражданской войне»⁸⁵. В соответствии с общим замыслом статьи Ленин фиксировал внимание читателей не на этапах борьбы, а именно на *переходах* от одного этапа к другому, на особенностях и закономерностях именно этих процессов. Переходы, которые подготавливались, с одной стороны, «работой социалистической мысли», деятельностью социал-демократии, а с другой стороны, глубокими изменениями в психологии и сознании рабочих, иногда начинались почти незаметно, а затем «наступал перелом, и все революционное движение как бы сразу поднималось на новую, высшую ступень. Перед пролетариатом и его передовым отрядом, социал-демократией, вставали *практически* новые задачи, для разрешения этих задач словно из земли вырастали новые силы, которых никто не подозревал еще накануне перелома. Но происходило все это не сразу, не без колебаний, не без борьбы направлений в социал-демократии, не без возвратов к устарелым, давно, казалось бы, отжившим и похороненным воззрениям»⁸⁶.

Отметив, что в прошлом революционное движение отметало отсталые воззрения, В. И. Ленин выражал уверенность, что теперь подобные воззрения, исповедуемые меньшевиками-новоискровцами, будут отмечены. Существо же «новых» оппортунистических взглядов сводилось опять-таки к преклонению перед сти-

хийностью и «самодеятельностью» рабочего движения, к боязни революционных лозунгов, особенно лозунга вооруженного восстания. Тем самым меньшевики извращали действительные отношения между классом и партией, игнорировали рост революционной активности пролетариата, проявления его инициативы, принижали обязанности партии в отношении класса, возводили в закономерность отставание ее от запросов рабочего движения и насущных задач революционной борьбы.

Что же следовало делать для того, чтобы успешно преодолевалось сопротивление оппортунистов переходу к новому этапу борьбы, чтобы переход «к настоящей гражданской войне», к восстанию против царизма совершался насколько возможно быстро? Как уже отмечалось, Ленин в статье-примечании «О созыве III партийного съезда. От редакции» ориентировал большевиков не на увлечение полемикой, а на позитивное решение выдвинутых революцией задач. Это и стало бы лучшим средством отметания вредных воззрений. Теперь в статье «Новые задачи и новые силы» Ленин еще раз подчеркнул: «Такое отметание должно состоять, однако, далеко не в одном опровержении старых ошибок, а еще несравненно более в положительной революционной работе над практическим осуществлением новых задач, над привлечением к нашей партии и использованием ею новых сил, которые в такой гигантской массе выдвигаются теперь на революционное поприще»⁸⁷. Здесь перед нами один из примеров постоянного стремления Ленина не допускать рассредоточения сил партии, выбирать наиболее эффективные средства и методы решения проблем.

Ленин напомнил, что новые задачи партии уже были определены им в ранее написанных статьях и что поэтому он в основном ограничивается перечислением: это «расширение агитации на новые слои городской и деревенской бедноты, создание более широкой, подвижной и крепкой организации, подготовка восстания и вооружение народа, соглашение для этих целей с революционной демократией»⁸⁸. Но найдутся ли силы для решения грандиозных новых задач, для перехода к вооруженному восстанию? Ленин отвечал утвердительно и ссылаясь при этом на широкий размах пролетарского стачечного движения, на рост революционных настроений среди демократической ин-

теллигенции, в первую очередь среди студенчества, на оживление в кругах либеральной буржуазии. Он особенно выделял значение борьбы пролетариата — гегемона революции — и крестьянства, являвшегося союзником рабочего класса. Эти два класса, далеко не исчерпавшие накопившийся горючий материал, составляли главные силы освободительного движения; они же образовали бы и классовую опору власти, которая была бы установлена в результате победы буржуазно-демократической революции. В статье «Новые задачи и новые силы» В. И. Ленин впервые дал определение этой власти — революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства⁸⁹.

Для того чтобы направить и организовать новые силы, требовалось прежде всего то, о чем В. И. Ленин не уставал напоминать, — повышение роли партии как политического руководителя рабочего класса и возглавляемого им массового революционного движения. «Чем больше расширяется народное движение, тем больше раскрывается настоящая природа различных классов, тем насущнее задача *партии* руководить классом, быть его организатором, а не тащиться в хвосте событий... Чем шире новые и новые потоки общественного движения, тем важнее крепкая соц.-дем. организация, умеющая создавать новые русла для этих потоков»⁹⁰.

Способность руководить рабочим классом, направлять весь революционный процесс к достижению главной цели создавалась прежде всего идейной и организационной сплоченностью партийных рядов. Но немаловажное значение имели и количественные факторы — партия большевиков в начале 1905 г. имела в своем составе примерно 8400 членов⁹¹. Для решения новых задач этого было недостаточно. Отсюда следовал энергично сформулированный вывод:

«Революционная эпоха для социал-демократии все равно, что военное время для армии. Надо расширять кадры нашей армии, переводить ее с мирных контингентов на военные, мобилизовать запасных и резервных, призывать под знамена получивших отпуск, налаживать новые вспомогательные корпуса, отряды и службы. Надо не забывать, что на войне неизбежно и необходимо пополнять свои ряды менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да

рядом офицеров простыми солдатами, ускорять и упрощать производство солдат в офицеры.

Говоря без метафор: надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь идти в ногу с возросшим во сто раз потоком народной революционной энергии»⁹².

В. И. Ленин разъяснял, что создание новых организаций, пополнение их новыми силами ни в коей мере не должны вести к снижению идейной выдержанности членов партии. Ленин требовал не оставлять в тени «систематическое обучение истинам марксизма», искать новые методы идейно-политической закалки, не доверять «расплывчатым интеллигентам и революционным пустоцветам»⁹³. Важно было, однако, иметь в виду, что марксистская убежденность и выдержанность в ходе революционных битв вырабатывались не только и даже не столько путем «книжного» учения, сколько непосредственным участием в борьбе. «Помните, — разъяснял Ленин, — что каждый практический шаг революционного движения будет неизбежно и неминуемо учить молодых рекрутов именно социал-демократической науке, ибо эта наука основана на объективно-верном учете сил и тенденций различных классов...»

Однако, даже пополнив свои ряды новыми силами, большевики не могли рассчитывать на одинаково успешное решение ими всех многообразных задач. Поэтому В. И. Ленин призывал сосредоточить внимание РСДРП «на новых задачах»⁹⁴, на «непосредственных социал-демократических целях организованного руководства революционным потоком»⁹⁵. Ту же работу, которую Ленин назвал «подготовительной»⁹⁶ (культурно-просветительная, экономическая агитация и др.), следовало частично передать вовлекаемым в революцию новым силам, в первую очередь либерально-демократической интеллигенции.

Идеи, выдвинутые в работе «Новые задачи и новые силы», были при подготовке решений III съезда РСДРП развиты В. И. Лениным в статьях «Пролетариат и буржуазная демократия», «Пролетариат и крестьянство», «О нашей аграрной программе», «Социал-демократия и временное революционное правительство», «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», «Аграрная про-

грамма либералов», «Маркс об американском „черном переделе“» и в некоторых других трудах. Центральное место в этой группе статей, написанных в конце февраля — начале апреля 1905 г., заняли положения о союзе рабочего класса и крестьянства в буржуазно-демократической революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о временном революционном правительстве.

Ежедневно работая над статьями для газеты «Вперед», В. И. Ленин успевал заниматься множеством других дел. Одним из них было дальнейшее укрепление связи с большевистскими организациями в России. В марте 1905 г. Ленин получил письма из Петербурга, Харькова, Одессы, Нижнего Новгорода, Ярославля, Риги, Екатеринослава, Тифлиса, Твери, Тулы... В ответ из Женевы шли письма, в которых Ленин лично или через Надежду Константиновну давал советы, разъяснения, указания, запрашивал дополнительные сведения. Регулярными были и беседы с приезжавшими из России. Владимир Викторович Адоратский, приехавший в Женеву весной 1905 г. из Казани, так передавал свои впечатления после беседы с Лениным: «Есть писатели, которые дают в своих произведениях все, что они вообще могут дать. Личное общение с такими людьми не прибавляет ничего нового. Владимир Ильич был больше своих литературных работ, несмотря на все богатство их содержания и их глубину. Затем необходимо отметить необычайную способность дать собеседнику за очень короткий разговор чрезвычайно много»⁹⁷. И далее Адоратский писал: «Во время нашего разговора, который был очень оживлен, удалось коснуться и некоторых интересовавших меня тогда теоретических вопросов, бывших для меня неясными... Если чтение его речей, статей и брошюры «Что делать?» сразу же сделало меня его горячим сторонником, то после этого личного знакомства я был совершенно им очарован. Владимир Ильич обнаружил необычайную осведомленность в самых разнообразных областях, очень широкий круг интересов»⁹⁸.

В Женеву поступали помимо прочего сведения о росте крестьянского движения в России. Оно ширилось в губерниях черноземного центра, в Прибалтике, Белоруссии. Организованностью и боевитостью отли-

чалась революционная борьба крестьян в Грузии. «Начинаются крестьянские восстания, — отмечает Ленин. — Из различных губерний приходят известия о нападениях крестьян на помещичьи усадьбы, о конфискации крестьянами помещичьего хлеба, скота»⁹⁹. Через несколько дней Ленин записал: «Новое крестьянское движение, с каждым днем растущее и усиливающееся, выдвигает опять на первый план вопрос о нашей аграрной программе»¹⁰⁰. В меньшевистской «Искре» и эсеровской «Революционной России» появляются статьи, затрагивающие вопрос о роли крестьянства. Читая эти статьи, В. И. Ленин констатировал неспособность мелкобуржуазных деятелей дать классовую оценку крестьянского движения. В. И. Ленин ознакомился и со статьей К. Каутского «Крестьяне и революция в России», опубликованной в немецком социал-демократическом журнале «Новое время». Владимир Ильич обратил внимание на ошибочные призывы Каутского к нейтралитету «в вопросе об отношениях между крестьянами и помещиками», на неправильное изложение Каутским идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ленин еще раз перечитал и продумал то, что писали Маркс и Энгельс о решении аграрного вопроса и о крестьянском движении¹⁰¹. Все это стало еще одним побудительным мотивом к специальной разработке положений о роли крестьянства, о его союзе с рабочим классом.

Критикуя эсеровских и меньшевистских «знатоков» аграрного вопроса, В. И. Ленин разъяснил, что единого крестьянства в реальной действительности нет. Оно состояло из трех слоев — зажиточного, среднего и беднейшего. В их социальном облике были и общие черты, и существенные различия. Зажиточный слой (крестьянская буржуазия) «...несомненно, враждебен крепостничеству, помещикам, чиновничеству, он способен стать демократом, но еще более несомненна его враждебность по отношению к сельскому пролетариату»¹⁰². Средний слой был по своим устремлениям демократичнее зажиточного и имел больше общих черт с беднейшим крестьянством. Но только беднейшее крестьянство, сельский пролетариат могли быть прочной, надежной опорой рабочего класса, именно с ними было необходимо вступить в «теснейший союз». Городской и сельский пролетариат должны были сохранять полную самостоятельность, не терять пер-

спективу перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической.

Однако при всем различии социального облика трех слоев крестьянства, при всей обязательности классовой оценки его крестьянство в целом на этапе буржуазно-демократической революции, в борьбе за уничтожение феодально-крепостнических пережитков могло идти вместе с рабочими, быть их союзником. Революционный потенциал крестьянства был очень велик. «Вряд ли найдется другая страна в мире, — писал В. И. Ленин, — где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России. Чем беспросветнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреодолимее будет его революционный натиск. Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддержать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России...»¹⁰³

Ленин отверг доктринерские призывы Каутского к русским рабочим остаться в стороне от борьбы крестьянства против помещиков, предоставить крестьянам и помещикам «выяснять отношения самим между собой». Считая правильным временно ограничиться программным требованием возвращения крестьянству так называемых «отрезков» (земель, отобранных у крестьян после реформы 1861 г.), Ленин вместе с тем подчеркивал, что рабочий класс и его партия вполне признают законность и прогрессивность крестьянской войны за землю, с готовностью поддержат восставших крестьян в их стремлении «добить» помещика, отобрать у него всю землю¹⁰⁴. «Крестьянину, — отмечал Ленин, — нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю»¹⁰⁵.

Ленин придавал большое значение реализации программного лозунга создания революционных крестьянских комитетов и предлагал наделить их полномочиями для проведения не только аграрных, но и общедемократических преобразований в деревне. В этом случае «можно было бы считать выигранной битву за привлечение крестьян на сторону демократической республики»¹⁰⁶.

Как уже отмечалось, в статье «Новые задачи и новые силы» В. И. Ленин впервые сформулировал лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Теперь в связи с развитием им идеи союза пролетариата с крестьянством в буржуазно-демократической революции возникала необходимость всестороннего обоснования лозунга революционно-демократической диктатуры, иначе тезис о классовом союзе не имел бы логичного завершения. К тому же требовалось развенчание меньшевистских суждений о диктатуре. Дело было в том, что один из идеологов меньшевизма (А. Мартынов) выпустил шумевшую брошюру «Две диктатуры», в которой ополчался на самую идею революционно-демократической диктатуры, вносил путаницу в вопрос о принципиальном различии революционной власти в периоды борьбы за победу буржуазно-демократической и социалистической революций. Мартынову вторили авторы статей, опубликованных в меньшевистской «Искре».

В работах «Социал-демократия и временное революционное правительство» и «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» В. И. Ленин настойчиво предостерегал против смещения задач буржуазно-демократической и социалистической революций. Победа первой создавала благоприятные условия для перехода в будущем ко второй, но непосредственные цели начавшейся в 1905 г. революции состояли в свержении царизма, завоевании политической свободы, ликвидации феодально-крепостнических пережитков. Союз рабочего класса со всем крестьянством для достижения этих целей, намеченных в социал-демократической программе-минимум, был возможен и необходим. Этот союз выражался бы не только в совместной, возглавляемой пролетариатом борьбе за свержение царизма, но и в дальнейшем за предотвращение попыток контрреволюционной реставрации, за практическое осуществление широких демократических преобразований. А для этого требовалось, чтобы старую власть заменила новая, решительно действующая и твердая — революционно-демократическая диктатура. Классовым источником происхождения и классовой основой ее и явился бы союз пролетариата и крестьянства.

Отстаивая эти положения в полемике с меньшевиками, В. И. Ленин подчеркивал, что «отказ от идеи революционно-демократической диктатуры в эпоху падения самодержавия равносителен отказу от осуществления нашей программы-минимум. В самом деле, вспомните только все экономические и политические преобразования, выставленные в этой программе, требования республики, народного вооружения, отделения церкви от государства, полных демократических свобод, решительных экономических реформ. Разве не ясно, что проведение этих преобразований на почве буржуазного строя немыслимо без революционно-демократической диктатуры низших классов?»¹⁰⁷.

Государственной формой революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства стала бы демократическая республика, провозглашаемая Учредительным собранием. Но какой орган обеспечил бы свободу всеобщих выборов в Учредительное собрание, его созыв и его успешную законодательную работу? Напомним, что в общих чертах Ленин ответил на этот вопрос еще в статье «О боевом соглашении для восстания», написанной в начале февраля 1905 г. Он поддержал тогда идею создания Временного революционного правительства и вызвал этим бурю негодования в стане меньшевиков.

Для меньшевистских социал-демократических «ортодоксов» поддержка идеи создания Временного революционного правительства означала чуть ли не возвращение к тактике народовольцев. Совсем непонятно, раздраженно вопрошала меньшевистская «Искра», почему после январских событий 1905 г. мы должны поддержать эту идею. Ведь и до 9 января мы обязывались заботиться об обеспечении свободы выборов в Учредительное собрание, но «почему же до 9 января мы могли рассчитывать, что в роли наиболее революционной партии достигнем этого, давя на *всякое* правительство, формально созывающее Учредительное собрание, давлением революционной «улицы», а после 9 января мы должны «подымать выше» и стремиться из партии оппозиции стать возможно скорее партией правящей?»¹⁰⁸. Аналогичные нападки содержала и упомянутая брошюра А. Мартынова.

Для В. И. Ленина вопрос о Временном революционном правительстве был неотъемлемой частью

вопроса о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Ведь диктатура без соответствующих органов государственной власти оказалась бы пустой фразой. Поэтому положения о революционно-демократической диктатуре Ленин развивал вместе с положениями о Временном революционном правительстве. Он разъяснял, что речь идет о борьбе за победу буржуазно-демократической, а не социалистической революции, что движущими силами революции являлись пролетариат и крестьянство, а не буржуазия, и что именно пролетариат и крестьянство должны, ради обеспечения полной победы буржуазно-демократической революции, установить свою революционную диктатуру и создать свое революционное правительство. «Давление улицы» на царское или либерально-буржуазное правительство, конечно же, не обеспечило бы проведения широких революционных преобразований, свободные выборы в Учредительное собрание и успешную работу его¹⁰⁹.

Должна ли социал-демократия непосредственно участвовать в создании Временного революционного правительства, иметь в нем своих представителей? Меньшевики, отвергавшие идею такого правительства и ожидавшие замены царского правительства правительством либерально-буржуазным (революция-то буржуазная!), естественно полагали, что в такое правительство представителям социал-демократии входить не следует. Им, уверяли меньшевики, нужно оставаться на положении оппозиции. «Пролетариат,— рассуждал Мартынов,— не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции»¹¹⁰. В. И. Ленин оценивал эти взгляды как проявление «хвостизма», как мешанину различных понятий¹¹¹.

На этапе борьбы за победу социалистической революции была бы иная расстановка классовых сил и вопрос о вхождении представителей партии пролетариата в правительство вместе с представителями других партий решался бы особо. Но на этапе буржуазно-демократической революции, не имевшей своей задачей проведение социалистических преобразований и совершаемой усилиями рабочего класса, деревенской и городской мелкой буржуазии, вхождение социал-демократов в состав Временного революционного правительства вместе с последовательными революцион-

но-демократическими элементами безусловно необходимо.

Строгое соблюдение принципов классовой политики практически устраняло опасности, связанные с участием в неоднородном по составу революционно-демократическом правительстве. Но В. И. Ленин был против утверждений меньшевика Парвуса (А. Л. Гельфанда), будто социал-демократии придется образовать во Временном революционном правительстве свое большинство. «Этого не может быть,— писал Ленин,— потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии»¹¹².

Вхождение представителей партии рабочего класса в состав Временного революционного правительства должно было обеспечить установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, проведение ею в жизнь требований программы-минимум РСДРП. Оставляя же государственную власть в руках царского или буржуазно-либерального правительства, не создавая Временного революционного правительства, социал-демократия могла рассчитывать в лучшем случае на отдельные уступки ее требованиям. Поэтому реальная опасность заключалась в проведении трусливой, «хвостистской» тактики, в санкционировании приоритета буржуазных либералов, в готовности удовлетвориться ролью легальной оппозиции, а не в создании Временного революционного правительства с участием социал-демократии. «Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может сладить организованный пролетариат»¹¹³, — заключал свои доводы В. И. Ленин.

Жизнь, ход революции подтверждали правоту ленинских идей. В то время как пролетариат своим при-

мером увлекал мелкобуржуазные массы на борьбу с самодержавием, буржуазные либералы высказывали стремление побудить царизм к реформаторству, к отдельным уступкам и тем самым к умиротворению народных масс. Опубликование 18 февраля уже упомянутого царского рескрипта министру внутренних дел Булыгину, начало работы совещания по подготовке проекта созыва «народного представительства» подняло настроение у либералов. Они стали готовиться к торгу с царизмом за расширение полномочий обещанного парламентского учреждения. Большинство либералов желало получить из рук царя конституцию и законодательное «народное представительство». «Конституционный базар» — так озаглавил В. И. Ленин свою статью, посвященную готовившейся сделке царизма с буржуазными либералами. «Базар идет на славу, — саркастически замечал Ленин. — Расторговываются хорошо. Запрашивают хорошие господа из общества и прожженные господа из придворных. Все идет к тому, чтобы скинули с цены и те, и другие, а затем... по рукам, пока рабочие и крестьяне не вмешались»¹¹⁴. Все это укрепляло глубокую убежденность В. И. Ленина в обоснованности курса на вооруженное восстание, на завоевание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, на создание Временного революционного правительства с участием большевиков, на созыв Учредительного собрания.

Ленин — гений революции. В революционное время он испытывал необыкновенный прилив сил и энергии, его мысль успевала охватывать все стороны, все особенности стремительного и сложнейшего общественного процесса. Непокколебимо веря в правоту революционного дела, в его конечное торжество, Ленин отвергал предвзятость при оценке перспектив каждого данного этапа борьбы. Это — драгоценное качество лидера движения, знающего о препятствиях и готового к преодолению их.

В архиве сохранилась исключительно интересная незавершенная статья В. И. Ленина (впервые она была опубликована в 1926 г.) «Революция типа 1789 или типа 1848 года?». Владимир Ильич, размышляя над возможным исходом русской революции, рассматривал два варианта: либо русская буржуазно-демократическая революция завершится, как и Великая

французская, полной победой, свержением монархической власти и провозглашением республики, либо, как это было в 1848 г. в Германии, все ограничится уступками со стороны старой власти и провозглашением монархической конституции. Какой же исход был вероятнее? ¹¹⁵

Взвешивая все «за» и «против», все «плюсы» и «минусы» исторических условий, В. И. Ленин отмечал «несравненно больший запас озлобления, революционности» в рабоче-крестьянских массах России, чем в Германии 1848 г., умножение натиска на царизм освободительным движением угнетенных наций России, сравнительно благоприятную международную конъюнктуру ввиду наличия сильного рабочего класса в монархических странах Европы, вероятность «резкого краха» царизма вследствие полного отсутствия политической свободы и увязания правительства в болоте неудачной войны с Японией, наличие в России революционных организаций, значительно более развитых, чем в странах, в которых ранее совершались революции. Эти факторы Ленин оценивал как «плюсы», дававшие основание рассчитывать на полную победу русской революции ¹¹⁶.

Имелись, однако, и «минусы». К ним В. И. Ленин относил меньшее, чем в пору западноевропейских революций, сохранение остатков феодализма, большую опытность и осведомленность находившегося у власти правительства, привнесение войной ряда обстоятельств, осложнявших решение непосредственных революционных задач, отсутствие революционных толчков извне, опасность вспышки шовинистических настроений среди буржуазии, в том числе мелкой, в связи с ростом национально-освободительного движения, вероятность быстрого и открытого перехода буржуазии на сторону самодержавия, так как в эпоху империализма классовый антагонизм буржуазии и пролетариата был несравненно глубже и острее, чем в эпоху домонополистического капитализма ¹¹⁷.

Чего же в этих условиях обязана добиваться революционная социал-демократия? Активного использования благоприятствующих факторов, полной победы русской революции. Конечно, вынести приговор относительно преобладания «плюсов» или «минусов», указывал Ленин, сможет только история. «Наше дело, социал-демократии, толкать буржуазную революцию

как можно дальше, никогда не забывая *главного* нашего дела: самостоятельной организации пролетариата»¹¹⁸.

3. Ленин и III партийный съезд

В конце марта 1905 г. в Женеву из России приехал Михаил Иванович Васильев-Южин, активный деятель революционного подполья, член партии с 1898 г. «Было еще не поздно, и я прямо с вокзала со своим скромным багажом отправился на Rue de Sa-gouge, знаменитую «Каружку», на которой и в районе которой по преимуществу ютились русские политические эмигранты, — рассказывает он в своих воспоминаниях. — Первый встреченный мною русский — а их нетрудно было узнать по обличью, костюму и манере держать себя — указал мне, где найти большевистскую столовую и читальню-библиотеку, нечто вроде большевистского клуба. Там меня встретили очень радушно, и я, кажется, в тот же день познакомился с тов. Ольминским, памфлеты которого под псевдонимом «Галерка» я хорошо знал и высоко ценил; познакомился с товарищами Бонч-Бруевичем и его на редкость милой женой В. Величкиной, позже — с Луначарским, Воровским, Бранденбургским, Ильиным, Кнунянцем (Радиным) и другими товарищами. Мне помогли дешево и удобно устроиться.

На следующий день я отправился к Владимиру Ильичу. Как и большинство, вероятно, товарищей, знавших Ильича только по его литературным трудам, речам на втором съезде партии и полемическим выступлениям, я представлял себе его наружность совсем иной, чем было в действительности. Мне казалось, что он должен быть высоким брюнетом с живыми, непременно черными глазами и мощной фигурой. Та сила и страстность, которыми, как электричеством, были насыщены каждая написанная им строка, каждая высказанная мысль, невольно материализовались в такую же огненную и могучую внешность их автора. К моему удивлению, меня встретил коренастый рыжеватый человек среднего роста, с лицом монгольского типа, с добродушно-насмешливой улыбкой на губах и в хитро прищуренных светло-карих глазах. Эти умные, живые, проницательные глаза и боль-

шая, характерная, уже тогда лысая голова с огромным лбом сразу приковывали к себе внимание, но лукавая усмешка, искрящаяся в прищуренных глазах, вынуждала вместе с тем подтягиваться и держаться настороже.

«Хитрый мужик!» — невольно подумал я.

Встретил меня Владимир Ильич с обычным для него радушием, теплотой и товарищеской простотой»¹¹⁹.

Связь Ленина с революционной Россией ширилась и крепла с каждой неделей. К нему все чаще приезжали подпольщики, среди которых были и впервые видевшие Владимира Ильича и давно с ним лично сотрудничавшие. Регулярно наведывались в Женеву и члены Бюро комитетов большинства. «Мы работали в России, объезжали комитеты, проводили в жизнь директивы Ильича, — вспоминал член Бюро Мартын Николаевич Лядов. — Мне пришлось частенько ездить нелегально за границу. Приедешь на неделю, расскажешь Ильичу все новости, нагрузишься его инструкциями, указаниями, советами и едешь обратно разыскивать товарищей по Бюро комитетов большинства. И всегда мы удивлялись, как верно, сидя там, в Женеве, Ильич умел оценивать положение вещей, как ясно перед ним вырисовывалась вся картина запутанных взаимоотношений, создавшихся в России... после кровавого 9 января»¹²⁰.

Все шире становился поток писем. По свидетельству Н. К. Крупской, ведавшей этим каналом связи, количество писем весной 1905 г. доходило до 300 в месяц¹²¹. Это была действительно, используя данное Надеждой Константиновной определение, громадная переписка. «И сколько материалу она давала Ильичу! Он умел читать письма рабочих. Помню одно письмо, писанное рабочими одесских каменоломен. Это было коллективное письмо, написанное несколькими первобытными почерками, без подлежащих и сказуемых, без запятых и точек, но дышало оно неисчерпаемой энергией, готовностью к борьбе до конца, до победы, письмо, красочное в каждом слове, наивном и убежденном, непоколебимом. Я не помню теперь, о чем писалось в этом письме, но помню его вид, бумагу, рыжие чернила. Много раз перечитывал это письмо Ильич, глубоко задумавшись, шагал по комнате»¹²².

Далеко не всегда приходили письма с «открытым» текстом. Требования конспирации вынуждали прибегать к использованию шифров. «Переписка с Россией,— вспоминала Лидия Александровна Фотиева,— была тяжелой и трудоемкой работой. Она состояла из ряда операций: прежде всего полученные письма следовало разобрать, каждое письмо проявить, расшифровать зашифрованную часть текста и переписать. Затем надо было написать текст письма, направляемого в Россию, зашифровать наиболее секретную часть его, вписать все письмо химическим способом между строк заготовленного заранее и написанного обыкновенными чернилами письма, которое по содержанию не могло бы вызвать подозрения охранки. Нередко в шифровке полученных писем встречались ошибки, и приходилось долго биться над их расшифровкой. Случалось также, что в результате пропажи предыдущего письма или провала организации полученное письмо было зашифровано новым, неизвестным шифром, и нелегко было выяснить, каким именно. Иногда написанный «химией» текст не проявлялся: тогда приходилось через «Почтовый ящик» просить повторения письма.

Владимир Ильич внимательно следил за перепиской с Россией. Текст писем обыкновенно писала Надежда Константиновна от имени Ленина или Владимир Ильич писал сам. Остальную, техническую часть работы во время моего пребывания в Женеве Надежда Константиновна делила со мной»¹²³.

...Шли дни и недели революции, и все острее ощущалась необходимость в созыве партийного съезда, который сплотил бы всех истинных борцов, вооружил бы их коллективно обсужденной и коллективно одобренной тактической линией, избрал бы новые, способные противостоять меньшевистским дезорганизаторам руководящие органы РСДРП.

«Извещение о созыве третьего партийного съезда», принятое Бюро комитетов большинства, статьи В. И. Ленина, опубликованные газетой «Вперед», его письма и устные указания активизировали всю подготовительную работу. Местные партийные организации одна за другой высказывались за скорейший созыв партийного форума. Под давлением многих организаций примиренческому ЦК в конце февраля 1905 г. пришлось вступить в переговоры с БКБ. Не смог

удержаться на своей позиции и находившийся под влиянием меньшевиков Совет партии. 10 марта он постановил принять посредничество германских социал-демократов и А. Бебеля для разбора конфликта в РСДРП и прислать на III партийный съезд двух своих представителей для участия в третейском разбирательстве. Ленин приветствовал этот шаг Совета партии, но указал на его непоследовательность, так как Совет не призывал все партийные организации участвовать в работе съезда¹²⁴. От членов БКБ Ленин требовал сохранения полной самостоятельности в переговорах с ЦК¹²⁵.

12 марта БКБ и ЦК заключили подписанное С. И. Гусевым (от Бюро) и Л. Б. Красиным (от ЦК) соглашение о созыве съезда и о создании Организационного комитета в составе членов Бюро и ЦК. Было принято обращение «К партии», извещавшее все организации о решении БКБ и ЦК относительно «насушной необходимости немедленного созыва III партийного съезда для установления общей партийной тактики и организационного единства партии»¹²⁶. «Партийность победила кружковщину, — констатировал В. И. Ленин. — В последнюю минуту ЦК увидел, что созываемый БКБ съезд есть действительно партийный съезд, и примкнул к нему. Центральный Комитет нашел в себе в последнюю минуту достаточно гражданского мужества, чтобы отказаться от антипартийной политики и восстать против заграничного Совета»¹²⁷.

Готовясь к съезду партии, Ленин работал чрезвычайно энергично. Еще в феврале 1905 г. он написал «Общий план работ и решений III съезда РСДРП», в котором наметил проект повестки дня съезда, перечень предполагаемых резолюций, общий план решений съезда, а также проекты четырех резолюций («Резолюция о дезорганизаторском поведении меньшевиков или новоискровцев», «Резолюция о поведении в партийном кружке Плеханова», «Резолюция о принципиальной позиции новоискровцев», «Резолюция об отношениях между рабочими и интеллигентами в социал-демократической партии»). Вместе с рассмотренными выше статьями эти ленинские труды являлись решающим вкладом в идейно-теоретическую и организационную подготовку III съезда РСДРП.

По соглашению между БКБ и ЦК партийным организациям предлагалось избрать делегатов на съезд к 22 марта. Однако меньшевики всячески тормозили работу. Формально согласно § 2 Устава, принятого II съездом РСДРП, съезд партии созывал ее Совет. Он был обязан объявить о созыве, если этого требовали большинство организаций. Но Совет, председателем которого был Г. В. Плеханов, отказывался давать санкцию. А из России уже прибывали делегаты, проявлявшие законное недовольство оттяжками. Ввиду этого 5 апреля в Женеве состоялось заседание Оргкомитета с участием В. И. Ленина¹²⁸. Заседание постановило дать Совету семидневный срок для окончательного определения своей позиции, после чего открыть съезд. 6 апреля 20 делегатов приняли резолюцию, в которой говорилось о вреде «для общепартийной работы в переживаемое нами время от продолжительной задержки делегатов за границей»¹²⁹.

В те дни В. И. Ленин встречался и беседовал с приезжавшими делегатами, проводил совещания по основным вопросам порядка дня съезда. Обстановка была напряженной, ибо меньшевики, решив провести в Женеве свою конференцию, пытались распропагандировать делегатов. В этих условиях важную роль играло изданное листовкой, а затем опубликованное газетой «Вперед» «Открытое письмо председателю Совета РСДРП тов. Плеханову». Оно было написано Лениным от имени ЦК 10 апреля. Письмо обличало антипартийную позицию Совета, его тактику проволок. Ленин указывал, что к 4 апреля созыв съезда поддержала 21 организация РСДРП¹³⁰. Это составляло значительное большинство, так как всего правом участия в работе съезда располагали 28 социал-демократических организаций¹³¹.

Ожидать в Женеве решения Совета РСДРП не имело смысла. Там для завершения переговоров с Советом задержались члены ЦК Л. Б. Красин и А. И. Любимов, а В. И. Ленин и все другие находившиеся в Женеве делегаты переехали в Лондон, где и должен был состояться съезд. Впрочем, часть делегатов направлялась туда из России через Берлин, без заезда в Женеву. «В Лондоне,— вспоминал М. Н. Лядов,— я направился в уже знакомую мне по второму съезду квартиру Алексева, эмигранта-большевика, уже давно живущего там. В двух маленьких комнат-

ках его квартиры было настоящее столпотворение вавилонское. Часть делегатов тут же на полу устроилась до приискания квартиры со всем своим багажом. Все наперебой рассказывали о своих дорожных приключениях. Среди делегатов ходил Ильич. Внимательно всматривался в каждое новое лицо, расспрашивал, знакомился, как бы впитывал в себя все то, что делегаты привезли с собой с местной работы. Большинство делегатов впервые попало за границу. Они действительно были настоящими представителями с мест»¹³².

В Лондоне В. И. Ленин продолжил начатую в Женеве серию совещаний с делегатами, с членами БКБ и редакцией газеты «Вперед». 11 апреля он участвовал в заседании Оргкомитета, постановившего открыть съезд незамедлительно. Тогда же определилось, что в работе съезда будут участвовать 24 делегата с решающим и 14 делегатов с совещательным голосом. Ленин был избран делегатом от Одесского комитета РСДРП. Среди делегатов были А. А. Богданов, М. К. Владимиров, В. В. Воровский, П. А. Джапаридзе, П. А. Краси́ков, Н. К. Крупская, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский, Д. С. Постоловский, Н. А. Скрыпник, М. Г. Цхакая, А. М. Эссен. Присоединились к делегатам Л. Б. Красин и А. И. Любимов, так и не сумевшие договориться с Советом РСДРП.

Делегаты III съезда партии были молоды. «Старейшему» из них — Михаилу Григорьевичу Цхакая — было 40 лет. Ему-то, по предложению Ленина, и поручили открыть съезд.

Напряженная обстановка, созданная меньшевиками накануне съезда, конфликт с Советом РСДРП сказались на настроении части делегатов. В письме, отправленном 15 апреля партийным комитетам, Н. К. Крупская сообщала, что сначала среди делегатов замечалась нервозность¹³³, однако личное обаяние В. И. Ленина, его умение находить путь к уму и сердцу людей быстро изменили настроение. По свидетельству М. Н. Лядова, «создалась хорошая, чисто товарищеская атмосфера. По вечерам собирались в немецком кабачке, который мы полюбили еще со II съезда. Там в подвале частенько за кружкой пива велась самая непринужденная товарищеская беседа, не раз пели мы хором русские песни и слушали хорошее пение Гусева. Те товарищи, которые впервые

познакомились с Ильичем, прямо влюбились в него. Как часто слышались возгласы после задушевной беседы: «Да, с таким вождем не пропадем, он сумеет сколотить партию». Надежда Константиновна тоже брала всех на исповедь, старалась выжать всякие адреса, устанавливала с каждым личный шифр и личную связь. В свободное время знакомились с городом. Ильич показывал делегатам наиболее интересные места. Он был отменным гидом, очень хорошо знал Лондон»¹³⁴.

При открытии съезда В. И. Ленин был избран председателем. Владимир Ильич направлял всю работу съезда твердо и вместе с тем с большим тактом. «Вы его, должно быть, никогда не видели в таком добродушно-терпеливом настроении», — писала 29 апреля 1905 г. Н. К. Крупская М. С. Ольминскому¹³⁵. Работа, проделанная В. И. Лениным за дни заседаний съезда, была поистине огромна. Он выступал с докладами, входил в состав комиссии по подготовке проектов резолюций, готовил проекты резолюций по основным вопросам, вел дневник председателя съезда, выступал по ряду вопросов повестки дня. Более 100 раз выступал он на съезде в качестве председателя, а всего в протоколах съезда записано около 140 его выступлений.

Протоколы съезда, по предложению В. И. Ленина, вели по очереди двое из делегатов, сдававшие затем свои записи, а также полученные от ораторов тексты или тезисы их речей Н. К. Крупской. «Не все члены съезда были хорошими секретарями», — сетовала Надежда Константиновна, которой потом пришлось изрядно потрудиться над приведением протоколов в надлежащий порядок¹³⁶. «Приходится страшно жалеть, что на съезде не было стенографисток, — писал М. Н. Лядов. — Сколько чрезвычайно важных речей Ильича пропало из-за этого... Протоколистам приходилось по нескольку раз напоминать ему о необходимости сдать конспект своей речи. Засесть вплотную за конспект Ильичу никогда не удавалось, он обычно на лету записывал несколько важнейших высказанных им положений. С каким затаенным вниманием слушали мы, делегаты съезда, его блестящие, иногда двухчасовые речи, а изложены они сухо, на двух-трех страничках». О впечатлении, производимом речами Ленина, пишет в своих воспоминаниях и М. Г. Цхакая¹³⁷.

III съезд РСДРП работал 16 дней — с 12 по 27 апреля. В повестке дня съезда значилось 14 вопросов, сгруппированных для удобства рассмотрения их в шести рубриках: тактические вопросы, организационные, отношение к другим партиям и течениям, внутрипартийные вопросы, отчеты делегатов и выборы руководящих органов. Съезд принял 21 резолюцию, занесенную в список главнейших, и еще 19 резолюций и постановлений, не вошедших в этот список. Поскольку выработка четкой тактической линии партии в начавшейся революции была главной задачей съезда, то основное внимание, естественно, уделялось первой рубрике вопросов: вооруженное восстание, отношение к политике правительства накануне и в момент переворота, Временное революционное правительство, отношение к крестьянскому движению. Сюда примыкали и вопросы третьей рубрики: отношение к другим партиям и течениям. Все эти вопросы рассматривались на 14 заседаниях съезда (из 26).

Еще в начале апреля 1905 г. В. И. Ленин присутствовал на реферате А. В. Луначарского, посвященном вооруженному восстанию¹³⁸. В целом реферат, видимо, понравился Ленину, и он решил поручить Анатолию Васильевичу выступить с докладом о вооруженном восстании на III партийном съезде. Ленин подготовил и передал Луначарскому тезисы доклада, а затем отредактировал его полный текст¹³⁹. Как сообщил впоследствии Луначарский, он «исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича»¹⁴⁰. Докладчик должен был остановиться на принципиальной стороне вопроса, главным образом на отношении к восстанию социал-демократии. Содокладчиком, в задачу которого входило рассмотрение организационно-технической стороны дела, намечался А. А. Богданов. Предстоявшее обсуждение тщательно готовилось путем проведения предварительных совещаний. Проекты двух резолюций о вооруженном восстании — основной и дополнительной — подготовил В. И. Ленин.

Докладчики выступили на съезде 14 апреля, на пятом (вечернем) заседании. А. В. Луначарский в своем докладе указывал, что подготовка вооруженного восстания большевиками возможна лишь при наличии в стране широкого, возникающего по почину самих масс революционного движения. Обрисовав

внутреннее положение России и подвергнув критике хвостистскую позицию меньшевиков, докладчик говорил далее об обязанности большевиков возглавлять движение рабочего класса, вести его на борьбу за свержение царизма путем массовых политических стачек и вооруженного восстания, условия для перехода к которому созрели ¹⁴¹. Луначарский строго придерживался указаний Лепина, излагал положения, выдвинутые и обоснованные вождем партии большевиков еще в его статьях «Две тактики», «Должны ли мы организовать революцию?», «Новые задачи и новые силы» и др. Луначарский зачитал и ленинский проект резолюции о вооруженном восстании. Богданов в своем содокладе говорил о мероприятиях военно-технического характера и о характере агитационно-пропагандистской работы в период подготовки и проведения восстания ¹⁴².

В развернувшихся после докладов прениях (они начались на шестом (утреннем) заседании 15 апреля и завершились на девятом (вечернем) заседании 16 апреля) выступило более 20 человек. И здесь уместно остановиться на одной особенности хода работы III съезда РСДРП, особенности, которая стала традиционной для большевистских съездов.

Все делегаты III съезда проявляли исключительную активность, предельную заинтересованность в самом тщательном рассмотрении и правильном решении каждого вопроса. Обратимся снова к воспоминаниям М. Н. Лядова. Он писал, что «именно в ходе работы этого съезда происходила окончательная закалка большевистской идеологии. И что самое важное, эта закалка создавалась действительно коллективным путем. Пожалуй, III съезд наш был одним из наиболее активных съездов. Каждый делегат высказывался чуть ли не по всем вопросам. Еще недавно меньшевики глумились над нами, что большевики — это стадо «безмолвных баранов», которые слепо идут за Лениным, единственным своим вождем. На III съезде уже ясно наметилась сильная группа теоретиков и не менее сильная группа практиков, которые на деле показали, что они могут руководить движением» ¹⁴³. Н. К. Крупская в письме М. С. Ольминскому тоже с радостью отмечала: «Говорят все делегаты» ¹⁴⁴.

Все выступавшие в прениях поддерживали ленинский курс на вооруженное восстание, вносили кон-

кретные предложения, рассказывали о положении и о работе на местах. В. И. Ленин очень внимательно следил за ходом прений, требовал соблюдать регламент (выступавшим давалось 10 минут), просил не уклоняться от темы обсуждения. Владимир Ильич дважды выступал с речами о вооруженном восстании. В первой речи (на утреннем заседании 15 апреля) он в ответ на слова М. Г. Цхакая о ясности принципиальной стороны вопроса указал, что ясный вопрос пытались затемнить меньшевики и что принципиальная постановка вопроса требовалась ввиду недооценки работы по подготовке восстания. Ленин призвал участников съезда поделиться практическим опытом, нуждавшимся в обобщении¹⁴⁵. Во второй речи (на утреннем заседании 16 апреля) Владимир Ильич говорил о тексте резолюции.

Уже отмечалось, что Ленин подготовил проекты двух резолюций о вооруженном восстании — основной и дополнительной, или, как помечено в составленном Лениным перечне резолюций, «тайной»¹⁴⁶. Проект дополнительной, или «тайной», резолюции не оглашался на съезде и был роздан делегатам для ознакомления. Проект же основной резолюции тщательно обсуждался как на заседании съезда, так и в комиссии подготовки проектов резолюций. Это было вызвано не только особой важностью документа, но и тем, что Д. С. Постолюковский предложил свой проект. Владимир Ильич отнесся к этому очень спокойно.

«Возникает вопрос: существуют ли принципиальные разногласия между предложенными резолюциями, — говорил Ленин на утреннем заседании 16 апреля. — Я решительно не вижу их. Хотя я значусь самым непримиримым, я все же попытаюсь примирить и согласовать обе резолюции, займусь их примирением»¹⁴⁷. После выступления Ленина третий проект резолюции предложил П. А. Красиков¹⁴⁸. Съезд прервал заседание и к работе приступила комиссия. Владимир Ильич внес в проект, подготовленный им и зачитанный 14 апреля А. В. Луначарским, некоторые изменения¹⁴⁹, и комиссия согласилась с ними. На вечернем заседании 16 апреля «примирительная» резолюция с незначительными поправками была принята единогласно при одном воздержавшемся¹⁵⁰.

Принятие съездом ленинской резолюции о вооруженном восстании имело исключительное значение.

Резолюция подтверждала и закрепляла, превращала в политическую директиву для большевиков три основных тезиса, которые так последовательно и страстно отстаивал в своих работах В. И. Ленин: пролетариат является гегемоном, ведущей силой буржуазно-демократической революции; пролетариат выполнит свою роль, «лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой»¹⁵¹, развитие русской революции уже привело к необходимости вооруженного восстания, и «задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент»¹⁵².

Резолюция обязывала партийные организации разъяснять пролетариату не только политическое значение, но и практические вопросы подготовки восстания, а также особую роль массовых политических стачек в начале и в ходе восстания. Съезд обязывал большевиков «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»¹⁵³.

Что касается упоминавшейся дополнительной, или «тайной», резолюции, то в ней указывалось, что под подготовкой восстания следует понимать, помимо прочего, «накопление опыта путем практических попыток отдельных вооруженных выступлений, например, выступления вооруженных отрядов, нападающих на полицию и войско при случаях тех или иных открытых народных собраний или нападения вооруженных отрядов на тюрьмы, правительственные учреждения и т. д.»¹⁵⁴. Резолюция предостерегала против непродуманных и неподготовленных вооруженных актов, обязывала партийные организации не допускать бесполезной растраты сил¹⁵⁵.

Решение о подготовке вооруженного восстания обязывало определить отношение к политике царского правительства накануне и в момент революционного переворота. Основное значение здесь имел вопрос о Временном революционном правительстве и, вероятно по инициативе В. И. Ленина, комиссия по

подготовке проектов резолюций предложила разделить второй пункт повестки дня на два вопроса с отдельными докладами: 1) отношение к политике царского правительства накануне переворота и 2) в момент переворота. С первым докладом должен был выступить П. П. Румянцев, а со вторым — В. И. Ленин. Имелось в виду, что ленинский доклад и будет посвящен вопросу о временном революционном правительстве. Съезд согласился с предложением комиссии¹⁵⁶.

С началом революции царское правительство в своей политике сочетало угрозы и применение репрессий с посулами отдельных уступок и реформ. Как относиться к этим уступкам, к несколько расширившейся возможности легальной деятельности, если главной задачей становилась подготовка вооруженного восстания? Проблема была непростой, и Румянцев в своем докладе, равно как и некоторые выступавшие в прениях, испытывал затруднения. Обнаружилось несходство точек зрения и в результате были выдвинуты три проекта резолюции, а затем и поправки к ним. Все участники обсуждения поддерживали лозунг свержения царизма, но одни делегаты (П. А. Красиков, Н. В. Романов и др.) предлагали при подготовке свержения заранее и безусловно отказаться от участия в легальных обществах и в неполноправном парламентском учреждении, а другие делегаты (М. Н. Лядов, В. М. Обухов и др.) высказывались за использование всех легальных возможностей для усиления влияния на массы¹⁵⁷.

В. И. Ленин заботился о том, чтобы все формы деятельности партии и рабочего движения подчинялись задаче подведения масс к вооруженному восстанию. Но он не считал опасным участие социал-демократов и рабочих в легальных обществах и комиссиях (например, в комиссии Шидловского), если при этом строжайше соблюдался принцип партийной и классовой самостоятельности. Ведь в статье «Новые задачи и новые силы» Ленин призывал не к бойкоту легальных обществ, а к экономному, рациональному использованию наличных партийных сил, к сосредоточению внимания на достижении главной цели.

Ленин обдумывал и вопрос об отношении к обсуждавшемуся в булыгинской комиссии и в либерально-буржуазных кругах проекту созыва законосовеща-

тельного учреждения (в прессе его нередко называли земским собором). Если бы осуществление этого проекта препятствовало развитию революции, если бы земский собор стал собранием прислужников царизма и угодливых либералов, то решение было бы очень определенным и однозначным. «Великолепно!» — воскликнул Владимир Ильич в ответ на заявление одного из делегатов съезда о том, что «рабочие готовы послать к черту земский собор, где не будет рабочих»¹⁵⁸. Но развитие революции — процесс исключительно сложный, не поддающийся математическим расчетам. Поэтому, по убеждению Ленина, большевикам не следовало заранее лишать себя свободы выбора тактических приемов борьбы, заранее связывать себя «жестким» решением того или иного конкретного вопроса.

Вслушиваясь в речи делегатов, Ленин откликнулся на первое же проявление «жесткости». Это было в конце вечернего заседания 16 апреля, когда слово взял Постоловский, предложивший свой проект резолюции¹⁵⁹. Владимир Ильич тут же написал, очевидно для комиссии по подготовке проектов резолюций, предложение «удовлетворить» Постоловского добавлением к проекту резолюции Румянцева. Суть этого добавления сводилась к указанию на необходимость использовать уступки правительства для расширения и закрепления завоеваний революционного народа и для неуклонного разоблачения реакционных целей царизма, для срыва его попыток разъединить рабочих и отвлечь их внимание от решения насущных задач революции¹⁶⁰. А в конце утреннего заседания 18 апреля Ленин взял слово для выступления, в котором призвал пользоваться всеми возможностями, в том числе возможностями, даваемыми участием в легальных обществах и комиссиях, для расширения агитационной работы. Ленин предложил не давать «категорических указаний» по этому вопросу¹⁶¹. В ответ на речь П. А. Красикова (Зими́на) Владимир Ильич сказал: «Мнение г. Зими́на угловато. Ответить категорически, следует ли участвовать в земском соборе, нельзя. Все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, земский собор — это обман. Это верно, но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие

в выборах. Кроме общей директивы дать ничего нельзя»¹⁶².

По предложению Ленина все проекты резолюций об отношении к политике правительства накануне восстания были отправлены в комиссию. Был составлен сводный проект, в который Ленин внес поправки и дополнения. Этот документ, названный затем резолюцией «Об отношении к тактике правительства накануне переворота», содержал указания на обязанность большевиков разоблачать попытки царского правительства отвлечь рабочий класс от революционной борьбы при помощи отдельных уступок и обещаний реформ. Бойкот выборов в земский собор не предreshался категорически, но замыслам создания карикатурных форм народного представительства противопоставлялась идея учредительного собрания, созванного революционным путем на основе всеобщего избирательного права¹⁶³. Партийные организации обязывались мобилизовывать пролетариат на революционное осуществление 8-часового рабочего дня и других требований, организовывать вооруженный отпор выступлениям черносотенцев¹⁶⁴.

Одним из важнейших положений этого документа было определение способа осуществления революционных преобразований. Идея созыва Учредительного собрания поддерживалась, но какие бы то ни было конституционные иллюзии отменялись. Рабочему классу согласно смыслу и духу проекта резолюции предстояло не ожидать созыва парламента, хотя бы и самого демократического, а под руководством большевиков немедленно революционным путем, «явочным» порядком реализовывать свои требования. Учредительному собранию оставалось юридически, законодательно оформить уже совершенные преобразования. «Парламентский кретинизм» отвергался, ибо вершителями судеб революции являлись сами революционные массы. Это — один из коренных принципов ленинской партии большевиков.

По докладу об отношении к политике царского правительства накануне переворота был подготовлен проект еще одной резолюции: «По вопросу об открытом политическом выступлении РСДРП». Основу ее составили положения ленинской статьи «Новые задачи и новые силы». В проекте резолюции отмечалось, что, поскольку царское правительство до известной

степени дезорганизовано и под напором революционного движения вынуждено идти на некоторые уступки, большевики должны не упускать ни одной возможности для открытых политических выступлений. Рабочие массы, указывалось в документе, сами стремятся к открытому выступлению на политической арене, чем пользовались либералы. Это обязывало большевиков противопоставлять в ходе открытой борьбы классовые требования пролетариата буржуазно-либеральной пропаганде. Одна из идей статьи «Новые задачи и новые силы» (о создании опоры и ближайшего резерва партии) получила отражение в следующем пункте проекта резолюции: «Использовать все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и др. организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их по мере возможности в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России»¹⁶⁵. Тем самым решался вопрос об использовании легальных обществ: рабочие общества следовало использовать в обязательном порядке. А прочие общества и комиссии, вроде комиссии Шидловского? В проекте резолюции они не упоминались и, следовательно, в соответствии с высказанным Лениным мнением, решение об участии в них принималось бы в зависимости от конкретной обстановки.

«Перед нами цельный вопрос об изменении характера деятельности социал-демократии, что и констатируется резолюцией»¹⁶⁶, — указал В. И. Ленин при обсуждении проекта резолюции об открытом политическом выступлении РСДРП. Документ, органично связанный с резолюциями о вооруженном восстании и об отношении к политике царского правительства накануне переворота, ориентировал партию на сочетание нелегальных и легальных форм деятельности. Этим определялся характер подготовки вооруженного восстания. Она, эта подготовка, вопреки лживым обвинениям меньшевиков, не имела ничего общего с «заговором», с бланкизмом, а само восстание мыслилось как широкое народное выступление. Оно направлялось бы партией пролетариата, тесно связанной с массами, опирающейся на их общества и союзы, в том числе легальные. «Принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, наряду с сохра-

нением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода, во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности с.-д. партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства»¹⁶⁷.

Проект этой резолюции, авторами которого значились Ленин и Румянцев, а также проект резолюции «Об отношении к тактике правительства накануне переворота» рассматривались 19 апреля на вечернем заседании съезда и после внесения в них незначительных поправок были единогласно одобрены¹⁶⁸.

А накануне, на вечернем заседании 18 апреля, слушался доклад Ленина. Напомним, что это был доклад по второй части пункта повестки дня, который формулировался, как «Отношение к политике правительства накануне и в момент переворота». Ленину поручалось сделать доклад об отношении к политике царского правительства в момент переворота, т. е., по существу, о создании Временного революционного правительства. Владимир Ильич дал своему докладу такое название: «Об участии социал-демократии во временном революционном правительстве». Тем самым он выделял вопрос, вызывавший наиболее острую полемику среди социал-демократов, особенно ожесточенные нападки со стороны меньшевиков. Но теоретическое и политическое значение ленинского доклада было много шире. Это был доклад об основном вопросе революции — вопросе о государственной власти.

Делегаты съезда были хорошо подготовлены к восприятию основных положений доклада, так как 23 и 30 марта 1905 г. газета «Вперед» опубликовала ленинские статьи «Социал-демократия и временное революционное правительство» и «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». При подготовке к докладу В. И. Ленин развивал основные положения этих статей. Была проделана и большая дополнительная работа: сделаны выписки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, заново продумана вся аргументация, составлены план доклада и тезисы к резолюции об участии социал-демократии во Временном революционном правительстве. Подготовлен был и проект резолюции. К сожалению, не сохранилась собственноручная запись текста доклада, и в нашем распоряжении имеется лишь

текст протокольной комиссии¹⁶⁹. Однако и этот текст дает представление об исключительных достоинствах ленинского доклада. Его содержание и форма произвели на делегатов съезда громадное впечатление. Л. Б. Красин, выступавший при обсуждении первым, начал так: «Я, как, вероятно, и все остальные, с наслаждением слушал речь докладчика»¹⁷⁰. М. Г. Цхакая назвал доклад «блистательным»¹⁷¹.

В. И. Ленин в своем докладе показал, что аргументация меньшевиков, призывавших социал-демократию не участвовать в формировании революционного правительства и оставаться на положении оппозиции, была основана на их оппортунизме и политической трусливости, на искаженном восприятии идей К. Маркса и Ф. Энгельса и на непонимании реальной действительности. Ленин в докладе, как и в своей незавершенной статье «Революция типа 1789 или типа 1848 года?», не утверждал, что полная победа революции предрешена. Но о вероятности полного краха самодержавия свидетельствовали нарастающее возмущение масс и нежелание царизма идти на серьезные уступки. «Возможно, — продолжал Ленин, — что у нас повторятся события 1848—1850 гг., т. е. самодержавие будет не свергнуто, а ограничено и превратится в конституционную монархию. Тогда ни о какой демократической диктатуре не может быть и речи. Но если самодержавное правительство будет действительно свергнуто, то оно должно быть заменено другим. А этим другим может быть лишь временное революционное правительство. Оно может опираться только на революционный народ, т. е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т. е. организацией не «порядка», а организацией войны. Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью. Одно из двух: или возьмем крепость, чтобы удержать ее, или не идти на приступ и заявить, что хотим только малое местечко около крепости»¹⁷².

В. И. Ленин в конце доклада зачитал и разъяснил проект резолюции о Временном революционном правительстве, который после внесения в него нескольких поправок (большинство их предложил Л. Б. Красин) был единогласно одобрен на утреннем заседании съезда 19 апреля¹⁷³. В резолюции указыва-

лось, что свержение самодержавия и замена его демократической республикой соответствует классовым интересам пролетариата и что достижение этих целей возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явилось бы Временное революционное правительство. Его обязанностью было бы не только обеспечение выборов и созыва Учредительного собрания, но и проведение в жизнь социал-демократической программы-минимум, организация защиты революционных завоеваний. При наличии определенных, но заранее непредсказуемых объективных условий участие представителей социал-демократии в составе Временного революционного правительства было допустимо. Цель участия заключалась бы в обеспечении беспощадной борьбы против контрреволюции и отстаивании самостоятельных интересов пролетариата. При этом партия должна была осуществлять строгий контроль за своими представителями в правительстве и организовывать давление на него со стороны рабочего класса¹⁷⁴.

Последним по порядку, но не по важности вопросом первой рубрики повестки дня было отношение к крестьянскому движению. Обсуждению этого вопроса предшествовала тщательная подготовка. Статьи Ленина «Пролетариат и крестьянство», «О нашей аграрной программе», «Аграрная программа либералов», «Маркс об американском „черном переделе“», его проект резолюции о поддержке крестьянского движения были опубликованы в газете «Вперед». Проект резолюции обсуждался делегатами еще до начала съезда¹⁷⁵. Поэтому доклад, с которым выступил Ленин на вечернем заседании съезда 19 апреля, был краток и по форме представлял собой обоснование главных пунктов проекта резолюции.

Ленин в своем докладе с удовлетворением отметил отсутствие принципиальных расхождений среди делегатов и вновь, как и в своих опубликованных работах, указывал на революционность крестьянского движения, подчеркивал необходимость поддержки его требований, вплоть до требования о конфискации помещичьих земель. Важнейшей задачей партии было политическое просвещение крестьянства, внесение организованности в его движение и в связи с этим создание революционных крестьянских комитетов. «Крестьянские комитеты, — разъяснял Ленин, — уч-

реждение гибкое, которое пригодно и при теперешних условиях и, скажем, при временном революционном правительстве, когда эти комитеты стали бы его органами»¹⁷⁶. Отмечая двойственность классовой природы мелкобуржуазной массы, Ленин обращал внимание на обязанность большевиков добиваться самостоятельной организации сельского пролетариата. Доклад Ленина воспринимался делегатами съезда как принципиальное, теоретическое обоснование союза пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической революции.

В ходе работы съезда В. И. Ленин подготовил проект резолюции о поддержке крестьянского движения, который затем доработал в соответствии с предложениями делегатов. Единогласно принятая съездом на вечернем заседании 20 апреля резолюция «Об отношении к крестьянскому движению» полностью соответствовала ленинскому проекту. Резолюция указывала, что разраставшееся крестьянское движение, несмотря на его стихийность и политическую бессознательность, имеет революционно-демократическое содержание, объективно обращено против существовавшего политического строя и всех остатков крепостничества. В силу этого партийным организациям вменялось в обязанность развивать революционное самосознание крестьян, выдвигать лозунг немедленной организации революционных крестьянских комитетов, призывать крестьян к действиям, которые вели бы к дезорганизации царской власти (политические демонстрации, коллективный отказ от платежа податей и налогов и др.), энергично поддерживать борьбу крестьян за улучшение своего положения, за конфискацию помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель. Задачей партии являлось обеспечение самостоятельной организации сельского пролетариата под знаменем революционной социал-демократии¹⁷⁷. Принятие этой резолюции означало дальнейшее сплочение делегатов съезда, а затем и всей партии большевиков на ленинских позициях.

Разработка съездом тактики партии большевиков в буржуазно-демократической революции завершилась 23 апреля обсуждением вопросов об отношении к эсерам и либералам.

Съезд одобрил идею В. И. Ленина о целесообразности заключения временных боевых соглашений

с эсерами при условии сохранения полной самостоятельности партии пролетариата и принял по этому вопросу резолюцию («О практических соглашениях с социалистами-революционерами»), предложенную А. В. Луначарским. В резолюции оговаривалось, что такие соглашения могли заключать Центральный Комитет и местные комитеты РСДРП, но непременно под контролем ЦК¹⁷⁸. При обсуждении резолюции делегаты очень критически оценивали программно-тактические установки мелкобуржуазных революционеров, отмечая беспринципность эсеров, их склонность к соглашательству с либералами¹⁷⁹. В. И. Ленин в своей речи указал на принципиальный характер разногласий с эсерами, отметил, что последние при попытках заключить соглашение стремятся обеспечить себе преобладание¹⁸⁰. В целом отношение делегатов съезда к возможности заключать соглашения с эсерами было весьма сдержанным.

Принятая съездом резолюция «Об отношении к либералам» (докладчиком был В. В. Воровский) ориентировала партию на поддержку оппозиционных выступлений либеральной буржуазии, но вместе с тем требовала, чтобы большевики разоблачали антиреволюционный и противопролетарский характер либеральных политических течений, энергично боролись против попыток буржуазных демократов взять в свои руки руководство рабочим движением¹⁸¹. 17 апреля, т. е. за несколько дней до обсуждения этого вопроса на съезде, вышел № 16 газеты «Вперед» с ленинской статьей «Конституционный базар», в которой, как уже отмечалось, Ленин давал очень резкую оценку торгу либералов с правительством. На съезде Ленин в коротком выступлении подчеркнул, что при подготовке вооруженного восстания «поднимать вопрос о соглашении с либералами неуместно»¹⁸². III съезд отменил принятую II съездом РСДРП резолюцию (она была тогда внесена А. Н. Потресовым), содержащую оппортунистическую идею возможности соглашения с либеральной буржуазией.

III съезд РСДРП рассмотрел также и решил вопросы организационного характера. Принятые резолюции обеспечивали дальнейшее сплочение большевистских рядов, активизацию всей деятельности партии, столь необходимой в условиях развивавшейся революции. Особенно большое значение имело измене-

ние Устава партии, принятого II съездом РСДРП в 1903 г. III съезд единогласно принял ленинскую формулировку первого параграфа Устава, согласно которой членом партии считался тот, кто не только принимал Программу партии и поддерживал ее материальными средствами, но и лично участвовал в работе одной из ее организаций. Съезд укрепил роль ЦК, превратив его в единый руководящий партийный центр, и ликвидировал Совет партии, который, по старому Уставу, согласовывал деятельность Центрального Комитета и Центрального Органа. В новый состав ЦК вместе с В. И. Лениным вошли А. А. Богданов, Л. Б. Красин, Д. С. Пестоловский и А. И. Рыков¹⁸³. Новый ЦО партии получил название «Пролетарий».

Последнее, 26-е заседание III партийного съезда было закрыто В. И. Лениным в час дня 27 апреля 1905 г. Впереди был новый этап борьбы.

3

ГЛАВА

В. И. СТАРЦЕВ

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЦК

1. После III съезда РСДРП

Закончен III съезд. Надо разъезжаться из Лондона, чтобы быстрее воплотить в жизнь решения высшего партийного органа, чтобы там, в России, помочь всеми силами развитию революции. Почти все делегаты побывали на Хайгетском кладбище: здесь, у могилы Карла Маркса, каждый как бы вновь приобщился к великому делу борьбы всемирного пролетариата за социализм. Еще один день провел Ленин в Лондоне. Сброшено огромное напряжение, завершена гигантская работа по руководству съездом. Можно немного и отдохнуть. Ленин, Крупская, Землячка, Миха Цхакая посетили в Лондоне Британский естественно-исторический музей, зоологический сад¹.

Они решают вместе ехать в Женеву. Несколько часов по железной дороге, переезд через Ла-Манш, снова поезд: и вот они в Париже, вечно молодым и бурлящем. Вчетвером они отправляются еще к одному святому для каждого социал-демократа месту, на кладбище Пер-Лашез, к «Стене коммунаров». Неполных 34 года тому назад здесь были расстреляны герои Коммуны, члены первого в мире рабочего правительства. Они погибли, но дело их не пропало. Героический пример коммунаров вдохновлял теперь участников русской революции!

Все решают затем показать Париж Михе Цхакая — ведь он здесь впервые. Ленин и его спутницы везут Миху к Эйфелевой башне, поднимаются на самый верх и оттуда оглядывают весь Париж с его

зелеными бульварами, голубой лентой Сены, перерезанной десятками мостов. Затем они в Лувре, а потом снова на вокзале². Вот и Женева, так обжитая русскими эмигрантами за последние годы.

В первые дни мая 1905 г. большевистские центры в Женеве полны народа. Возвращаются в Россию участники съезда, готовятся к отъезду агенты ЦК. В тесном общении со всеми ними — Ленин.

«Вернувшись в Женеву, — вспоминала Л. А. Фотиева, — Владимир Ильич сделал инструктивный доклад о III съезде партии и о меньшевистской конференции для большевистской колонии и для агентов, направляемых в объезд по колониям с докладами»³. Миха Цхакая был послан в самый центр революции, в Петербургский комитет РСДРП⁴. В Россию возвращался и Л. Б. Красин, один из пяти членов Центрального Комитета, избранного съездом. Он должен был возглавить Боевую техническую группу партии, которая отныне переходила в ведение ЦК⁵. М. Н. Лядов рассказывал в своих воспоминаниях: «Съезд закончился, мы разъехались по местам. Я опять получил задание от ЦК в качестве его агента объехать комитеты с извещением о съезде. Попутно я должен был сделать доклад о работах съезда и о нашем оформившемся расколе в ряде заграничных городов. Помнится, мне пришлось в шестнадцати заграничных городах делать один и тот же доклад»⁶.

С каждым днем редел временный большевистский лагерь в Женеве. Все больше людей уезжало в Россию, чтобы, преодолев пограничные рогатки, влиться в живую партийную работу на родине. Скоро в швейцарской столице остались лишь постоянно живущие русские эмигранты-большевики. А во главе их — Ленин, избранный представителем ЦК РСДРП за границей. Остальные четыре члена Центрального Комитета вернулись в Россию. Многие из отъезжавших увозили с собой последний, восемнадцатый номер большевистской газеты «Вперед», где, в частности, была напечатана статья В. И. Ленина «Политические софизмы».

В ней В. И. Ленин, критикуя «Проект русской конституции», опубликованный заграничным органом буржуазно-радикального «Союза освобождения» газетой «Освобождение», делает ряд важных наблюдений и выводов, касающихся роли пролетариата и бур-

жуазии в начавшейся буржуазно-демократической революции в России, значения легальной и нелегальной деятельности в политической борьбе каждого из этих классов. «Русская революция еще только началась, — указывает Ленин, — а между тем она уже обнаруживает с полной ясностью обычные черты политических революций буржуазии. Низы борются, верхи пользуются. Все невероятные тягости революционной борьбы всецело пали и падают на пролетариат, как класс, да на отдельных выходцев из буржуазной интеллигентной молодежи. Все завоеванные уже отчасти свободы (вернее: мизерные доли свободы) достаются на девять десятых общественным верхам, нетрудящимся классам»⁷. Ленин и дальше будет пристально следить за политическим движением буржуазии, подмечая его слабость, половинчатость, стремление в любой момент удовлетвориться сделкой с самодержавием и дворянством. Но эта статья как бы завершает первоначальный анализ размежевания классовых сил в первые четыре месяца революции 1905 г. Завершает она и «впередовский период» в истории большевистской печати. Только что III съезд партии выразил благодарность редакции газеты «Вперед» во главе с В. И. Лениным за борьбу с меньшевиками, уклонившимися от решений II съезда РСДРП, за выдающуюся роль, которую сыграла газета в созыве съезда⁸. III съезд партии объявил, что газета «Искра» перестает быть Центральным Органом партии, и поручил Центральному Комитету создать новый ЦО, дав ему имя «Пролетарий»⁹.

Владимир Ильич со всей энергией взялся за осуществление этой задачи, поставленной III съездом партии. Он опирается при этом на редакторский актив газеты «Вперед»: В. В. Воровского, М. С. Ольминского, привлекает к участию в газете В. Д. Бопч-Бруевича и В. М. Величкину, П. Н. Лепешинского и В. А. Карпинского¹⁰. Анатолию Васильевичу Луначарскому, с которым Ленин так хорошо работал в начале 1905 г. в редакции «Вперед» и который уехал с женой в Италию, в Виареджо, Ленин пишет специальное письмо с предложением сотрудничать в новом Центральном Органе партии¹¹. Уже 14 мая в Женеве вышел первый номер газеты «Пролетарий».

Главной задачей газеты стало широкое оповещение партийных комитетов в России, всей обществен-

ности в стране и русской эмиграции о решениях III съезда партии. «Пролетарий» открывался «Извещением о III съезде Российской социал-демократической партии», автором которого был В. И. Ленин. «Извещение» — не просто рассказ о съезде, это многоплановый документ, где история партийного раскола и антипартийной деятельности меньшевиков сочетается с анализом революции в России, с научным предвидением дальнейшего развития политической борьбы всех трех лагерей: пролетариата, буржуазии и самодержавия. «Извещение» провозглашало, что III съезд партии должен открыть собой «новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения»¹². «Пролетариат, — указывал Ленин, — стоит во главе боевых сил революции. Он принес уже наибольшие жертвы делу свободы и готовится теперь к решительному бою с царским самодержавием. Сознательные представители пролетариата знают, что свобода не даст трудящимся избавления от нищеты, гнета и эксплуатации. Буржуазия, ныне стоящая за дело свободы, постарается на другой день после революции отнять у рабочих возможно большую часть ее завоеваний, выступит непримиримым врагом социалистических требований пролетариата. Но мы не боимся свободной, объединенной и окрепшей буржуазии. Мы знаем, что свобода даст нам возможность широкой, открытой, массовой борьбы за социализм. Мы знаем, что экономическое развитие с неумолимой силой — и тем быстрее, чем свободнее оно пойдет, — будет подкапывать власть капитала и готовить победу социализма»¹³.

Так В. И. Ленин органически увязывал задачу свержения самодержавия, победу буржуазно-демократической революции с будущей борьбой пролетариата за социалистическую революцию.

Далее в «Извещении» напоминалось о первых шагах по созданию социал-демократической партии в России, которые были предприняты еще в 1895 и 1896 гг., о I и II съездах РСДРП, об отколе «меньшинства» от «большинства», об истории созыва III съезда РСДРП, о победе пролетарских организационных принципов в Уставе, принятом III съездом.

«Проведение победоносной революции, — торжественно заявлял Ленин, — отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата.

Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от его победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет отбить все контрреволюционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления всей нашей программы-минимум»¹⁴.

Нельзя не поражаться силе научного предвидения, страстной убежденности, которыми дышат эти ленинские строки. Мы знаем сегодня, как далеко еще оказалось до победы в годы революции 1905—1907 гг., сколько поражений, разочарований, преследований ожидало российских большевиков на их пути к торжеству революции. Ленин тоже предвидел возможные трудности, разные исходы революции в России, которая делала в тот момент еще только самые первые, неуверенные шаги. Но он четко представлял себе главный и желательный путь борьбы. Он считал, что каждый член партии, каждый сознательный пролетарий должен сделать все, что в его силах, чтобы добиться осуществления этого пути. Тогда есть все основания полагать, что развитие политической борьбы пойдет по нужному для пролетариата направлению. Вожди либеральной буржуазии уговаривали социал-демократов, что не настало еще время для самостоятельного выступления рабочего класса в России, что это противоречило бы «социологическим законам». Им послушно вторили меньшевики, заявляя о незрелости и неподготовленности рабочего класса России к роли руководителя всей демократической борьбой масс. Эту роль меньшевики, оглядываясь на примеры буржуазных революций в Европе, отводили буржуазии и ее политическим представителям. И только большевики во главе с Лениным смело открывали перед рабочим классом России иную перспективу, звали его на самостоятельную борьбу.

«Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии, — писал Владимир Ильич в заключении «Извещения о III съезде РСДРП». — Победив в предстоящей демократической

революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами»¹⁵.

«Извещение» дважды издавалось вместе с важнейшими документами съезда Центральным Комитетом РСДРП в Женеве, комитетами в Петербурге, Риге, Тифлисе, Харькове, в Сибири на немецком, французском, латышском, грузинском, армянском языках¹⁶. Так широко распространились усилиями большевиков ленинские идеи о задачах партии и пролетариата в революции по России и в Западной Европе.

Пропагандировала решения III съезда партии и специальная статья В. И. Ленина «Третий съезд», напечатанная в том же первом номере газеты «Пролетарий». Ленин положительно расценивает его итоги и констатирует полный разрыв меньшевиков с основной частью РСДРП. «Меньшинство откололось теперь от партии, — утверждает он, — это — совершившийся факт. Одна часть его, вероятно, убедится из решений и еще более из протоколов съезда в наивности разных басен о механическом подавлении и т. п., в наличности полных гарантий прав меньшинства вообще в новом уставе, во вреде раскола, — и войдет в партию. Другая часть, может быть, будет упорствовать некоторое время в непризнании партийного съезда»¹⁷.

Именно в этой статье Ленин дал наиболее общий и долгосрочный прогноз событий, отметил два возможных направления развития революции, два возможных итога ее. Революция была тогда еще в самом начале. Ни будущие ее неудачи, ни кажущиеся решающими победы, ни необходимость резких тактических поворотов — ничто не влияло на ход теоретических рассуждений Ленина о возможных итогах революции. А то обстоятельство, что он находился в Женеве, в отрыве от России с ее злобой дня, с каждодневными и ежечасными известиями о новых собы-

тиях, давало возможность взглянуть на ход событий как бы со стороны.

«Возможен двоякий ход и исход начавшейся русской революции, — начинает Владимир Ильич свой анализ «общей политической ситуации». — Возможно, что царское правительство сумеет еще вывернуться из тисков, в которых оно сжато, посредством ничтожных уступок, посредством какой-нибудь «шиповской» конституции¹⁸. Такой исход мало вероятен, но если международное положение самодержавия улучшится в случае, напр., удачного сравнительно мира, если предательство буржуазии по отношению к делу свободы реализуется быстро в сделке с властью имущими, если неизбежный революционный взрыв или взрывы окончатся поражением народа, — тогда этот исход наступит. Нас, социал-демократов, да и весь сознательный пролетариат, ждут тогда долгие серые будни свирепого якобы конституционного господства буржуазии, как класса, всевозможного подавления политической самостоятельности рабочих, медленного экономического прогресса при новых условиях. Мы не падем духом, разумеется, ни при каких исходах революции, мы будем утилизировать всякое изменение условий для расширения и укрепления самостоятельной организации рабочей партии, для политического воспитания пролетариата к новой борьбе»¹⁹.

Сравнивая всем известный итог Первой русской революции с этим прогнозом, увидим существенное совпадение, несмотря на некоторые отличия и в ту и в другую сторону в мелких деталях. Однако для революционера ограничиваться столь пессимистическим прогнозом было бы невозможно. Это в условиях начала революции 1905 г. лишь неизбежная дань трезвому уму и не более. После возвращения в Россию Ленин и не вспоминал об этом прогнозе. Он всеми силами приближал и готовил иной исход революции. Во имя восстания, самого быстрого и прямого пути к завоеванию власти пролетариатом и его союзником крестьянством, Ленин отвергал обходные пути, компромиссы и отступления. Даже когда, как выяснилось лишь позднее, для всенародного восстания уже не было возможностей, Ленин продолжал агитировать за его подготовку, считая, что новый подъем революции неминуемо настанет. Да и теперь, в начале мая 1905 г., Ленин писал: «Возможен и более вероятен

другой исход революции, именно та «полная победа демократии с рабочим классом во главе ее», о которой говорит „Извещение“»²⁰.

«Эта победа возможна только при героическом напряжении силы пролетариата, — продолжал Владимир Ильич. — Она предъявляет к социал-демократии такие требования, каких ни разу еще и нигде не ставила история перед рабочей партией в эпоху демократического переворота. Тут перед нами не проторенные пути медленной подготовительной работы, а величайшие, грандиозные задачи организации восстания, концентрации революционных сил пролетариата, сплочения их с силами всего революционного народа, вооруженного нападения, учреждение временного революционного правительства. В резолюциях, которые опубликованы теперь во всеобщее сведение, III съезд пытался учесть эти новые задачи и дать посильные директивы организациям сознательных пролетариев»²¹.

Не ограничиваясь посылкой новых представителей ЦК для пропаганды решений III съезда РСДРП среди членов русских заграничных колоний²² и привлечением новых сотрудников в Центральный Орган партии, газету «Пролетарий»²³, Ленин и сам включается в работу по пропаганде решений съезда. В конце мая 1905 г. он решает выехать в Париж, чтобы сделать там доклад об итогах съезда. Он телеграфирует Л. А. Фотиевой в Париж, а затем пишет ей письмо, сообщая о теме своего реферата: «Параллельный разбор наших и меньшевистских решений: у них только что вышло извещение об их конференции, и я буду его разбирать»²⁴. Вероятно, это самое раннее свидетельство зарождения ленинского замысла будущей книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Ленин просит снять самый большой зал и оповестить максимум «публики». Зал был снят, и 17 мая (30 мая нов. ст.) Владимир Ильич с успехом выступил со своим рефератом.

Товарищи в Париже постарались, чтобы его пребывание во французской столице было не только полезным, но и приятным. «Пробыл он в Париже в этот раз, — вспоминала Л. А. Фотиева, — не меньше трех дней. Два свободных вечера он побывал в театрах. Первый раз по совету товарища Филатова, хорошо знавшего Париж, Владимир Ильич пошел на какую-

то оперу в театр Grand Opera, но остался недоволен, проскучал. На другой день Владимир Ильич был в театре Folies Bergères. Я и Красиков были с ним вместе. Показывали коротенькие сценки легкого жанра. Запомнилась одна: «Ноги Парижа». Из-под опущенного до уровня колен занавеса видны были ноги проходящих по сцене людей разных профессий и общественного положения. Один за другим шли: рабочий, ламповщик, гризетка, священник, полисмен, мелкий лавочник, парижский денди и т. п. Ноги были так подчеркнута типичны, что нельзя было не узнать, кому они принадлежали, невольно рисовался весь облик данного лица. Это получилось очень смешно. Владимир Ильич хохотал так заразительно, как только он один умел, и хорошо отдохнул в этот вечер»²⁵.

Вернувшись в Женеву, Ленин с еще большей энергией взялся за редактирование «Пролетария». Он пишет передовые, десятки статей и заметок, корреспонденции о содержании заграничной и русской прессы. Множество газет: французских, английских, немецких и русских каждый день просматриваются им дома и в «Обществе любителей чтения». В эти месяцы 1905 г., когда цензура на повременную печать в России еще не была отменена, «Темпс» или «Таймс» давали более полную и объективную информацию о революционных событиях в России, чем вся отечественная печать.

Но оставалось еще одно дело, еще одно постановление съезда, которое надлежало выполнить, — добиться международного признания III съезда РСДРП в кругу западноевропейских партий II Интернационала, признания избранного им Центральным Комитетом в качестве единственного руководящего органа РСДРП и Ленина как единственного полномочного представителя ЦК РСДРП за границей. 20 мая (2 июня) В. И. Ленин пишет письмо Международному социалистическому бюро. В нем он сообщает о состоявшемся III съезде РСДРП. «Согласно решению съезда, — пишет Ленин, — газета «Искра» перестала быть Центральным Органом партии. Впредь ЦО будет еженедельная газета «Пролетарий», выходящая в Женеве»²⁶. Далее В. И. Ленин сообщал, что по новому Уставу партии единственным центральным учреждением партии является ЦК, который вскоре

назначит своего представителя в Международное социалистическое бюро. По всем делам, касающимся РСДРП, Ленин просил бюро обращаться к нему в Женеву, как к представителю ЦК.

Между тем вскоре был получен № 101 меньшевистской «Искры», в котором было помещено письмо Г. В. Плеханова, являвшегося до III съезда РСДРП представителем партии в Международном социалистическом бюро. Плеханов пытался в эти дни встать как бы над партией, выступая и против меньшевиков, и против большевиков. Так, с одной стороны он осуждал меньшевистские комитеты, устроившие свою сепаратную конференцию в Женеве, и заявлял, что решения ее нанесли «смертельный удар центральным учреждениям нашей партии»²⁷. С другой стороны, слагая в связи с этим свои полномочия редактора ЦО и пятого члена ЦК, он подчеркивал, что в члены ЦК он был избран II, «законным» съездом РСДРП. Плеханов заявлял, что он согласен представлять «эту, теперь — увы! — разорванную партию» в Международном социалистическом бюро только в том случае, если этого пожелают обе фракции. На это заявление Ленин ответил в пятом номере «Пролетария», что ЦК решает в настоящее время вопрос о том, чтобы Плеханов оставался представителем партии в МСБ. Однако МСБ по-прежнему направляло свои письма и предложения Плеханову. В связи с этим 25 июня (8 июля нов. ст.) Ленин пишет новое письмо в МСБ, где приводит все вышеупомянутые документы и повторяет: «Все, что касается нас (письма, манифесты, документы, деньги и т. п.)», — присылать ему в Женеву на имя ЦК РСДРП²⁸.

2. Против меньшевиков и буржуазных либералов

III съезд РСДРП в специальной резолюции «Об отношении к либералам» подчеркнул, что, приветствуя пробуждение политического сознания русской буржуазии, социал-демократия обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность. Необходимо было разъяснять рабочим «антиреволюционный и противпролетарский характер» буржуазного движения всех направлений и энергично бороться

ся против всяких попыток буржуазной демократии «взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его»²⁹. Руководимая Владимиром Ильичем газета «Пролетарий» строго придерживалась этой партийной директивы, на ее страницах появилось несколько замечательных статей, разоблачавших половинчатый и антинародный характер требований буржуазных либералов, необоснованность их претензий на гегемонию в освободительном движении.

Это было тем более необходимо, что новости из России говорили о впечатляющих внешних успехах буржуазного движения. Подмеченная Лениным особенность, о которой он писал еще в статье «Политические софизмы», что от революции, в ходе которой пролетариат уже отдал сотни жизней своих представителей, выигрывает прежде всего буржуазия, получала в мае — июле 1905 г. все новые подтверждения. Легальная политическая деятельность буржуазии и ее представителей в России увеличилась в десятки раз по сравнению с осенью 1904 г. Съезды земских и городских деятелей следовали один за другим. Цензура запрещала печатать отчеты о них, но власти не арестовывали делегатов съездов и не мешали им собираться. Беседы с участниками этих съездов печатались в заграничных газетах, документы и резолюции их публиковались буржуазным заграничным органом, газетой «Освобождение».

Так, 22—26 апреля в Москве прошел съезд земских деятелей, обсудивший проект организации народного представительства в Российской империи. В подготовленном бюро съезда решении земцы отвергли «шиповскую конституцию» и сам принцип не прямых выборов, заложенный в ней. Съезд высказался за прямое, всеобщее и равное избирательное право и тайную подачу голосов. Вместе с тем земцы одобрили принцип двухпалатного парламента, где одна палата составлялась из непосредственно избранных народных представителей, а вторая — из представителей реформированных демократическим путем органов местного самоуправления городских дум и земств. Обе палаты признавались равноправными. Большинством 71 голоса против 54 прошло предложение о том, чтобы первое народное представительство было однопалатным, составлялось бы только из

представителей, избранных на прямых всеобщих выборах, и имело бы учредительные функции³⁰.

Меньшинство, представлявшее крайне правое крыло земских деятелей, решило отстаивать свою точку зрения о законосовещательном учреждении и разослало своим сторонникам приглашение устроить отдельное совещание 22 мая 1905 г. Однако начало этого совещания совпало с поразившей все русское общество вестью о гибели эскадры адмирала Рожественского в Цусимском проливе. Организационное бюро земских съездов постановило созвать на 24 мая экстренный земский съезд. Работа съезда проходила 24 и 25 мая в Москве и характеризовалась резкой оппозиционностью к правительству. Съезд выработал адрес-петицию к Николаю II, в которой требовалось немедленное введение представительных законодательных учреждений, избираемых на всеобщих выборах. Была избрана делегация из 12 участников съезда для вручения этой петиции царю³¹.

6 июня Николай II в Петергофе в Фермерском дворце принял делегацию майского земского съезда. От ее имени князь С. Н. Трубецкой обратился к царю с речью, в которой призывал его поскорее призвать «народных избранных». Вынужденный пойти на уступку, Николай II ответил, что его воля созывать выборных от народа «непреклонна»³². Однако царь понимал народное представительство на свой лад. Вскоре стало известно, что совещание под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина подготовило проект создания такого представительства, наделив его только законосовещательными правами и крайне сузив круг возможных избирателей. 6—8 июля 1905 г. многочисленный съезд земских и городских деятелей в Москве единогласно отверг этот проект и одобрил собственный проект «Основного закона» (его автором был известный либеральный юрист С. А. Муромцев, один из создателей складывавшейся конституционно-демократической партии, будущий председатель I Государственной думы), построенный на буржуазно-конституционных принципах³³.

Таким образом русская буржуазия в лице ее либерально-конституционных деятелей, как это и предупреждал в своей резолюции III съезд РСДРП, усиленно подчеркивала свою роль руководителя освободительного движения, общенародный характер своих

требований всеобщего избирательного права, полномочного парламента. В то же время в каждом ешаге проявлялись трусливость и половинчатость, стремление к сделке с царем. И все же нельзя было недооценивать значения борьбы русской буржуазии за власть, сначала за раздел ее в той или иной форме со старой, «исторической» властью царя и его министров, а затем и за захват всей полноты власти в стране. Вот почему задача разоблачения маневров буржуазных либералов становилась все актуальнее.

Уже во втором номере «Пролетария» Владимир Ильич публикует статью «Советы консервативной буржуазии», являющуюся его откликом на появившиеся в английской газете «Таймс» материалы об апрельском земском съезде. Ленин высмеивает и английских консерваторов, и русских «либералов». «„Таймс“ оплакивает поражение Шипова, — пишет Владимир Ильич. — Всего в ноябре еще он был признанным главой партии реформы! а теперь... „вот как быстро пожирает революция своих собственных детей“. Бедный Шипов! И потерпеть поражение и получить прозвище исчадия революции, — какова несправедливость судьбы! „Радикалы“, провалившие Шипова на съезде земцев, вызывают негодование «Таймса». Они — в ужасе кричат „Таймс“ — держатся теоретических принципов французского Конвента. Доктрина равенства и равноправия всех граждан, суверенности народа и проч. „оказалась, как показали уже события, одной из самых, может быть, зловредных среди всех измышлений гибельной софистики, которую Жан-Жак Руссо завещал человечеству“. „Это главный краеугольный камень, корень якобинизма, одно уже присутствие которого имеет роковое значение для преуспевания справедливой и целебной реформы“»³⁴.

Здесь все блестяще: и набор и последовательность цитат, и само невероятное и нелепое, а потому и смешное для подлинного революционера обвинение трусливых русских либералов в якобинизме. Но Ленин находит и еще один аспект использования статьи из «Таймс»: он видит в суждениях журналистов английской газеты сходство с людьми, именующими себя «социал-демократами», т. е. с меньшевиками.

«Оппортунисты либерализма, — обращает внимание читателя Ленин, — трогательно обнимаются

с оппортунистами социал-демократии в своем пристрастии к употреблению этого пугала «якобинизма». В эпоху демократической революции пугать якобинизмом могут только безнадежные реакционеры или безнадежные филистеры»³⁵.

По-своему откликнулся Владимир Ильич и на событие, так взволновавшее земцев в конце мая 1905 г., на Цусиму. Он расценивает его как военное поражение царизма, полный военный крах самодержавия. «Значение этого краха, — подчеркивает Ленин в статье «Разгром», напечатанной в третьем номере «Пролетария», — как краха всей политической системы царизма, становится все яснее и для Европы и для всего русского народа с каждым новым ударом, наносимым японцами. Все ополчается против самодержавия, — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной аванюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасения неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которой (по мнению буржуазии) царь мог и должен бы был избежать путем своевременных «благоразумных» уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, вроде землевладельцев «шиповского» направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское „Новое Время“»³⁶.

Русско-японская война оказалась грозным судом для царского самодержавия. «Народ уже произнес свой приговор, — пишет в заключение Ленин, — над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение»³⁷.

В том же третьем номере газеты «Пролетарий», где была напечатана вышеприведенная статья, публиковалась и еще одна ленинская работа, направленная против буржуазных либералов в России. Это была статья «Революционная борьба и либеральное маклерство». Она была посвящена разоблачению опубликованной в газете «Освобождение» программы «Союза освобождения», расцененной Петром Струве в качестве крупного шага к созданию «русской кон-

ституционно-демократической партии». Ленин вскрывает монархизм складывающейся партии, прикрытый словами о «конституции» и «демократии». На словах буржуазные либералы выступали даже за лозунг созыва Учредительного собрания, но вкладывали в него иное, чем большевики, содержание. Ленин пишет: «Интересы буржуазии, как класса, совершенно естественно и неизбежно приводят в данный революционный момент к тому, чтобы выставить лозунг всенародного учредительного собрания и *отнюдь не выставлять лозунга временного революционного правительства*. Первый лозунг есть лозунг или стал лозунгом политики соглашения, торгашества и маклерства. Второй — лозунг революционной борьбы. Первый — лозунг монархической буржуазии, второй — лозунг революционного народа. Первый лозунг обеспечивает всего более возможность сохранить монархию, несмотря на революционный натиск народа. Второй — выдвигает прямой путь к республике. Первый оставляет за царем власть, лишь ограничивая ее мнением народа. Второй есть единственный лозунг, последовательно и безоговорочно ведущий к самодержавию народа в полном смысле этого слова»³⁸.

Наконец, упомянем еще о двух ленинских работах, опубликованных уже в июне 1905 г. и посвященных итогам майского земского съезда и приема Николаем II его делегации. В первой из них под названием «Первые шаги буржуазного предательства» Ленин характеризует принятую съездом петицию как «патриотическую и верноподданническую». Комментируя первые известия зарубежных газет об итогах приема царем 6 июня Трубецкого и Федорова, Ленин отмечает взаимное удовлетворение от этого приема обеих сторон: «Доволен царь, довольны либеральные буржуа. Они готовы заключить прочный мир друг с другом. Довольно самодержавие и полиция (истинно русские народные начала). Доволен денежный мешок (с ним будут отныне постоянно и правильно советоваться). Довольны ли будут рабочие и крестьяне, интересы которых проторговывают буржуазные предатели?»³⁹. Вторая статья — «Революционеры в белых перчатках» — целиком посвящена оценке итогов аудиенции, данной Николаем II земской и городской депутации. Поводом для нее стала корреспонденция Гастона Леру, специального корреспондента француз-

ской газеты «Матэн», из Петербурга. А образ, использованный Владимиром Ильичем в заголовке статьи, был подсказан следующим трагикомическим случаем. Когда членов депутации провели в комнату Фермерского дворца, куда должен был войти царь, «вдруг заметили (в кавычках — подлинные слова Гастона Леру, приведенные Лениным в его статье.— Авт.), что у революционера Петрункевича нет белых перчаток. Полковник лейб-гвардии М. С. Путятин⁴⁰ немедленно снял свои и поспешно дал их революционеру Петрункевичу».

В связи с этим Ленин пишет: «Белые перчатки, и притом лакейские белые перчатки, — настоящая эмблема политического акта гг. Петрункевичей и Родичевых»⁴¹. Ленин предостерегает народные массы от буржуазного предательства. Либералы спрятали за спину все проекты своей конституции, напечатанные в «Освобождении» и принятые их съездами, они готовы сторговаться на «булыгинской» конституции.

«Судьба русской революции, — заявляет В. И. Ленин, — зависит теперь от пролетариата. Только он может положить конец этому торгу. Только он может новым геройским усилием поднять массы, разъединить колеблющуюся армию, привлечь на свою сторону крестьянство и вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону корыстных и шатких буржуазных звонарей свободы»⁴².

Ленинские статьи в «Пролетарии», попадая в Россию, правильно ориентировали социал-демократические большевистские комитеты в отношении к буржуазным либералам и их действиям, помогали сеять недоверие к ним среди рабочих, дискредитировать словесные обещания политических приказчиков русской буржуазии.

Другой важной задачей, которую в эти дни решал Центральный Орган партии под руководством Владимира Ильича Ленина, была борьба с меньшевиками, разоблачение их хвостистской, оппортунистической тактики, их преклонения перед движением либеральной буржуазии, их предательства интересов народных масс России. Эту задачу Ленин и его соратники по редакции «Пролетария» решали в тесной связи с пропагандой революционных решений III съезда партии по тактическим вопросам, пропаганды идеи

вооруженного восстания, создания в результате его успешной победы временного революционного правительства. Так, в двух номерах «Пролетария» (втором и третьем) В. И. Ленин напечатал две большие статьи, объединенные общим названием «О временном революционном правительстве».

Первая статья, именованная «Историческая справка Плеханова», была посвящена выяснению для читателя истории вопроса, возникновению полемики о временном правительстве, которое может быть создано в России в случае победы буржуазно-демократической революции.

Ленин показал ссылками на произведения Маркса и Энгельса, что они ценили демократические завоевания, указывали на недемократичность современной им германской империи. Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелкой буржуазии при грядущем европейском потрясении, т. е. войне. Мы можем сказать, что это предвидение Энгельса блестяще оправдалось на примере революции 1918 г. в Германии и первых лет Веймарской республики.

Вторая ленинская статья, посвященная проблеме временного революционного правительства, называлась «Только снизу или и снизу и сверху?». Меншевистская «Искра» упорно заявляла, что в эпоху буржуазно-демократической революции принципиально недопустимым является давление пролетариата «сверху», а возможно только «снизу», в качестве оппозиции к буржуазному временному правительству. «Итак, вопрос поставлен ясно, — заявляет Ленин. — «Искра» хочет давления снизу, «Вперед» — «не снизу только, но и сверху». Давление снизу есть давление граждан на революционное правительство. Давление сверху есть давление революционного правительства на граждан. Одни *ограничивают* свою деятельность давлением снизу. Другие не согласны на такое ограничение и требуют *дополнения* давления снизу давлением сверху. Спор сводится, следовательно, именно к вопросу, поставленному нами в подзаголовке: только снизу или снизу и сверху? Принципиально недопустимо для пролетариата в эпоху демократической революции давление сверху, «из чертогов временного правительства», говорят одни. Принципиально недопустимо пролетариату в эпоху демократической революции безусловно отказываться

от давления сверху, от участия во временном революционном правительстве, говорят другие»⁴³.

Суммируя все рассуждения относительно допустимости участия социал-демократии во временном революционном правительстве, В. И. Ленин говорит в одном из пунктов своего заключения к статье в целом: «Перед партией пролетариата всякое «серьезное революционное положение» ставит задачу сознательного *проведения* восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного наступления, энергичнейшего использования революционной власти»⁴⁴. Ленин предполагал написать еще одну статью, в которой хотел разобрать задачи временного революционного правительства, но другие дела, видимо, оторвали его от решения этой задачи. Тем не менее отдельные идеи этого неосуществленного замысла воплощены были Лениным в жизнь в ряде других работ, которые мы будем разбирать позднее.

Развитие революционных событий в 1905—1907 гг. пошло так, что вопрос о создании временного революционного правительства в общенациональном масштабе ни разу не встал практически. Народные восстания, выступления солдат и матросов, крестьянское движение были разрозненными и ни разу не привели хотя бы к временной победе сил революции. Наоборот, самодержавие, несмотря на ряд пережитых им критических ситуаций, удержало контроль над событиями. До победоносной революции дело в 1905 г. не дошло. Поэтому и к вопросу о временном революционном правительстве интерес постепенно пропадал, особенно в практическом смысле. Однако в теоретическом отношении Ленин летом 1905 г. еще не раз возвращается к нему, находит место для понятия «временное революционное правительство» в общей системе представлений большевиков о ходе демократической революции в России и о перерастании ее в социалистическую.

С этой точки зрения чрезвычайно интересна ленинская рукопись под названием «Картина временного революционного правительства»⁴⁵. Это своеобразный «сценарий» наиболее желательного хода революции, при котором социал-демократия как представительница рабочего класса получает в свои руки государственную власть или делит ее с другими ре-

волюционно-демократическими партиями. Этот сценарий открывается динамичной картиной народного восстания в Петербурге: «Момент. Разбит царизм в Санкт-Петербурге. Самодержавное правительство свергнуто, — разбито, но не добито, не убито, *не уничтожено*, не вырвано с корнем.

Временное революционное правительство — апеллирует к народу. *Самодетельность* рабочих и крестьян. Полная свобода. Народ сам устраивает свой быт. *Программа правительства* = полные республиканские свободы, крестьянские комитеты для *полного* преобразования аграрных отношений. Программа социал-демократической партии *сама по себе*. Социал-демократы во временном правительстве = делегаты, *приказчики* социал-демократической партии»⁴⁶.

Ничего этого не произошло в действительности. Даже в дни всеобщей октябрьской стачки, когда в ряде мест Петербурга происходили митинги и демонстрации, ни единый выстрел не нарушил спокойствия в царской столице. События 9—10 января 1905 г. для Петербурга явились высшим проявлением уличной борьбы. Но не будем торопиться с выводами о преждевременности этого «сценария». Вспомним предоктябрьские работы В. И. Ленина 1917 г.: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?». Мы найдем в них тот же призыв к самодеятельности рабочих и крестьян, призыв к народу самому устраивать свой быт, призыв к крестьянам преобразовывать аграрные отношения на основе их собственных пожеланий, включенных в Декрет о земле. Таким образом, «Картина временного революционного правительства» не пропала даром, ее идеи накрепко впитались самим автором и ожили в нужный момент.

Но вернемся к дальнейшему содержанию «Картинки». Далее Ленин пишет о созыве Учредительного собрания. Если народ уже «поднялся» (это надо понимать как его достаточную организованность и сознательность), то он может оказаться в большинстве в Учредительном собрании: «*Ergo*, революционная *диктатура* пролетариата и крестьянства». «Бешеное сопротивление темных сил, — пишет далее Ленин. — Гражданская война в полном разгаре, — *уничтожение* царизма. Организация пролетариата

растет, пропаганда и агитация социал-демократии увеличивается в десятки тысяч раз: все правительственные типографии etc. etc.»⁴⁷. И здесь достаточно наложить этот план на события ноября 1917 г. — марта 1918 г., чтобы увидеть разительное сходство. Только все это пришлось проделывать не государству революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а государству диктатуры пролетариата непосредственно. Падение царизма в феврале 1917 г. произошло молниеносно, всего за неделю, а вот гражданская война победившего пролетариата и беднейшего крестьянства против буржуазии и всех ее союзников растянулась на многие годы. Нет, не зря Ленин называл впоследствии революцию 1905 г. генеральной репетицией революционных событий 1917 г.!

Хотя выше мы как бы подставляли события, которые рисовались В. И. Ленину как фазы развития буржуазно-демократической революции, в рамки социалистической революции, происшедшей в России в октябре 1917 г., сам В. И. Ленин в упомянутом сценарии не забывал и о социалистической революции как конечной цели социал-демократии «в чертогах временного революционного правительства». Хотя в этом плане мы находим целый абзац, посвященный как будто развитию капиталистического способа производства: «Гигантское развитие **капиталистического** прогресса»,⁴⁸ — на что, естественно, требовалось какое-то время, — при сохранении государственной власти в руках органа диктатуры пролетариата и крестьянства, Ленин четко понимал, что подобные ножицы существовать долго не могут. Он пишет: «Война: из рук в руки переходит *крепость*. Либо буржуазия свергает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда...?»⁴⁹ Тогда государственная власть в руках представителей пролетариата, «крепость», которую он сумел удержать, поможет ему построить социализм в России!

Таким образом, уже в этом конспекте изложено главное звено ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую применительно к эпохе Первой русской революции. Ленин мыслил это перерастание ее не как некий стихийный, объективно развивающийся процесс, а как направление политики пролетариата и его партии,

находящейся у власти, располагающей всеми преимуществами государственного принуждения⁵⁰.

В середине июня 1905 г., когда Ленин, возможно, начал работу над «Картиной временного революционного правительства»⁵¹, казалось, что время вооруженного восстания всего народа против царского строя не за горами. Телеграф и информация собственных корреспондентов западных газет приносили все новые вести о начавшихся волнениях и демонстрациях в ряде городов России, о жестоких репрессиях царского правительства. Статью «Борьба пролетариата и холопство буржуазии», напечатанную в «Пролетарии» 20 июня, а написанную за пять дней до этого, В. И. Ленин начинает со следующей сводки новостей: «Восстание и вооруженная битва на баррикадах в Лодзи,— побоище в Иваново-Вознесенске,— всеобщие стачки и стрельба в рабочих в Варшаве и Одессе,— позорный конец комедии с земской делегацией,— таковы главные политические события истекшей недели. Если прибавить к этому сообщенные в сегодняшних (28—15 июня) женевских газетах вести о крестьянских волнениях в Лебединском уезде Харьковской губернии, о разгроме пяти имений и посылке туда войска, то перед нами в событиях одной недели отразится характер всех основных общественных сил, так открыто и отчетливо выступающий теперь во время революции»⁵².

Сам процесс накопления стихийных и неорганизованных восстаний и выступлений, каждое из которых само по себе бессильно, подсказывает, по мнению В. И. Ленина, правильность лозунга, выдвинутого III съездом РСДРП, — «Вооруженное народное восстание»⁵³. И самая главная и неотложная задача для партии — готовиться к этому восстанию, а не заниматься пустыми и нелепыми отговорками, как это делают меньшевики.

«Социал-демократия не сгоряча выдвинула лозунг восстания. Она всегда боролась и будет бороться с революционной фразой, — пишет далее Ленин в этой статье, — будет требовать трезвого учета сил и анализа момента. Социал-демократия говорила о подготовке восстания еще с 1902-го г., никогда не смешивая эту подготовку с бессмысленным подстраиванием бунтов, искусственное устройство которых только бесплодно растратило бы наши силы. И лишь теперь,

после 9-го января, лозунг восстания выдвинут на очередь рабочей партией, признана необходимость восстания и неотложность задачи готовиться к нему. Самодержавие само сделало этот лозунг практически лозунгом рабочего движения. Самодержавие дало первые широкие массовые уроки гражданской войны»⁵⁴.

И в тот краткий промежуток времени между написанием статьи «Борьба пролетариата и холопство буржуазии» и опубликованием ее в газете «Пролетарий» в Женеву пришло известие о восстании матросов на броненосце «Потемкин». Владимир Ильич немедленно откликается на это событие ставшей впоследствии очень известной статьей «Революционная армия и революционное правительство», напечатанной 27 июня в следующем же номере «Пролетария». «Восстание в Одессе, — заявляет Ленин, — и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства, — призывов, обращенных к народу сознательными представителями пролетариата в лице III съезда Российской социал-демократической рабочей партии»⁵⁵.

Ленин подчеркивает, что значение одесских событий в том, что впервые целая организованная часть армии перешла на сторону революции. Это не что иное, как попытка образования «ядра революционной армии». Рубикон перейден. Ленин предупреждает, что нельзя считать, что все движение уже поднялось на эту высшую ступень создания революционной армии из частей, перешедших на сторону народа. Но здесь важна тенденция, несомненное начало этого процесса. Части революционной армии должны будут обеспечить военное руководство восставшим народом, послужить опорой «революционного правительства».

Русская революция 1905—1907 гг. явилась первой революцией XX в., показавшей гигантскую роль армии в исходе борьбы революции и контрреволюции. Несмотря на десятки и сотни солдатских и матросских бунтов, стихийных и отчасти организованных военных восстаний, царская армия как целое в ходе этой революции осталась верна правительству. Пря-

мым военным подавлением революционных сил, как это было в Москве, Польше, Прибалтике и Сибири, царизму удалось отбить натиск революции. Но именно Ленин разглядел в частичном выступлении на одном из военных кораблей царского флота гигантской важности факт — возникновение ядра революционной армии, показал важнейшую роль работы партии среди войск. Последующий опыт революции 1917 г. целиком оправдал это предвидение В. И. Ленина. И успех февральского восстания против царизма, и успех Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде были решены переходом регулярных частей армии на сторону народа. Это же показали и многочисленные революции последнего времени, такие, как португальская 1974 г., иранская 1979 г.

Ленин подчеркивает в статье «Революционная армия и революционное правительство» роль пролетариата как гегемона демократической революции, как ее вождя. «Для нас, для пролетариата,— заканчивает статью Ленин,— демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации, к великой социалистической цели. И поэтому тем скорее должны мы пройти эту первую ступень, тем решительнее должны мы разделиться с врагами народной свободы, тем громче должны мы проповедовать лозунги последовательной демократии: революционная армия и революционное правительство»⁵⁶.

Не довольствуясь идейной поддержкой потемкинцев⁵⁷, В. И. Ленин 17 июня 1905 г. направляет от имени ЦК РСДРП М. И. Васильева-Южина в Одессу агентом ЦК для установления связи с местной социал-демократической организацией, руководившей восстанием на Черноморском флоте и на самом броненосце «Потемкин». Перед отъездом Ленин беседует с Васильевым-Южиным, советует ему установить связи с крестьянством окрестных сел, действовать решительно и смело, вооружать рабочих, захватить Одессу⁵⁸. Н. К. Крупская в тот же день по поручению Ленина пишет письмо в Петербург Е. Д. Стасовой, в котором извещает о поездке М. И. Васильева-Южина⁵⁹. Но, как известно, последнему не удалось наладить связь с потемкинцами, так как к моменту его приезда в Одессу революционный корабль уже ушел в Румынию.

Восстания и волнения в армии и на флоте, баррикадные бои, стачки июня 1905 г. показывали, что революция находится на подъеме и события нарастают. Только революционная борьба пролетариата могла сорвать готовящуюся сделку между царизмом и буржуазией, которую вполне одобряли с оговорочками и ужимками и российские меньшевики. Поэтому идейная и организационная борьба с ними должна была продолжаться с нарастающей силой.

3. Книга „Две тактики социал-демократии в демократической революции“

Задачу разоблачения меньшевистской тактики выполнила написанная В. И. Лениным в июне — июле 1905 г. книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Но ее значение вышло далеко за пределы этой конкретной цели. «Две тактики социал-демократии в демократической революции» вошли в золотой фонд идейной сокровищницы ленинизма. Отдельные указания о последовательности задач партии при совершении демократического переворота и переходе к социалистическому, о необходимости привлечения союзников пролетариата для общей борьбы за демократию, содержащиеся в десятках статей и заметок, написанных В. И. Лениным в мае и июне 1905 г., сведены здесь воедино, изложены стройно и доходчиво.

В предисловии к книге В. И. Ленин сообщает читателю о времени ее написания и так определяет значение событий, происшедших уже после того, как он закончил свою работу: «В революционный момент очень трудно поспеть за событиями, которые дают поразительно много нового материала к оценке тактических лозунгов революционных партий. Настоящая брошюра писана до одесских событий. Мы уже указали в «Пролетарии» (№ 9, «Революция учит»), что эти события заставили даже тех социал-демократов, которые создали теорию восстания-процесса и отрицали пропаганду временного революционного правительства, перейти или начать переходить фактически на сторону своих оппонентов. Революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи поли-

тического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей, — но и массы»⁶⁰.

Ленин стремился дать долгосрочный прогноз революции, помочь российскому пролетариату, руководимому революционной социал-демократией, избрать правильный путь. «Исход революции, — говорит он в предисловии, — зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции»⁶¹. Собственно, об этом и написана книга. Меньшевики, как показывали резолюции их конференции, материалы новой «Искры» и местных меньшевистских газет, готовили пролетариату роль союзника буржуазии, они полагали, что подготовка восстания, а тем более открытые революционные выступления рабочих «оттолкнут» от них либералов, будут способствовать их сделке с самодержавием. Поэтому рабочий класс должен лишь поддерживать буржуазию в том народном представительстве, которое обещал созвать царь, давить на него снизу, давить снизу на временное правительство, не входя в него.

Кто же должен был войти в это правительство, кто должен был образовать его? По мысли меньшевиков, это правительство должно состояться из представителей либеральной оппозиции царизму. Ведь революция-то буржуазная, и России, как они думали, предстоит еще долгий путь капиталистического развития. Это ставило вопрос о союзнике пролетариата в демократической революции. И здесь у меньшевиков был один-единственный ответ: таким союзником могла быть только поднимающаяся к власти буржуазия. Именно ей и должен был помочь пролетариат завоевать власть, получив взамен лишь обещание демократических свобод, свободы организации своих союзов и партий да право на забастовку.

Совсем по-иному ставил вопрос В. И. Ленин. Проведя классовый анализ движущих сил революции, он выделял два главных революционных класса, больше других заинтересованных в совершении революции, способных в силу своего общественного и имущественного положения на жертвы, на героизм, на прямую вооруженную борьбу со старым строем. Это были пролетариат и крестьянство. Только они и могли совершить подлинную революцию. И Ленин не видел

причин, почему они не имели права составить свое правительство. Предстоящий переворот носил буржуазно-демократический характер, и революционное правительство, по мысли Ленина, не должно было тотчас вводить социализм, наоборот, оно должно было в первый момент способствовать более полному и широкому развитию капитализма.

Но от политической власти в новой России буржуазия должна была быть устранена сразу же. Вернее, не допущена к ней ни на миг. Временное революционное правительство должна была составить социал-демократия как представительница рабочего класса и революционно-демократические партии, претендовавшие на то, чтобы считаться представителями крестьянства. И хотя Ленин пишет иногда о «буржуазной демократии», «революционной буржуазной демократии», он вовсе не имеет в виду земцев, кадетов или даже членов «Союза освобождения». Нет, — это ведь трусливые буржуа, жалкие либералы, будущие предатели народной свободы. Под буржуазными революционерами он понимал несоциал-демократические народнические партии, которые сами-то себя называли социалистическими, но не были марксистскими. Это была бы буржуазная революция без буржуазии, революционное правительство, в котором была бы представлена только мелкая буржуазия в лице крестьянства, но никак не средняя или тем более крупная буржуазия, ее политические вожди и приказчики. Поэтому и классовым смыслом временного революционного правительства была бы революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Меньшевики же фактически помогали установить диктатуру крупной буржуазии.

Понятно, что от такой буржуазно-демократической революции с временным революционным правительством во главе было гораздо ближе до социалистической революции, чем от революции, закончившейся образованием чисто буржуазного правительства. Естественно и то, что социал-демократия «из чертогов правительства» немедленно повела бы политику перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. И здесь произошло бы постепенное размежевание классовых сил. Союзником пролетариата осталось бы не все крестьянство, а лишь его беднейшая часть.

Вот как выглядит суть «Двух тактик социал-демократии в демократической революции» с позиций сегодняшнего дня, вот что кроется за подчас весьма длинными выписками из резолюций большевистского съезда и меньшевистской конференции. Сегодняшний читатель знает, что в 1905 г. эти споры остались на бумаге: не состоялось ни временное революционное правительство, ни даже временное буржуазное. Осталось царское правительство, назначаемое царем, безответственное перед народным представительством. Лишь через 12 лет мысли, высказанные в этой книге, могли быть проверены практически, но история к этому моменту поставила несколько другие «декорации», чем на «генеральной репетиции» в 1905 г. И все же мы узнаем героев этой исторической драмы, видим, что роли-то остались все те же⁶².

Это меньшевики, бывшие «экономисты» и «новискровцы», предложили Временному комитету Государственной думы, составленному из прожженных буржуазных политиков, создать Временное правительство без участия «социалистов». И мотив был тот же: ведь революция-то буржуазная! Как же без буржуазии? А вступать в такое правительство социал-демократам нельзя! Впрочем, через два месяца они вошли в это правительство вместе с представителями русской империалистической буржуазии. Поднимая дикий крик по поводу предложения большевиков в 1905 г. о вхождении во Временное революционное правительство (хотя тогда речь шла о теоретической постановке вопроса и только), сами меньшевики опустились до худшего вида мильеранизма в условиях империалистической мировой войны. А ведь Ленин предлагал в 1905 г. вступить во Временное революционное правительство только с революционно-демократическими мелкобуржуазными партиями, а никак не с акулами империализма!

Но до всего этого было еще очень далеко в июне 1905 г. С шуршащих газетных полос доносились в Женеву на рю Давид Дюфур гудки красного броненосца «Потемкин», пение «Марсельезы», выстрелы полицейских и свист казачьих нагаек. Казалось, что всенародное восстание совсем близко. И Ленин бичевал хвостизм и пресмыкательство меньшевиков перед буржуазией, стремился помочь партии подойти во всеоружии к близкому восстанию, с верными боевыми

лозунгами. Итак, откроем снова книгу «Две тактики социал-демократии в демократической революции»...

В первых главах книги В. И. Ленин приводит полный текст резолюции III съезда РСДРП о временном революционном правительстве и ставит вопрос: что дает нам эта резолюция? «Резолюция съезда говорит,— отвечает на этот вопрос Владимир Ильич,— что обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать собрание, действительно выражающее волю народа, способно *единственно* временное революционное правительство, притом такое, которое бы являлось органом победоносного народного восстания. Верно ли это положение? Кто вздумал бы оспорить его, тот должен утверждать, что царское правительство может не тянуть руку реакции, что оно способно быть нейтральным при выборах, что оно может заботиться о действительном выражении воли народа. Подобные утверждения настолько нелепы, что открыто их никто не станет защищать, но тайком их провозят, под либеральным флагом, именно наши освобожденцы. Учредительное собрание должен кто-то созвать; свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренне хотеть этого и быть в силах все сделать для осуществления этого. Царское правительство неизбежно будет противодействовать этому. Либеральное правительство, вошедшее в сделку с царем и не опирающееся целиком на народное восстание, неспособно ни искренне хотеть этого, ни осуществить этого, даже при самом искреннем желании. Резолюция съезда дает, след., *единственно* правильный и вполне последовательный демократический лозунг»⁶³.

А что же говорили по этому поводу меньшевики? Ленин начинает разбор меньшевистской резолюции с анализа ее названия. А называлась она «О завоевании власти и участии во временном правительстве». Уже здесь была заведомая путаница: задача «завоевания власти» могла встать при социалистической революции, на очереди же был демократический переворот. Ленин никогда не ставил вопроса о том, чтобы социал-демократия в этот момент «захватила власть» единолично, он считал, что создать правительство

должны партии, представляющие два революционных класса, — пролетариат и крестьянство. Еще более серьезные ошибки содержал сам текст резолюции меньшевиков. В ее первой части, которую цитирует В. И. Ленин в своей книге, говорилось: «Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание»⁶⁴.

Ленин высмеивает такое приравнивание победы революции на деле в результате победоносного народного восстания к победе революции «на словах», т. е. в итоге решения созвать учредительное собрание. Он сравнивает такую перспективу со знаменитым Франкфуртским парламентом («говорильней») из эпохи революции 1848 г. «И пока франкфуртские освобожденцы болтали, — король выждал время, укрепил свои военные силы, и контрреволюция, опираясь на реальную силу, разбила наголову демократов со всеми их прелестными „решениями“», — заключает Ленин⁶⁵. И русские меньшевики идут здесь за освобожденцами. Социал-демократы не должны вносить путаницу в умы рабочих. Они должны говорить им только о действительно революционном пути, о восстании и создании в результате его временного революционного правительства. «Возможно, — поясняет свою мысль В. И. Ленин, — что русская революция кончится «конституционным выкидышем», как сказал однажды «Вперед», но разве это может оправдать социал-демократа, который бы накануне решительной борьбы стал называть этот выкидыш «решительной победой над царизмом»? Возможно, на худой конец, что не только республики мы не завоюем, но и конституция-то будет призрачная, «шиповская», но разве извинительно было бы со стороны социал-демократа затушевание нашего республиканского лозунга?»⁶⁶.

Далее Ленин разбирает следующую часть меньшевистской резолюции, где говорится о том, что временное правительство должно было бы выполнить задачу буржуазной революции и поэтому боролось бы против тех факторов революционного развития, которые «угрожают основам капиталистического строя».

Иными словами, правительство стало бы бороться против попыток пролетариата перейти к проведению социалистических преобразований. И здесь видно было все различие двух резолюций, двух тактик. III съезд звал рабочих к вступлению в революционное правительство именно для того, чтобы бороться с буржуазией, чтобы подготавливать переход к социалистическому перевороту, а меньшевистская резолюция, заранее отдавая всю государственную власть буржуазии, лишь констатировала, что эта победившая буржуазия будет бороться против социалистических тенденций рабочего класса. «Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, — делает заключение В. И. Ленин, — другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонерством»⁶⁷.

Догматизм меньшевиков Ленин видит и в том, что они вменяют в обязанность временному правительству программу полной ликвидации всего сословно-монархического режима. Это может составить программу нескольких сменяющих друг друга правительств, а не обязательно одного временного. «Временное революционное правительство, — уточняет В. И. Ленин, — есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контрреволюционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции вообще! Предоставим, господа, будущим историкам в будущей «Русской старине» определять, какие именно задачи буржуазной революции осуществили мы с вами или то или иное правительство, — это дело успеют сделать и через 30 лет, а нам теперь надо дать лозунги и практические указания для борьбы за республику и для энергичнейшего участия пролетариата в этой борьбе»⁶⁸.

Кульминационным пунктом резолюции меньшевистской конференции был тезис о том, что партия должна обеспечить себе свободу рук, чтобы «двигать революцию вперед», а поэтому «не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции»⁶⁹. Ленин показывает, что для того чтобы двигать революцию вперед, надо выдвигать лозунги, идущие дальше тех пределов, которыми желает ограничить ее либеральная

буржуазия. А такими и являются лозунги временного революционного правительства и республики, так как лозунг всенародного учредительного собрания уже был воспринят в целях маскировки монархической буржуазией. Большевики смыкаются с либеральной буржуазией, помогают ей, лишая пролетариат зовущей его вперед программы и лозунгов. Большевики же поднимают революционные элементы народа, которых больше всего в крестьянстве, до революционного уровня пролетариата.

Подробно развивая вопрос о буржуазном характере происходящей в России революции, В. И. Ленин приходит к выводу о выгодности ее для пролетариата и крестьянства. Но выгоды эти революционные классы смогут реализовать только тогда, если захватят в свои руки государственную власть и установят свою диктатуру. «Решительная победа революции над царизмом», — пишет Ленин, — есть *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*. От этого вывода, давно указанного «Впередом», никуда не уйдут наши новоискрывцы. Больше некому одержать решительную победу над царизмом.

И такая победа будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем», созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма»⁷⁰.

Казалось бы, здесь Владимир Ильич тоже говорит о весьма длительном периоде буржуазно-демократической революции, о целом ряде промежуточных ступеней, стадий и пр., которые лежат между демократической и социалистической революциями. Но как мы знаем из истории революционных событий, этот путь Россия пробежала в 1917 г. всего за восемь месяцев. А экономические условия за эти 12 лет изме-

нились не столь решающим образом, чтобы считать, что в 1905 г. в случае победы демократической революции дело пошло бы гораздо медленнее. К тому же после свержения царизма в феврале 1917 г. возникло временное буржуазное правительство (правда, наряду с Советами), а не революционное. Ленин же строил свое рассуждение на уверенности в том, что будет создано Временное революционное правительство с участием социал-демократии. Мы знаем, как быстро, «походя», доделала Октябрьская революция то, что не успела сделать буржуазно-демократическая революция, и как быстро было приступлено к социалистическим преобразованиям еще в тот момент, когда левые эсеры еще входили в состав Совнаркома, представляя значительную часть крестьянства России.

Могут возразить, что обо всем этом стало известно позднее, что такой ретроспективный подход вряд ли правомерен в скрупулезном историческом анализе. С этим можно было бы согласиться, если бы в тех же ленинских положениях о демократическом характере предстоящей революции мы не находили и предвидения быстроты, с которой могут быть пройдены эти промежуточные этапы между демократической и социалистической диктатурами.

Продолжим цитату после того места, на котором ее обычно обрывают. «Она (демократическая диктатура. — *Авт.*), — пишет далее Ленин, — сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня, наконец, last but not least⁷¹ — перенести революционный пожар в Европу. Такая победа несколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта

решительная победа начавшейся в России революции»⁷².

Таким образом, и тогда, летом 1905 г., В. И. Ленин ясно видел значение победы революции в России для дела социализма во всем мире, не упускал из виду социалистической цели и в планах создания временного революционного правительства. При этом Владимир Ильич не покидал реальной почвы. «Насколько вероятна такая победа — вопрос другой. Мы вовсе не склонны к безрассудному оптимизму на этот счет, мы вовсе не забываем о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь указать настоящий путь к ней»⁷³.

Отсутствие собственной позиции и непоследовательность меньшевиков видны были также на примере того, что, осуждая участие социал-демократии во временном революционном правительстве, они в то же время не исключали «целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства»⁷⁴. Последнее ограничение Ленин высмеивает как близорукость и непродуманность. Всякое взятие власти в любом городе неизбежно привело бы к тому, что эта власть должна была бы выполнять все государственные функции. «Эта власть, — показывает В. И. Ленин, — должна будет и 8-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д., — одним словом, ряд реформ она должна будет провести непременно»⁷⁵. Подводить эти реформы под понятие «содействие распространению восстания» значило бы играть словами и намеренно усиливать неясность там, где нужна полная ясность»⁷⁶.

Неустанная работа по обобщению отдельных политических задач пролетариата, проходящая в постоянном критическом сравнении с параллельными попытками меньшевиков наметить пути развития революции, приводит В. И. Ленина к целому ряду чеканных выводов, открытию ряда законов перехода от демократической к социалистической революции, которые он формулирует с афористической точностью и

краткостью. Так, говоря о динамике развития революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как диктатуры двух дружественных, но все же различных по своему социальному положению классов, Ленин пишет:

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму»⁷⁷.

Ленин глубоко разработал вопрос о роли крестьянства в буржуазно-демократической революции. Он показал, что революция никак не ослабнет, если от нее отшатнется буржуазия. Наоборот, настоящая революция тогда только и начнется, «когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом»⁷⁸. И после этого Владимир Ильич выделяет такие слова, которые стали теперь известны миллионам людей во всем мире:

*«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»*⁷⁹. Вот характеристика соотношения классовых сил в момент буржуазно-демократической и социалистической революций, вот характеристика последовательных задач пролетариата в этой области. Добавим сюда требования вхождения во временное революционное правительство, являющееся по своему классовому содержанию диктатурой пролетариата и крестьянства, использования государственной власти в интересах про-

летарната и еѳо задач, в частности, задачи перерастания революции в социалистическую, — и перед нами настоящий катехизис революционера XX века, свод главных правил науки о революции!

Заключительную главу своей книги Владимир Ильич назвал: «Смеем ли мы победить?» Для него не было никаких сомнений в положительном ответе на этот вопрос: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции»⁸⁰.

Разумеется, эти краткие характеристики содержания книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» не исчерпывают ни ее значения для борьбы против меньшевизма в 1905 г., ни значения ее как источника по истории партии, ни значения ее как памятника революционного марксизма, как своеобразного учебника для революционеров всех стран. Хочется сказать только о той роли, которую сыграла эта книга в непосредственной борьбе российских большевиков за свержение самодержавия. «Две тактики» появились в свет в Женеве изданием Центрального Комитета РСДРП в типографии партии. Всеми путями книга доставлялась в Россию и вскоре стала широко известна среди революционных социал-демократов в различных частях страны. Она нелегально распространялась в Петербурге, Москве, Перми, Казани, Тифлисе, Баку. Всюду она была встречена с огромным интересом и энтузиазмом.

С. И. Гусев, получив «Две тактики» в Одессе, написал В. И. Ленину: «Ваша брошюра, по моему мнению, если не создаст эпоху, то во всяком случае сыграет огромную роль. Особенно поражает меня революционный дух, насквозь пронизывающий ее, и ее удивительная ясность и популярность»⁸¹. Во второй половине 1905 г. книга была переиздана в России Центральным Комитетом РСДРП и отдельно Московским комитетом в количестве 10 тыс. экземпляров. В 1907 г. «Две тактики» были включены В. И. Лениным

в его первый сборник избранных произведений «За 12 лет». Ленин дополнил книгу новыми подстрочными примечаниями⁸².

Основные положения книги стали главными тактическими требованиями большевистской партии на весь период борьбы с самодержавием вплоть до марта 1917 г. Такие тезисы, как создание временного революционного правительства и осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как показатель законченности буржуазно-демократической революции, сохранялись неизменными вплоть до середины марта 1917 г. И даже сам В. И. Ленин внес коррективы в изложенную в книге картину развития буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую только после ознакомления с фактом двоевластия и другими особенностями положения в России в начале апреля 1917 г. Таково было исключительное значение и влияние этой книги, которую в июне 1905 г. Ленин со страстью и увлеченностью писал в Женеве.

4. Связь с Центральным Комитетом и партией

Летом 1905 г. в России с каждым месяцем нарастала забастовочная борьба рабочих. Наиболее значительным событием здесь была, как известно, иваново-вознесенская забастовка, длившаяся 72 дня. В ходе ее с 15 мая регулярно собиралось «Собрание уполномоченных депутатов», фактически явившееся первым в стране Советом рабочих депутатов. Только крайнее истощение сил заставило рабочих Иваново-Вознесенска 23 июля прекратить стачку⁸³. Стачка привела к росту авторитета социал-демократов в Иванове и окрестностях: численность членов партии достигла 600 человек в городе и 200 в окрестных городах и селах. О героической борьбе рабочих Лодзи, Одессы и Варшавы в мае — июне 1905 г. мы уже говорили выше. К июню — июлю стачечная борьба охватила почти все промышленные центры страны. В апреле — августе 1905 г. от 50 до 75 процентов всех бастующих принимало участие в политических стачках. «Организация в Москве, — писали В. И. Ленину в середине июля, — становится превосходна и делает громадные шаги вперед. Рабочие принимают самое активное участие в постановке дела, в организации массовок и

тому подобном. Авторитет Московского комитета и РСДРП громаден среди сознательных рабочих»⁸⁴.

В Петербурге крупнейшим событием лета 1905 г. была забастовка на Путиловском заводе, начавшаяся 20 июня. Среди требований путиловцев были и экономические, и политические. Администрация ответила на них отказом и 5 июля объявила локаут. Крайняя нужда заставила рабочих выйти 1 августа на работу на прежних условиях. 9 июля, в день полугодщины Кровавого воскресенья, Петербургский комитет РСДРП совместно с петербургской группой меньшевиков, петербургским комитетом партии эсеров и «Рабочим союзом» (остатками гапоновской организации) организовал однодневную политическую стачку протеста⁸⁵. В ней приняли участие около 100 тыс. рабочих, на многих предприятиях прошли митинги, где выступали ораторы и агитаторы ПК. «Забастовка, — писал один из членов ПК в ленинскую газету «Пролетарий», — удалась несомненно благодаря нашей агитации. Можно смело сказать, что мы к ней звали и она нами организована»⁸⁶. Крупные забастовки в июле 1905 г. прошли также в Риге, Туле и в Перми (на Пермском пушечном заводе в селе Мотовилиха). Бастовали железнодорожники ряда железных дорог европейской части России и Сибири⁸⁷.

Обо всех этих событиях в России В. И. Ленин регулярно узнавал не только из заграничной прессы, которую читал очень внимательно, но и из обширной корреспонденции, приходившей на его имя и в адрес Центрального Органа партии газеты «Пролетарий». Среди корреспондентов В. И. Ленина — члены Центрального Комитета, представители местных комитетов РСДРП, отдельные члены партии, рабочие. Все это позволяло В. И. Ленину прекрасно ориентироваться в событиях на родине, оперативно вмешиваться в ход дел в партии, давать свои советы и рекомендации. Ответные письма писал сам Владимир Ильич или по его просьбе или поручению Надежда Константиновна Крупская. Так, 2 июля 1905 г. Н. К. Крупская отправляет письмо Дяденьке (Л. М. Книпович) о расстановке руководящих партийных кадров в одесской организации РСДРП. Она же пишет письмо Дельте (Е. Д. Стасовой) в Петербург об укреплении кадрами местных партийных организаций⁸⁸. 4 июля В. И. Ленин

читает корреспонденцию из Киева о бунтарских настроениях среди местных солдат, тут же приходит письмо из Одессы с призывом к восстановлению единства РСДРП⁸⁹. В письме Штейнер (Барской) в Кореиз от 6 июля Надежда Константиновна писала, что у них в Женеве «все мысли сосредоточены около событий, разыгрывающихся в России», спрашивала о положении дел в Севастополе и Феодосии⁹⁰.

В тот же день из Петербурга в Женеву уходит письмо члена ЦК Вернера (А. А. Богданова) с сообщением об отправке В. И. Ленину двухмесячного отчета ЦК с извещением о проделанной работе по изданию партийно-пропагандистской литературы, партийном просвещении в кружках и т. д.⁹¹. После 7 июля Ленин читает письмо Феклы (Б. С. Переса) из Одессы о критическом положении местной партийной организации, пострадавшей в результате репрессий, последовавших за восстанием на броненосце «Потемкин». Считая, что подобная информация может неблагоприятно отразиться на настроениях работников в России, чья настоятельная задача состояла в подготовке восстания, Владимир Ильич делает пометку на письме Феклы: «Не печатать»⁹². Ленин после 11 июля поручает М. Н. Лядову информировать ЦК РСДРП в России о том, что Плеханов уведомил МСБ в Брюсселе, что обе фракции РСДРП согласны на его представительство, тогда как это не соответствовало действительности⁹³.

Между тем Ленин был не совсем доволен действиями членов ЦК в России и еще 11 июля нового стиля отправил им весьма примечательное письмо. «Дорогие друзья, — писал Ленин, — ряд писем из России со всех концов, вести Александрова⁹⁴, беседа с Клещом⁹⁵ и еще несколькими приезжими, — все укрепляет во мне убеждение, что в работе ЦК есть какой-то внутренний дефект, дефект организации, устройства работы. Центрального Комитета нет, его никто не чувствует, не замечает, — таков общий голос. И факты это подтверждают. Политического руководства ЦК над партией не видно. А между тем работают все члены ЦК до изнеможения! В чем же дело?»⁹⁶. Н. К. Крупская рассказывала в своих воспоминаниях, что главной причиной недовольства В. И. Ленина была слишком незначительная информация о работе ЦК как внутри страны, так и на за-

границу, в Женеву. «В июле пришли первые протоколы заседания нового ЦК, — пишет она. — ...Письмо показалось страшно скучным. Следующее письмо о работе ЦК было еще скучнее. Ильич страшно нервничал. Подышав на съезде русской атмосферой, труднее было переносить оторванность от русской работы»⁹⁷.

В письме к членам ЦК Ленин делился с товарищами своими мыслями об улучшении работы Центрального Комитета. «По-моему, — говорил он, — одна из причин того — отсутствие регулярных листков ЦК. Во время революции руководить устными беседами, личным общением — архиутопия. Надо руководить публично. Надо *все остальные* виды работ подчинить этому виду, всецело и безусловно. Ответственный литератор ЦК должен прежде всего позаботиться о том, чтобы писать (или получать от сотрудников, но сам редактор всегда должен быть готов написать сам) два раза в неделю листок на партийные и политические темы (либералы, социалисты-революционеры, меньшинство, раскол, земская делегация, профессиональные союзы etc. etc.) и переиздавать его всячески, гектографировать тотчас (если нет типографии) в 50 экземплярах и рассылать по комитетам для переиздания. Статьи в «Пролетарии» могли бы иногда служить, может быть, для таких листков — при известной переделке»⁹⁸. Владимир Ильич делится здесь своим собственным редакторским опытом. Получив первую зачатку в «Искре», он при минимальном числе помощников выпустил затем 18 номеров газеты «Вперед», а теперь выпускал с еще бóльшим успехом и Центральный Орган партии. Причем опыт этот Ленин предлагал деликатно, по-товарищески, но твердо. «Не могу понять, — продолжает он, — почему этого не делается?? Неужели Шмидт⁹⁹ и Вернер¹⁰⁰ забыли наши разговоры об этом? Неужели нельзя написать и разослать хоть по одному листку в неделю?? «Извещение» о III съезде до сих пор нигде не перепечатано полностью в России: это такое безобразие, такое фиаско всех этих пресловутых «техник» ЦК, что я решительно не понимаю, чего смотрел Винтер¹⁰¹? чего смотрят Зоммер¹⁰² и другие? Наконец, ведь есть и комитетские типографии?!?»¹⁰³

Ленин советует членам ЦК не забывать про «публичное оказательство». Главное политическое руководство: выпуск листков, личное присутствие и

выступление на районных съездах, на конференциях и т. д. Ленин, констатируя почти полное отсутствие переписки между Россней и Женевой (от Вернера и Винтера только 2 письма и одно от Александрова), «„путевые впечатления“ не более», предлагает созвать пленум Центрального Комитета 1 сентября нового стиля в Женеве. «Без этого — громадная опасность, что нам не удастся наладить дела, как следует. А теперь оно совсем не налажено. Это видно из всех сообщений»¹⁰⁴.

Между тем в России Центральный Комитет напрягал все имеющиеся силы, чтобы не только успевать за ростом революционного движения, но и идти впереди него. Главным средством руководства экономической и политической борьбой рабочих были листовки. «Техники» ЦК в Петербурге и Москве работали в полную силу, несмотря на часто случавшиеся провалы и конфискации. Листовки выпускали также Петербургский и Московский комитеты РСДРП, отдельные районные группы, окружные организации обеих столиц, а также комитеты десятков других городов России. Так, еще в мае была выпущена листовка ЦК РСДРП «Ко всем рабочим и работницам!» с призывом бороться против планов создания булыгинской думы, за всеобщее избирательное право и созыв Учредительного собрания¹⁰⁵. В июне 1905 г. среди рабочих распространялась листовка ЦК с разоблачением сговора либералов и самодержавия, выразительно начинавшаяся словами: «Они столковались!». Листовка предупреждала: «Ваши враги объединяются, день решительной борьбы недалек. Готовьтесь к восстанию и объединяйтесь под знаменем Российской рабочей партии — революционной социал-демократии»¹⁰⁶.

В связи с восстанием на броненосце «Потемкин» ЦК РСДРП выпустил листовку «Ко всем», призывая матросов не стрелять в своих братьев, солдат — присоединяться к восставшим. «Могучая волна нашего движения, — обращался ЦК к рабочим, — широко разлившись по всей России, заставила очнуться и наших братьев — матросов». Еще один приступ, говорилось в конце листовки, и «вековая тюрьма русского народа разлетится в прах»¹⁰⁷.

Петербургский комитет РСДРП 30 июня напечатал листовкой призыв ко всем гражданам жертвовать

средства на вооружение. «Восстание народа, — говорилось в этой листовке, — это лозунг революции, и призыв «жертвуйте на вооружение» — один из революционных лозунгов настоящего момента. Жертвуйте же, граждане, на вооружение!»¹⁰⁸. В июле 1905 г. листовкой был издан текст резолюции, рекомендованной ПК РСДРП для принятия на рабочих собраниях. Листовка требовала немедленного прекращения войны на Дальнем Востоке, созыва Учредительного собрания, необходимым условием которого было бы низвержение самодержавия восставшим народом и создание временного революционного правительства. От имени рабочих выражалась уверенность, что они готовы встать по призыву РСДРП «в ряды вооруженного восставшего народа»¹⁰⁹. Московский комитет РСДРП наряду с листовками стал в июле и августе издавать двухнедельные бюллетени с описанием демонстраций, забастовок, волнений среди солдат¹¹⁰.

Непрерывным потоком шла информация об этой напряженной деятельности партии в Женеву, в редакцию «Пролетария». Многие задерживались и конфисковывались полицией, многое терялось. Но тем не менее день ото дня информация становилась все обильнее. И «Пролетарий» с готовностью предоставлял свои колонки для писем, сообщений, резолюций и листовок, полученных из революционной России.

Следующее ленинское письмо Центральному Комитету РСДРП написано 12 июля нового стиля, когда Ленин уже получил первые официальные известия от ЦК. Владимир Ильич выражает свое одобрение почти всем постановлениям ЦК. Ленин озабочен тем, что ЦК занимает примиренческую позицию в отношении Г. В. Плеханова, узурпировавшего представительство РСДРП в МСБ. Однако он согласен на то, что Плеханову будет сделано предложение остаться представителем в МСБ, но с тем, чтобы он признал III съезд, вошел в партию и подчинился ее решениям. «За присылку подробных постановлений, писем комитетов и листовок, — пишет Ленин, — чрезвычайно благодарны. Наконец-то налаживается хоть некоторое подобие правильных сношений между нами! Пожалуйста, не бросайте этого обычая и найдите хорошего питерского секретаря. Нам до зарезу нужно осведомление из Питера о партийных делах, о либералах, о вопросах партийной жизни, обсуждающихся в кружках,

и т. д. и т. д. Не забывайте, что Бунд и меньшевики осведомлены лучше нашего здесь!»¹¹¹

Письмо В. И. Ленина Центральному Комитету от 28 июля нового стиля посвящено двум вопросам. Во-первых, конфликту по поводу представительства Г. В. Плеханова в МСБ, а затем всплывшему вопросу о посредничестве Бебеля для объединения обеих фракций РСДРП, в связи с чем соответствующее открытое письмо опубликовала Организационная комиссия меньшевиков в России. Ленин советует проявить осторожность, хотя и принять это предложение, приурочив созыв совместной конференции за границей к началу сентября, с тем чтобы 1 сентября, как было ранее условлено, провести пленум ЦК РСДРП. Можно не сомневаться, что на подобные шаги В. И. Ленин соглашался с большой неохотой. Еще в документах, написанных сразу же после III съезда РСДРП, Владимир Ильич указывал, что лучшим пожеланием для отколовшейся части партии было бы поскорее конституироваться в самостоятельную организацию со своим уставом, программой, центральными учреждениями и пр.¹¹² Однако необходимость полного размежевания с меньшевиками была все еще непонятна многим партийным работникам и сторонникам большинства в России. Обстановка начавшейся революции, казалось, подсказывала сама противоположный выход: сохранение единства, сплочение всех социал-демократических сил. В первой главе уже приводились свидетельства П. Н. Лепешинского и Г. М. Кржижановского по этому поводу, относящиеся к концу 1904 г. Добавим к этому и строки из письма старшей сестры В. И. Ленина Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой, написанного из охваченного волнением Петербурга 12 января 1905 г.

«Посылаю некоторые из листков, — писала А. И. Елизарова. — Они не ахти хороши, но спешный характер извиняет, техника тоже хромает. Ц. кисты завладели, говорят, какой-то типографией и печатают, но их листков я не видал¹¹³. На днях состоялось соглашение между П. К. и группой Ц. К. и листки должны выходить за общей подписью. Но таких еще не видал. Жуть берет, что опять разойдется все врознь, а в такой момент это прямо преступление... Получил Ваши полемические брошюры, но, по правде сказать, на них теперь и глядеть не хочется... Ради бога, не

делайте вы «Вперед» органом этой мелкой полемики!!»¹¹⁴ Несмотря на новое обострение отношений между фракциями РСДРП в результате проведения отдельно III съезда и меньшевистской конференции, летом 1905 г. тяга к объединению среди местных работников в России вновь усилилась. Рост стачечной борьбы, очевидность борьбы против булыгинской думы — все это ставило перед местными организациями РСДРП вопрос об объединении своих усилий. Ведь революция явно нарастала! Вопреки решениям своей конференции меньшевистские группы стали поворачивать к большевикам в вопросе о восстании, проводить резолюции с призывом к вооруженной борьбе. Это создавало известные предпосылки для возможных соглашений с меньшевиками на местах и питало объединительные настроения в России вплоть до членов ЦК, избранных на III съезде. Многие большевики еще не знали всей правды об интригах и недостойных приемах борьбы против большевиков и лично В. И. Ленина, к которым прибегали эмигрантские руководители меньшевиков, находившиеся в Женеве. К тому же обаяние прошлых заслуг и авторитет таких меньшевиков, как Г. В. Плеханов, Л. Мартов и некоторых других, были еще весьма велики.

Поэтому В. И. Ленин, скрепя сердце, соглашается на некоторые объединительные шаги, предпринятые ЦК РСДРП в России. И все же он не устает предостерегать большевиков: «Крайне важно иметь в виду, что у меньшевиков нет центра, решения которого обязательны для них. «Искра» не подчинена Организационной комиссии. Мы не должны сыграть роль дурачков, договариваясь с людьми, которые не вправе и не в силах говорить от имени всего меньшинства»¹¹⁵. Тревога по этому поводу видна и из письма В. И. Ленина от 14 августа 1905 г. нового стиля. Только в меньшевистской «Искре» № 107 В. И. Ленин смог прочесть протокол совещания членов ЦК РСДРП и Организационной комиссии меньшевиков. Ленин напоминает членам ЦК, что III съезд партии поставил обязательным условием разрешения всякого предложения о слиянии с меньшевиками созыв IV съезда РСДРП и его решение по данному вопросу. Он пишет о скором наступлении срока 1 сентября, когда должен был состояться пленум ЦК РСДРП, и спрашивает, состоится ли пленум? И хотя в ближай-

шее же время внимание В. И. Ленина отвлекли внутривластные события в России (манифест 6 августа о создании булыгинской думы), потребовавшие спешного отклика и подтверждения на страницах «Пролетария» тактической линии III съезда РСДРП, Владимир Ильич чутко реагирует на все известия о совместных переговорах с меньшевиками.

В десятом номере «Пролетария» от 20 июля ст. ст. В. И. Ленин помещает статью «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти». Внешним поводом для ее написания были отчеты в зарубежных газетах о трех состоявшихся в России съездах разных политических течений буржуазии. Это были: съезд промышленников и торговцев в Москве 4—6 июля, самый консервативный, который, хотя и требовал конституции, но соглашался участвовать в выборах в народное представительство, созванное по проекту министра внутренних дел Булыгина о законосовещательном учреждении. Самым «левым» был съезд Союза союзов (радикальной организации буржуазной интеллигенции, составленной из представителей профессионально-политических интеллигентских союзов учителей, врачей и т. п.) 1—3 июля в Финляндии. Союз союзов высказался за полный и решительный бойкот булыгинских выборов¹¹⁶, за широкую агитацию в пользу всеобщего избирательного права.

О третьем Ленин пишет так: «Середину занимает самый «влиятельный», торжественный и шумный съезд земских и городских деятелей. Он почти легален: полиция только для проформы составляет протокол и предъявляет встреченное улыбкой требование разойтись. Газеты, начавшие печатать сведения о нем, караются приостановкой («Слово») или предостережением («Русские ведомости»). На нем представлено 216 делегатов, по заключительному отчету г. Петра Долгорукова, сообщенному в «Times». Об нем телеграфируют во все концы мира корреспонденты иностранных газет. По главному политическому вопросу: бойкотировать ли «конституцию» Булыгина, съезд не высказывается никак. По сообщениям английских газет, большинство было за бойкотирование, организационный комитет съезда — против. Сошлись на компромиссе: оставить вопрос открытым до опубликования проекта Булыгина и тогда созвать по телеграфу новый съезд. Разумеется, булыгинский

проект решительно осуждается съездом, который принимает «освобожденский» проект конституции (монархия и двухпалатная система), отвергает обращение к царю и постановляет „обратиться к народу“»¹¹⁷.

Ленин оценивает результаты июльского земского и городского съезда как «шаг влево нашей либеральной буржуазии». Это и неудивительно: «Идет вперед революция, за ней ковыляет и буржуазная демократия»¹¹⁸. Однако отсрочка вопроса об отношении к Булыгинскому проекту до его публикации показывала, что либеральная буржуазия опять торгуется с запросом. Призывы к народу тоже ограничивались советами применять тактику мирного неповиновения. И это в то время, когда революция признавалась даже многими делегатами земского и городского съезда (в частности И. И. Петрункевичем, большую цитату из речи которого В. И. Ленин приводит в данной статье).

«Иностранные корреспонденты и публицисты буржуазии довольно метко, — пишет В. И. Ленин, — схватывают иногда эту сущность дела, хотя и выражают ее очень своеобразно. Г. Гастон Леру в «*Matin*» берется изложить взгляды земцев. «Беспорядок вверху, беспорядок внизу, мы одни — представители порядка». Взгляд земцев действительно таков. А в переводе на прямой русский язык это значит: наверху и внизу готовы бороться, а мы — честные маклеры, мы крадемся к власти. Мы ждем, не будет ли у нас тоже 18 марта¹¹⁹, не победит ли народ хоть раз в уличном бою правительство, не явится ли для нас возможность, подобно немецкой либеральной буржуазии, взять в руки власть после первой победы народа. А тогда, когда мы станем силой против самодержавия, мы обернемся против революционного народа и заключим сделку с царем против народа. Наш проект конституции — готовая программа такой сделки»¹²⁰.

В заключение своей статьи В. И. Ленин предупреждает либеральную буржуазию, что пролетариат готовится к решительной борьбе по всей России. Он поднимет за собой крестьянство, парализует неустойчивость и предательство буржуазии, «отстранит ее претендентов и силой раздавит самодержавие». «И тогда, — продолжает Владимир Ильич, — мы завоюем народу не монархическую конституцию, обеспечиваю-

щую политические привилегии буржуазии. Мы завоюем России республику с полной свободой всем угнетенным народностям, с полной свободой для крестьян и рабочих. Мы воспользуемся тогда всей революционной энергией пролетариата для самой широкой и смелой борьбы за социализм, за полное освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации»¹²¹.

В начале августа 1905 г. из России пошли упорные слухи о предстоящем опубликовании булыгинского проекта. В. И. Ленин помещает в связи с этим в 12-м номере «Пролетария», вышедшем в свет 3 августа, статью «Бойкот булыгинской думы и восстание». Сама эта булыгинская дума характеризуется В. И. Лениным как собрание «представителей помещиков и крупной буржуазии, выбранных под надзором и при содействии слуг самодержавного правительства на основе такого грубоцензового, сословного и непрямого избирательного права, которое является прямо издевательством над идеей народного представительства»¹²².

Владимир Ильич развивает здесь идею бойкота этой думы со стороны социал-демократии, тему, лишь намеченную в разобранный нами выше статье «Пролетариат борется — буржуазия крадется к власти». Лозунг бойкота с естественностью вытекал из принятого III съездом курса на подготовку всенародного восстания против самодержавия. Речь шла теперь о том, как сложившуюся политическую ситуацию использовать с выгодой для рабочего класса, для подготовки восстания. Ведь при всей ограниченности булыгинская дума все же означала уступку самодержавия, признак слабости правительства. Не уменьшала пока своего напора и буржуазия, в рядах которой были даже сторонники бойкота. «Наше дело, — призывал партию Ленин, — пользоваться разрушительной работой буржуазии по отношению к самодержавию и неуклонно просвещать рабочий класс относительно его социалистических задач, относительно враждебной непримиримости его интересов с интересами буржуазии»¹²³. Ленин поддержал идею, пришедшую от партийных работников из России, об активном бойкоте булыгинской думы. Этот лозунг означал устройство политических собраний везде и всюду, использование избирательных собраний путем насильственного проникновения туда агит-

таторов партии, устройство демонстраций, политических забастовок. «Итак, — пишет Ленин, — самая энергичная поддержка идеи бойкота; избличение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего ее, в предательстве; превращение этого бойкота в активный, т. е. развитие самой широкой агитации; проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения временного революционного правительства, распространение и разъяснение основной и безусловно обязательной программы этого временного революционного правительства, которая должна быть знаменем восстания и образцом при всех предстоящих повторениях одесских событий»¹²⁴.

Но вот 6 августа 1905 г. царским манифестом было объявлено об учреждении Государственной думы по булыгинскому проекту и созыве ее не позднее половины января 1906 г. Владимир Ильич немедленно пишет статью, названием которой выбирает привычную фразу из правительственной пропаганды: «Единение царя с народом и народа с царем». Ленин оценивает манифест 6 августа как подачку и объясняет, что иного пока и ждать было нечего, так как пролетариат еще не вооружился и не победил самодержавного правительства. И в то же время манифест есть показатель того, что нужно и дальше разворачивать натиск на самодержавие, использовать сам этот закон как прекрасное средство для противоправительственной агитации. «Есть изречение, — едко замечает Ленин, — не тронь — не воняет. Когда читаешь манифест и закон о Государственной думе, чувствуешь себя так, как будто под носом у тебя начали разворачивать накопившуюся с незапамятных времен груду нечистот»¹²⁵.

«Народом» по этому закону считаются только помещики и капиталисты, допускаемые к двухстепенным выборам, из крестьян закон берет только домохозяев и просеивает их четырехстепенными выборами. Крестьяне должны были иметь по булыгинскому проекту только 51 место из 412. «*Весь городской рабочий класс, — выделяет Ленин свой вывод, — вся деревенская беднота, батраки, бездомные крестьяне все не участвуют ни в каких выборах*»¹²⁶. Все выборы должны проходить под строгим надзором полиции,

ни о какой свободе слова, печати, собраний и пр. нет и речи. Выборы явились бы чистойшей комедией. Да и сама Государственная дума не получала никаких прав. Все ее решения носили совещательный характер, после принятия они поступают в Государственный совет, назначаемый царем. Ленин называет булыгинскую думу «игрушечной пристроечкой к чиновничьему и полицейскому зданию», тем же «российским полицейским участком в расширенном виде»¹²⁷.

Чтобы подчеркнуть полицейский характер всего этого балагана, правительство одновременно с манифестом от 6 августа издало указ, аннулирувавший старый указ от 18 февраля, разрешивший частным лицам разрабатывать предложения по усовершенствованию государственных порядков. «Это значит — конец агитации, конец собраниям и съездам»¹²⁸. Именно так разъяснил новый московский губернатор П. Н. Дурново смысл этого указа и заявил, что новых земских съездов он не потерпит. На следующий день после опубликования манифеста 6 августа полиция арестовала под Петербургом вождя конституционно-демократического крыла русских либералов П. Н. Милюкова, совещавшегося с группой представителей Союза союзов¹²⁹. Все это подтверждало правильность предложенной В. И. Лениным тактики отношения к булыгинской думе.

«Пусть же буржуазные предатели революции идут в эту мертворожденную Государственную думу, — заключает свою статью В. И. Ленин. — Российский пролетариат возьмется за усиленную агитацию и подготовку нашего русского 18-го марта 1848 г. (или лучше 10 августа 1792 года)»¹³⁰. Одновременно Ленин ведет борьбу и против меньшевиков, которые предлагали использовать отдельные предвыборные собрания по манифесту от 6 августа в городах¹³¹.

В эти дни второй половины лета 1905 г. Владимир Ильич особенно часто переписывается с А. В. Луначарским, живущим в Италии, в Виареджо. Яркий литературный талант Луначарского, его экспансивность и обаятельность — все это привлекло симпатии Ленина к Луначарскому еще на рубеже 1904—1905 гг., когда они вместе в Женеве редактировали и делали большую часть материалов большевистской газеты «Вперед». Когда Луначарские уехали в Италию, Ленину стало не хватать общества Анатолия

Васильевича, он часто писал ему и даже просил вернуться снова в Женеву¹³². Вот, например, письмо от 2 августа нового стиля, в котором Ленин пишет о своем желании «побеседовать вне текущих делишек».

«Плохое настроение у нашей публики в Женеве,— доверительно начинает Владимир Ильич. — Я удивляюсь часто, как немногого нужно, чтобы люди, не вполне самостоятельные и непривычные к самостоятельной политической работе, падали духом и кисли. А киснут у нас женевские большевики отчаянно. Борьба идет серьезная, III съезд вовсе не закончил ее, а только открыл новую фазу ее, искровцы подвижны и суетливы, беззастенчивы по-торгашески, искушенные долгим опытом демагогии, — а у наших преобладает какая-то «добросовестная глупость» или «глупая добросовестность». Не умеют бороться сами, неловки, неподвижны, неуклюжи, робки... Милые ребята, но ни к дьяволу негодные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты»¹³³. Немного есть ленинских документов, где бы так искренне раскрывались мысли Ленина о некоторых чертах типичного русского интеллигента, который и в партию принес с собой все свои недостатки: неумение систематически работать, уныние, онегинский сплин и обломовскую лень. Если тут мы видим еще сочувствие и жалость к «милым ребятам», то в первые месяцы Советской власти Ленин безжалостно бичевал эти недостатки, особенно нетерпимые в серьезном государственном деле.

«Вас. Вас. крайне типичен в этом отношении, — делится далее Владимир Ильич с Луначарским своими наблюдениями о М. С. Ольминском, одном из его сотрудников по «Пролетарию», — милейшая личность, преданнейший работник, честнейший человек, он, я боюсь, никогда не способен стать *политиком*. Добер он уж очень, — даже не верится, что «Галеркины» брошюры писаны им. Боевого духа он не вносит ни в орган (все жалеет, что я не даю ему писать добрых статей о Бунде!), ни в колонию. Какой-то дух нытья царит, и меня (я всего три недели на даче и езжу в город на 4—5 часов по *три*, а то и по *четыре* раза в неделю!) все упрекают, что у них дело не ладится, что меньшевики бойчее и т. д. и т. п.!!»¹³⁴.

Нелегко приходилось в те годы Владимиру Ильичу. Ведь сам он обладал характером бойца, был

прирожденным политиком, человеком аккуратным и обязательным до педантизма. Эти черты проявились у него очень рано. Между тем условия для создания настоящей трибуны, настоящей организации для борьбы с самодержавием, буржуазией, всеми идейными противниками еще только создавались. Только благодаря исключительной энергии Владимира Ильича Ленина, заживавшей его сторонников, II съезд партии не скатился в болото социал-демократизма в духе западноевропейских рабочих партий, а послужил отправной точкой для создания партии нового типа. Но Г. В. Плеханов, авторитет которого признавался безоговорочно всеми, в том числе и В. И. Лениным в то время, изменил решениям II съезда, развалил созданные на съезде центральные коллегии партии. Ленин не мог примириться с этим. Временами казалось, что он остается один против всего тогдашнего руководства партии. Но Ленин бесстрашно шел против течения по той дороге, которая ему казалась единственно правильной, и история доказала его правоту! Он неутомимо вербовал новых сторонников, рвал все отношения со вчерашними друзьями и единомышленниками, если они политически переходили в противоположный лагерь.

Он всего с тремя-четырьмя помощниками сумел создать газету «Вперед», сплотить Бюро комитетов большинства, созвать III съезд партии, за которым пошло большинство комитетов в России. Съездом были приняты правильные тактические резолюции, избран новый Центральный Комитет, создан новый Центральный Орган — «Пролетарий», противостоящий «Искре». А что же дальше? Ленин в интересах партии вынужден был остаться в Женеве, чтобы редактировать Центральный Орган партии, чтобы обеспечивать ее связи с международным социалистическим и рабочим движением. Все члены ЦК уехали в Россию. Но связь с ЦК из рук вон плоха, работа в России разворачивается слабо, отдельные члены ЦК, не снесясь с ним предварительно, проявляют примиренчество к меньшевикам.

«А наш ЦК, — продолжает свое письмо к Луначарскому Ленин, — во-1-ых, тоже не очень-то «политик», тоже добер слишком, тоже страдает недостатком цепкости, оборотливости, чуткости, неумением политически использовать каждую мелочь в партийной

борьбе. А, во 2-х, он выпендренно презирует за границу и всех лучших людей упорно не пускает сюда или берет отсюда. И мы оказываемся здесь, за границей, позади. Недостает фермента, толчков, импульсов. Не умеют люди действовать и бороться сами. Недостает ораторов на своих собраниях. Некому влить дух бодр, поставить вопрос принципиально, уметь подняться над Женевским болотом повыше, в область интересов и вопросов посерьезнее. И все дело страдает. В политической работе остановка есть смерть»¹³⁵. И Ленин просит Луначарского подумать, не вернется ли он в Женеву: «Помните, Вы писали: ущерба от моего отсутствия из Женевы не будет, ибо пишу много и издали. Это так, что пишете много, и газету вести кое-как (но не более, чем кое-как, а нам чертовски нужно большее) можно. Но ущерб-то не только есть, но громадный ущерб, который яснее ясного чувствуется с каждым днем. Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим. А при противнике, располагающем за границей большими силами, мы с каждой неделей теряем столько, что и в месяц, пожалуй, не нагонишь. Борьба за партию не кончилась, и до действительной победы ее не доведешь без напряжения всех сил...»¹³⁶.

В своих многочисленных ответных письмах А. В. Луначарский подбадривал Владимира Ильича, слал свои корреспонденции и даже стихи и баллады, направил Ленину восторженный отзыв о его книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Однако планам приезда Луначарского в Женеву не суждено было состояться, так как развитие революции вскоре поставило совсем другой и более приятный вопрос: о возвращении в Россию. Пока же переписка все еще оставалась главной формой общения Ленина с его соратниками, с членами Центрального Комитета. 7 сентября нового стиля Ленин пишет в ЦК о том, что получил известие о согласии ЦК РСДРП участвовать вместе с меньшевиками, Бундом, латышскими социал-демократами в общей конференции по вопросу об отношении к булыгинской думе¹³⁷, но сожалеет, что это известие пришло к нему через месяц после состоявшегося решения. «Ведь я *по должности обязан* вести орган Центрального комитета? —

спрашивает Ленин. — Не так ли? Но как же я могу это делать, когда ни об одном вопросе тактики мне *ничегошеньки* не пишут, а форрррмальный запрос о «предначертанном» свидании 1 сентября н. ст. оставляют без ответа! Подумайте вы, что это выйдет, если у нас начнется разногласие! Неужели трудно заставить писать кого-либо вовремя хотя бы о делах «государственной важности»?»¹³⁸. Ленин перечисляет свои статьи против булыгинской думы, напечатанные в 12, 14 и 15 номерах «Пролетария». Ленин предостерегает большевиков и советует им не торопиться с принятием резолюций на совместной с меньшевиками конференции.

«Бога для, — советует Ленин, — не спешите вы с официальной резолюцией и не уступайте ни на йоту этой бундовско-новоискровской конференции. Неужели без протоколов будет?? Да разве можно с этими проститутками без протоколов конферировать?»¹³⁹ Через неделю Ленин получает большую бандероль от ЦК, где находятся листовки, изданные ЦК в России, и первый номер популярной газеты ЦК «Рабочий», издававшейся в Москве. Это отразилось на тоне письма, отправленного В. И. Лениным 14 сентября нового стиля П. А. Красикову. «Летучие листки ЦК, — пишет Ленин, — хороши, а «Рабочий» № 1 очень хорош. Это крупное дело»¹⁴⁰. Еще более радостный отзыв Ленин помещает в написанном на следующий день письме Центральному Комитету: «Он (первый номер «Рабочего». — Авт.) производит превосходное впечатление. Можно надеяться, что трудная задача нескучного популярного изложения будет им в значительной степени решена. Есть что-то свежее в тоне и характере изложения. Прекрасный боевой дух. Одним словом, от души могу поздравить с успехом и пожелать дальнейших. Замечания частные возникают у меня пока следующие: 1) желательно немного более говорить о *социализме* ввиду «разъяснительного» характера органа; 2) желательно более тесно и непосредственно связывать боевые политические лозунги с *резолюциями* III съезда и с общим духом нашей тактики революционной социал-демократии»¹⁴¹. Так постепенно складывалось сотрудничество и большее взаимопонимание между заграничным представителем ЦК и членами Центрального Комитета в России. Издание листовок и «Рабочего» было прямым выпол-

нением ленинских предложений, о которых мы писали выше. Ленин дает в этом письме целый ряд советов по поводу тактики активного бойкота булыгинской думы, о переговорах с меньшевиками по вопросу о восстановлении единой РСДРП. Переписка с ЦК, с членами комитетов в России продолжалась до самого отъезда В. И. Ленина на родину. Но мелкие недоразумения, отдельные расхождения в оценке событий и необходимости тех или иных тактических шагов продолжались, так как письма шли долго, а события развивались все быстрее и быстрее. Особенно досадным было то, что с мая 1905 г. ни один член ЦК не смог вырваться из России в Женеву, несмотря на все договоренности и обещания. Но Ленин не терял уверенности в скорых переменах к лучшему.

4 ГЛАВА

В. И. СТАРЦЕВ

ВРЕМЯ ОТКРЫТОЙ БОРЬБЫ

1. Всеобщая стачка в России

В конце августа царское правительство, желая сделать маленькую уступку либеральной буржуазии, опубликовало «Временные правила об университетах», предоставлявшие студентам право сходок и передававшие управление университетами советам профессоров. Однако студенты под руководством социал-демократических организаций использовали полученные права для того, чтобы превратить высшие учебные заведения страны в места общественных собраний и народных митингов. Уже 1 сентября в анатомическом театре Московского университета состоялась сходка студентов, на которой присутствовало много рабочих и партийных работников. 3 сентября сходка потребовала вычеркнуть слово «императорский» из названия университета. 7 сентября четырехтысячная сходка студентов с участием рабочих, курсисток и членов революционных партий продолжалась с 12 час. дня по половины десятого вечера. 8 сентября участники состоявшегося здесь митинга единодушно приняли политическую платформу, осуждавшую булыгинскую думу.

Студенты провозгласили университет народной трибуной, заявили о своем желании привлекать рабочих на собрания и готовить их «к совместному вступлению на путь революционных действий с целью: а) свержения самодержавия и б) созыва временного революционного правительства до учреждения демократической республики»¹. Митинги в Московском

университете продолжались до конца сентября, когда власти, наконец, закрыли университет.

Такие же сходки и митинги с начала сентября начались и в Петербургском университете, Технологическом институте, Женском медицинском институте, на курсах Лесгафта и в других высших учебных заведениях столицы. В принятой студентами университета 13 сентября резолюции осуждалась булыгинская дума и выдвигалась задача оказать содействие рабочему классу для выступления в открытой борьбе. Высшие учебные заведения превращались в «очаги революционного брожения». «И пусть наш открытый университет, — говорилось в заключении резолюции, — станет для самодержавного правительства еще более опасен, чем был для него университет бастующий». Документ был издан листовкой Объединенной социал-демократической организацией студентов Санкт-Петербурга².

Таким образом, социал-демократы, и прежде всего большевики, сумели использовать для политического просвещения рабочих и мобилизации революционного студенчества и эту незначительную уступку царизма. Университетские и институтские аудитории превратились в агитационные залы, где шла борьба против булыгинской думы и пропагандировалась идея вооруженного восстания. Направлял эту работу ЦК, получавший советы и указания от В. И. Ленина в письмах и статьях, помещаемых в газете «Пролетарий».

«Мы заявляем, — говорилось в одном из обращений ЦК РСДРП, — что народу необходимо представительство, основанное на началах, совершенно противоположных тем, на которых строится Государственная дума. Народу необходимо единое собрание представителей, обладающее всей полнотой государственной власти, избранное при полной личной и гражданской свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов... Новый, необходимый народу государственный строй есть демократическая республика, основанная всецело на самодержавии народа. Осуществить такой строй может только вооруженное восстание против царского правительства»³. Большевики призывали рабочих готовиться к всеобщей политической стачке, к вооруженной борьбе. Обо всей этой работе сообщалось в Женеву, в редакцию «Пролетария», лично В. И. Ленину.

«Все письма оттуда, — писала Н. К. Крупская из Женевы, — подтверждают одно: работа кипит; каждый день митинги на заводах, в высших учебных заведениях — влияние организации страшно растет, связи растут... Публика прямо пьянеет. Большевики свслись на нет, отчасти благодаря провалам громадным, отчасти благодаря тому, что их влияние после их благоглупостей по вопросу о Государственной думе вообще стало падать, особенно среди рабочих»⁴. В. И. Ленин чутко реагировал на изменения настроений, подмечал усилившийся поток сообщений о начинающейся «партизанской войне» народных масс против царского правительства. В статье «От обороны к нападению», помещенной в «Пролетарии» № 18 от 13(26) сентября, он писал: «Вчитайтесь в эти известия о сотнях нападений на полицейских и военных, о десятках убитых на месте, десятках тяжело раненных за последние два месяца. Даже корреспонденты предательски-буржуазного «Освобождения», занимающегося осуждением «безумной» и «преступной» проповеди вооруженного восстания, признают, что никогда еще трагические события не были так близки, как теперь»⁵.

Ленин по-прежнему воюет на два фронта: против либеральных буржуа и меньшевиков. Критикуя их, он весь свой талант и силу публицистического огня посвящает пропаганде идеи вооруженного восстания, создания временного революционного правительства. Обвиняя представителей сентябрьского земского съезда в предательстве интересов народа в связи с их решением идти в булыгинскую думу, Ленин писал в статье «Земский съезд», помещенной в № 19 «Пролетария» от 20 сентября (3 октября): «Чем усерднее стараются либеральные буржуа, освобожденцы, урезать, притупить, обкарнать последовательные революционно-демократические лозунги, тем отчетливее и прямее должны мы их ставить: созыв всенародного учредительного собрания временным революционным правительством, организация вооруженного восстания и революционной армии для свержения царской власти»⁶. Он отмечает в следующем номере «Пролетария», вышедшем в свет 27 сентября старого стиля, что французская буржуазная пресса поощрительно отзывается о первых контактах между лидерами либерального движения и представителями царской вла-

сти. «Сытая европейская буржуазия хвалит за умеренность алчущую власть российскую буржуазию», — заключает Ленин⁷.

В своей сентябрьской переписке с Центральным Комитетом в России В. И. Ленин по-прежнему предостерегает ЦК от поспешных шагов в сторону объединения с меньшевиками. Международное социалистическое бюро в Брюсселе, не давая себе труда разобратся по существу в разногласиях между революционной большевистской фракцией РСДРП и оппортунистической меньшевистской, все время то через Германскую социал-демократическую партию, то через Французскую социалистическую торопило большевиков с объединением, предлагая посредничество, место для проведения объединительной конференции и пр. Шокировало МСБ и то, что такая импозантная фигура, как Г. В. Плеханов, десятилетиями представлявший русских марксистов на Западе, теперь дезавуирован новым ЦК и Лениным. В то же время ЦК слишком медлил с решением вопроса о представительстве в МСБ, чем затруднял работу В. И. Ленина и подрывал доверие к его контактам с западноевропейскими социалистическими партиями. «Выставьте и меня и особенно себя в невозможное положение перед Международным бюро, — обращал внимание ЦК Ленин в своем письме от 30 сентября (17 сентября), — не назначая представителя на конференцию и не присылая обещанных членов ЦК сюда»⁸. Ленин пишет далее, что уже потерял надежду на приезд в Женеву представителя ЦК. «Относительно Плеханова, — продолжает он, — сообщаю Вам для осведомления здешние слухи. Он явно озлобился на нас за разоблачение перед Международным бюро. Ругается, как извозчик, в № 2 «Дневника Социал-Демократа». Говорят то о его особой газете, то о возвращении его в «Искру». Вывод: недоверие к нему должно усилиться»⁹.

Наконец 3 октября (20 сентября) В. И. Ленин получает от ЦК почту, а затем принимает специального посланца ЦК РСДРП из Петербурга, Дельту, т. е. Елену Дмитриевну Стасову. Она привезла Владимиру Ильичу, по его словам, «кучу документов». Рассказала Е. Д. Стасова все подробности о положении в России и о работе Центрального Комитета. Но самое главное, пожалуй, в новостях Дельты было

приглашение В. И. Ленина на встречу с членами ЦК в Финляндию. С огорчением Ленин пишет в письме в ЦК от того же, 3 октября нового стиля: «Приехать в назначенный срок я не смогу, ибо теперь немислимо бросить газету. Воинов¹⁰ застрял в Италии. Орловского¹¹ пришлось услатъ по делу. Не на кого оставить. Значит, дело откладываетъ до русскаго октября¹², как вы назначили»¹³. Ленин настаивал далее на быстром формальном ответе МСБ: посылают ли кого-нибудь или назначают. В последнем случае он, видимо, имел в виду свою кандидатуру. Еще раз напоминал о деле Плеханова. Ленин ставил вопрос и о первых шагах по созыву IV съезда партии, предполагая, что его созыв возможен через полгода. «Мы не должны смешивать политику объединения *двух* частей с *спутыванием* обеих частей. Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда», — предостерегает Ленин¹⁴.

Через день Владимир Ильич получил письмо от члена ЦК РСДРП А. А. Богданова, в котором излагались подробности возможной встречи с Лениным в Финляндии. В. И. Ленин вновь прикидывает осуществимость такого плана, снова разговаривает с Е. Д. Стасовой. В. В. Воровский должен был возвратиться в Женеву через неделю. Один-два номера «Пролетария» мог бы выпустить и он, тем более что Ленин написал бы заранее несколько статей, а другие — послал бы с дороги. Однако ехать именно в Финляндию — «донельзя нерационально». Владимир Ильич так поясняет свою мысль: «По всем известиям, которыми полны теперь заграничные газеты, в Финляндии теперь страшное озлобление. Сообщают прямо о ряде готовящихся вспышек, о подготовке восстания. Войска туда посылают теперь особенно много. Береговая и морская полиция усилена вчетверо. После случая с John Grafton¹⁵ все внимание обращено специально на суда, подходящие к берегам. Оружие найдено во многих местах, и его ищут теперь сугубо. Вполне возможным считают, что нарочно вызовут столкновения, чтобы вмешаться вооруженной рукой.

При таких условиях устраивать там общее собрание, значит рисковать совершенно без всякой надобности. Это прямо отчаянное предприятие. Достаточно одной ничтожной случайности (вероятность каковой

теперь в Финляндии особенно высока), и получится крах полный, и всего ЦК и ЦО, ибо здесь тогда все распадется. Надо прямо посмотреть на вещи: это значит целиком отдать партию меньшевистским вождям на растерзание. Я уверен, что, обдумав, вы согласитесь, что мы не вправе этого делать»¹⁶.

Ленин предлагает несколько видоизменить план и съехаться в Стокгольме. Члены ЦК тогда просто переедут из Або (ныне Турку) в столицу Швеции, где их ждал бы Ленин. Это составит потерю времени для членов ЦК всего в два или четыре дня. «Это совсем пустяки, — продолжает Ленин. — Выгоды — увеличение безопасности. Общего краха быть тогда абсолютно не может. Значит, судьбой ЦО и всего ЦК мы не рискуем ни капли; не делаем ничего нелепо отчаянного. Некоторые из вас могут приехать вполне легально: их нельзя будет арестовать. Другие достанут чужие паспорта или проедут (Дельта говорит, что переезды легко устраивают финляндцы) без паспорта. В случае провала это будет, во-1-х, одиночный, а не полный, провал, а во-2-х, абсолютно без всяких улик, так что при судебном ведении дела полиции невозможно будет ровно ничего серьезного выудить. Тогда мы гарантированы в 2—3 днях вполне надежного собрания; при наличии всех документов (я их привезу, а вы пришлете свои по почте и т. п.), при возможности составить какие угодно протоколы, воззвания и проч. Наконец, мы испробовали бы тогда, нельзя ли мне почаще ездить в Стокгольм, чтобы оттуда работать для вас и для листков и т. д. (меньшевики, кажется, сделали нечто в этом роде на юге)»¹⁷.

Между тем Южнорусская конференция меньшевиков приняла в России резолюцию, в которой просила Г. В. Плеханова быть представителем меньшевистской фракции партии в МСБ. «Это именно то, что нам нужно! — комментирует Ленин этот шаг в своем письме в ЦК от 8 октября (25 сентября ст. ст.). — Плеханов, конечно, уважит их просьбу. Его квазинейтралитет, гибельный для нас, будет сорван, что и требовалось доказать. Пусть в Международном бюро будет двое: от большинства один и от меньшинства один. Это всего лучше. При этом, если Плеханов будет от меньшинства, *это еще лучше*»¹⁸. В. И. Ленин рекомендовал назначить представителем большевиков в МСБ В. В. Воровского, указывая на то, что долж-

ность эта в значительной мере формальная. Забегая вперед, скажем, что А. А. Богданов в своем письме от имени ЦК РСДРП от 1—3 октября ст. ст. отклонил кандидатуру Воровского, считая его недостаточно «представительным» по сравнению с Г. В. Плехановым. ЦК РСДРП одновременно назначил своим представителем в МСБ Владимира Ильича Ленина¹⁹. Так закончилась, длившаяся почти полгода, борьба за самостоятельное представительство большевиков перед западноевропейским социалистическим и рабочим движением. При этом надо отметить, что борьба по этому вопросу против Плеханова носила со стороны В. И. Ленина исключительно принципиальный характер и была лишена и тени тех личных наскоков, которыми со своей стороны пользовались Плеханов и меньшевики²⁰. Когда в середине октября нового стиля Владимир Ильич получил известие о планах издания в Петербурге легальной социал-демократической газеты «Новая жизнь», он написал письмо Плеханову. В нем Ленин подчеркивает большую, как ему кажется, близость Плеханова к большевикам: «Наше согласие с Вами касается примерно $\frac{9}{10}$ вопросов теории и тактики, а ради $\frac{1}{10}$ расходиться не расчет»²¹. Владимир Ильич от имени редакции «Новой жизни» предлагает Г. В. Плеханову сотрудничать в этой газете. Владимир Ильич просил Плеханова о свидании, однако быстрое развитие революционных событий в России заставило его принять меры для быстреего возвращения на родину. Плеханов в Россию не поехал. Свое отношение к событиям в партии и в стране он высказывал на страницах издававшегося им самостоятельно «Дневника социал-демократа».

Вторая половина сентября 1905 г. принесла известия о новой стачечной волне, поднявшейся на этот раз в Москве. Рабочие типографии Сытина бастовали свыше месяца, но требования их 13 сентября были удовлетворены лишь частично. 19 сентября рабочие типографии Сытина забастовали вновь. Эта забастовка была поддержана полиграфистами многих других типографий Москвы и к 24 сентября превратилась во всеобщую. В этот день бастовали 89 типолитографий, находившихся под надзором фабричной инспекции. Выпуск газет в Москве был прекращен²². С 22—23 сентября в Москве начинаются уличные митинги и демонстрации бастующих рабочих. 23 сентября пе-

чатники собрались на Малой Бронной и двигались к Тверскому бульвару, 24 сентября демонстрация рабочих шла по Тверской улице (ныне ул. Горького) и выдержала стычку с казаками у Пречистенского бульвара. 25 сентября рабочие булочной Филиппова на Тверской улице вступили в настоящее сражение с полицией и казаками. Около 180 рабочих было арестовано. В этот день Московский комитет РСДРП призвал рабочих к общемосковской политической забастовке. На этот призыв откликнулись десятки тысяч рабочих²³.

В Женеве В. И. Ленин немедленно прореагировал на известия о стачках и уличных столкновениях в Москве. До нас дошла рукопись его статьи «Кровавые дни в Москве», написанная 27 сентября (10 октября) и являющаяся первым ленинским отзывом на события. Отмечая некоторое отставание в темпах стачечного движения рабочих Москвы и Центрально-промышленного района (за исключением летней иваново-вознесенской стачки), В. И. Ленин объясняет этот факт целым рядом местных причин. Ленин считает, что нынешние стачки подняли теперь революционное движение в Москве до той ступени, которая уже достигнута в Петербурге, Польше и других районах страны. «Перед нами, — писал Владимир Ильич, — естественно, ставится теперь вопрос: остановится ли революционное движение на этой, уже достигнутой, ставшей «обычной» и знакомой стадии развития или поднимется на высшую ступень? Если только можно отважиться в область оценки столь сложных и необозримых событий, как события русской революции, то мы неизбежно придем к неизмеримо большей вероятности второго ответа на вопрос»²⁴. Через день, однако, Ленин перерабатывает свою статью с учетом новых данных о событиях в Москве, ставит их в общую связь революционных выступлений народа, начиная с 9 января, и дает им оценку как началу новой революционной волны.

«Революционные события в Москве, — пишет В. И. Ленин в своей новой статье под названием «Политическая стачка и уличная борьба в Москве», — это — первая молния грозы, осветившая новое поле сражения. Издание закона о Государственной думе и заключение мира²⁵ ознаменовали начало новой полосы в истории русской революции. Либеральная бур-

жуазия, уже утомленная упорной борьбой рабочих и обеспокоенная призраком «непрерывной революции», вздохнула облегченно и с радостью ухватилась за брошенную ей подачку. Началась по всей линии борьба с идеей бойкота, начинался явный поворот либерализма вправо. К сожалению, даже среди социал-демократов нашлись неустойчивые люди (в лагере новоскрывцев), готовые поддержать этих буржуазных предателей революции на известных условиях, готовые «взять всерьез» Государственную думу. События в Москве, можно надеяться, устыдят маловеров и помогут сомневающимся правильно оценить положение дел на новом поле сражения. И мечтания анемичных интеллигентов о возможности всенародных выборов при самодержавии, и иллюзии тупоумных либералов о центральном значении Государственной думы сразу разлетаются в прах при первом же крупном революционном выступлении пролетариата»²⁶. Ленин предполагает, что московские события могут послужить началом высшей формы борьбы и более решительного восстания. Ленин весь живет в эти дни московскими событиями, все более видит в них прообраз перехода революционного движения на новую ступень, приближения, громадного приближения восстания. В письме А. В. Луначарскому от 11 октября нового стиля (28 сентября ст. ст.) по поводу его статьи «Парламент и его значение», Ленин советует усилить критику кадетов, которые в революционную эпоху стараются повернуть народ к парламентским действиям. Им подыгрывают Ю. Мартов и другие меньшевики, истерически вопя о том, чтобы скорее наступили хотя бы полулегальные, квазипарламентские времена. «Нам именно теперь нужна выдержка, — указывает Ленин, — нужно продолжение революции, борьба с жалкой полулегальностью. «Искра» не поняла этого. Как все оппортунисты, они не верят в энергию и упорство революционной борьбы рабочих. Москва — урок им»²⁷.

16 октября (3-го ст. ст.) Ленин пишет письмо в Боевой комитет при Петербургском комитете ПК. Благодаря его работников за присылку своих документов, он в то же время предостерегает от излишнего «бюрократизма» в деле вооружения рабочих, «канцелярщины». Большевики уже полгода говорят об изготовлении бомб, но нет никаких данных о том,

что их производство действительно налажено. «Идите к молодежи, — советует Ленин. — Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей и *связываются*, по возможности, с Боевым комитетом при Петербургском комитете»²⁸. Ленин предлагает, чтобы эти отряды немедленно начали не только боевую подготовку, но и прямые партизанские действия против отдельных представителей царской власти. «Пусть каждый отряд сам учится, — поясняет Ленин, — хотя бы на избииении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»²⁹.

Не довольствуясь этим, Ленин пишет своего рода инструкцию под названием «Задачи отрядов революционной армии»³⁰. Он выделяет две задачи для таких отрядов — самостоятельные боевые действия и «руководство толпой». Хочется отметить, что именно такими были действия большевиков во время февральского восстания против царизма в 1917 г. В момент восстания солдат 27 февраля 1917 г. они, лишённые руководства со стороны офицеров, но вооружённые, шли за двумя-тремя большевиками, руководившими толпой в том или ином месте. Такие импровизированные боевые группы из солдат и вооружённых рабочих выполняли и самостоятельные боевые действия. Группы эти выделялись из революционной толпы по призыву одного-двух инициативных руководителей. Таким образом, предложенная В. И. Лениным тактика действия революционных отрядов при определенных условиях, особенно при переходе войска на сторону восставших, могла найти удачное применение. Ленин писал: «Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.). Ни в коем случае не ждать со стороны, сверху, извне, помощи, а раздобывать все самим»³¹. Ленин подробно изла-

гает принципы организации отрядов, способы общения и тайных условных знаков между членами отрядов, программу их обучения и первых немедленных революционных действий. «Прекрасным военным действием, — указывает он в частности, — дающим и *ученье* солдат революционной армии, боевое крещение им, и громадную пользу приносящим революции, является борьба с черносотенцами. Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет черные сотни, а затем не ограничиваться одной проповедью (это полезно, но этого одного мало), а выступать и вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д. и т. д.»³².

Эта же мысль о близости восстания, о необходимости быть готовым к нему пронизывает и ленинскую статью «Уроки московских событий», помещенную в «Пролетарии» 24(11) октября 1905 г. «Готовьтесь же, не теряя ни минуты, к новым и новым битвам! — призывает Владимир Ильич. — Вооружайтесь, кто чем может, составляйте немедленно отряды борцов, готовых с беззаветной энергией сражаться против проклятого самодержавия, помните, что завтра или послезавтра события во всяком случае и неизбежно вызовут вас на восстание, и речь идет только о том, сумеете ли вы выступить готовыми и объединенными или растерянными и разрозненными!»³³

А московские рабочие между тем готовили новый сюрприз царскому правительству: железнодорожную и всеобщую стачку. «Да, с этого времени, — пишет активный участник революции в Москве С. И. Мицкевич в своих воспоминаниях «Москва в сентябре — октябре 1905 года», — Москва становится действительно революционным сердцем России. События дальше развивались следующим образом: 4 октября прекратилась стачка типографщиков, закончившаяся частичным успехом. Стачное движение, казалось, пошло на убыль, хотя еще и бастовало немало предприятий. Но 7 октября началась забастовка на Московско-Казанской железной дороге, а за нею и на других. В Москве началась знаменитая всеобщая политическая Октябрьская стачка, ставшая вскоре все-российской»³⁴.

Напомним в двух словах, как проходила железнодорожная стачка. Революционное брожение среди же-

лезнодорожников Московского узла наблюдалось еще с конца сентября 1905 г. 6 октября к стачке призвал Московский комитет РСДРП, а в ночь на 7-е и Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза. Утром машинисты выпустили пары из паровозов, свалили товарные вагоны на Казанской железной дороге. Началась частичная стачка и на Ярославской дороге. 8 октября прекратилось отправление поездов по Ярославско-Архангельской, Московско-Курской, Рязано-Уральской железным дорогам, 9 октября — на Московско-Киево-Воронежской и Московско-Брестской железным дорогам, 10-го — по Николаевской и Виндаво-Рыбинской, 13-го — по Московской окружной. К 13—14 октября почти весь Московский железнодорожный узел встал, забастовка распространялась от Москвы по станциям и депо всех направлений. В эти же дни забастовали железнодорожники Петербурга, станций Рига и Псков, к 17 октября встали железные дороги Польши и Урала. В забастовочное движение был вовлечен весь 750-тысячный отряд железнодорожных рабочих и служащих³⁵.

Забастовка железнодорожников Москвы стала сигналом к расширению стачечной борьбы и других отрядов рабочего класса города. К 15 октября остановилась работа городского транспорта, водопровода, электростанций, газовых заводов, магазинов и контор. Бастуют служащие, гимназисты и студенты. «Во время октябрьской стачки, — вспоминал С. И. Мицкевич, — шли непрерывные митинги днем и вечером. Кроме высших учебных заведений для митингов открыли свои залы и классы некоторые средние учебные заведения и начальные школы; уже с этого времени частное реальное училище (в Мыльниковом переулке близ Чистых прудов) становится большим центром собраний, заседаний и боевых дружин, которые в это время начали везде лихорадочно создаваться. Митинги стали еще многолюднее, так как десятки тысяч бастовавших рабочих были теперь свободны и мощным потоком хлынули на митинги»³⁶.

Столь же стремительно развивались события и в Петербурге. Л. А. Фотиева, работавшая в это время в Петербургском комитете, рассказывала: «3 октября в Петербурге началась забастовка, прологом к которой послужила сентябрьская стачка в Москве. Забастовка росла с невиданной быстротой и, захватив

вскоре все фабрики, заводы, железные дороги столицы, перекинулась в другие города, а в середине октября распространилась на всю страну. Забастовка была подготовлена неустанной работой большевиков, которые руководствовались указаниями III съезда партии об особой роли массовых политических стачек накануне восстания и в ходе его»³⁷.

13 октября в Петербурге на фабриках и заводах проходили выборы в Совет рабочих депутатов. В тот же вечер открылось их первое заседание под руководством присяжного поверенного Хрусталева, избранного по документам рабочего Носаря. Хрусталев-Носарь примкнул впоследствии к меньшевикам, значительное число меньшевиков было и среди членов Исполкома Совета. Большевиков же вследствие некоторой первоначальной недооценки Совета в Исполнительном комитете, оказалось только 7 человек из 50. Под прямым давлением масс Петербургский Совет прокламировал ряд революционных мероприятий, активно содействовал вовлечению в забастовку новых предприятий и учреждений. 17 октября в Петербурге бастовало 130 тыс. человек, число забастовщиков продолжало расти, а всего по стране в Октябрьской всеобщей политической стачке приняло участие более двух миллионов человек.

Владимир Ильич в Женеве с нетерпением ждал известий о разгоравшейся стачке. В письме Центральному Комитету РСДРП от 25(12) октября 1905 г. он торопил ЦК с планами встречи. Вместо долгого пути и встречи в Стокгольме он предлагает теперь встретиться в Берлине или Кенигсберге. Последний представляется ему удобнее с конспиративной точки зрения: «Если выберете необычный город (Кенигсберг — 22 часа от Питера), то свидание можно назначить в заранее условленном, по путеводителю, кафе, или гостинице, или пивной»³⁸. Но дни бегут за днями. Только 17 октября ст. ст. Центральный Комитет посылает В. И. Ленину адрес явки в Стокгольме, куда ему и надлежало явиться для встречи с членами Центрального Комитета РСДРП³⁹.

О начале стачечной борьбы в Петербурге и о действиях большевистского Петербургского комитета В. И. Ленин узнал, в частности, и из письма М. М. Эссен, приехавшей в Петербург, по ее словам, «в разгар событий»⁴⁰. 26(13) октября В. И. Ленин написал

ответ на ее «длинное письмо». Ленинское письмо весьма примечательно по богатству его содержания и важности содержащихся в нем политических прогнозов. Он убеждает Зверушку⁴¹, что ее пессимизм относительно дел в партии необоснован, что он и здесь, в Женеве, слышит, что «Пролетарий» пришел в упадок, а на самом деле все обстоит как раз наоборот. «И что наши лозунги, лозунги «Пролетария», не остаются гласом вопиющего в пустыне, — продолжает Ленин, — это мы видим ясно даже из легальных газет, сообщающих о митингах в 10—15 тысяч человек в Университете и т. д.⁴² Хорошая у нас в России революция, ей-богу! Надеемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой.

Свидание с ЦК мы непременно устроим. Теперь это уже решенный вопрос и дело налажено»⁴³. Ленин поясняет, что никто не может взяться определить время восстания. По его мнению, это время следовало бы оттянуть до весны и до возвращения маньчжурской армии в Россию, вообще партии было бы выгодно оттянуть его. «Но ведь нас все равно не спрашивают, — оговаривается В. И. Ленин. — Возьмите теперешнюю грандиозную стачку»⁴⁴. Отмечает Владимир Ильич и то, что «значение заграницы теперь *ежечасно* падает, и это неминуемо». Он продолжает: «Конечно, мы ни в коем случае не бросим «Пролетария», пока не удасться печатать его в Питере на Невском⁴⁵. Но на легальную газету теперь тоже надо обратить много внимания. Загранице уже приходится частью закрывать лавочку (пропагандистская литература), — скоро закроем совсем и откроем в Питере.

В подготовке восстания я бы советовал проповедовать тотчас везде, самым широким образом, образование *массы*, сотен и тысяч *автономных* боевых отрядов, очень маленьких (от *трех* человек), которые бы сами вооружались кто чем может и готовились всячески. Момент восстания я бы, повторяю, *охотно оттянул* до весны, но конечно, мне издали судить трудно»⁴⁶.

В тот же день, 26(13) октября, Владимир Ильич пишет статью «Всероссийская политическая стачка». Барометр показывает бурю — так суммирует Ленин сообщения зарубежных телеграфных агентов о положении в России. «И не только барометр показывает бурю, — продолжает В. И. Ленин, — но все и вся

сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, развертывая удивительное богатство событий, и если бы мы захотели изложить перед нашими читателями подробную историю последних трех-четырёх дней, — нам пришлось бы написать целую книгу. Но писать подробную историю мы предоставим грядущим поколениям. Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество, и надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне»⁴⁷. Ленин цитирует слова из немецкой социалистической песни: «Все колеса останавливаются, когда того захочет твоя могучая рука». Теперь поднялась могучая рука русского рабочего. И сразу отброшены в сторону все потуги царизма ограничить свои уступки булыгинской думой. Как сообщали газеты, граф С. Ю. Витте, которого все и за границей и в России прочили теперь в премьеры «либерального» царского правительства, заговаривает теперь о более серьезных уступках. В университетах и институтах России происходят невиданные десяти-тысячные митинги. Пролетариат России сумел воспользоваться возможностью, предоставленной ему революционным студенчеством: на митингах в университетских залах провозглашаются лозунги созыва действительно всенародного Учредительного собрания. В. И. Ленин делает вывод о наступившем равновесии сил: «Самодержавие *уже* не в силах открыто выступить против революции. Революция *еще* не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний»⁴⁸.

Этот вывод — «равновесие сил» — Ленин повторяет и в рукописи своей заметки под тем же названием, указывая, что «царизм *уже* не в силах, — революция *еще* не в силах победить»⁴⁹. Равновесие сил заставляет царскую клику выжидать, ибо власть все еще в их руках. Контрреволюции сейчас наступать невыгодно. «Для нас, — пишет Ленин, — для пролетариата, для последовательных революционных демократов, *этого еще мало*. Если мы не поднимемся еще ступенью выше, если мы не осилим задачи само-

стоятельного наступления, если мы не слошим силы царизма, не разрушим его фактической власти, — тогда революция будет половинчатая, тогда *буржуазия за нас проведет рабочих*»⁵⁰. Ленин записывает здесь же: «Слух, будто решена конституция». Это нужно было бы царю, чтобы осуществить идеалы кадетов и перескочить через революцию. «Не перескочить ли революции через эту *пожалованную* конституцию?» — так заключает свои заметки Владимир Ильич⁵¹.

И поздно вечером 17 октября он узнает о выходе в свет манифеста Николая II с пожалованием свобод и законодательной думы.

2. Снова в Петербурге. Добить врага после первой победы!

Западные газеты, получаемые в Женеве, лишь частично приоткрывали тот клубок интриг, который распутывался в эти дни «у подножия трона», в Петергофе. Застигнутый врасплох октябрьской стачкой, Николай II со своей семьей оказался запертым в Петергофе, в своей летней резиденции. Железные дороги встали, и даже всемогущий генерал Д. Ф. Трепов, петербургский генерал-губернатор, заявил царю, что не имеет войск даже для восстановления железнодорожного движения между Петербургом и Петергофом. Министры вынуждены были ездить в Петергоф к царю на пароходике «Нева», отправлявшемся каждый день с пристани недалеко от Елагина дворца. 12 октября Николай II назначил «портсмутского героя» графа С. Ю. Витте главой объединенного правительства. Он был назначен на впервые создаваемую в истории России должность председателя Совета министров. Но Витте заявил царю, что согласится принять ее в случае, если царь одобрит программу действий такого правительства, изложенную в составленном Витте всеподданнейшем докладе. Доклад предусматривал постепенное введение в стране демократических свобод и предоставление Государственной думе законодательных прав с расширением круга избирателей в Думу.

Царь же опасался, что утверждение доклада Витте приведет к усилению авторитета будущего премьера, даст Витте слишком большую власть. Он колебался в самом основном вопросе: необходимы ли уступки. 16 октября на специальном миноносце Тре-

пову было доставлено личное письмо царя, в котором он спрашивал, есть ли силы для подавления всеобщей стачки и восстановления «порядка». Трепов ответил, что таких сил нет. Только после этого царь, наконец, решился «пожаловать» конституцию. Верный своей привычке славить людей, он поручил Витте и еще двум группам сановников подготовить несколько проектов манифеста, так как решил, что «свободы» должны исходить лично от него, а никак не от Витте. Николай II хотел выбрать самый реакционный проект, в котором содержалось бы меньше всего уступок. Витте уже считал свое дело проигранным. Но дядя царя, великий князь Николай Николаевич, до этого противившийся идее народного представительства, неожиданно под влиянием октябрьской забастовки впал в панику и превратился в самого горячего адвоката виттевского проекта манифеста. 17 октября, когда перед Николаем II лежали три проекта, Николай Николаевич с револьвером в руках, угрожая самоубийством, заставил царя подписать проект, составленный С. Ю. Витте и его помощниками⁵².

Ознакомившись с первыми информацией зарубежных газет от 18 октября ст. ст. (31 октября нового ст.), В. И. Ленин написал 1 ноября (19 октября ст. ст.) статью «Первая победа революции», посвященную изданию царского манифеста. «Мы имеем полное право торжествовать, — писал он. — Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы, и революционному народу остается решить много серьезных боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы»⁵³.

Называя день 17 октября одним из «великих дней русской революции», Ленин отмечает, что манифест был завоеван могучей рукой пролетариата, остановившего всю промышленную, торговую и государственную жизнь страны невиданной в мире всенародной стачкой. Правительство не осмеливалось переходить к репрессиям, а революционеры не начинали

серьезного нападения. И в последнюю минуту царское правительство отступило. «Неприятель не принял серьезного сражения, — делает вывод В. И. Ленин. — Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения.

Целый ряд сравнительно «беспристрастных» отзывов европейской буржуазной печати подтверждает такую оценку великого дня 17 октября»⁵⁴.

А тем временем в России «захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн», как назвал эти революционные дни Владимир Ильич Ленин, в лихорадочном темпе сменяли одна другую. Ликующие толпы заполнили около полудня 18 октября площадь у Казанского собора в Петербурге. Вскоре стихийная демонстрация заняла весь Невский проспект и дошла до здания Городской думы. Взметнулись красные флаги, послышалось пение «Марсельезы». Обнажив головы, десятки тысяч людей спели «Вечную память» жертвам 9 января. Затем демонстрация направилась на Васильевский остров и около 3 часов дня вернулась в центр города. На углу Садовой и Невского демонстранты столкнулись с контрманифестацией черносотенцев под национальными трехцветными флагами. Раздались выстрелы. Вечером на Итальянской ул. (ныне ул. Ракова) дружинники обстреляли демонстрацию черносотенцев у дома министра юстиции. Черносотенцы бросились в Манеж за вооруженным нарядом, но войска отказались их защищать. Зато в другом месте, на углу Загородного проспекта и Гороховой ул. (ныне ул. Дзержинского), рота Семеновского полка обстреляла революционный уличный митинг, и оратор, призывавший с фонарного столба к свержению самодержавия, был убит. У Технологического института толпу разгоняли шашками конные наряды. Здесь был тяжело ранен в голову приват-доцент Петербургского университета, будущий видный советский историк Е. В. Тарле. Поздно вечером на Васильевском острове толпа матросов 8-го Балтийского флотского экипажа попыталась перейти на сторону народа, но была возвращена в казармы ротой лейб-гвардии Финляндского полка⁵⁵.

1-й съезд конституционно-демократической партии, узнав о царском манифесте, спешно закончил свою работу 18 октября выборами своего центрального комитета. Большинство предприятий и учреждений еще продолжало стачку. В Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, десятках других городов наряду с демонстрациями революционеров прошли черносотенные погромы, во время которых озверелые толпы убивали активистов социалистических партий, жителей еврейских кварталов. Войска и полиция придерживались «нейтралитета», а кое-где и помогали погромщикам. С. Ю. Витте в день подписания манифеста 17 октября 1905 г. послал Д. Н. Шипову телеграмму в Москву с просьбой немедленно прибыть в Петербург для переговоров о вступлении в правительство. Целых 10 дней продолжались эти переговоры председателя Совета министров с буржуазными либералами всех мастей: от шиповцев, ставших конституционалистами «поневоле», по царскому указу, до представителей только что образовавшейся партии кадетов. Они закончились безрезультатно, представители буржуазии увидели, что им предоставляются лишь второстепенные посты, а важнейший в царском правительстве пост министра внутренних дел оставляют за таким реакционером, как П. Н. Дурново. Кадеты, со своей стороны, полагали, что новые выборы в Государственную думу по общему избирательному праву обеспечат им победу, а следовательно, и власть «по праву», а не по милости царского временщика. Создать коалицию либеральных бюрократов и реакционных либералов не удалось, и С. Ю. Витте приступил к образованию «служебного» правительства из одних чиновников и царских бюрократов. Буржуазная, «свободная» теперь, пресса окрестила его «временным», которое сможет работать только до созыва законодательной Государственной думы.

В Финляндии всеобщая забастовка охватила всю страну. Под напором мощного национально-освободительного движения Николай II вынужден был издать манифест, отменявший все ограничения, введенные во времена «бобриковщины»⁵⁶. Объявлялось всеобщее избирательное право, которое предоставлялось и женщинам, и выборы бессловного парламента, сейма. Зато в Польше было введено осадное положение и никаких уступок польскому национально-освободи-

тельному движению сделано не было. В Петербурге и Москве продолжались свободные митинги и демонстрации. Как грибы после дождя выросли, что ни день, новые бесцензурные газеты и журналы. А в то же время черносотенцы убивали из-за угла амнистированных революционеров, выпущенных из царских тюрем. Так был убит пламенный революционер — большевик Николай Эрнестович Бауман.

В Женеве Ленин выступил 20 октября (3 ноября нового ст.) с рефератом о последних событиях в России на собрании русских социал-демократов в зале «Хандверк»⁵⁷. Узнав об убийстве Н. Э. Баумана, Ленин немедленно посещает Е. Д. Стасову, расспрашивает ее о революционной работе Баумана в Москве, о том, как тот вместе со Стасовой сидел в Таганской тюрьме в 1904 г., о попытках освобождения Баумана из тюрьмы⁵⁸. Эти сведения он использует в кратком некрологе о Н. Э. Баумане, помещенном вскоре в № 24 «Пролетария». «У гроба его, — писал В. И. Ленин, — произошла демонстрация, когда вдова убитого, принадлежавшая, равным образом, к нашей партии, обратилась к народу с речью и призывала к вооруженному восстанию»⁵⁹. Кратко рассказав о жизненном пути и революционной борьбе павшего товарища по партии, Ленин дал политическую оценку этому трагическому случаю. «Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, — подчеркивал Владимир Ильич, — до какой степени правы были социал-демократические ораторы в Петербурге, называвшие манифест 17 октября ловушкой, а поведение правительства после манифеста провокацией. Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остаются в руках правительства? Не ловушка ли в самом деле эта «амнистия», когда выходящих из тюрьмы расстреливают казаки на улицах?»⁶⁰.

И в те же дни стало известно, что С. Ю. Витте послал личное письмо П. Б. Струве, недавнему лидеру самого радикального левого крыла буржуазно-либерального движения, редактору нелегального заграничного «Освобождения», с приглашением вернуться в Россию. Забегая вперед, скажем, что эта милость так подействовала на Петра Бернгардовича, что он сразу «поправел» и по возвращении в Россию немедленно переместился на правый фланг только что образованной конституционно-демократической партии.

Поляризация общественных сил продолжалась. 27 октября в Петербурге вышла, наконец, первая легальная большевистская газета «Новая жизнь». Официальным ее редактором числился поэт Н. М. Минский. Надо сказать, что это отвечало тогдашней журналистской практике. Все ведущие русские газеты того времени, включая даже официальный «Правительственный вестник», имели своими редакторами крупных поэтов, писателей и литературоведов. И большевики здесь тоже воспользовались этим неписанным обычаем. Издательницей газеты стала Мария Федоровна Андреева, член большевистской партии, известная русская актриса, жена и помощница А. М. Горького. Сам Алексей Максимович сотрудничал в «Новой жизни» и оказывал газете материальную помощь⁶¹.

Совет рабочих депутатов призвал с 21 октября прекратить забастовку в Петербурге и объявил о введении явочным путем, через союз печатников, свободы печати. Появились газеты меньшевистского и народнических направлений. Вместе с тем усиливался и правый лагерь. Бывшее правое крыло городских и земских съездов во главе с Д. Н. Шиповым и А. И. Гучковым 30 октября объявило о создании нового политического объединения — «Союза 17 октября». Так образовалась еще одна партия, буржуазно-помещичья, стоявшая правее кадетов: Если кадеты еще считали необходимым добиваться введения действительной конституции с всеобщим избирательным правом, то октябристы уже полагали, что после издания манифеста 17 октября всякая революция должна закончиться и наступит время сотрудничества с царской властью. Еще дальше вправо занимали место различные черносотенные организации и союзы, включавшие в свой состав полууголовные элементы, смыкавшиеся в своей деятельности с полицией и царской охранкой.

Весь конец «русского октября» Владимир Ильич провел еще в Женеве, напряженно вчитываясь в материалы заграничных газет, жадно ловя каждое новое слово, сказанное о революции. Он ожидал письма от ЦК. Мы знаем, что это письмо было отправлено из Петербурга еще 17 октября. Однако прошло больше двух недель, прежде чем оно достигло Женевы. 15(2) ноября В. И. Ленин закончил большую

статью, названную им «Между двух битв». Она была напечатана в последнем номере «Пролетария», вышедшем 25 (12) ноября 1905 г., когда сам Владимир Ильич был уже в Петербурге. Номер этот был доведен до выпуска уже Орловским — В. В. Воровским. «Большое сражение, которое дал пролетариат царизму, — писал В. И. Ленин в этой статье, — окончилось. Всероссийская политическая стачка, по-видимому, прекратилась почти везде. Неприятель отступил всего более на одном из флангов (Финляндия), но зато он укрепился на другом (военное положение в Польше). В центре неприятель отступил очень немного, заняв, однако, сильную новую позицию и готовясь к еще более кровавому и более решительному бою. Военные стычки происходят непрерывно по всей линии. Обе стороны спешат пополнить свой урон, сплотить свои ряды, сорганизоваться и вооружиться как можно лучше для следующего сражения»⁶².

Эта удивительно точная характеристика положения, тем более поразительная, что сделана из далека, распространяется и на попытки главы царского правительства графа С. Ю. Витте выступить в роли «примирителя» интересов соперничающих классов и групп. «Витте потирает от удовольствия руки, — указывает Ленин, — видя «великие» успехи своей удивительно хитрой игры. Он сохраняет невинность либерализма, усиленно предлагает министерские портфели вожакам партии кадетов (даже Милюкову, по телеграмме корреспондента «Le Temps»), адресуя собственноручное письмо г. Струве с приглашением вернуться на родину, стараясь изобразить из себя «белого», который одинаково далек и от «красных» и от «черных». А в то же время он приобретает вместе с невинностью и капитал, ибо остается главой царского правительства, сохраняющего в своих руках всю власть и выжидающего лишь наиболее удобного момента для перехода в решительное наступление против революции»⁶³.

Ленин едко издевается над кадетами, напоминая читателю, как они готовились к выборам в бульгинскую думу, уже и центральный комитет для руководства кампанией избрали, и юридическое бюро для подачи советов населению. «Одним словом, они уже совсем было улеглись спать, — продолжает Ленин, — на пожалованном всем российским Обломовым дива-

не, как вдруг... невежливым движением плеча пролетариат сбросил Думу и всю «думскую» кампанию»⁶⁴. Поэтому и боятся теперь кадеты пожать графскую руку, поэтому и оглядываются налево, «хотя слюнки и текут у них при виде пышного, украшенного новыми сахарными завитушками думского пирога».

Именно от факта переговоров представителей буржуазии с Витте Ленин переходит к своему главному выводу относительно тогдашнего политического положения. «Переговоры Витте с вождями либеральной буржуазии имеют, несомненно, серьезнейшее политическое значение, но только в том отношении, что они подтверждают лишний раз внутреннее родство либеральничающей бюрократии с защитниками интересов капитала, — только в том отношении, что они показывают лишний раз, как именно и кто именно собирается *хоронить* русскую революцию. Но эти переговоры и сговоры не удаются именно потому, что революция еще жива. Революция не только жива, — она сильнее, чем когда-либо, она еще далеко, далеко не сказала своего последнего слова, она только начала разворачиваться во всю ширь сил пролетариата и революционного крестьянства. Вот почему переговоры и сговоры министра-клоуна с буржуазией носят такой мертвенный характер: они не могут получить серьезного значения во время горячей борьбы, когда враждебные силы стоят друг против друга между двух решительных битв»⁶⁵.

Рассказывая о примере железнодорожников, выпустивших воззвание с призывом к рабочим вооружаться, Ленин говорит, что вооружение есть единственная наша гарантия, единственная непризрачная конституция свободной России. Интересно, что через 12 лет в первой же телеграмме большевикам после победы Февральской революции В. И. Ленин повторит этот совет буквально: «Вооружение пролетариата — единственная гарантия»⁶⁶.

В один из последовавших за этим дней пришло, наконец, как уже говорилось выше, письмо от ЦК с указанием конспиративного адреса в Стокгольме, куда за Лениным должен был приехать верный человек из Финляндии. Владимир Ильич поручает Елене Дмитриевне Стасовой и Надежде Константиновне Крупской привести в порядок партийный архив в Женеве и приготовиться к отъезду в Россию. «Я должна

была еще остаться на пару недель в Женеве, — вспоминает Н. К. Крупская, — чтобы ликвидировать дела. Вместе с Ильичем разобрали мы его бумаги и письма, разложили по конвертам, Ильич надписал собственноручно каждый конверт. Все было уложено в чемодан и сдано на хранение, кажется т. Карпинскому»⁶⁷. Через Германию Ленин едет в направлении паромной переправы на Швецию. Вот и Треллеборг на шведском берегу, а затем и Стокгольм. Этот путь Ильичу было суждено проделать потом еще раз, в конце марта 1917 года, когда он возвращался в Россию уже навсегда из второй эмиграции.

4 ноября за Лениным приезжает из Гельсингфорса «активист», т. е. член партии активного сопротивления царизму, магистр Ула Кастрен⁶⁸. На следующий день они высаживаются в Ганге (ныне Ханко) и после непродолжительного путешествия по железной дороге приезжают в Гельсингфорс. В городе царя праздничная атмосфера. Все радовались достигнутой победе. По улицам маршировали отряды рабочих с красными повязками и винтовками. Это была Красная гвардия Финляндии, созданная в дни всеобщей забастовки. Ула Кастрен привел Ленина на квартиру к своему брату Гуннару, приват-доценту Гельсингфорсского университета. Поздно вечером к Кастренам пришли посланный специально из Петербурга Центральным Комитетом для встречи с Лениным член Боевой технической группы при ЦК Н. Е. Буренин и библиотекарь Славянского отделения библиотеки Гельсингфорсского университета большевик В. М. Смирнов.

От них из первых рук Владимир Ильич получает подробную информацию о ходе забастовки в Петербурге и Финляндии, о мерах ЦК по вооружению и созданию боевых дружин. На следующий день, 6 ноября, Ленин приходит домой к В. М. Смирнову в его квартиру по Елизаветинской улице, 19 (ныне Лиисанкату). Во время беседы, специально посвященной политическому положению в Финляндии, Ленин высказывает от имени РСДРП поддержку стремлению финского народа к независимости, выражает надежду в конечной победе финского пролетариата. Эти же мысли он повторяет и на встрече с Ю. Сиролой и другими финляндскими социал-демократами. Владимир Ильич написал из Гельсингфорса письмо

Надежде Константиновне в Женеву, где советует ей ехать в Россию так же, как и он: через Стокгольм и Ханко. Вечером 7 ноября Ленин выезжает из Гельсингфорса в Петербург.

На Финляндском вокзале 8 ноября 1905 г. В. И. Ленина встречает уже знакомый ему Н. Е. Буренин и провожает его на квартиру своей сестры, В. Е. Ивановой на Можайской улице, 8, кв. 14. Там он встретился с Л. Б. Красиным, членом ЦК РСДРП, и другими партийными работниками. Первый день, проведенный В. И. Лениным в Петербурге, оказался чрезвычайно насыщенным. По приглашению члена ЦК РСДРП П. П. Румянцева он переезжает к нему на 10-ю Рождественскую (ныне 10-я Советская) ул., 1/41, кв. 3 (здесь Владимир Ильич прожил без прописки около десяти дней, до приезда в столицу Н. К. Крупской).

Ленин вместе с несколькими партийными работниками едет на Преображенское кладбище, где похоронены жертвы Кровавого воскресенья (ныне кладбище Жертв 9 Января). В молчании стоит он у осевших могильных холмов, уже припорошенных первым снегом... Затем Ленин приезжает в центр города, на Николаевскую улицу (ныне ул. Марата), в дом 33, где в квартире зубного врача Ю. И. Лаврентьевой устроена тайная явка большевиков. Ленин приглашает пришедших сюда же В. А. Шелгунова и М. Н. Лядова принять участие в завтрашнем расширенном заседании редакции газеты «Новая жизнь». После этого он приходит в здание Рождественских курсов лекарских помощников и фельдшерниц на Суворовском проспекте, 4, где участвует в заседании Петербургского комитета РСДРП. Тут он выступает с первой речью. Она посвящена отношению партии к Совету рабочих депутатов. После окончания заседания Ленин идет на ближайшую почту и отправляет телеграмму в далекую солнечную Флоренцию. В ней он просит А. В. Луначарского спешно вернуться в Петербург для участия в выпуске «Новой жизни». Еще 10 минут ходьбы, и окруженный группой партийных работников Ленин возвращается на квартиру П. П. Румянцева⁶⁹.

Какие же события произошли в Петербурге и в России в ту первую неделю ноября 1905 г., пока В. И. Ленин ехал из Швейцарии на родину? Еще 26 октября стихийно вспыхнуло восстание солдат и

матросов в Кронштадте. Только батальоны гвардейских Преображенского и Павловского полков, прибывшие 27 октября на баржах в Кронштадт, сумели подавить это восстание. На петербургских заводах стихийно шло вооружение рабочих, явочным порядком вводился восьмичасовой рабочий день. На очередном заседании Совета рабочих депутатов 29 октября депутаты рассказывали, как рабочие собирают деньги для покупки револьверов и ружей, делают холодное оружие, создают рабочие дружины, снаряжают патрули для защиты рабочих районов от черносотенцев и полиции. В конце октября и начале ноября петербургский пролетариат проводил кампанию солидарности с кронштадтскими матросами, только что ставшими жертвами царских карателей, и рабочим классом Польши, объявленной на осадном положении. В листовке Петербургского комитета РСДРП «К революционному народу Петербурга» разоблачалась царская «свобода»: свобода вешать, расстреливать и грабить. Большевики призывали рабочих вооружаться и готовиться идти «на окончательный штурм уже наполовину разрушенной крепости монархии»⁷⁰.

1 ноября на многих фабриках и заводах начались митинги протеста, а Петербургский Совет рабочих депутатов объявил о начале всеобщей стачки с 12 часов дня 2 ноября 1905 г. под лозунгом «Долой полевые суды! Долой смертную казнь! Долой военное положение в Польше и по всей России!»⁷¹. 3 ноября в Петербурге бастовали 526 предприятий с 119 232 рабочими⁷². Забастовка продолжалась до 6—7 ноября и была поддержана железнодорожниками Петербургского узла. В листовке Петербургского комитета РСДРП по поводу прекращения забастовки говорилось: «Мы прекращаем забастовку так же дружно, как начали ее! Но мы не прекращаем нашей борьбы. Пусть рабочие теперь усиленно сплачиваются и вооружаются. Пусть готовятся к решительному натиску на ненавистную монархию. Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционный пролетариат! Да здравствует социализм!»⁷³. 6 ноября в Петербурге было создано Центральное бюро профессиональных союзов.

Вот в какой момент прибыл В. И. Ленин в Петербург. Борьба с царской властью была на подъеме. Питерский пролетариат своей ноябрьской стачкой

доказал, что уровень его революционной активности и организованности все еще очень велик. Вторая всеобщая забастовка в Петербурге очень испугала власти. Сам Витте обратился с призывом к «братцам-рабочим» вернуться к станкам. После организованного окончания забастовки петербургский градоначальник по приказу министра внутренних дел П. Н. Дурново отдал приказ о разоружении боевых патрулей на рабочих окраинах, и 8 ноября, когда Владимир Ильич уже работал в столице, в разных местах Петербурга произошло несколько столкновений рабочих патрулей с полицией.

События конца октября и начала ноября 1905 г. показали громадный авторитет и силу такого учреждения, созданного революционным творчеством революционных масс, как Совет рабочих депутатов. Не случайно именно отношению к Совету посвятил В. И. Ленин свое первое выступление в Петербурге. Он уже имел вполне сложившуюся точку зрения. Еще 2 ноября в Женеве он начал писать письмо в редакцию большевистской газеты «Новая жизнь» под названием «Наши задачи и Совет рабочих депутатов». Статья эта осталась в 1905 г. неопубликованной, но ее идеи были использованы В. И. Лениным во многих его статьях и устных выступлениях.

«Недостает теперь как раз объединения всех действительно революционных, всех действующих уже революционно сил, — писал В. И. Ленин в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов». — Недостает общероссийского политического центра, живого, свежего, сильного глубокими корнями в народе, пользующегося безусловным доверием масс, обладающего кипучей революционной энергией, связанного тесно с организованными революционными и социалистическими партиями. Такой центр может быть создан только революционным пролетариатом, который провел блестяще политическую стачку, который организует теперь всенародное вооруженное восстание, который завоевал России половину свободы и завоеует полную свободу.

Спрашивается, почему бы Совету рабочих депутатов не явиться зародышем такого центра? Потому, что в Совете заседают не только социал-демократы? Это не минус, а плюс. Мы все время говорили о том, что необходимо боевое объединение между социал-демо-

кратами и революционными буржуазными демократами. Мы об этом говорили, а рабочие это сделали»⁷⁴. Статья В. И. Ленина была направлена против тех большевиков, которые подходили к Совету с сектантских позиций, требовали подчинения Совета только одной партии, третировали Совет вообще на том лишь основании, что в нем представлены и рабочие социалисты-революционеры. «Мы считаем по-прежнему воззрения социалистов-революционеров не социалистическими, — пояснял Ленин, — а революционно-демократическими. Но для боевых целей мы обязаны идти вместе при полной партийной самостоятельности, а Совет есть именно боевая организация и должен быть таковой. Выгонять преданных и честных революционеров-демократов в такой момент, когда мы делаем именно демократическую революцию, было бы нелепостью и безумием»⁷⁵.

В реально существовавшем Совете рабочих депутатов В. И. Ленин увидел прообраз будущего временного революционного правительства, о котором он писал с февраля 1905 г. «На мой взгляд, — отмечал Владимир Ильич, — Совет рабочих депутатов в качестве политически-руководящего революционного центра является не слишком широкой, а наоборот, слишком узкой организацией. Совет должен провозгласить себя временным революционным правительством или составить таковое, обязательно привлекая для этого новых депутатов не от рабочих только, а, во-первых, от матросов и солдат, которые повсюду потянулись уже к свободе, во-вторых, от революционного крестьянства, в-третьих, от революционной буржуазной интеллигенции. Совет должен выбрать сильное ядро временного революционного правительства и пополнить его представителями всех революционных партий и всех революционных (но, конечно, только революционных, а не либеральных) демократов»⁷⁶.

Этим замечательным планам и идеям не суждено было воплотиться в жизнь тогда, в 1905 г. Но они были так глубоко продуманны, так пережиты В. И. Лениным, так запечатлелись в его памяти, что впоследствии, в начале 1917 г., еще до Февральской революции в России, послужили для Владимира Ильича вместе с идеями Маркса и Энгельса о Парижской коммуне отправным моментом для понимания роли Советов рабочих, солдатских и крестьянских де-

путатов как формы нового пролетарского государственного устройства. Его тетрадь с выписками «Марксизм о государстве» показывает, что толчком к этому выводу послужили русские Советы 1905 г.⁷⁷

Правда, в ленинских идеях о Советах 1905—1906 г. мы еще не находим их противопоставления парламентаризму, демократической республике. Слишком кратким был момент существования реальных Советов, недостаточен их опыт «государственной деятельности». Но идея власти Советов, хотя бы как власти переходной к демократической республике, власти временной выражена в достаточной степени в тех же трудах. Это и указания на то, чем именно Совет должен быть сам или как выделить крепкое ядро Временного революционного правительства, это и прямые ленинские высказывания о Советах как зачатках революционной власти. В завершение статьи «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» В. И. Ленин писал: «Вот как рисуется мне развитие Совета рабочих депутатов в временное революционное правительство»⁷⁸. Сказано было точно и недвусмысленно.

С утра 9 ноября 1905 г. Ленин прибыл в редакцию газеты «Новая жизнь». Весело щурясь, он улыбался, вспоминая свои строки о том, что партия откроет скоро свой Центральный Орган на Невском проспекте. Это предсказание сбылось, и вот теперь он входил в дом № 68/40 на Невском, на углу Фонтанки. Всего в одном квартале отсюда располагались редакции ведущих буржуазных русских газет «Новое время», «Вечернее время». Теперь и большевики работали здесь же над выпуском номеров своей ежедневной газеты. На совещании редколлегии все согласились с тем, что Владимиру Ильичу придется теперь фактически быть главным редактором «Новой жизни». Тут же в редакции провели и заседание Центрального Комитета РСДРП с участием В. И. Ленина, на котором было принято обращение к партийным организациям о созыве IV съезда РСДРП для решения вопроса об объединении партии. После этого Ленин возвращается на квартиру Румянцева и пишет там статью «О реорганизации партии», посвященную созыву IV съезда РСДРП. Затем уже вечером он отправляется на Коломенскую улицу, в дом 39, где в типографии «Народная польза» печаталась «Новая жизнь». Он отдает свою статью прямо в типографию,

и утром 10 ноября 1905 г. в газете появляется первая ленинская работа. В ней он говорит о задачах партии в области укрепления ее организации. «Условия деятельности нашей партии, — указывает Ленин, — коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане. Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен. Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор. Безусловно необходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полуоткрытые партийные (и прилегающие к партии) организации. Без этой последней работы приспособить нашу деятельность к новым условиям, оказаться в состоянии решить новые задачи, немыслимо...»⁷⁹

Ленин с головой окунается в партийную работу: «Мы, эмигранты, соскучились по практике», — говорил он. Встречи, беседы с партийными товарищами. Беседы часто за полночь на квартире П. П. Румянцева, на явках, у людей, которые еще вчера были незнакомыми, а сегодня доброжелательно и приветливо предоставляют свой кров вчерашнему эмигранту. «С каким нетерпением мы ждали приезда Ленина! — вспоминала М. М. Эссен. — Наконец он приехал и в тот же день пришел на заседание Петербургского комитета и потребовал полного отчета о работе. Он сразу понял и нашу горячность, наши настроения, готовность к борьбе, но сразу увидел нашу неопытность, осудил заседательскую суету и здорово выругал нас за то, что мы допустили, чтобы во главе Совета рабочих депутатов очутились меньшевики»⁸⁰.

Очень интересны воспоминания М. Н. Лядова о тех изменениях, которые Ленин внес в работу редакции «Новой жизни». «Еще⁸¹ его возмущало, — пишет мемуарист, — что вся хроника по примеру буржуазных газет заполнена придворными и министерскими сплетнями, а настоящей рабочей хроники нет. Надо всех разогнать, кто составляет хронику, набрать настоящих рабочих-хроникеров, они и только они могут дать то, что нам нужно, связать нас с массами.

Возмущали Ильича и высокие оклады, которые назначили себе редакторы»⁸². На вышеупомянутом совещании большевистской части редакции «Новой жизни» В. И. Ленин по утверждению Лядова, предложил порвать договор с поэтом Минским, выгнать поэтов и писателей, в частности Теффи, поэтессу Зинаиду Гиппиус, взять ведение газеты целиком в свои руки, установить правило, чтобы никто из редакторов не имел права получать больше ста рублей. После этого, продолжает свой рассказ Лядов, «Румянцев вскочил как ошпаренный и начал доказывать, что нельзя нарушать подписанного договора, что это вызовет скандал во всем писательском мире. Ильич его сразу оборвал:

— Пустяки вы говорите. Мы хотим свергнуть самодержавие, живем в революционное время и будем бояться нарушить договор с буржуазными писателями, будем бояться общественного мнения буржуазной газетной братии? Пустяки все это. Нам интересы партии дороже. Нам нужно создать газету, где каждый рабочий чувствовал бы себя как дома, куда он мог бы прийти со своей малограмотной корреспонденцией и знал бы, что его здесь выслушают, его статейку исправят, отпечатают»⁸³. Большинство присутствовавших на заседании одобрило предложения Ленина, и «все декаденты и «без пяти минут большевики» исчезли из редакции и со страниц „Новой жизни“»⁸⁴.

Отголоски этих споров мы находим в ленинской статье «Партийная организация и партийная литература», напечатанной в «Новой жизни» 1 ноября 1905 г. Ленин отмечает, что до октября — ноября 1905 г. литература четко разделялась на нелегальную, которая была на 100% партийной, и легальную, формально непартийную, но «тяготевшую» к той или иной партии. Теперь пролетариат завоевал половину свободы. «Революция еще не закончена, — указывает Ленин. — Если царизм *уже не* в силах победить революцию, то революция *еще не* в силах победить царизма. И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, «дипломатичной», увертливой «легальностью». Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете...»⁸⁵

Но уже и сейчас открытая печать может быть на

9/10 партийной, и пролетариат должен противопоставить этот принцип буржуазной предпринимательской торгашеской печати, буржуазному литературному карьеризму. «В чем же состоит этот принцип партийной литературы? — пишет Ленин. — Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»⁸⁶.

«Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, — отвечает Ленин испуганным защитникам свободы слова из редакции «Новой жизни», — без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то»⁸⁷. Так внутренний спор в редакции стал поводом для весьма примечательных и откровенных высказываний В. И. Ленина о позиции большевиков по поводу свободы слова, которые не потеряли своей актуальности и в наше время.

Уделяя главное внимание выправлению линии «Новой жизни», В. И. Ленин стремится ознакомиться со всеми сторонами политической жизни тогдашнего Петербурга, притаившегося в ожидании новых битв между царской властью и революционным народом. 12 ноября Ленин первый раз приходит на заседание Петербургского Совета рабочих депутатов, чтобы лично увидеть работу этого органа революционного творчества народа⁸⁸. Он записывает вы-

ступления депутатов, обдумывает возможность своего выступления. Такая возможность предоставляется на следующий день. Все в том же зале Вольного экономического общества на 4-й Роте (ныне 4-я Красноармейская ул.), д. 1, Ленин выступает по вопросу о мерах борьбы с локаутом, объявленным капиталистами в ответ на явочное введение 8-часового рабочего дня рабочими. Он предлагает свой проект резолюции, который на следующий день принимает Исполком Совета в качестве своего постановления. Ленин квалифицировал локаут как провокацию буржуазии и царского правительства. «Совет рабочих депутатов заявляет, — говорилось далее в постановлении, — что дело свободы в опасности. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию правительства. Рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство. Мы должны приложить и приложим все усилия, чтобы объединить всю борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота, которые геройски поднимаются уже за свободу»⁸⁹.

Выступление В. И. Ленина на заседании Петербургского Совета 13 ноября стало большим событием. Оно запомнилось многим большевикам, присутствовавшим тогда в зале Вольного экономического общества. «Владимир Ильич вначале заметно волновался, — вспоминала Л. А. Фотиева, — был очень бледен. Да и не удивительно: это было его первое выступление на открытом массовом собрании рабочих. Об этом он страстно мечтал в тяжелые, долгие годы эмиграции. Волновались и мы, его ученики и младшие товарищи по работе»⁹⁰. М. М. Эссен рассказывает об эмоциональном впечатлении от речи Ленина: «Повеяло настоящим воздухом революции, будто раздвинулись тесные стены зала заседания и перед нашими глазами развернулся безбрежный мир огромных революционных перспектив. Повеяло воздухом Коммуны»⁹¹. А. К. Воронский в своих воспоминаниях об этом выступлении В. И. Ленина подчеркивает его «стремительную уверенность, властный напор на слушателей и сосредоточенную деловитость»⁹². Ленин как бы беседовал с огромной аудиторией, передает свои впечатления Б. А. Бреслав, Владимир Ильич связывал борьбу рабочего класса с достижением ее конечной цели, социализма⁹³. По словам Л. А. Фотие-

вой, знакомый ей по Парижу «товарищ Бэр» при первых же звуках голоса Ленина сказал ей: «Как у него сейчас душа-то играет!»⁹⁴.

«Когда заседание кончилось, — продолжает свой рассказ Л. А. Фотиева, — мы с товарищами направились, как обычно, в расположенный неподалеку ресторан «Вена». В этом демократическом ресторане для нас была отведена особая комната. Здесь за столиками располагалось человек 15—20 партийных товарищей, чтобы поужинать, передохнуть, обменяться впечатлениями. На этот раз с нами был Ленин. Радостно возбужденный, он шутил, смеялся. Вспоминая речь Хрусталева, который после выступления Ленина в популярной форме применительно к пониманию самых неподготовленных слушателей повторял то, о чем говорил Владимир Ильич, он сказал: «Хрусталев переводит нас на русский язык». Выйдя из ресторана, мы с товарищем Красиковым на извозчике проводили Владимира Ильича до места его ночлега. По дороге говорили о Надежде Константиновне, которая осталась в Женеве для ликвидации дел и вскоре должна была приехать»⁹⁵.

Между тем общая политическая обстановка по-прежнему характеризовалась противостоянием сил революции и царской контрреволюции. Ряд новых выступлений в стране показывал, что силы революции все еще находятся на подъеме. 11—12 ноября революционное возбуждение охватило Севастополь. Состоялся общегородской митинг и демонстрация, был избран Совет матросских, рабочих и солдатских депутатов. 13 ноября на крейсере «Очаков» и на других судах началось восстание. Восставшие обратились к революционно настроенному лейтенанту П. П. Шмидту, уволенному недавно в отставку за участие в матросском митинге в октябре 1905 г., с просьбой командовать восставшими судами Черноморского флота. 14—15 ноября восстание было в самом разгаре. 15 ноября Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих объявил забастовку и потребовал улучшения экономического положения почтовиков. К ней присоединились работники почт и телеграфов Петербурга, Киева, Тифлиса, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Таганрога, Пятигорска, Железноводска, Екатеринодара и ряда других городов. 16 ноября поч-

гово-телеграфная стачка стала всеобщей и парализовала главные средства связи империи.

17 ноября в Москве состоялось собрание 64 депутатов от ряда предприятий, которое высказалось за организацию по образцу Петербурга Совета рабочих депутатов. Такие Советы действовали уже в десятках городов России и всюду проявляли себя как зачатки революционной власти. 22 ноября состоялось первое заседание Московского Совета рабочих депутатов, а 24 ноября такой Совет возник в Одессе.

Революция неудержимо шла вперед. Движение охватывало все новые слои рабочих, воинские части, крестьян многих губерний. Царские власти во многих местах под влиянием всех этих событий находились в растерянности. Вместе с тем неуклонно проявлялось стремление правительства подавить все революционные выступления вооруженной рукой, а не искать политического разрешения кризиса путем каких-то новых уступок. Министр внутренних дел П. Н. Дурново настойчиво предлагал С. Ю. Витте перейти к репрессиям. Витте, соглашаясь с их необходимостью, все же считал необходимым выждать еще 5—10 дней.

В своих статьях, регулярно печатавшихся в «Новой жизни», Владимир Ильич отмечал обе эти стороны политического положения: и наступление революции, и подготовку контрреволюции к ответным ударам. Так, в статье «Неудавшаяся провокация», напечатанной в «Новой жизни» 15 ноября, Ленин так комментирует написанную им и принятую Советом резолюцию о борьбе рабочего класса с локаутами: «На вызов к борьбе в одиночку он ответил призывом к объединению борьбы по всей России, он ответил немедленными мерами к укреплению союза революционных рабочих с революционным крестьянством, с теми частями армии и флота, которые начинают восстание во всех концах России»⁹⁶. Ленин призывает сбросить силы для общего выступления, использовать захваченные свободы для увеличения «во сто раз» агитации и организации. В том же номере газеты помещается статья Ленина «Войско и революция», посвященная матросскому восстанию в Севастополе. Владимир Ильич показывает важность того факта, что среди солдат и матросов началось свое движение. «Требования солдат-граждан суть требования социал-демократии, — заявляет он, — требования всех рево-

люционных партий, требования сознательных рабочих. Вступление в ряды сторонников свободы, переход на сторону народа обеспечит победу дела свободы и осуществление солдатских требований»⁹⁷.

На весть о подавлении восстания в Севастополе Ленин отвечает статьей «Чашки весов колеблются», где заверяет, что впереди «новые Кронштадты и новые Севастополи». «О чем говорят последние политические события — эта новая и великая стачка почтово-телеграфных служащих, этот рост брожения и революционной организации в армии и даже полиции, эта победа бессознательного и скованного дисциплиной войска над армией свободы в Севастополе, это невиданное еще падение курса государственных бумаг? Они говорят о том, что самодержавие выпускает свои последние выстрелы, расходует свои последние резервы. Даже биржа, верноподданная, буржуазно-трусливая и буржуазно-жаждущая окончания революции, биржа не верит «победителям» под Севастополем. Эти события говорят о том, что революционный народ неуклонно расширяет свои завоевания, поднимая новых борцов, упражняет свои силы, улучшает организацию и идет вперед к победе, идет вперед неудержимо, как лавина»⁹⁸.

Регистрируя все новые успехи революционных сил, Ленин не забывает и «старого врага» — либеральную буржуазию. Он подмечает складывающийся союз между самодержавием и буржуазией. Он проявился и в массовом локауте, и в резолюциях ноябрьского земского съезда в Москве. «Пора размежеваться, — пишет он в статье «Революционная канцелярщина и революционное дело», напечатанной в «Новой жизни» 20 ноября 1905 г. — Направо — самодержавие и либеральная буржуазия, которых сплотило фактически то, что они не хотят передачи учредительному собранию всей власти единой, полной и нераздельной. Налево — социалистический пролетариат и революционное крестьянство или, шире, вся революционная буржуазная демократия. Они хотят полноты власти для учредительного собрания. Они могут и должны заключить для этой цели боевой союз, не сливаясь, конечно, друг с другом. Им нужны не бумажные проекты, а боевые меры, не организация канцелярской работы, а организация победоносной борьбы за свободу»⁹⁹.

Между тем еще утром 18 ноября 1905 г. в Петербург приезжает Н. К. Крупская. «Четыре года почти прожила я за границей, — рассказывает она, — и смертельно стосковалась по Питеру. Он теперь весь кипел, я это знала, и тишина Финляндского вокзала, где я сошла с поезда, находилась в таком противоречии с моими мыслями о Питере и революции, что мне вдруг показалось, что я вылезла из поезда не в Питере, а в Парголово. Смущенно я обратилась к одному из стоявших здесь извозчиков и спросила: «Какая это станция?» Тот даже отступил, а потом насмешливо оглядел меня и, подбоченясь, ответил: «Не станция, а город Санкт-Петербург». На крыльце вокзала меня встретил Петр Петрович Румянцев¹⁰⁰. Он сказал, что Владимир Ильич живет у них, и мы поехали куда-то с ним на Пески»¹⁰¹.

Свидание их было кратким, а затем Надежду Константиновну проводили на найденную для нее квартиру в меблированном доме О. А. Мухиной на Большой Морской (ныне ул. Герцена), д. 16/8. Несколько раз в течение последующих пяти дней Ленин приходил сюда, и Надежда Константиновна рассказывала ему о своих встречах и разговорах то с горничными, то с дворниками. В их разговорах своеобразно проявлялось понимание революции простым народом. Владимир Ильич чрезвычайно ценил эту способность Надежды Константиновны запросто говорить с любым собеседником и называл ее способным «обследователем и репортером»¹⁰².

Сам Владимир Ильич все эти дни напряженно работал. Главным по-прежнему была «Новая жизнь». Там ленинские статьи шли теперь в качестве передовых и чаще всего печатались без подписи, определяя боевой тон газеты. Радостным событием был приезд из Флоренции А. В. Луначарского, который немедленно включился в журналистскую работу в газете. «Первое время, — вспоминал Луначарский, — мои непосредственные встречи с Лениным происходили почти исключительно на почве интенсивной работы в газете. Владимир Ильич чувствовал себя вообще чрезвычайно возбужденным, бодрым и был в самом боевом настроении. Но от него, конечно, не ускользала опасность положения, значительная шаткость добытых завоеваний»¹⁰³.

М. Н. Лядова Ленин послал за границу, чтобы он

заручился согласием на сотрудничество в «Новой жизни» К. Каутского, Меринга, Розы Люксембург, Геда и Лафарга. Это было бы противовесом меньшевистской газете «Начало», в которой в числе сотрудников были названы чуть ли не все деятели международной социал-демократии¹⁰⁴. В редакции «Новой жизни» произошла и первая встреча В. И. Ленина с Горьким. М. Ф. Андреева пишет в своих воспоминаниях, что как только в середине ноября они приехали с Алексеем Максимовичем из Москвы в Петербург, то сразу же пошли на Невский в редакцию газеты. «Помню, — продолжает М. Ф. Андреева, — как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом, все повторял подряд: — Ага, так вот Вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад»¹⁰⁵. Надежда Константиновна Крупская, заходившая иногда повидать Владимира Ильича в редакции, свидетельствует, что там он был всегда занят¹⁰⁶.

Несмотря на эту колоссальную занятость, Ленин находил время для публичных выступлений, для посещения собраний большевиков. Он выступал в Технологическом институте в дискуссии с меньшевиками по аграрному вопросу. Его речь по текущему моменту слушают рабочие на собрании в Соляном городке. «С каким вниманием, с какой жадностью, — вспоминает М. М. Эссен, — слушали рабочие его доклады о программе и тактике партии большевиков, в которых он давал анализ событиям, характеристику отдельных партий, разъяснял классовый характер революции, ее движущие силы, беспощадно критиковал тактику меньшевиков, эсеров, кадетов!»¹⁰⁷.

16 ноября В. И. Ленин выступил в зале Вольного экономического общества на собрании партийных работников Петербургского комитета РСДРП с докладом «Критика аграрной программы партии социалистов-революционеров». Собрание это было прервано вмешательством полиции. По воспоминаниям А. К. Воронского, уходя с трибуны, Ленин бросил в зал: «По случаю свободы собраний собрание закрывается!»¹⁰⁸ Ленин все-таки закончил этот доклад, пре-

рванный полицией. Он сделал это на собрании в помещении частной гимназии О. К. Витмер 23 ноября 1905 г.¹⁰⁹. В этот день «Новая жизнь» печатает статью В. И. Ленина «Умиряющее самодержавие и новые органы народной власти». «Растет восстание, — пишет Ленин в начале этой статьи. — Растет бессилие, растерянность, разложение самодержавного виттевского правительства. Растет вширь и вглубь организация самых различных групп, слоев и классов народа, организация революционных и контрреволюционных сил»¹¹⁰.

Эта статья изобиловала особенно резкими выпадами против правительства и либеральной буржуазии, указывала, что на смену царской власти растут в огне восстания органы народной власти, будет создано и временное революционное правительство. «Выбирайте же, господа, — риторически обращался Ленин к либеральным буржуа, — в переднюю ли г-на Витте, чтобы клянчить кусочки свободы, чтобы торговаться из-за урезывания свободы, — или в «органы власти народа», или во временное революционное правительство, чтобы беззаветно бороться за полную свободу. Выбирайте!»¹¹¹. Эта статья показалась невозможной царским чиновникам даже по тем, крайне либеральным временам фактической свободы печати. И петербургский цензурный комитет принял решение привлечь редактора-издателя газеты «Новая жизнь» поэта Н. М. Минского к судебной ответственности за напечатание этой ленинской статьи¹¹².

Владимир Ильич решает в этот день поселиться вместе с Надеждой Константиновной в меблированных комнатах «Сан-Ремо» (Невский пр., 90), так как жить ему у П. П. Румянцева было уже неудобно, а находиться все время врозь с Надеждой Константиновной было обидно. Все же из осторожности прописались под чужими фамилиями и прожили здесь неделю¹¹³. Но неделя эта оказалась весьма богатой событиями и знаменовала собой переход правительства С. Ю. Витте в наступление на силы революции. «Схватка с правительством приближалась, — рассказывала об этом времени Н. К. Крупская. — Ильич открыто писал в «Новой жизни», что армия не может и не должна быть нейтральной, писал о всеобщем народном вооружении. 26 ноября был арестован Хрусталев-Носарь. Заменял его Троцкий»¹¹⁴.

Это решение было принято с участием В. И. Ленина на заседании членов Исполнительного комитета Петербургского Совета на квартире у присяжного поверенного Н. Д. Соколова на Малой Морской, д. 14 (ныне ул. Гоголя), 26 ноября. На следующий день в квартире Горького на Знаменской улице собрался Центральный Комитет РСДРП. На нем Ленин выступал по вопросам вооруженного восстания, дальнейшего укрепления редакции «Новой жизни», создания в Москве большевистской газеты «Борьба». На другом совещании членов ЦК Ленин обсуждал вопрос об организации в Петербурге легальной большевистской типографии. Он беседовал с Лядовым, который прекрасно справился с порученным делом и привез согласие от ряда деятелей международного социал-демократического движения выступать в большевистской «Новой жизни»¹¹⁵. Видимо, реально существовавшая свобода печати оказывала свое воздействие и на большевиков. Ни сохранившиеся письма и материалы, ни воспоминания активных работников не дают основания полагать, что кто-либо думал о возможности закрытия каких-либо из издававшихся газет.

Между тем случилось именно это. «2 декабря, — рассказывает Н. К. Крупская, — Совет рабочих депутатов выпустил манифест с призывом отказываться от уплаты казенных платежей. 3 декабря за напечатание этого манифеста было закрыто восемь газет, в том числе «Новая жизнь». Когда я 3-го по обыкновению отправилась на явку в редакцию, нагруженная всякой нелегалщиной, у подъезда меня остановил газетчик. «Газета «Новое время», — громко выкрикивал он и между двумя выкриками вполголоса предупредил: «В редакции идет обыск!». «Народ за нас», — заметил по этому поводу Владимир Ильич»¹¹⁶.

Закрытие левых газет, в том числе «Новой жизни», арест всего состава Петербургского Совета рабочих депутатов показывали, что дни относительных свобод прошли, что правительство переходит в наступление, что дни новой схватки, о которой предупредил Ленин, уже наступили. Резко усилилась и полицейская слежка за социал-демократами. Как раз накануне, 1 декабря, Ленин и Крупская поселились первый и единственный раз легально на квартире П. Г. Воронина, знакомого М. И. Ульяновой, по Греческому пр., д. 15/8, кв. 9. И уже через несколько

6 ГЛАВА

Х. М. АСТРАХАН

РОСПУСК ДУМЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА

1. В критические дни июля 1906 г.

Узнав о роспуске Государственной думы, В. И. Ленин тотчас выехал в Куоккалу (ныне Репино). Сюда 10 июля 1906 г. прибыли также партийные работники из Петербурга. На состоявшемся здесь совещании М. Н. Лядов сообщил, что члены ЦК РСДРП — большевики А. А. Богданов, Л. Б. Красин и В. А. Десницкий в ответ на роспуск Думы предложили Центральному Комитету, в котором после IV съезда РСДРП преобладали меньшевики, призвать рабочих развернуть подготовку к вооруженному восстанию. В проекте обращения к рабочим, предложенном большевиками, выдвигался следующий лозунг: «Предвидя в самом близком будущем выступление крестьянства, готовиться и ожидать прямого призыва»¹. Но меньшевистское большинство ЦК отклонило это предложение и санкционировало участие социал-демократической фракции Думы в совещании совместно с депутатами — трудовиками и кадетами для принятия решения о дальнейших действиях. Лядов рассказал Владимиру Ильичу, что совершенно случайно он оказался 9 июля в том же поезде, в котором бывшие депутаты ехали совещаться в Выборг². Было сообщено также, что туда выехал и А. А. Богданов для установления контакта с думскими фракциями трудовиков и социал-демократов.

Документов совещания 10 июля в Куоккале не сохранилось. Но брошюра В. И. Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата», к написанию которой

он приступил спустя несколько дней после совещания, а также заявление большевиков — членов ЦК от 20 июля 1906 г., письмо Л. Б. Красина А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой от 6 августа 1906 г.³ и воспоминания М. Н. Лядова дают представление о тактических установках, выдвинутых Лениным на совещании в Куоккале.

Роспуск Думы В. И. Ленин расценил как крупный политический кризис в ходе русской революции, наглядно подтвердивший правоту большевиков, которые предостерегали массы от увлечения конституционными иллюзиями и убеждали крестьян в призрачности их надежд получить землю и волю через Думу. В связи с вероятностью массовых выступлений В. И. Ленин считал необходимым приложить усилия к тому, чтобы они не выливались в «бунты», разрозненные демонстрации или в обычные стачки, а были бы направлены на борьбу за власть и свержение правительства. Имея в виду эту цель, В. И. Ленин предложил: использовать роспуск Думы «как повод к концентрированной агитации с призывом к всенародному восстанию»; удерживать массы от демонстративных забастовок и частичных выступлений; добиваться соглашения всех влиятельных революционных организаций и союзов в интересах достижения совместного и единовременного выступления рабочих, солдат, крестьян и матросов против царизма⁴.

Большевистский центр одобрил тактическую линию, предложенную В. И. Лениным. После окончания совещания, вспоминает М. Н. Лядов, петербургские товарищи тотчас же возвратились в город для информации районных работников. Сам же он по поручению Владимира Ильича направился в Выборг, чтобы посоветовать А. А. Богданову попытаться склонить депутатов-трудовиков к принятию большевистской линии, рассчитанной на подготовку вооруженного восстания против самодержавия и созыва затем полномочного Учредительного собрания⁵.

Когда М. Н. Лядов прибыл в Выборг, бывшие депутаты Думы, собравшиеся в местной гостинице «Бельведер», заканчивали обсуждение воззвания «Народу от народных представителей». Составленное кадетами (автором первоначального проекта был П. Н. Милуков) воззвание призывало народ лишь к пассивному сопротивлению — не поставлять рекрутов

и не платить подати впредь до созыва правительством новой Думы; не признавать займов, заключенных без санкции Думы. Кадеты, стремившиеся направить протест масс в русло «законности», решительно отвергли попытки социал-демократов и трудовиков придать воззванию характер боевого призыва к борьбе против царизма.

В. И. Ленин говорил товарищам по поводу Выборгского воззвания: «Это бессмыслица! Пассивное сопротивление,— до какой точки? А когда стражники придут за податями или за рекрутами, тогда тоже пассивное сопротивление или активный отпор? Увидите... никто из кадетов «пассивного сопротивления» проводить не станет. На что им? Они своего добились: трудовиков и меньшевиков поймали, революции помешали, реакции помогли... Чего им еще?»⁶ (Так оно и произошло. На очередном съезде партии кадетов в сентябре 1906 г. была принята резолюция с отказом от осуществления Выборгского воззвания.)

А. А. Богданов после встречи с М. Н. Лядовым в Выборге еще настойчивее стал проводить линию на сплочение Трудовой группы и социал-демократической фракции Думы. 12 июля представители этих фракций образовали координационный центр — исполнительный комитет, который принял обращение «К армии и флоту» — призыв к солдатам и матросам выступить вместе с народом против царского правительства. Обращение было подписано: «Соединенный комитет социал-демократической фракции и Трудовой группы». В. И. Ленин приветствовал Трудовую группу, которая своей подписью под обращением поставила себя в ряд с другими революционными организациями⁷.

Достижению единства действий всех революционных организаций в борьбе против царизма, на чем особенно настаивал В. И. Ленин, мешало оппортунистическое большинство ЦК РСДРП. На первом своем заседании, состоявшемся после Выборгского совещания, ЦК РСДРП признал желательным призвать рабочих к подготовке всеобщей всероссийской забастовки под явно оппортунистическим лозунгом «Возобновление сессии Думы для созыва Учредительного собрания». Следуя этому лозунгу, пролетариат должен был прекратить борьбу в случае возобновления сессии Думы. Протесты большевиков заставили ЦК

РСДРП снять этот лозунг и выдвинуть новый: «Борьба с правительством в защиту Думы в целях созыва Учредительного собрания». Однако и в этом варианте присутствовал тезис «В защиту Думы», порождавший иллюзии, будто через Думу можно решить коренные задачи революции⁸.

Под давлением большевиков ЦК РСДРП вместе с ЦК партии эсеров, с Всероссийским крестьянским и Всероссийским железнодорожным союзами, а также Всероссийским союзом учителей обратился 12 июля 1906 г. с «Манифестом ко всему российскому крестьянству». Манифест призывал к решительной борьбе против царизма за волю и землю всему народу. И манифест и упоминавшееся выше обращение «К армии и флоту» были изданы в виде листовок большевистским книгоиздательством «Вперед» и распространялись через книжный склад этого издательства⁹.

Сделав шаг влево, меньшевистский ЦК вскоре вновь занял оппортунистическую линию. Его представитель заявил на заседании Петербургского комитета РСДРП 15 июля, что ЦК решил призвать массы к немедленным частичным проявлениям протеста против разгона Думы и выдвинул в качестве тактического лозунга: «За Думу как орган власти, который созвет Учредительное собрание». Петербургский комитет, руководимый В. И. Лениным, высказался решительно и против этой, третьей после роспуска Думы установки ЦК, ибо она вела к неоправданной трате революционных сил и способствовала распространению в массах иллюзорных представлений о Думе как органе власти¹⁰. Член Петербургского комитета в годы первой русской революции большевик И. А. Теодорович рассказывает: «Помню, как „рвал и метал“ в это время Владимир Ильич, издеваясь над попытками меньшевиков вызвать народное движение вокруг Думы, как центра»¹¹.

Таким образом, в момент острого политического кризиса, вызванного роспуском первой Государственной думы, меньшевики проявили полную растерянность. По кардинальным вопросам момента — о лозунгах и о форме предстоящей борьбы — меньшевики плелись в хвосте всех остальных революционных партий и организаций. Действуя вместе с другими революционно-демократическими организациями, ЦК РСДРП призывал армию и крестьянство к восстанию.

Обращаясь же к массам сам по себе, ЦК РСДРП в считанные дни сменил несколько лозунгов, и все они имели целью вызвать широкое народное движение в поддержку кадетской Думы. Меншевики ориентировали массы на легально-конституционный, а не на революционный путь борьбы в духе октября — декабря 1905 г. В статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (август 1906 г.) В. И. Ленин писал: «Наш ЦК или наши оппортунисты с.-д. немного левее кадетов и значительно правее революционной буржуазной демократии»¹².

Отрицательные последствия оппортунистической линии меньшевиков усугублялись тем обстоятельством, что меньшевики проводили ее под флагом ЦК РСДРП. Рабочий класс, ожидавший от своей партии правильных, быстрых и ясных ответов на новые вопросы, выдвигаемые развитием событий, получал вместо этого путаные и безжизненные лозунги. Необходимо было со всей обстоятельностью разъяснить массам, что линия меньшевистского ЦК чужда революционной социал-демократии, и указать им верный путь борьбы в создавшейся обстановке. Таковы были причины, побудившие В. И. Ленина написать в середине июля 1906 г. брошюру «Роспуск Думы и задачи пролетариата»¹³.

Брошюра была издана нелегально в середине августа 1906 г. большевистским издательством «Вперед» в Петербурге (из конспиративных соображений на титуле значилось вымышленное издательство «Книгоиздательство «Новая волна», Москва». Название типографии не было указано¹⁴). Тогда же в «Дневнике социал-демократа», выходившем в Женеве, была опубликована статья Г. В. Плеханова «Общее горе», посвященная, как и брошюра В. И. Ленина, задачам рабочего класса в связи с роспуском Думы¹⁵.

Сопоставление брошюры Ленина и статьи Плеханова (кстати, едва ли не лучшей из его публицистики 1905—1907 гг., о чем свидетельствует весьма сдержанное отношение к ней буржуазной печати, обычно восторженно откликавшейся на каждое выступление меньшевистского лидера) позволяет отчетливо разглядеть принципиально различные подходы к разворачивающейся революции: пассивно-созерцательный («резонерский») — у меньшевиков и активно-боевой, с

целью помочь революционным классам добиться решительной победы,— у большевиков.

В брошюре В. И. Ленина и в статье Г. В. Плеханова имеются некоторые сходные оценки. В. И. Ленин считал, что факт роспуска Думы сможет убедить массы в правоте большевиков, говоривших в течение всей первой половины 1906 г. о призрачности, фиктивности отечественного «парламентаризма». Рассмотрев основные этапы в развитии политического сознания народа со времени кануна революции, В. И. Ленин показал, что к началу 1906 г. народ в массе своей еще не дорос до сознательной революционности. «Сознание невыносимости самодержавия стало всеобщим, сознание негодности правительства чиновников — тоже, сознание необходимости народного представительства — тоже. Но непримиримость старой власти с *властным* народным представительством народ еще не мог сознать и прочувствовать»¹⁶. Потребовался опыт кадетской Думы, чтобы новые слои трудящихся масс избавились от конституционных иллюзий. «Народ выиграл то..., — делает вывод В. И. Ленин, — что потерял одну из своих иллюзий»¹⁷.

Далеко не с той же обстоятельностью и силой аргументации, как это сделал В. И. Ленин, но в том же духе оценивал деятельность Думы и факт ее роспуска Г. В. Плеханов. Он писал: «Только опыт может показать всем, кто этого еще не видит, — а таких, к сожалению, еще много, — что народное представительство в том виде, в каком оно существует у нас теперь, не имеет никаких прав, никакой юридической силы. Чем более обнаруживалось юридическое бессилие нашего народного представительства, тем более разбивалась в умах народа та иллюзия, что «конституция», дарованная нам в октябре, может явиться орудием обновления нашей общественной жизни»¹⁸. Роспуск Думы, отмечал Плеханов, предметный урок, который очень далеко вперед подвинет политическое сознание народа¹⁹.

В качестве лозунга предстоящей борьбы в обеих работах выдвигается требование созыва Учредительного собрания. Но у Плеханова не дается обоснования лозунга: как бы само собой разумеется, что выдвижение его обусловлено программой РСДРП. В. И. Ленин считал, что ссылка на программу еще недостаточна при определении тактического лозунга

для данного момента. «Для этого,— указывал он,— надо учесть *конкретную* историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из *предыдущих* шагов и этапов движения»²⁰. Подходя с этих позиций к программному требованию Учредительного собрания, В. И. Ленин показывает, как в ходе революции изменялось отношение масс к этому лозунгу. В начале революции первейшим требованием народа был созыв народного представительства. После же опыта I Думы центр тяжести переносится на обеспечение власти за народным представительством. «В сознание самого темного мужика,— отмечал В. И. Ленин,— стучится теперь обухом вбитая мысль: ни к чему Дума, ни к чему никакая Дума, *если нет власти у народа*»²¹.

В ленинской постановке цель предстоящей борьбы — обеспечение власти за народным представительством — выступала как программное требование, конкретизированное, обогащенное опытом борьбы масс. Сами массы подходили к пониманию этой цели в итоге полутора лет революции.

Особенно отчетливо различия между рассматриваемыми работами сказались в определении средств борьбы. Справедливо упрекнув авторов Выборгского воззвания за их стремление остаться на почве «законности»²², Плеханов не указал, однако, какие средства борьбы следует рекомендовать пролетариату для более быстрой и верной победы. Сказался свойственный меньшевикам книжный подход к революции, нежелание и неумение учиться у нее, извлечь уроки из опыта революции. В брошюре же Ленина вопросу о вероятной форме грядущей борьбы отведено центральное место, и решался он с учетом опыта самой революции.

Игнорирование испытанных уже форм революционной борьбы народа не могло не обернуться против меньшевиков. Их призыв ответить на роспуск Думы демонстративной забастовкой встретил самую решительную оппозицию со стороны рабочих. В противовес меньшевистским призывам то к стачке-демонстрации, то к «частным массовым проявлениям протеста», В. И. Ленин, учитывая предыдущие формы революционных действий масс, утверждал: при сложившемся

в момент роспуска Думы положении «активная борьба ведет прямо и непосредственно к восстанию»²³.

В. И. Ленин обратил внимание на важность разъяснения массам связи политической стачки с восстанием, на необходимость совместного выступления рабочих, крестьян, матросов и солдат. Касаясь специфических задач крестьянского восстания, вождь партии указал, что они будут состоять не только в смене местной власти, но и в фактическом уничтожении помещичьего землевладения еще до решения Учредительного собрания — положение, получившее дальнейшее развитие в работах В. И. Ленина 1917 г.

В связи с вопросом о форме предстоящей борьбы В. И. Ленин высказал мысль о создании организации, способной непосредственно возглавить революционные действия масс. Он указал, что наряду с Советами — органами объединения масс и политического руководства ими, — необходимо создать особый орган «для организации непосредственно боевых сил, для организации восстания в самом тесном значении слова»²⁴. Это была идея создания боевого штаба восстания, блестяще реализованная партией в 1917 г. в виде Петроградского Военно-революционного комитета — штаба вооруженного восстания и первого органа власти Великой Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин, установив с позиций марксизма и опыта полутора лет революции задачи российского пролетариата, помог ему и его союзникам заранее определить характер предстоящей борьбы, ее содержание и наиболее вероятную форму. Положения В. И. Ленина о выдвижении тактических лозунгов, о взаимосвязи содержания борьбы, ее форм и организации вошли в арсенал стратегии и тактики большевизма и международного коммунистического движения.

Брошюра В. И. Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата», несмотря на запрещение ее властями (6 сентября 1906 г. московская судебная палата наложила арест на брошюру), получила широкое распространение не только в обеих столицах, но и за их пределами — в Киеве, Харькове, Баку, Архангельске, Николаеве, Калуге, Риге, Костроме, в Рязанской и Витебской губерниях. 300 экземпляров брошюры были высланы Ф. Э. Дзержинским в Польшу в августе 1906 г. Даже в 1907 г. полиция конфисковала брошю-

ру при арестах революционеров более чем в 20 городах²⁵.

Не прошли мимо брошюры Ленина и меньшевики. Вырывая из контекста отдельные фразы, в частности высказывание Ленина о наиболее благоприятном моменте для открытого выступления масс против царизма, превратно толкуя их, меньшевистские лидеры обвиняли Ленина и большевиков в бланкизме, терроризме и т. д. Это был чистейший вымысел. Если «нежная любовь» к кадетской Думе побуждала меньшевиков требовать от масс немедленного выступления в защиту Думы, то большевики считали необходимым выждать, чтобы лучше подготовиться к решительному бою — и не в защиту Думы, а за свержение царизма. Из этих соображений В. И. Ленин рекомендовал: если это будет зависеть от руководителей, то открытое выступление масс следует отсрочить к концу лета или началу осени, когда в борьбе сможет принять активное участие крестьянство (директива Всероссийского крестьянского союза в мае 1906 г. также рекомендовала развернуть активную борьбу крестьян против помещиков к концу лета²⁶). Этот тезис В. И. Ленина вызвал резкие нападки Плеханова. «Мысль о восстании в «текущий момент» должна быть решительно отвергнута»²⁷, — заявил он. Противник вооруженного восстания, он не хотел видеть, сколь ответственно подходил к вопросу о восстании Ленин. Указав на наличие объективных причин, способных вызвать выступление масс, вождь партии большевиков в весьма осторожной форме («мы советовали бы») высказал мысль о сроках его проведения. Далекий от того, чтобы предрешать вопрос, В. И. Ленин писал: «Возможно, и пожалуй всего более вероятно, что новая борьба разгорится так же стихийно и неожиданно, как предыдущие, в результате нарастания настроения и одного из неизбежных взрывов»²⁸.

Именно так оно и случилось. В. И. Ленин еще не успел отправить рукопись брошюры в типографию, как стало известно о стихийном революционном выступлении солдат и матросов в Свеаборге. Такому повороту событий способствовала авантюристическая тактика эсеров. Отвергая меньшевистский призыв к забастовке-демонстрации, они в то же время не поддержали большевистский план подготовки всеобщего,

одновременного восстания рабочих, крестьян и солдат. Руководство партии эсеров рассчитывало достигнуть победы над царизмом в результате выступления лишь воинских частей.

Финляндская военная организация РСДРП, которую возглавляли стойкие большевики М. А. Трилис-сер, приехавший из Москвы З. Я. Литвин-Седой (впоследствии активные участники Октябрьской революции и гражданской войны) и другие, настойчиво готовила выступление на флоте ко времени всероссийского восстания рабочих и крестьян. В. И. Ленин был в курсе работы среди солдат и матросов на Балтике.

Эсер С. Д. Мстиславский, возглавлявший в 1905—1906 гг. подпольный Всероссийский офицерский союз (включал офицеров различных партий) и поддерживавший контакт с военной организацией большевиков, впервые увидел В. И. Ленина в 1906 г. во время одного из посещений большевистской явки в Петербурге, в книжном складе на Караванной улице (ныне ул. Толмачева). В 1917 г. Мстиславский (в то время левый эсер) не раз видел В. И. Ленина, слушал его выступления 26 октября на историческом II Всероссийском съезде Советов. Но первая встреча с лидером большевистской партии запомнилась ему особенно отчетливо. С большими предосторожностями, пишет Мстиславский, его провели по длинному, заставленному книгами коридору в комнату, где было всего лишь два стула. На одном из них он увидел человека с живыми, сразу запомнившимися глазами, большим, далеко открытым, выпуклым лбом. Уже после встречи Мстиславский узнал, что беседовал с Лениным²⁹. «Разговор был тогда чисто технический: о складах боевых припасов, о распределении сил, численности и качестве офицеров, на которых можно было рассчитывать при выступлении, о методах самого выступления. Высказывался Ленин мало и скупно: спрашивал... Беседовали долго: часа полтора, должно быть. Наконец, попрощались. Я уже выходил, когда Ленин, вдогонку, спросил быстро: «Да, еще: что, по четвертной на тройку хватит?» Вопрос я понял и не мог не улыбнуться: надо же до таких окончательных мелочей доходить»³⁰.

«Мелочи», которые интересовали Владимира Ильича, касались безопасности партийных работников, направляемых в Кронштадт. Слежка за каждым

вновь прибывшим была здесь особенно строгой. Подозрительных охранка определяла прежде всего по внешнему виду. Не каждый партийный работник мог приобрести «приличную» одежду, дабы избавить себя от риска оказаться сразу же по прибытии на остров в сетях охранки. Петербургский комитет решил ассигновать примерно 15 рублей на «тройку» (брюки, пиджак, жилет). Этих денег явно не хватало на экипировку. Вопрос Владимира Ильича свидетельствовал о том, что и он участвовал в решении этого дела.

16 июля В. И. Ленин, находясь в Петербурге на квартире сестер Менжинских, получил сообщение о возможности стихийного восстания солдат и матросов Свеаборгской крепости (расположена на островах, прикрывающих с моря Гельсингфорс — важнейшую базу Балтийского флота). В. И. Ленин счел необходимым принять возможные меры к предотвращению выступления. Срочно созванное заседание Исполнительного комитета Петербургского комитета РСДРП (оно состоялось там же, на квартире Менжинских) приняло предложение В. И. Ленина о немедленной посылке в Свеаборг делегации в составе А. Г. Шлихтера, М. Н. Лядова и Р. С. Землячки, которой поручалось повлиять на местных членов партии, революционеров и население, чтобы добиться отсрочки выступления, а «в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением...»³¹ На другой день В. Р. Менжинская выехала к А. Г. Шлихтеру под Выборг и передала ему поручение В. И. Ленина — немедленно выехать в Гельсингфорс для руководства восстанием.

Несмотря на все попытки местных социал-демократов сдержать восстание, оно вспыхнуло стихийно в ночь с 17 на 18 июля 1906 г. Свеаборгское восстание произвело в столице сильное впечатление. «И вот именно тогда,— рассказывает И. А. Теодорович,— по директивам тов. Ленина, с которым я все время непосредственно сносился, я провел через Исполнительную комиссию ПК... постановление, согласно которому все районные партийные организации должны были на особых конспиративных — в каждом подрайоне — квартирах установить непрерывные дежурства, чтобы по знаку ПК поднять рабочих на забастовку в любой указанный час»³².

19 июля поздно вечером В. И. Ленин встретился в ресторане «Вена», излюбленном месте встреч писателей и журналистов столицы, с партийными работниками³³. Обсуждали вопрос о всеобщей забастовке в связи со Свеаборгским восстанием. В тот день ЦК РСДРП принял решение призвать пролетариат к забастовке. Но, продолжая прежнюю оппортунистическую линию, ЦК призвал к демонстративной забастовке в знак протеста против роспуска Думы. Напротив, ПК, призывая к забастовке, рассчитывал расширить вооруженное восстание под революционными лозунгами. Но немедленно объявить забастовку не удалось: необходимо было согласовать вопрос с другими революционными партиями и организациями³⁴.

На следующий день, 20 июля, И. А. Теодорович сообщил В. И. Ленину о восстании в Кронштадте (оно началось в ночь с 19 на 20 июля). «Владимир Ильич нашел,— вспоминает Теодорович,— что события так разрастаются, что требуют немедленно нашего воздействия и вмешательства: восстание важнейших частей армии и флота надо поддержать забастовкой»³⁵. ПК счел также необходимым создание Совета рабочих депутатов — органа, способного возглавить массовую революционную борьбу в столице. В июне 1906 г., когда явно не было условий для массового выступления, ПК был против возрождения Совета, на чем тогда настаивали эсеры, поддерживаемые меньшевиками. *«Создавать Совет значит создавать органы непосредственной массовой борьбы пролетариата. Такие органы нельзя создавать в любой момент...»*³⁶, — писал по этому поводу В. И. Ленин. Теперь же в связи с восстаниями на флоте и подготовкой всеобщей забастовки ПК форсировал создание Совета рабочих депутатов. В ночь с 20 на 21 июля состоявшееся в Териоках совещание представителей левых партий и организаций приняло решение о немедленном объявлении всеобщей забастовки в поддержку восставших солдат и матросов (меньшевистскому ЦК РСДРП под влиянием революционных событий пришлось отказаться от попытки связать забастовку с поддержкой Думы). Обращение «Ко всему народу!», принятое совещанием, призвало рабочих и крестьян к решительной борьбе против царизма, «за правительство народное, за Учредительное собрание, за землю и волю!»³⁷.

Забастовка в Петербурге началась 21 июля. Созданный 22 июля ИК Совета рабочих депутатов санкционировал забастовку и взялся руководить ею³⁸. Но в тот же день стало известно о подавлении властями восстания на Балтике. В. И. Ленин, считая необходимым сберечь силы пролетариата для будущих боев, предложил снять лозунг о проведении всеобщей политической стачки. Провозглашенный ранее лозунг стачки-восстания ПК заменил призывом к стачке-солидарности с борцами Свеаборга, Гельсингфорса, Кронштадта. К 27 июля забастовка почти полностью прекратилась.

Июльская забастовка, по мнению большевистского публициста, не удалась потому, что пролетариат инстинктивно чувствовал несвоевременность момента для боя: одни рабочие дружно бросали работу, но, не веря в успех, не проявляли никакого энтузиазма, другие группы рабочих, притом наиболее сознательных, заявляли, что на серьезный бой они готовы идти немедленно, но растрчивать свои силы на демонстрацию из-за кадетской Думы (к чему призывали меньшевики) не намерены³⁹. Восстания на флоте свидетельствовали о правильности курса большевиков на всероссийское вооруженное восстание. Но поражения восстаний и неудача всеобщей забастовки в июле 1906 г. указывали на необходимость серьезной, возможно очень длительной, подготовки решающего сражения против царизма.

2. На даче „Ваза“

Подавив восстание матросов и солдат Балтики, царизм обрушил массовые репрессии на своих противников. 19 августа 1906 г. Николай II распорядился учредить военно-полевые суды, которым предоставлялось право судить по законам военного времени гражданских лиц, обвиняемых в революционной деятельности. Новый председатель Совета министров П. А. Столыпин потребовал от генерал-губернаторов и градоначальников проявления самой решительной энергии для борьбы с «крамолой»⁴⁰. В стране был установлен режим военного террора. Репрессии коснулись даже благонамеренных кадетов, революционные же партии преследовались особенно жестоко. Политические свободы, вырванные пролетариатом в ок-

тябре 1905 г., были фактически сведены на нет. Большевицкий центр остался без легальной газеты.

В. И. Ленин, придававший первостепенное значение печати в политическом просвещении и организации масс, предложил перенести издание центрального большевистского органа в г. Выборг, недосыгаемый для царской охраны. Здесь при помощи финских социал-демократов удалось снять у владельца типографии «Восточная Финляндия» комнату, где специально прибывшие в Выборг большевики-наборщики могли спокойно набирать и печатать газету. «Когда все подготовительные работы были закончены,— вспоминает А. Шлихтер,— в Выборг приехал товарищ Ленин вместе с Надеждой Константиновной для личного ознакомления с положением дела»⁴¹. Это было в начале августа 1906 г. Владимир Ильич тщательно продумал все, что было связано с изданием газеты и ее транспортировкой. В состав редакции газеты он привлек М. Ф. Владимирского, В. В. Воровского, И. Ф. Дубровинского, А. В. Луначарского. Техническая работа (секретарские обязанности, корректура, группировка материала для номера) была возложена на Е. С. Шлихтер. Для первого номера В. И. Ленин написал передовую «Перед бурей» и еще несколько статей. 21 августа 1906 г. первый номер еженедельной газеты «Пролетарий» (название подчеркивало преемственность новой газеты с большевистским Центральным Органом РСДРП, выходившем в Женеве с мая по ноябрь 1905 г., после III съезда) вышел в свет. В. И. Ленин — организатор и главный редактор газеты — был чрезвычайно рад этому. «Для организации первого номера газеты «Пролетарий»,— говорил он, по словам А. Шлихтера,— понадобилось несколько месяцев, а теперешний «Пролетарий» удалось поставить в несколько недель»⁴².

С лета 1906 г. слежка за Лениным усилилась. Ему все чаще приходилось скрываться от неких подозрительных личностей, увязывавшихся за ним или топтавшихся возле дома, где он был, а иногда даже возле дома, куда он направлялся. «Мне не однажды приходилось ему помогать укрываться,— писал В. Д. Бонч-Бруевич о Владимире Ильиче,— сопровождать его по городу. Не один раз он был на волосок от провала»⁴³.

По настоянию большевистского центра В. И. Ленин должен был покинуть столицу: «Но каких трудов нам стоило это сделать, как трудно было оторвать его от обстановки столь любимой им прямой лобовой атаки!» — отмечал Г. М. Кржижановский⁴⁴. Было решено, что В. И. Ленин переедет в «ближнюю эмиграцию» — в Финляндию. Действовавшие в ней законы не разрешали царским властям чинить здесь суд и расправу. К тому же среди чинов финской полиции были и социал-демократы, сочувствовавшие русской революции. И как ни трудно было Владимиру Ильичу расставаться с Питером, в конце августа 1906 г. он поселился в местечке Куоккала (ныне Репино) на даче «Ваза», в которой жил с семьей деятельный член большевистского центра Г. Д. Лейтейзен⁴⁵.

Дача «Ваза» — двухэтажный бревенчатый дом на опушке леса недалеко от станции. На сосне перед домом была вырезана надпись: «Willa Wasa». Ваза — город на севере Финляндии, откуда был родом хозяин дома. В этой удобной в конспиративном отношении даче (поблизости не было других домов) и обосновался В. И. Ленин. Ему предоставили комнату в первом этаже. Небольшой коридор отделял эту комнату от двух других, где жили Лейтейзены, а после их отъезда — Н. К. Крупская с матерью Елизаветой Васильевной⁴⁶.

Дача «Ваза» с прибытием сюда В. И. Ленина стала жизненным центром, настоящим боевым штабом большевиков. Здесь В. И. Ленин регулярно встречался с ответственными работниками большевистской партии — Л. Б. Красным и А. А. Богдановым (последний с женой поселился в мезонине дачи), М. Н. Лядовым, И. Ф. Дубровинским, Е. Д. Стасовой; проводил заседания редакции «Пролетария», на которые обычно приезжали В. В. Воровский, И. П. Гольденберг, А. В. Луначарский; обсуждал дела партийного издательства с В. Д. Бонч-Бруевичем. Из Куоккалы В. И. Ленин направлял деятельность Петербургского комитета РСДРП, в котором прочную позицию занимали большевики. На даче «Ваза» часто бывали руководящие работники ПК РСДРП И. А. Теодорович, Д. И. Лещенко, Н. А. Рожков, а также низовые партийные активисты — «районщики», постоянно соприкасавшиеся с рабочими фабрик и заводов столицы. О посещении одной такой группой В. И. Ленина рас-

сказал партийный пропагандист Л. И. Рузер. «Вспоминается,— писал он,— слабо освещенная комната с деревянными стенами и Ильич, сидящий перед камином. Коротенькой кочергой он помешивал в камине и спокойным, бодрым и веселым голосом, изредка взглядывая на собеседника, задавал нам вопросы. Он расспрашивал так, как умел расспрашивать Ильич, делая свои выводы из наших ответов, составляя себе более правильное и ясное представление о настроениях в массах, чем мы сами»⁴⁷.

Для постоянной связи с В. И. Лениным ПК РСДРП выделил молодого члена партии С. В. Маркова, работавшего в то время в книжном магазине «Вперед». По словам С. В. Маркова, секретарь ПК В. Р. Менжинская так определила его задачу: «Вы будете ежедневно покупать несколько газет для Владимира Ильича, он сам вам скажет, какие, а от него вы будете забирать его статьи, а также письма к товарищам, с которыми ему необходимо переписываться»⁴⁸. С. В. Марков в течение нескольких месяцев регулярно приезжал на дачу «Ваза» к «Ивану Ивановичу», как в конспиративных целях называли Владимира Ильича, доставляя ему газеты, и отвозил написанное им по питерским адресам.

Связь с В. И. Лениным ПК осуществлял также через Н. К. Крупскую, Г. Д. Лейтейзена и некоторых других партийных активистов, проживавших в Куоккале или неподалеку: Н. А. Рожкова, Т. А. Словагинскую, Ф. П. Кассесинову. Представители местных большевистских организаций, приезжавшие в столицу для встречи с вождем партии, узнавали дорогу к нему у секретарей большевистского центра Е. Д. Стасовой, Н. К. Крупской или В. Р. Менжинской, дежуривших обычно на явке в столовой Технологического института. «Там,— сообщалось в донесении департаменту полиции,— есть комната, которая так и называется «Секретариат Центрального Комитета» и «Секретариат Петербургского комитета». Чтобы туда попасть, необходимо иметь пароль...» В числе постоянно бывающих в секретариате донесение назвало: «Елена Стасова, Надежда Константиновна Ленина»⁴⁹.

Е. М. Ярославский, прибывший в Петербург из Москвы в связи с предстоявшей в ноябре 1906 г. конференцией военных и боевых организаций РСДРП, вспоминает, что по адресу, полученному им на явке

в Технологическом институте, он попал к В. И. Ленину в Финляндию. Владимир Ильич, как отмечает Ярославский, буквально засыпал его вопросами, причем «не довольствовался общими ответами, он хотел знать подробности, механику всей нашей работы, дальнейшие наши планы, наши связи»⁵⁰.

Одну из комнат дачи «Ваза» в последние месяцы 1906 г. занимал по просьбе ответственных работников Петербургского комитета партии 25-летний латышский социал-демократ Я. А. Берзинь-Зиемелис, только что освобожденный из тюрьмы (в июле 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) его избрали в состав Центрального Комитета, после Октябрьской революции был на дипломатической работе). Я. Берзинь часто общался с Владимиром Ильичем, и его воспоминания, изобилующие многими малоизвестными фактами и интересными наблюдениями, помогают лучше узнать обстановку, в которой жил и работал в то время вождь партии.

Владимир Ильич, отмечает Я. Берзинь, начинал свой день с чтения газет и всегда выходил в столовую с большой кипой в руках. «Я как-то задал ему наивный вопрос,— пишет мемуарист,— сколько нужно времени, чтобы прочитать столько газет? Он взглянул на меня с лукавой усмешкой, а потом начал серьезно объяснять: „Чтобы прочитать все это, нужно, наверно, много времени, но нам этого не требуется. Журналист должен уметь читать газеты по-особому. Нужно завести такой порядок: выбрать себе одну газету и в ней прочитать все наиболее важное, потом другие можно просмотреть легко и быстро. Из них берешь только то, что нужно для специальной работы“»⁵¹. После чая В. И. Ленин уходил в свою комнату и садился за работу. Писал 4—6 часов подряд. Если не было никаких заседаний, писал еще долго и по вечерам. Перед сном, как правило, шел на прогулку — один, с Надеждой Константиновной или с кем-либо из товарищей по даче — в лес, к Финскому заливу, а то и вдоль железной дороги. Я. Берзинь, которому случалось гулять с В. И. Лениным, рассказывает о казалось бы необычных для Ильича темах бесед во время этих прогулок — о лесной тишине, о луне, о поэзии, о любви... «Вероятнее всего,— замечает Я. Берзинь,— что эти романтические разговоры начинал я, но мой спутник принимал в них участие. И

помнится, услышав от меня об осложнениях и неудачах в моей личной жизни, он чутко и деликатно утешал меня»⁵².

Несмотря на постоянный контакт с руководящими работниками партии и регулярно поступающую из Питера информацию, В. И. Ленин, по словам Надежды Константиновны, «рвался в Питер»⁵³. Изменив до неузнаваемости свою внешность,— способность, всегда изумлявшая близких,— и соблюдая осторожность, особенно на Финляндском вокзале, где целая свора шпиков сверлила глазами каждого прибывшего из-за границы, В. И. Ленин отправлялся на конспиративную квартиру, где он мог встретиться с нужными товарищами. Такие встречи происходили осенью 1906 г. на квартире литератора Т. И. Семенова (Загородный пр., 5), у родственника Д. И. Лещенко полковника К. Ф. Неслуховского (Малая Гребцкая, 9/5)⁵⁴. Иногда запланированную встречу приходилось отменять. 23 сентября 1906 г. одна из участниц предполагавшейся беседы с В. И. Лениным писала своему товарищу (письмо было перехвачено полицией), что «на вчерашнее собрание было назначено по 10 чел. с каждого района для собеседования с Лениным. Несмотря на все предосторожности, была лишняя публика, ввиду чего Ленину дали знать, чтобы он не приходил, а собрание превратили в отчетное. Каждый район давал сведения о работе»⁵⁵.

Во второй половине 1906 г. партийные работники при встречах и беседах с В. И. Лениным ставили вопрос, более всего волновавший сознательных рабочих: идет ли революция к новому подъему или же, напротив, к полному упадку? Внешнее спокойствие, с которым отнеслись широкие массы народа к разгону Думы, поражение военных восстаний на Балтике и неудача июльской забастовки усилили пессимистическое настроение среди интеллигенции и даже некоторой части рабочих. Вслед за кадетами, уже после декабря 1905 г. отрехшимися от демократического лозунга Учредительного собрания, от настроенной побоевому демократии отошли также правые эсеры, образовавшие в 1906 г. полукадетскую партию народных социалистов и крайне правые элементы среди меньшевиков во главе с П. Масловым и Н. Череваниным. В еженедельнике «Наше дело», начавшем выпускаться в Москве в сентябре 1906 г., Череванин

объявил нелепостью и безумием попытку пролетариата вступить вместе с крестьянством в борьбу «за повластное и всенародное Учредительное собрание». Он рекомендовал пролетариату добиться созыва новой Думы и создания министерства из думского большинства (т. е. кадетов), указывая, что на большее трудно рассчитывать. Даже меньшевики, формально выступавшие за Учредительное собрание, ратовали за союз с кадетами, не допуская мысли о революционной борьбе за установление демократической республики.

Естественно, вождь партии уделял первостепенное внимание исследованию вопроса о перспективах революции в России. «Мы не имеем претензии быть пророками и учесть все возможные исходы из теперешнего, очень сложного политического положения,— писал В. И. Ленин в сентябре 1906 г. в статье «Готовится новый государственный переворот!» — Но социал-демократия обязана строго взвешивать тенденции всех действующих в политике сил, чтобы разумно направлять свою тактику»⁵⁶.

В многочисленных произведениях В. И. Ленина, опубликованных во второй половине 1906 г.⁵⁷ в той или другой степени рассматриваются перспективы революции. «Весь гвоздь теперешнего политического положения действительно в том, предстоит ли нам *новое обострение революционного кризиса*»⁵⁸, — указывал Ленин.

Подавив военные восстания, царское правительство с удесятенной энергией принялось искоренять «крамолу». Карательные экспедиции стали одной из повседневных форм управления страной. Аресты и ссылки приняли массовый характер. Обычным явлением стали казни революционеров. За 8 месяцев существования военно-полевых судов было отправлено на виселицу 1100 человек⁵⁹. Разгрому подвергались профессиональные союзы, закрывались рабочие и крестьянские газеты. Войска были двинуты на подавление крестьянских выступлений.

Наряду с полицейскими мерами правительство предприняло попытку по-своему решить аграрный вопрос, с тем чтобы отвлечь крестьянство от революционной борьбы. 9 ноября 1906 г. по инициативе Столыпина был опубликован указ о праве выхода крестьян из общины и закрепления своего надела в лич-

ную собственность. Сохраняя неприкосновенным помещичье землевладение, столыпинская аграрная реформа была рассчитана на раскол крестьянства и создание в лице кулачества опоры царизма в деревне.

Под влиянием правительственного террора революционное движение во второй половине 1906 г. пошло на спад. В августе — декабре бастовало 190 тыс. рабочих, причем в последние три месяца было лишь 63 тыс. стачечников⁶⁰. Преобладающей формой борьбы становятся экономические забастовки. За улучшение условий труда в конце 1906 г. продолжали борьбу нефтяники Баку, типографские рабочие Саратова, текстильщики Центрально-промышленного района. Вместе с тем и в конце 1906 г. имели место (например, в Харькове, Омске, Луганске) массовые политические выступления пролетариата в связи с годовщиной революционных событий 1905 г.

Аграрное движение, охватившее в мае — августе 1906 г. центрально-земледельческие губернии России, Поволжье, ряд губерний Украины и некоторых других национальных районов, вопреки ожиданиям, не получило дальнейшего развития в последующие месяцы. Сказались и политическая отсталость крестьян, и правительственный террор (в районах страны, объявленных на положении чрезвычайной и усиленной охраны, были размещены войска), и, в какой-то мере, столыпинские аграрные законы. Число крестьянских выступлений сократилось с 1581 в апреле — июле 1906 г. до 733 в августе — декабре⁶¹. Но и в этих условиях продолжались поджоги помещичьих усадеб, захват помещичьих, удельных и казенных лесных угодий. Массовыми стали отказы крестьян от уплаты податей.

Широкий размах приобрели после роспуска Думы действия боевых дружин. Не только большевики, но также эсеры, анархисты и беспартийные активно включались в партизанскую войну против царизма. Хроника петербургских газет изо дня в день сообщала о вооруженных нападениях на склады боеприпасов, о покушениях на видных представителей царской власти, полицейских агентов, провокаторов, черносотенцев. 12 августа 1906 г. эсерами-максималистами было произведено неудачное покушение на Столыпина. На следующий день член летучего боевого отряда партии эсеров З. В. Коноплянникова убила в Петер-

гофе палача Декабрьского вооруженного восстания в Москве, командира лейб-гвардии Семеновского полка генерала Мина. Рассматривая партизанскую войну как одну из форм вооруженной борьбы пролетариата, большевики стремились придать ей максимум организованности и целенаправленности. Наиболее массовый характер партизанская борьба приняла в Латвии. Отряды «лесных братьев», как здесь называли партизан, состояли из рабочих, батраков, ремесленников. Они мужественно боролись против царских властей. Широко велась партизанская борьба в Польше, на Урале, в Грузии.

Таким образом, несмотря на поражение Декабрьского вооруженного восстания, революционный народ не смирился с реакцией. Он собирался с силами, готовился к новым боям, переходя местами в контрнаступление.

Либеральные буржуа, а вслед за ними оппортунисты-меньшевики пытались доказать, будто бы «декабрьское поражение показало несостоятельность позиции, занятой сознательным пролетариатом»: вместо того, чтобы, вырвав у царя манифест 17 октября, удовлетвориться Думой, созванной старой властью, пролетариат развернул борьбу за Учредительное собрание, созванное революционным путем, и потерпел поражение⁶².

Приверженцы парламентских методов, ссылаясь на происходящий спад революционной волны, делали вывод: будущее России на пути реформ в рамках конституционно-монархического режима. «Дума, ее состав и поведение, играют неизмеримо важнейшую роль, чем все призывы и разговоры о вооруженном восстании... — писал меньшевик Ю. Ларин. — *Русская революция не идет путем всенародного вооруженного восстания*»⁶³.

В. И. Ленин выступил в декабре 1906 г. против Ларина со статьей «Кризис меньшевизма». Либералы и оппортунисты обосновывали «предпочтительность» парламентского пути развития России опытом незавершенных западноевропейских революций. Ленинская концепция перспектив революции опиралась прежде всего на анализ хода самой революции и ее итогов. «Задача передового класса в революции — познать верно *направление* борьбы и исчерпать *все* возможности, *все* шансы победы»⁶⁴, — указывал В. И. Ле-

нин. Он напомнил и либералу Бланку и меньшевику Ларину, что общее направление предстоящей борьбы российского пролетариата партия большевиков определила еще в самом начале революции. III съезд партии (апрель 1905 г.) показал, что объективно назревший процесс социально-экономического преобразования России в буржуазно-демократическом направлении благодаря руководящей роли в революции рабочего класса и его союзу с крестьянством может привести к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Ход революции действительно подтвердил правильность прогноза большевистского съезда: гегемоном революции оказался рабочий класс. Под его руководством восставший народ одержал крупные победы, создав подлинно революционные органы власти — Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов.

Размышляя в конце 1906 г. о возможных путях преобразования России в буржуазно-демократическом направлении, В. И. Ленин избегал неосторожных прогнозов. «Аптекарьскими весами не взвесишь того, как уравниваются растущие и переплетающиеся новые контрреволюционные и новые революционные силы деревни. Это вскрыет до конца *только опыт*»⁶⁵. В. И. Ленин полностью не исключал и наихудший для трудящихся масс вариант: буржуазно-демократическая революция окажется незавершенной, и вместо прямого революционного пути развитие пойдет по пути монархической конституции. Еще 30 сентября 1906 г. он писал в «Пролетарии», что если революция после того, как она вырвала у царя манифест 17 октября, «не одержит более ни одной крупной победы, то не может подлежать сомнению, что душеприказчиками российской революции окажутся контрреволюционные буржуа октябристы, — подобно тому, как душеприказчиком половинчатой немецкой революции 1848 года оказался юнкер Бисмарк»⁶⁶. В этом случае партия революционного пролетариата, указывал ее вождь, будет «работать упорно, терпеливо и выдержанно для *социалистической революции...*»⁶⁷

Вместе с тем В. И. Ленин приводил убедительные доводы в пользу гораздо большей вероятности новых открытых выступлений масс с целью доведения демократической революции до полной победы. На это он указывал, в частности, в сентябре 1906 г.: «...Обостря-

ющийся теперь кризис есть не парламентский, не конституционный, а революционный кризис, который решит только сила, который распутает только победоносное вооруженное восстание»⁶⁸. Наибольшую вероятность именно такой перспективы для России В. И. Ленин связывал прежде всего с революционностью многомиллионных масс крестьянства. Доводы Ленина были в высшей степени убедительны. В статье «Кризис меньшевизма» он писал: «Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы»⁶⁹. В. И. Ленин учитывал попытки царизма путем столыпинских аграрных законов подкупить и поставить себе на службу кулачество. Но он предвидел, что эта мера приведет к обратному результату — к распаду деревни на горстку контрреволюционных богачей и на массу бедноты, которая будет искать союза с борющимся против царизма пролетариатом⁷⁰.

Убедительно доказывая неизбежность продолжения революционной борьбы против царизма, притом «в ее высших формах»⁷¹, В. И. Ленин, как уже отмечалось, непосредственно после подавления военных восстаний в Свеаборге и Кронштадте ожидал нового, более массового и мощного выступления в ближайшее время. «Восстания подавлены, но восстание живет, ширится и растет»⁷², — писал он в статье «Перед бурей», опубликованной в качестве передовой в первом номере «Пролетария» 21 августа 1906 г. В. И. Ленин обращал внимание на важную особенность происходящей революции: за каждым ее подъемом следует поражение, но после этого движение становится еще шире, борьба — глубже. «Настроение, по всем признакам, нарастает. Взрыв неминуем и, может быть, недалек»⁷³. Эти мысли, судя по воспоминаниям Г. М. Кржижановского, развивал перед ним Владимир Ильич в беседе, состоявшейся в первой половине августа 1906 г.⁷⁴

Но ожидаемого массового крестьянского выступления осенью 1906 г., как известно, не произо-

шло. Не было в последние месяцы 1906 г. и крупных забастовок в ведущих промышленных центрах страны.

В. И. Ленин, несомненно, учитывал все эти факты. По свидетельству партийных работников, общавшихся с В. И. Лениным в конце 1906 г., он в то время начал склоняться к мысли о том, что революция идет на убыль, и стал задумываться над тем, как лучше подготовиться к отступлению. Член партии с 1898 г. П. Н. Лепешинский вспоминает: «...В 1906 г. (приблизительно в сентябре, вообще в начале осени или в конце лета) за чашкой кофе в кондитерской Филиппова, на Невском, в укромном уголке Ильич сказал мне: «Нужно готовиться к печальному концу, революция на исходе». «Что вы, Ильич,—запротестовал я.—Ведь мы только входим во вкус». Но Ильич не поспешил отказаться от своего пессимистического прогноза»⁷⁵.

Аналогичное свидетельство встречается также в воспоминаниях А. Шлихтера. В середине 1906 г. А. Шлихтер выпустил брошюру, в которой доказывал неизбежность углубления и развития революционного движения. «Как раз по поводу таких моих выводов,—вспоминал Шлихтер,—один из товарищей по петербургской работе (не помню, кто именно) как-то мне сказал: „А знаете, ведь Ильич недавно сказал, что революция кончилась“»⁷⁶. На это же указывает и В. Войтинский. «У меня осталось впечатление,—пишет он,—что от мысли о непосредственной близости восстания мы отошли в конце августа...»⁷⁷

Как видим, все три мемуариста признают, что во второй половине 1906 г. В. И. Ленин приходит к выводу: у революции не хватает еще сил, чтобы свалить царизм. Можно предположить, что именно это обстоятельство объясняет удрученное состояние В. И. Ленина, когда он жил в Куоккале. «Возвращаясь поздно,—вспоминает Н. Крупская,—заставала Ильича всегда озабоченным и ни о чем его уж не спрашивала, больше рассказывала ему о том, что приходилось видеть и слышать»⁷⁸. Я. Берзинь отмечает, что за весь период его пребывания в Куоккале он редко видел Ильича совсем бодрым, еще реже веселым. «По-видимому,—продолжает мемуарист,—его изводили не только головные боли и чрезмерная работа, но и политические затруднения: усиление реакции, ослабление револю-

ционного движения, назревавший раскол внутри партии»⁷⁹.

Такой настрой мыслей В. И. Ленина своеобразно отразился в его публицистике. В середине 1906 г. он еще уверен, и поддерживает эту уверенность среди большевиков, в близости нового революционного взрыва. «Больше смелости, товарищи, — пишет Ленин в августе 1906 г., — больше веры в силу обогащенных новым опытом революционных классов и пролетариата прежде всего, больше самостоятельного почина! Мы стоим, по всем признакам, накануне великой борьбы»⁸⁰. В работах Ленина, написанных некоторое время спустя, встречается новый момент: часто подчеркивается тезис о том, что большевики последними откажутся от непосредственно революционного пути борьбы и перейдут от фронтальной атаки к иным формам борьбы против царизма.

В брошюре, написанной в октябре 1906 г. («Социал-демократия и избирательные соглашения»), В. И. Ленин, отметив, что революционная социал-демократия подчиняет думскую кампанию революционной борьбе за Учредительное собрание и притом борьбе «в ее высших формах», делает следующее примечание: «Революционная с.-д-тия должна *первой* становиться на путь наиболее решительной и наиболее прямой борьбы и *последней* принимать более обходные способы борьбы»⁸¹. В упоминавшейся выше статье «Кризис меньшевизма» (декабрь 1906 г.) В. И. Ленин указывал: «Как сторонники и идеологи революционного пролетариата, мы выполним свой долг до конца, — мы через все измены и подлости либералов, через все шатания, через всю робость и неуверенность мелких буржуа пронесем наши революционные лозунги, — мы исчерпаем действительно до конца *все* революционные возможности, — мы будем гордиться тем, что *первые* вступили на путь восстания и *последние* покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен. И в настоящее время мы далеко, далеко не признаем еще всех революционных возможностей и перспектив исчерпанными. Мы прямо и открыто проповедуем восстание и упорную, настойчивую, длительную подготовку к нему»⁸².

Итак, хотя Ленин, по свидетельству мемуаристов, во второй половине 1906 г. уже предвидел спад революции, он, тем не менее, не спешил снять боевые

лозунги, с которыми партия шла в массы с начала революции. Напротив, пафос статей В. И. Ленина в утверждении того, что революционные марксисты в отличие от ренегатов-кадетов и филистеров-оппортунистов покидают последними путь непосредственно революционной борьбы, покидают лишь тогда, «когда исчерпаны все возможности, когда нет и тени надежды на более короткий путь, когда призыв готовиться к массовым стачкам, к восстанию и т. п. явно теряет почву»⁸³.

Дело в том, что в рассматриваемое время Россия переживала еще период революции «в узком смысле» этого слова. Революционное движение во втором полугодии 1906 г. еще продолжалось. В движение включались рабочие, ранее находившиеся в стороне от активной борьбы, продолжались выступления безработных и крестьян, не прекращалось брожение в войсках. В. И. Ленин, предвидя в ближайшем будущем нарастание нового подъема стихийной народной борьбы против царизма (неизбежность такого подъема коренилась в объективной обстановке России), считал, что партия революционного пролетариата должна упорной, длительной («в течение долгих месяцев, хотя бы даже лет»⁸⁴) работой добиться превращения стихийных вспышек народного гнева в победоносное восстание. «Сознательный пролетариат, — писал Ленин в декабре 1906 г., — будет гордиться тем, что он дольше всех стоял с высоко поднятым знаменем и шел в открытый бой, — гордиться тем, что он падал только под тяжелыми ударами в битве, что он дольше всех делал попытки и звал народ подняться еще раз, ринуться массой и задушить врага»⁸⁵.

В интересах победы грядущего восстания против царизма В. И. Ленин призывает изучать опыт декабрьской борьбы московского пролетариата, извлечь из этого опыта выводы. В написанной в августе 1906 г. статье «Уроки московского восстания» В. И. Ленин формулирует важные положения по вопросам организации и руководства восстанием со стороны пролетарской партии, развивает мысли К. Маркса и Ф. Энгельса об отношении к восстанию как к искусству. Он указывает на необходимость самой энергичной борьбы за колеблющееся войско⁸⁶, подчеркивает необходимость решительных наступательных действий восставших, обращает внимание на изучение и примене-

ние методов партизанской борьбы, выдвинутых в ходе московского восстания. Разработанные в статье положения о восстании как особого рода искусстве получили дальнейшее развитие в 1917 г. в трудах В. И. Ленина предоктябрьского периода: «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Советы постороннего».

Вождь большевистской партии деятельно участвует в подготовке Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе (ноябрь 1906 г.). Конференция, как и предлагал В. И. Ленин, дала отпор попыткам отдельных работников военных и боевых организаций обособить эти организации от общепартийных и высказалась за полное подчинение всей военно-боевой работы политическому руководству общепартийных организаций. Беседуя после окончания конференции с группой большевиков, особенно интересовавшихся военно-боевой работой, В. И. Ленин говорил, что недостаточно технически подготовиться к восстанию, а нужно психологически воспитать боевые кадры и по возможности ту революционную массу, на поддержку которой можно будет рассчитывать в момент выступления⁸⁷.

Большое внимание уделял Ленин развертыванию революционной работы среди железнодорожников. В брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата» он писал: «Все указывают на крайнюю важность железных дорог во всеобщей стачке»⁸⁸. По просьбе московских большевиков Ленин редактировал нелегальную социал-демократическую газету «Железнодорожник»⁸⁹.

В начале декабря 1906 г. член железнодорожного райкома РСДРП в Москве Л. Г. Ханин доставил В. И. Ленину в Куоккалу материалы для второго номера газеты. Владимир Ильич, вспоминая Ханина, спрашивал решительно обо всех сторонах партийной работы. Узнав, что железнодорожники не ведут работы среди крестьян, Ленин заметил: «Это необходимо делать. Ни в коем случае нельзя забывать о работе среди крестьян. Железнодорожникам многих станций это легко делать. Ведь они соприкасаются непосредственно с деревней»⁹⁰.

Мы коснулись здесь лишь отдельных вопросов, которые занимали В. И. Ленина во второй половине

1906 г. в связи с дальнейшей разработкой им теории и практики вооруженного восстания.

В предисловии к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману, которое В. И. Ленин написал 5 февраля 1907 г., имеются следующие строки: «Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе»⁹¹.

Не исключая возможности того, что партии придется временно покинуть путь непосредственно революционной борьбы, Ленин вместе с тем был убежден, что это не будет означать окончания демократического переворота в широком смысле слова, в смысле устранения самой почвы, способной породить буржуазную революцию. Ленин исходил из наличия в стране объективных предпосылок для новых революционных взрывов с целью свержения царизма, ликвидации остатков крепостничества и дальнейшего развития революционного процесса. Он был убежден, что после временной паузы, которая может продлиться месяцы и даже годы, революционные выступления возобновятся.

В свете этого продолжавшиеся революционные выступления масс во второй половине 1906 г. имели большой исторический смысл: они наносили урон противнику и главное — поддерживали в народе революционные традиции, готовили новые отряды борцов к грядущей битве.

3. Во главе первой избирательной кампании большевиков

В. И. Ленин видел задачу марксистской рабочей партии не только в том, чтобы на основе строго научного анализа действительности, учета соотношения классовых сил в стране правильно определить перспективы развития революционного процесса, но и в способности партии развить активность масс и направить их усилия на решение назревших социальных задач.

Летом 1906 г. в условиях продолжавшейся революции, но при отсутствии общего революционного подъема В. И. Ленин считал необходимым в интересах

политического воспитания масс и подготовки их к предстоящим боям против царизма использовать кампанию по выборам во II Государственную думу. Впервые он заявил об этом в конце июля 1906 г. на собрании руководящих партийных работников-большевиков. Оно было организовано Н. К. Крупской в доме известного театрального антрепренера А. Г. Родэ на Крестовском острове. В собрании участвовали также Р. Люксембург и Ф. Э. Дзержинский.

После собрания Ф. Э. Дзержинский сообщил руководству польской социал-демократической партии о намерении Ленина, большевиков «перестать быть бойкотистами»⁹².

В статье «О бойкоте», опубликованной в «Пролетарии» 21 августа 1906 г., Ленин писал: «Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или: «если») она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе — посредством стачки, восстания и т. п.»⁹³.

Решение большевистского центра принять участие в выборах во II Государственную думу вызвало у многих членов партии недоумение: каким образом согласовать новую тактику с верностью большевистскому курсу на подготовку вооруженного восстания как единственному средству добиться решительной победы над царизмом? Глубокое разъяснение было особенно необходимо в связи с тем, что в меньшевистской печати вкривь и вкось толковалась статья В. И. Ленина «О бойкоте»: утверждалось даже, как это сделал Мартов, будто бы согласие большевиков участвовать в Думе означает запоздалое принятие ими меньшевистской тактики⁹⁴.

Л. И. Ружер вспоминает, что после полуторачасового доклада В. И. Ленина на собрании партийных работников (по-видимому, это было во второй половине августа 1906 г.) у него, как и у других присутствовавших, все недоумения исчезли. «Все, что было неясно, стало простым и определенным, наше участие в выборах, — пишет Ружер, — четко связалось как с прошлым — с поражением восстания 1905 г. и с бой-

котом I Думы,— так и с будущим — с использованием выборов и думской трибуны для подготовки новых открытых боев с самодержавием»⁹⁵.

В начале революции, когда только встал вопрос об отношении социал-демократии к представительному учреждению в случае его созыва, большевики (в отличие от меньшевиков, тяготевших к легальной парламентской деятельности вне всякой зависимости от политической обстановки и условий) предлагали оставить этот вопрос открытым, указав, что «все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя»⁹⁶. О том же писал Ленин в ноябре 1906 г. «Мы говорили и говорим: бойкот, не-бойкот — вопрос не принципа, а целесообразности»⁹⁷.

Принимая в июле — августе 1906 г. решение участвовать в предстоящей думской кампании, большевики рассчитывали еще на возможность вооруженного восстания в ближайшее время. Статью «О бойкоте» Ленин закончил боевым призывом противодействовать плану правительства раздробить восстание посредством назначения выборов. «Поддерживая с еще большей силой свои испытанные революционные лозунги, социал-демократия должна приложить все усилия, чтобы сплотить теснее все революционные элементы и классы, чтобы превратить вероятный в ближайшем будущем подъем во всенародное вооруженное восстание против царского правительства»⁹⁸.

Пока еще имелась надежда на возможность восстания в самом ближайшем будущем В. И. Ленин не считал нужным форсировать развертывание агитации в массах в связи с выборами. Примечательно, что после статьи «О бойкоте» вплоть до середины октября 1906 г. В. И. Ленин не опубликовал ни одной работы о предстоящих выборах во II Государственную думу⁹⁹.

В последние месяцы 1906 г. В. И. Ленин в ряде произведений всесторонне разработал парламентскую тактику партии. В брошюре «Социал-демократия и избирательные соглашения» В. И. Ленин показал, что для революционных марксистов участие в парламенте представляет собой одно из средств политической борьбы за освобождение рабочего класса. Это отличает социал-демократов, с одной стороны, от кадетов, стремящихся достигнуть на парламентской почве

сделки со старой властью и возможно быстрее покончить таким путем с революцией, а с другой стороны, от анархистов, вообще игнорирующих парламентскую деятельность.

С началом избирательной кампании во II Государственную думу либеральные буржуа, стремившиеся к быстрейшему завершению революции по «германскому образцу», т. е. при сохранении монархии и помещичьего землевладения, поспешили объявить, что Россия вступает в «немецкий 49-й год» — период конституционно-монархического развития. Кадетские публицисты, выдававшие себя в начале революции за ее сторонников, теперь стали поносить революцию, ее лозунги, ее способы борьбы и восхвалять «мирный», «конституционный» путь развития. «...Борьба парламентская устраняет борьбу революционную», — писал П. Н. Милюков¹⁰⁰. Ссылаясь на изменение реального соотношения сил, кадеты провозгласили лозунг «Бережь Думу во что бы то ни стало», суть которого состояла в стремлении заключить сделку с реакцией¹⁰¹.

Близкой к кадетской была позиция меньшевиков. Не веря в способность рабочего класса и крестьянства свергнуть царизм, меньшевики внушали массам иллюзорную надежду на возможность посредством Думы обуздать царское правительство.

В. И. Ленин показал, что в отличие от меньшевиков, которые исходили из возможности превращения Думы «в революционный орган власти»¹⁰², большевики считали необходимым подчинить избирательную кампанию и участие в Думе делу «организации революции»¹⁰³.

В связи с предстоящими выборами во II Государственную думу еще более обострилась борьба внутри РСДРП между большевиками и меньшевиками. Обе фракции считали нужным пересмотреть решение IV съезда РСДРП, запрещавшее на выборах всякие блоки с другими партиями. Но большевики и меньшевики разошлись по конкретному вопросу: с кем и на каких условиях допустимы для социал-демократов избирательные соглашения.

Выборы в Государственную думу в соответствии с законом от 11 декабря 1905 г. были не прямые, а многостепенные и происходили по куриям: землевладельческой, городской, рабочей и крестьянской. Низ-

шей ступенью в первых двух курнях являлись выборы выборщиков, а в двух последних — выборы уполномоченных, которые из своей среды выдвигали выборщиков. В. И. Ленин уже в статье «О бойкоте» заявил, что «в случае выборов необходимо избирательное соглашение на несколько недель с трудовиками... И мы разобьем тогда кадетов наголову»¹⁰⁴. Конкретизируя это положение, большевики пришли к выводу, что на низших ступенях выборов социал-демократическая партия должна выступать самостоятельно, чтобы в полной мере развернуть перед массами свою программу, а на высших стадиях, когда межпартийная борьба перед массами уже закончится, возможны частные соглашения с эсерами и трудовиками против черносотенных и либерально-буржуазных партий¹⁰⁵.

Среди меньшевиков по вопросу об избирательных соглашениях выявились различные точки зрения. Н. Череванин выступил за соглашение с буржуазными партиями даже на низших стадиях выборов. Полагая, что революция уже закончилась, а идея Учредительного собрания в массы еще не проникла, он предлагал социал-демократии поддерживать новую Думу, блокируясь в ней со всей оппозицией, вплоть до кадетов. Против Череванина выступил в «Товарище» (левокадетская газета) 7 октября Л. Мартов, который отстаивал самостоятельные социал-демократические списки на низших ступенях выборов и соглашение с кадетами на собраниях выборщиков. Г. В. Плеханов в «Открытом письме к сознательным рабочим», опубликованном в том же «Товарище», призывал на предстоящих выборах в Думу «войти в соглашение с другими партиями, желающими бороться с нашим старым порядком», т. е. с кадетами¹⁰⁶.

Орган ЦК РСДРП «Социал-демократ», находившийся в руках меньшевиков, 27 октября 1906 г. заявил о допустимости блоков на первой стадии выборов, не оговорив даже точно, с какими именно партиями. Опубликованный затем 3 ноября 1906 г. «Проект избирательной платформы, предложенный Центральным Комитетом РСДРП» свидетельствовал, по словам В. И. Ленина, о наличии «идейного блока меньшевиков с кадетами»¹⁰⁷. В угоду кадетам в платформе был опущен лозунг республики, не говорилось о необходимости восстания, не давалось классовой оценки политических партий России.

Вопрос о тактике РСДРП в избирательной кампании обсуждался на Второй конференции РСДРП («Первой Всероссийской») 3—7 ноября 1906 г. в Таммерфорсе (присутствовало 32 делегата). Большевикам при поддержке бундовцев удалось 18 голосами против 14 провести резолюцию, допускавшую во всех куриях, за исключением рабочей курии, «местные соглашения с революционными и оппозиционно-демократическими партиями, соответственно местным условиям под общим контролем центральных учреждений»¹⁰⁸. В. И. Ленин выступал на конференции с защитой большевистской тактики, против блоков с кадетами. На своих фракционных совещаниях большевики и поддерживавшие их латышские и польские социал-демократы, как писал позднее В. И. Ленин, «не тратили время на отделку меньшевистской резолюции о блоках»¹⁰⁹. Решения конференции как учреждения совещательного (делегаты конференции были не избраны, а подобраны ЦК) не были обязательными и никого ни в чем не связывали. В. И. Ленин от имени 14 делегатов конференции внес «Особое мнение», в котором лаконично и четко сформулировал большевистскую позицию в думской кампании: допустимость временных соглашений с трудовиками и эсерами как представителями мелкобуржуазной демократии. В этом документе указывалось, что агитационно-пропагандистская деятельность социал-демократии в связи с выборами должна служить повышению сознательности пролетарских масс, уяснению ими лозунгов партии в происходящей революции, ее задач, путей и средств их осуществления. Ленинский документ предлагал социал-демократам разъяснять народу: полную непригодность Думы как орудия осуществления требований пролетариата и крестьянства; необходимость вооруженного восстания, временного революционного правительства и Учредительного собрания; опасность и гибельность для дела революции руководящей роли в освободительном движении либерально-монархической партии кадетов. «Особое мнение» подчеркивало важность использования думской кампании для сближения с крестьянством против кадетов, т. е. для борьбы за гегемонию пролетариата в революции¹¹⁰.

«Особое мнение», внесенное Лениным 6 ноября 1906 г. на Всероссийской конференции РСДРП от

имени 14 делегатов (социал-демократов Польши, Латышского края, Петербурга, Москвы, Центрально-промышленной области и Поволжья), стало большевистской платформой в избирательной кампании.

Избирательная кампания во II Государственную думу началась в ноябре 1906 г. Она разворачивалась, как писал В. В. Воровский в большевистском журнале «Вестник жизни», под гром массовых расстрелов, при полном господстве военно-полицейского произвола¹¹¹. В октябре 1906 г. Сенат внес ряд «разъяснений» к Положению о выборах в Государственную думу, которые еще более ограничивали избирательные права трудящихся (лишены были права участия в выборах рабочие — квартиронаниматели, крестьяне, не обладающие соответствующим земельным цензом). Царские власти рассчитывали таким путем ограничить в Думе представительство левых партий.

В. И. Ленин призывал большевиков в ходе избирательной кампании просто и ясно, доступным языком, без громких фраз и восклицаний, а с фактами и цифрами в руках растолковать массам вопросы социализма и «вопросы происходящей революции»¹¹². «...Участвуя теперь в выборах, — писал Ленин в «Пролетарии» 23 ноября 1906 г., — мы можем и должны раскрыть глаза народу на необходимость борьбы за власть, на тщету кадетской игры в конституцию»¹¹³. Листовка «Кого выбирать в Государственную думу?», написанная В. И. Лениным, напечатанная в приложении к этому же номеру газеты «Пролетарий», а затем трижды выпущенная в Петербурге в виде плаката, явилась образцом убедительной агитации в поддержку революционной социал-демократии. Листовка раскрывала классовые основы, цели и задачи трех главных политических партий, борющихся за влияние на массы: черносотенцев, кадетов и социал-демократов. Она показывала непоследовательность мелкобуржуазных партий (эсеров, трудовиков), колеблющихся между кадетами и социал-демократами, доказывала, что только партия революционного пролетариата последовательно борется за свободу, т. е. за переход всей власти в руки народа и безвозмездную передачу помещичьей земли крестьянам.

В статьях, опубликованных после конференции в ноябре — декабре 1906 г. («О блоках с кадетами»,

«Политическое положение и задачи рабочего класса», «Как относятся к выборам в Думу партии буржуазные и партия рабочая?» и др.), В. И. Ленин показал, что в вопросе о блоках выявились принципиальные различия двух тактик в революции. Большевики, отстаивавшие гегемонию пролетариата в буржуазной революции, выступили за блок с партиями, которые выражали интересы революционно-демократической буржуазии (крестьянства). Меньшевики же, отводившие пролетариату место позади либерально-монархической буржуазии, ратовали за блок с кадетами. В. И. Ленин предлагал рабочим, крестьянам и всем трудящимся сделать, опираясь на опыт самой революции, выбор между двумя тактиками. В «Проекте обращения к избирателям» В. И. Ленин напомнил, что осенью 1905 г., когда во главе боровшегося народа стояли революционные рабочие, правительство шло на уступки. Напротив, лидерство либерально-монархической партии кадетов в I Государственной думе ничего не дало народу¹¹⁴.

В. И. Ленин в статье «О блоках с кадетами», опубликованной 23 ноября 1906 г., квалифицировал тактическую линию меньшевиков на выборах в Думу, как «парламентский кретинизм»¹¹⁵. Их обещания «организовать силы революции внутри Думы» были лишены реального смысла: кадеты не скрывали, что идут в Думу законодательствовать, а не делать революцию. В. И. Ленин писал, что *«каждый шаг меньшевиков в их избирательной кампании уже загрязнен кадетизмом»*¹¹⁶. Новым подтверждением справедливости этой оценки явилась статья Г. В. Плеханова, опубликованная в «Товарище» 24 ноября 1906 г. и привлекавшая внимание широкой общественности. Отвечая на вопрос читателя газеты «Какова могла бы быть общая избирательная платформа левых и крайних левых партий?», вождь меньшевиков ответил: *«Полновластная Дума!»*¹¹⁷.

По этому поводу В. И. Ленин опубликовал 7 декабря 1906 г. в «Пролетарии» статью «Новое сенатское разъяснение». Название статьи сравнивало «разъяснение» Плехановым меньшевистской избирательной платформы («резолуция 18») с «разъяснениями» Сенатом Положения о выборах в Думу. Меньшевистская резолюция, принятая в Таммерфорсе, допускала соглашения с «прогрессивными» пар-

тиями (имелись в виду и кадеты) об общих избирательных списках, но при полной самостоятельности платформы и лозунгов. Плеханов же призвал к движению общей платформы, т. е. к прямому идейному блоку социал-демократов с кадетами. (Заметим, что ЦК РСДРП официально не осудил выступления Плеханова. Впоследствии меньшевистские историки признали, что попытка Плеханова «столкнуться с либеральной буржуазией о проведении общего политического лозунга — „Полновластная Дума“ — сочувствия не встретила...») ¹¹⁸.

В. И. Ленин показал, что Плеханов, выдвинув в качестве «кадетско-социал-демократического» лозунг «полновластная Дума», тем самым отрекся от призыва к борьбе за Учредительное собрание, с которым он выступил в июле 1906 г. Статья Ленина опровергла утверждение Плеханова, будто бы и кадетам, и социал-демократам нужна полновластная Дума или полновластное народное представительство: кадеты не скрывают, что их цель остановить развитие революции, а не доводить ее до конца, до создания полновластного народного представительства, т. е. Учредительного собрания. «Внушая рабочим и всему народу веру в то, что кадеты способны бороться за полную победу революции, Плеханов трижды обманывает народные массы» ¹¹⁹, — указывал В. И. Ленин.

Вывод Ленина опирался на очевидное поправление кадетов со времени I Думы. Конференция кадетской партии, состоявшаяся в конце октября 1906 г. в Москве, решила снять лозунг «полновластная Дума», с которым она выступала на предыдущих выборах, и выдвинуть более приемлемое для правительственного лагеря требование: образование министерства, пользующегося доверием Думы ¹²⁰.

В ответ на предложение Плеханова «Речь» ответила 25 ноября 1906 г., что кадеты согласятся на общую платформу с социал-демократами при условии, что лозунгом избирательной кампании будет «министерство из думского большинства», а не «полновластная Дума». Кадеты, таким образом, заключал В. И. Ленин, «с презрением отвергли руку, протянутую социал-демократом, действовавшим независимо от своей партии и вопреки ее воле» ¹²¹.

Разоблачая оппортунистическую тактику меньшевиков, их тяготение к кадетам, В. И. Ленин вместе

с тем писал в ноябре 1906 г. в статье «Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина», что большевики не считают необходимым полный организационный разрыв с меньшевиками, допуская блок с кадетами. Во-первых, меньшевики только еще становятся на путь практического оппортунизма в больших масштабах. Во-вторых, независимо от того, пойдет ли революция к подъему или же к упадку — «в *обоих* случаях тактика блоков с к.-д. разлетится в прах неизбежно и в не очень далеком будущем»¹²². Этот категорический вывод В. И. Ленин сделал, учитывая недавнее прошлое меньшевиков: после разгона I Думы они, вопреки тяготению к кадетам, вынуждены были войти в блок с революционными партиями и группами, ввиду явной ориентации кадетов на октябристов. В-третьих, наконец, решение меньшевистского ЦК в пользу блока с кадетами не обязывало местные организации проводить эту позорную тактику на практике. В резолюции ноябрьской (1906 г.) конференции РСДРП «Об единстве избирательной кампании на местах» имелся пункт, предложенный В. И. Лениным и принятый конференцией, согласно которому в пределах одной и той же организации все ее члены, независимо от фракционной принадлежности, были обязаны проводить на выборах тактическую линию местного руководящего центра¹²³.

Итак, ведя бескомпромиссную борьбу против оппортунистической тактики меньшевиков, В. И. Ленин все же рассчитывал, что под влиянием критики и развития самой революции меньшевики займут более правильную линию, как это было в октябре — декабре 1905 г., когда они вместе с большевиками стали призывать рабочих к стачке и к восстанию¹²⁴. Не раскола, а укрепления единства между обеими фракциями РСДРП на принципиальной марксистской основе добивался В. И. Ленин. «Не впадая в интеллигентскую нервозность, — писал он, — мы *обязаны* поэтому сохранить теперь партийное единство, полагаясь на поддержку революционного пролетариата, на его здоровый классовый инстинкт»¹²⁵.

Единство РСДРП было особенно важно в интересах отстаиваемой В. И. Лениным тактики «левого блока» на выборах в городской и крестьянской куриях (в рабочей курии соглашение с другими партиями большевики считали безусловно недопустимым).

Объективной предпосылкой для проведения левоблокистской тактики на выборах являлась общая заинтересованность пролетариата и крестьянства в полной победе над царизмом и в ликвидации помещичьего землевладения. События первого периода революции — Октябрьская политическая стачка и Декабрьское восстание, крестьянские и солдатские восстания свидетельствовали о жизненности этого союза революционных сил. Союз левых сил проявился также в совместных политических выступлениях партий и организаций, представлявших пролетариат и крестьянство в Советах в конце 1905 г., в подписании этими партиями и организациями совместных призывов к восстанию после разгона I Думы. Кампания выборов во II Думу открыла перед партией возможность проведения левоблокистской тактики на новом поприще. Тактика «левого блока» на выборах была призвана, как многократно указывал В. И. Ленин, способствовать привлечению на сторону революционного пролетариата мелкобуржуазных слоев города и деревни, которые по несознательности или по традиции шли еще за кадетами, подготовить эти массы к внепарламентским действиям под руководством пролетариата в борьбе за полную победу демократической революции¹²⁶.

Состоявшиеся 7 февраля 1907 г. выборы в Петербурге подвели итог длительной и упорной борьбы большевиков и присоединившихся к ним революционных демократов против кадетов. Опираясь на результаты голосования по отдельным участкам и по городу в целом, В. И. Ленин в статье «Итоги выборов в Петербурге» (написана 9 февраля 1907 г.) сделал важные для дальнейшей деятельности партии выводы. Он отметил прежде всего, что многократные заявления большевиков, начиная с октября 1906 г., об отсутствии в Петербурге черносотенной опасности (тезис, который народники и меньшевики оспаривали вслед за кадетами), оправдались полностью.

В. И. Ленина особенно занимал вопрос о том, в какой степени прямая антикадетская пропаганда большевиков приобщила к политической жизни новые слои населения и привлекла на сторону революционного пролетариата мелкобуржуазные элементы, которые ранее плелись за кадетами. В целом и на сей раз победа на выборах досталась кадетам. Но они

получили значительно меньше голосов, чем в 1906 г. (около 28 800 вместо 40 600 в 1906 г.). Напротив, позиция левых заметно усилилась. Предсказания меньшевиков о поражении левого блока («конечно, левый блок в Петербурге провалится» утверждал, например, меньшевик Н. Иорданский за два дня до выборов¹²⁷) не подтвердились. За левый блок было подано до 17 тыс. голосов, в том числе около 12 тыс. блок отобрал у кадетов и около 5 тыс. избирателей привлек из ранее равнодушной к политике (частично бойкотистской) массы. Эти цифры внушали оптимизм, доказывали способность партии революционного пролетариата побуждать к политической борьбе городскую бедноту и отрывать торгово-промышленных служащих от либеральных буржуа. В. И. Ленин призвал продолжать работу в этом направлении. «Еще одного выборного боя с левым блоком в Петербурге кадеты не вынесут! Они будут разбиты наголову при данном избирательном законе...»¹²⁸.

Тщательно проанализировав данные об итогах выборов по каждому из 12 участков и по городу в целом, Ленин показал, что если бы не штрейкбрехерство меньшевиков (в ответ на создание левого блока меньшевики 28 января призвали избирателей пяти участков воздержаться от голосования под предлогом опасности победы списка черносотенцев), левый блок одержал бы победу не только в Выборгском, но еще в пяти участках — Нарвском, Коломенском, Василеостровском, Александро-Невском, Петербургском. Приведенные В. И. Лениным данные свидетельствовали, что если бы всего по этим пяти участкам достаточно было отвоевать 1573 голоса у кадетов, то левый блок победил бы, завоевал бы весь Петербург.

«...Именно штрейкбрехерство части меньшевиков сорвало избирательную победу левого блока в Петербурге»¹²⁹, — заключил В. И. Ленин.

Избирательная кампания в Петербурге составила, по словам В. И. Ленина, «крупный и самостоятельный этап в истории русской революции»¹³⁰. Петербургские большевики, действуя под непосредственным руководством В. И. Ленина, умело использовали избирательную кампанию во II Государственную думу для повышения классового сознания пролетарских и демократических масс столицы, для изоляции кадетов и подготовки масс к борьбе против царизма.

Ленинская тактика в избирательной кампании стала образцом революционного использования выборов, назначаемых и проводимых реакционной властью, в интересах классового просвещения и воспитания пролетариата, в целях пробуждения и вовлечения в освободительную борьбу политически отсталых масс трудящихся. Эта тактика, обогащенная большевиками в последующих избирательных кампаниях, происходивших в условиях царизма, а также в 1917 г. при господстве буржуазии, стала достоянием зарубежных коммунистических партий. Она с успехом применялась компартиями с учетом конкретных условий в демократических и социалистических революциях в странах Европы и Азии.

Рост сил социализма и дальнейшее углубление общего кризиса капитализма позволяют компартиям капиталистических стран широко использовать ленинскую тактику революционного парламентаризма в интересах борьбы за демократию и социализм.

7 ГЛАВА

Х. М. АСТРАХАН

В ДНИ ВТОРОЙ ДУМЫ

1. Воздействие на социал-демократическую фракцию

Итоги выборов во II Государственную думу интересовали В. И. Ленина прежде всего в плане проверки правильности сделанного им ранее вывода о том, что освободительное движение в России идет не по пути «мирного», «конституционного» развития, а к новым, открытым революционным выступлениям масс с целью свержения царизма. Уже в процессе выборов в Думу, учитывая их предварительные результаты, В. И. Ленин стремился заранее представить, каким будет состав будущей Думы. Ознакомившись по газете «Речь» от 7 февраля 1907 г. с данными о 217 членах новой Думы (всего было избрано 518 депутатов), В. И. Ленин констатировал в написанной в тот же день статье, что эти данные «рисуют ясно состав второй Думы, рисуют ясно складывающуюся у нас на глазах политическую ситуацию»¹. Суть ситуации В. И. Ленин лаконично определил в заголовке статьи: «Вторая Дума и вторая волна революции». Предварительные итоги выборов позволили ему сделать вывод: «Перед нами, несомненно, более левая Дума, чем предыдущая»². Так оно и оказалось. При увеличении в ней по сравнению с I Думой числа крайне правых депутатов (численность их достигла 54 человек) гораздо более усилились в новой Думе позиции левых партий. Социал-демократы, социалисты-революционеры, трудовики были представлены во II Думе 222 депутатами, вместо 115 в I Думе. Это свидетельствовало о росте и укреплении революционного созна-

ния среди широких народных масс. «В результате, — писал В. И. Ленин, — новая, еще более левая, Дума, и впереди — новый, еще более грозный и более несомненный *революционный* кризис»³. Имея в виду поражение на выборах кадетов (вместо 179 депутатов в I Думе они провели во II Думу лишь 98 депутатов), Ленин в статье «Вторая Дума и задачи пролетариата» (февраль 1907 г.) отметил, что поражение партии, пытающейся примирить народ с царизмом, — еще одно свидетельство того, что «вера в мирный путь подорвана у народа»⁴.

В статье «Вторая Дума и вторая волна революции» В. И. Ленин с удовлетворением констатировал: «Дума получается именно такая, как мы рисовали ее в полемике с меньшевиками...»⁵. Меньшевики, напоминал он, делали все (вплоть до раскола с.-д. организации в Петербурге), чтобы создать сплошную либеральную Думу, но ничего у них не вышло. Располагая сведениями менее чем о половине депутатов будущей Думы, Ленин, как вскоре стало очевидно, охарактеризовал ее совершенно точно: «Это — Дума резких крайностей, Дума размытой революционным потоком умеренной и аккуратной середины, Дума Крушеванов* и революционного народа»⁶.

Предвидя состав будущей Думы, В. И. Ленин разрабатывал соответствующую линию поведения большевиков. «Большевистская социал-демократия, — указывал он, — высоко поднимет в этой Думе свое знамя и скажет массе мелкобуржуазных демократов, — как сказала она ей на петербургских выборах: выберите между кадетским торгашеством со Столыпинными и совместной борьбой в рядах народных масс!»⁷

В статье выражалась уверенность в неизбежности нового массового революционного подъема. «Мы с восторгом, — писал Ленин, — приветствуем приближающуюся волну стихийного народного гнева. Но мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы новая борьба была как можно менее стихийной, как можно более сознательной, выдержанной, стойкой»⁸. Он подчеркивал недопустимость каких бы то ни было преждевременных призывов. «Борьба в самой острой форме без-

---

* П. А. Крушеван — издатель черносотенной газеты «Бессарабец», организатор Кишиневского погрома (1903 г.) и один из главарей черносотенного «Союза русского народа».

условно неотвратима. Но именно потому, что она неотвратима, нам не к чему форсировать, подгонять, подхлестывать ее»⁹. Эти слова В. И. Ленину пришлось вскоре, 23 февраля, вновь привести в статье «О тактике оппортунизма», с тем чтобы каждый мог убедиться, сколь несправедлив Г. В. Плеханов, обвиняя большевиков в желании принять бой «теперь же», в стремлении «идти напролом»¹⁰.

Большевики всемерно поддерживали стачечное движение, развернувшееся весной 1907 г. на предприятиях Петербурга, Москвы, Баку, и крестьянские выступления, также участвовавшие в это время. Но эти выступления не переросли в общенародную борьбу за свободу. Царизму удалось овладеть положением. Решающие бои отодвигались в будущее. В статье «Вторая Дума и задачи пролетариата» В. И. Ленин призвал рабочий класс «готовить более и более широкие массы народа к великому, отчаянному бою за свободу»¹¹.

Специально вопрос о думской тактике социал-демократии рассматривался на третьей сессии конференции Петербургской социал-демократической организации 12 февраля 1907 г. в Териоках. В. И. Ленин, выступивший с докладом по этому вопросу, указал, что думская тактика большевиков определяется, во-первых, нарастанием в стране не конституционного, а революционного кризиса и, во-вторых, тем, что совершить революцию способен только пролетариат, если он окажется в состоянии перетянуть к себе массу крестьянства. «С.-д. в Думе должны поступать так,— говорил В. И. Ленин,— как мы поступали на выборах в Петербурге: выкидывать свое революционное знамя; заставлять колеблющуюся мелкую буржуазию выбирать между нами и к.-д.; в моменты решительных выступлений не отказываться от частичных соглашений, от случая к случаю, с теми мелкобуржуазными демократами, которые пойдут за нами и против черных и против к.-д.»¹². Эти положения В. И. Ленин развил в проекте резолюции «О тактике с.-д. в Государственной думе» для V съезда РСДРП и принятой им.

Разработанная В. И. Лениным тактика была направлена, таким образом, на использование социал-демократами Думы как трибуны для пропаганды социалистических и демократических требований пролетариата, для политического воспитания народа, для

дальнейшего разоблачения конституционных иллюзий, распространяемых кадетами, для привлечения мелкобуржуазной демократии на сторону революционного пролетариата.

В известной степени новым для партии был вопрос об отношении ее представителей в Думе к мелкобуржуазным партиям. В I Думе социал-демократическая фракция существовала меньше одного месяца. К тому же из-за засилья меньшевиков фракция действовала недостаточно последовательно. Во II Думе оказалось 48 социал-демократов и 6 сочувствовавших партии. Необходимо было заранее определить их позицию в отношении других думских фракций.

12 февраля 1907 г. на конференции Петербургской социал-демократической организации один из ее участников поставил вопрос о том, «не следует ли ограничить соглашения с революционной демократией исключительно боевыми моментами в смысле восстания или забастовки и не нужна ли в таких случаях общая и единая революционная организация?»¹³. В. И. Ленин в связи с этим указал, что только проводя принципиальную политическую линию и сохраняя свою самостоятельность, партия революционного пролетариата сможет привлечь на свою сторону способных к продолжению борьбы против царизма мелкобуржуазных демократов. В. И. Ленин напомнил, что создание левого блока в Петербурге и вступление в него народников стало возможным только благодаря проведению большевиками своей последовательно революционной линии. «Понятно, — добавил при этом В. И. Ленин, — что с.-д., выступив в Думе по известному вопросу против кадетов, *не смогут* отказаться от соглашений с левыми, если левые пойдут в этом вопросе за с.-д. ...»¹⁴

20 февраля 1907 г. в Петербурге начала работу II Государственная дума. «Только что вернулась с живой и внушительной демонстрации: встречи депутатов возле Таврического дворца несметными толпами народа, — писала А. М. Коллонтай. — Картина красивая, яркая; на редкость ясный и солнечный день; много бодрости, непривычного для Петербурга веселья и какого-то радостного ожидания. ...В прошлом году толпа была серая, сдержаннее и значительно малочисленнее». Должностных лиц, отмсчала А. Коллонтай, толпа встречала насмешками, свистками, а

депутатов, особенно социал-демократов — радостным «ура»¹⁵.

Возможно, в первые дни работы Думы В. И. Ленин находился в Петербурге. В начавшей выходить здесь 20 февраля 1907 г. легальной большевистской газете «Новый луч» была помещена написанная В. И. Лениным в тот же день статья «Открытие второй Государственной думы». Другая его статья «Первый важный шаг», написанная 21 февраля, также попала в вышедший в этот день номер газеты. В последующих же номерах газеты (она выходила до 27 февраля 1907 г.) ленинские статьи публиковались только на второй день после их написания.

Тщательный анализ результатов голосования на выборах, сопоставление этих данных с выборами в I Думу, учет других объективных факторов экономического и политического порядка — все это позволило В. И. Ленину дать в небольшой, написанной как бы на одном дыхании статье «Открытие второй Государственной думы» живую, впечатляющую характеристику всех уровней социального здания тогдашней России, показать, какие громадные перемены при кажущейся неподвижности политической поверхности произошли в расстановке классов и партий со времени выборов в I Думу. «Поправление верхов, полевые низы, обострение политических крайностей»¹⁶ — так определял В. И. Ленин суть перемен, происшедших в стране за год. Политическая перегруппировка классов, замечает он, так глубока, что ни военно-полевые суды, ни сенатские «разъяснения» избирательного закона, лишившие права участвовать в выборах десятки тысяч людей труда, ни потоки кадетской лжи — ничто не могло помешать отражению этой перегруппировки в Думе.

В доказательство безусловного роста политического сознания народных масс В. И. Ленин привел бесспорные факты: рабочая курия в целом по России избрала в подавляющем большинстве социал-демократов, мало эсеров и совсем ничтожное количество представителей иных партий; крестьянство отвернулось еще решительнее от кадетов; несомненен был также поворот влево от кадетов городской мелкобуржуазной демократии.

Твердо веря в конечную победу революции, В. И. Ленин призвал социал-демократическую фрак-

цию проявить себя в Думе авангардом всей демократии. «Отделиться от всех мелкобуржуазных слоев и прослойки,— указывал Ленин,— нам надо,— но не для того, чтобы замкнуться в якобы гордом одиночестве (это значило бы на деле помочь либеральным буржуа, пойти в хвосте за ними), а для того, чтобы освободить себя от всяких колебаний, от всякой половинчатости и уметь *вести за собой* демократическое крестьянство»¹⁷.

В. И. Ленин, разумеется, предвидел трудности, с которыми столкнутся большевики при проведении последовательной революционной линии в Думе: среди 54 членов социал-демократической фракции (она оформилась 18 февраля) было 33 меньшевика и 3 сочувствовавших им, 15 большевиков и 3 сочувствовавших. Во II Думе, а затем и в III и IV Думах, отмечал позднее В. И. Ленин, «наблюдалось *несоответствие* между воззрениями, взглядами, направлением *большинства* социал-демократии и ее думского представительства»¹⁸. Дело в том, что большевики проходили в Думу преимущественно голосами рабочих. Избирательный же закон крайне ограничивал возможности представительства рабочего класса в Думе: у помещиков один выборщик приходился на 2 тыс. избирателей, у крестьян — на 30 тыс., у рабочих — на 90 тыс. В результате на губернском или городском собрании выборщиков от всех курий, на котором избирались члены Думы, выборщики от рабочих оказывались небольшой группой, лишь в редких случаях имевшей возможность повлиять на исход выборов (в Москве, например, 160 выборщиков-кадетов, получивших в городской курии 21 тыс. голосов, послали в Думу 4 депутатов и не дали возможности провести в Думу ни одного из 16 выборщиков, представлявших 75 тыс. рабочих). Две трети депутатов-большевиков (11 из 18) были избраны от рабочей курии крупнейших промышленных центров. У меньшевиков лишь третья часть депутатов была избрана рабочими (преимущественно непромышленных районов), а две трети прошли в Думу голосами выборщиков от городской, крестьянской и даже землевладельческой курий. Именно мелкобуржуазным слоям населения и были обязаны меньшевики своим преобладанием в с.-д. фракции. Так, представители кавказских меньшевиков во главе с И. Г. Церетели оказались в Думе толь-

ко благодаря голосам мелкой буржуазии, а не пролетариата (это признавали даже сами меньшевики).

В. И. Ленин лично напутствовал большевиков, которым партия доверила впервые выступать от ее имени на поприще парламентской деятельности. Утром 18 февраля 1907 г. к нему в Куоккалу явилась сопровождаемая А. А. Богдановым группа депутатов-большевиков. В их числе были питерский рабочий с Охтинского завода И. А. Петров, 26-летний токарь Сормовского завода И. Р. Романов, тех же лет рабочий В. А. Чашин (Пермская губерния), рабочие-текстильщики Н. А. Жиделев и А. П. Вагжанов (первый из Владимирской губернии, второй — из Тверской), рабочие В. М. Серов, Е. А. Петров (они были избраны от городской курии). В. Чашин вспоминает, что когда они вошли в комнату В. И. Ленина, он принял их просто и весело, по-товарищески поздоровался с каждым. «Владимир Ильич говорил с нами о предстоящей работе социал-демократической фракции в Думе, определил отношение социал-демократов к буржуазным партиям, классовые задачи пролетариата в период буржуазно-демократической революции и подробно останавливался на вопросах тактики социал-демократов в Государственной думе. Владимир Ильич подробно охарактеризовал отношение меньшевиков к Думе, называя их «кадетообразными», указывая на их измену рабочему классу»¹⁹.

Между В. И. Лениным и депутатами был установлен прочный контакт. Н. К. Крупская вспоминает: «Депутаты II Думы довольно часто приезжали в Куоккалу потолковать с Ильичем»²⁰.

Меньшевики намеревались и в Думе ориентироваться на поддержку кадетов, как они это делали во время выборов. 12 февраля П. Б. Аксельрод сообщал Г. В. Плеханову, что на состоявшихся в Териоках совещаниях меньшевистской части ЦК и руководства меньшевистской организации Петербурга он настоял на том, чтобы с.-д. фракция в Думе «сделала настойчивую попытку объединить оппозицию, начиная с кадетов и кончая эсерами, на почве выступления в Думе...»²¹ Следуя концепции «общенациональной революции», которая, как указывал В. И. Ленин, затушевывала вопрос о борьбе классов в революции²², меньшевики игнорировали различия между кадетами, стремившимися к прекращению революции, и партия-

ми городской и крестьянской мелкобуржуазной демократии (трудовики, энесы, эсеры), заинтересованными в дальнейшем ее развитии. Из письма П. Б. Аксельрода Г. В. Плеханову от 18 февраля 1907 г. видно, что за с.-д. фракцией было решено сохранить «полную самостоятельность, стараясь, чтобы она оказывала возможно большее влияние в обе стороны — на кадетов и на народническо-эсеровские элементы»²³. Н. Череванин еще 14 февраля писал в журнале московских меньшевиков «Дело жизни»: «Возможно, что, несмотря на все усилия, нам все-таки не удастся действовать совместно с кадетами в борьбе с реакцией, но употребить все усилия для этого мы должны».

Послушная указаниям меньшевистского ЦК социал-демократическая фракция вопреки протестам депутатов-большевиков стала ориентироваться на кадетов. 18 февраля на первом же заседании меньшевистское большинство фракции провалило предложение депутатов-большевиков о создании информационного бюро левых фракций и решило войти в общеопозиционное бюро, в котором были бы представлены не только кадеты, но и народовцы — реакционная националистическая партия польских помещиков и буржуазии. 19 февраля депутаты-меньшевики приняли участие в многолюдном совещании всех оппозиционных фракций на квартире кадета П. Д. Долгорукова и согласились поддержать кандидатуру кадета Ф. А. Головина на пост председателя Думы.

В. И. Ленин был хорошо осведомлен о положении дел в социал-демократической фракции и исключительно оперативно откликнулся на происходившее в Таврическом дворце. В статьях «Первый важный шаг», «Имеют ли право меньшевики вести политику поддержки кадетов?», «Мелкобуржуазная тактика», «Устроители раскола о будущем расколе», опубликованных в «Новом луче» 21—24 февраля, В. И. Ленин всесторонне и аргументированно критиковал действия социал-демократической фракции, указывая, что фракция ни в коем случае не должна была голосовать за кадетского кандидата в председатели, не должна была участвовать в совещаниях с кадетами и народовцами. Липия поведения фракции, отмечал Ленин, противоречит партийным решениям. Ведь в официальной избирательной платформе ЦК РСДРП осудил

кадетскую политику, а теперь направляемая им социал-демократическая фракция искусственно воссоздает в Думе кадетскую гегемонию. От имени большевиков В. И. Ленин требовал от социал-демократической фракции разрыва с прокадетской политикой. «Либо кадетообразная политика, — писал В. И. Ленин, — и тогда на деле социал-демократы превращены в придаток либералов. Либо политика революционной социал-демократии, и тогда мы начинаем не с поклона кадетам, а с открытого выкидывания *своего* знамени. Тогда мы не ходим к кадетам. Тогда мы зовем мелкобуржуазную и особенно крестьянскую демократию на бой и с черными и с либералами»²⁴.

В связи с появлением в газете петербургских меньшевиков «Русская жизнь» 23 февраля статьи Г. В. Плеханова «По поводу новой Думы», в которой социал-демократическим депутатам предлагалось «сделать своим» требование «ответственного министерства»²⁵, В. И. Ленин счел необходимым детально разобрать его доводы. В статье «О тактике оппортунизма», опубликованной в «Новом луче» 24 февраля, В. И. Ленин показал, что этот лозунг, выдвинутый некогда либеральной буржуазией и поддержанный меньшевиками еще в I Думе, приносит в жертву либералам «*коренные интересы* демократии и всей нашей революции»²⁶. В. И. Ленин указывал, что хотя во II Думе кадеты, поддавшись вправо, временно сняли лозунг «ответственного министерства», социал-демократы обязаны продолжать выступать против этого заведомо рассчитанного на неполную победу революции лозунга²⁷.

Ленинская критика социал-демократической фракции, поддержанная Петербургским комитетом и пролетарскими массами, заставила меньшевистское большинство фракции отказаться от односторонней ориентации на кадетов. Впервые это проявилось при обсуждении фракцией ответа на правительственную декларацию, с которой должен был выступить во II Думе Столыпин.

25 февраля кадетская фракция постановила отнестись к декларации «молчаливо, не выражая ни доверия, ни недоверия, и перейти к рассмотрению текущих вопросов». Под лозунгом «бережения Думы» кадеты убеждали левые фракции ответить молчанием на правительственную декларацию, что означало бы го-

товность примириться с властью. Народнические фракции поддались уговорам кадетов. Склонялись к этому и некоторые влиятельные меньшевики. Но депутатам-большевикам удалось настоять на самостоятельном выступлении фракции с ответом Столыпину. В. И. Ленин в статье, написанной 27 февраля, горячо приветствовал решение фракции и составил проект ответной декларации²⁸. В этом документе, написанном в виде воззвания к народу, сжато и ясно разоблачалась антинародная политика царизма, пронизательно указывалось, что власти готовят разгон Думы, подчеркивалось, что только сам народ своей самоотверженной борьбой сможет завоевать землю и волю.

6 марта 1907 г. в Думе выступил с правительственной декларацией П. А. Столыпин. Он изложил программу «либеральных» реформ (неприкосновенность личности, свобода вероисповеданий, расширение компетенции земских органов самоуправления и др.), которые правительство намеревалось осуществить «по воле монарха».

С ответом Столыпину 6 марта 1907 г. от имени социал-демократической фракции выступил меньшевик И. Г. Церетели. Выступление это было весьма ответственным, и потому что оно было первым самостоятельным заявлением РСДРП во II Думе, и потому, что оно оказалось единственным: поддавшись влиянию кадетов, народнические фракции заняли двусмысленную позицию молчания в отношении декларации самодержавного правительства. Однако в декларации социал-демократической фракции, прозвучавшей с видной для всей России трибуны, не было заявлено о самом главном — о целях и стремлениях партии революционного пролетариата. Декларация обошла вопрос о конечных целях социал-демократии, об основных требованиях рабочего класса. Если в I Думе социал-демократическая фракция нашла в себе смелость заявить, что «рабочий класс ведет борьбу за свое полное освобождение от ига капитала», то в декларации, прочитанной Церетели 6 марта, слово «социализм» даже не упоминалось. В самом общем виде указывалось на необходимость «разрешения земельного вопроса», но слова «без выкупа» были опущены. Говорилось о важности «открытия простора борьбе пролетариата», но отсутствовало требование 8-часового рабочего дня.

Оппортунистическая направленность декларации особенно отчетливо проявилась в общеполитической части. Не выдвигая требования созыва Учредительного собрания, декларация призывала к поддержке народом Государственной думы в ее шагах, направленных на «подчинение себе исполнительной власти». Формула эта означала, что меньшевики вслед за кадетами признали поражение революции и добивались лишь ответственного перед избранной по антидемократическому избирательному закону Государственной думой буржуазного правительства.

Но даже «укороченная» декларация социал-демократической фракции вызвала в Думе настоящий скандал. Столыпин сравнил поведение социал-демократов с требованием экспроприаторов: «Руки вверх!» и бросил им вызывающе: «Не запугаете». Правые устроили Столыпину овацию²⁹.

В. И. Ленин настойчиво призывал социал-демократическую фракцию ориентироваться в своей деятельности не на либералов, а на народные массы, противопоставляя в думских дебатах и голосованиях революционную линию попыткам кадетов столковаться с царизмом. «...Мы должны выставлять свои, не либеральные и не мелкобуржуазные, а социал-демократические законопроекты, писанные не канцелярским, а революционным языком, и ставить их на голоса. Пусть их провалят и черные, и к.-д. Тогда мы переходим к беспощадной критике кадетского проекта и к систематическому внесению поправок. Кончены поправки,— мы воздерживаемся при голосовании кадетского проекта в целом, предоставляя кадетам бить черных и не беря на себя ответственности перед народом за убожество и пошлость кадетского лжедемократизма»³⁰.

Так в нескольких предложениях В. И. Ленин сформулировал тактику социал-демократической фракции в Думе, с тем чтобы деятельность этого отряда партии, посланного для работы во вражеский стан, принесла бы максимальную пользу развитию классовой борьбы пролетариата в интересах свободы и социализма. Правильность этой тактики доказала история социал-демократической фракции во II Думе: сами обстоятельства вынуждали меньшевистское большинство фракции, хотя и непоследовательно, но действовать так, как этого требовал вождь большевиков.

Вот некоторые факты. На другой же день после выступления И. Г. Церетели с декларацией, ориентированной на союз с кадетами, между последними и социал-демократами произошел первый конфликт. В связи с начавшимся 7 марта обсуждением в Думе продовольственного вопроса (в 40 губерниях страны из-за неурожая масса населения голодала), социал-демократическая фракция (особенно депутаты-большевики) предложила передать в руки самого народа организацию дела помощи голодающим. Кадеты, демонстрируя свою лояльность к властям, вместе с крайне правыми провалили предложение социал-демократов.

Противоположные позиции заняли также фракции социал-демократов и кадетов по вопросу об оказании помощи безработным (в Петербурге, например, насчитывалось в то время 12 тыс. безработных, в Одессе — 8 тыс., Варшаве — 15 тыс., в Баку — 8 тыс.). Кадеты в угоду властям предложили не оказывать помощь рабочим, лишившимся работы «по своей собственной вине», т. е. участникам политических забастовок, уволенным по этой причине с работы. Социал-демократы решительно выступили против кадетов, привлекли на свою сторону фракции народников (эсеры и народные социалисты) и сорвали предложение кадетов. Это была одна из немногих побед, одержанных социал-демократами в Думе благодаря изоляции кадетов и поддержке народников.

В. И. Ленин формально не состоял экспертом при думской социал-демократической фракции. Многократные обращения в ЦК депутатов-большевиков с требованием включить Владимира Ильича в подготовительную комиссию при социал-демократической фракции неизменно под всякого рода предлогами отклонялись³¹. Но с полным основанием можно сказать, что если деятельность фракции, несмотря на ряд допущенных ею ошибок, в целом имела определенное революционизирующее значение, то в этом была огромная заслуга В. И. Ленина. На конференции Петербургской организации 25 марта 1907 г. В. И. Ленин избирается ее представителем в социал-демократической фракции Думы³². Это было признанием роли В. И. Ленина в руководстве фракцией.

Воздействие В. И. Ленина на позицию фракции сказалось в ее отношении к бюджету и аграрному

вопросу. 25 марта в «Пролетарии» Ленин поместил статью «Основы сделки», в которой обратил внимание на туманные намеки и недомолвки в публичных речах министра земледелия Б. А. Васильчикова, кадета Н. Н. Кутлера и в статьях «Речи». Вывод Ленина: на почве предстоящего обсуждения в Думе бюджета и аграрного вопроса готовится сделка между правительством и кадетами³³. Ленин выражал уверенность, что социал-демократы встанут во главе всех революционных элементов Думы, раскроют «трудоикам глаза на позорное предательство, совершаемое либерально-монархической буржуазией»³⁴.

По воспоминаниям депутата А. А. Шпагина, В. И. Ленин помог депутатам-большевикам подготовиться к выступлению в Думе при обсуждении бюджета³⁵. По предложению большевиков, социал-демократическая фракция голосовала против бюджета, разоблачив перед всей страной беззастенчивое разграбление правительством народного достояния и использование полученных им таким путем средств против народа. В. И. Ленин в статье «Дума и утверждение бюджета» (27 марта 1907 г.) в целом одобрил действия фракции. «...С.-д. поступили правильно, — писал он, — внеся ясную, прямую, отчетливую декларацию о недопустимости для социал-демократов утверждать бюджет, подобный российскому»³⁶. Социал-демократов, однако, поддержали только эсеры. Трудовики и народные социалисты пошли за кадетами, что позволило последним провалить предложение фракции.

Разногласия в социал-демократической фракции вновь обострились в связи с подготовкой к обсуждению аграрного вопроса. Меньшевики в соответствии с решением информационного бюро фракций центра и левого фланга решили выступить с изложением программных установок партии по земельному вопросу, не полемизируя с другими партиями, и направить удар только против правительства и правых, отстаивающих неприкосновенность помещичьего землевладения. Большевики же считали необходимым дать также бой и кадетам, разоблачить помещичью сущность их программы отчуждения земли по «справедливой оценке».

Прения по аграрному вопросу открылись в Думе 19 марта 1907 г. Первый же оратор, выступивший от кадетской партии, — Н. Н. Кутлер повел атаку глав-

ным образом против левых фракций, противопоставив им проект земельной реформы кадетской партии, выгодный помещикам (выкуп крестьянами земли, максимально возможное сохранение помещичьих хозяйств). В статье «Мягко стелют, да жестко спать», опубликованной 25 марта в № 1 большевистской газеты «Наше эхо», В. И. Ленин, детально разобрал речь Кутлера, заключает: «С.-д. и трудовики говорили в Думе за крестьян. Правые и кадеты — за помещиков. Это — факт, и никакие увертки и фразы не скроют его»³⁷. Явное смыкание кадетов с крайне правыми партиями вынудило меньшевистскую часть фракции согласиться с предложением большевиков и дать бой не только правым, но и их союзникам — кадетам. В. И. Ленин написал (между 21 и 26 марта) проект текста речи по аграрному вопросу для выступления представителя фракции в Думе. В этом документе В. И. Ленин раскрыл позиции четырех главных партий (правых, кадетов, трудовиков, социал-демократов) по аграрному вопросу, уделив особенно большое внимание разоблачению антидемократизма кадетов в этом вопросе.

В «Проекте речи» были выдвинуты три вопроса, уяснение которых крестьянами В. И. Ленин считал особенно важным: 1) необходимость передать 70 млн. десятин помещичьих земель крестьянам; 2) проведение передачи земли крестьянам без всякого выкупа; 3) установление демократического государственного строя, особенно избрание всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием земельных комитетов как важнейшее условие осуществления аграрной реформы³⁸.

В заключительной части документа указывалось: «У крестьян нет и быть не может иного средства добиться осуществления своих справедливых требований, как присоединение к сознательному, борющемуся под красным знаменем международной социал-демократии, пролетариату»³⁹.

Написанный В. И. Лениным текст речи был частично использован выступившим 5 апреля в прениях по аграрному вопросу представителем с.-д. фракции. Умело пропагандировал основные положения «Проекта речи...» депутат-большевик В. Серов, часто бывавший у В. И. Ленина в Куоккале. Выступления большевиков в Думе способствовали широкому рас-

пространению ленинских идей по аграрному вопросу, формированию у крестьян революционного сознания. Левые группы и партии (социал-демократы, эсеры, трудовая группа и народные социалисты) выступали за принудительное отчуждение помещичьей земли в интересах крестьянства. Но 26 мая 1907 г. блок кадетов и правых 238 голосами провалил предложение левых, собравшее 191 голос. Законопроект был передан в комиссию, где и остался без всякого движения.

Итак, разработанная В. И. Лениным и проводившаяся в жизнь депутатами-большевиками левоблокнистская тактика благотворно сказывалась на деятельности всей социал-демократической фракции II Думы. Как было показано, в тех случаях, когда под давлением большевиков фракция занимала определенно антикадетскую позицию, она увлекала за собой левые элементы Думы — эсеров и трудовиков. «Социал-демократии, — заявил Ленин на V съезде РСДРП, — пришлось идти против предательского либерализма, пришлось «бить вместе» с трудовиками и народниками: вторая Дума окончательно установила это преобладание большинством думских голосований»⁴⁰. Вопреки планам меньшевиков, выступавших за создание «общенационального оппозиционного блока» с участием кадетов, во II Думе восторжествовала левоблокнистская тактика большевиков⁴¹.

2. В борьбе за V съезд РСДРП. Победа большевиков на съезде

Разработка парламентской тактики социал-демократии и борьба за проведение этой тактики в ходе выборов во II Государственную думу и в самой Думе, как мы видели, больше всего занимали В. И. Ленина в период междудумья — в последние месяцы 1906 г. и в начале 1907 г. Но это была далеко не единственная проблема, привлекавшая тогда его внимание.

Владимир Ильич обобщал различные формы революционной борьбы российского пролетариата в 1905—1906 гг., анализировал, в частности, опыт партизанской войны как одной из форм вооруженной борьбы пролетариата (статья «Партизанская война»)⁴². Он продолжал интенсивную научную и литературную деятельность. Под редакцией и с предисловием В. И. Ленина в начале 1907 г. вышел сборник

писем Маркса к Кугельману, а вскоре с его предисловием — сборник писем Маркса и Энгельса к Зорге⁴³. «Политика Маркса в сравнительно бурные 1860-ые годы, — писал В. И. Ленин, — очень и очень часто должна служить прямым образцом для политики социал-демократа в современной русской революции»⁴⁴.

Во второй половине 1906 г. В. И. Ленин возобновил углубленные занятия философией. Он написал работу «в размере трех тетрадок», в которой критиковал книгу А. А. Богданова «Эмпириомонизм» и защищал философию марксизма⁴⁵. К сожалению, эта работа затерялась. Не сохранились и статьи, написанные В. И. Лениным в Куоккале зимой 1906 — 1907 гг. для подготавливавшейся, но не вышедшей большевистской «Социал-демократической энциклопедии»⁴⁶. В. И. Ленин делает критические заметки на книге Н. А. Рожкова «Судьбы русской революции», вышедшей в начале 1907 г. Признавая ближайшей задачей российского пролетариата доведение до конца демократической революции, Н. А. Рожков, вопреки большевистской концепции, развитой в «Двух тактиках», отрицал возможность перерастания в ближайший обозримый период демократической революции в социалистическую. «Итак, — утверждал автор, — социальная революция в настоящее время и в ближайшие годы невозможна... Не мы и не наши дети осуществим ее, — это сделают наши внуки»⁴⁷. В. И. Ленин подчеркивает эти высказывания в книге Рожкова⁴⁸.

Все эти и ряд других, тесно связанных вопросов теории и политики, занимавших В. И. Ленина во второй половине 1906 — начале 1907 г., нашли в известной степени свое отражение в документах, подготовленных Лениным к V съезду РСДРП и в его выступлениях на самом съезде.

Вопрос о созыве экстренного съезда партии был почти одновременно выдвинут в июне 1906 г. съездом социал-демократов Польши и Литвы и конференцией Петербургской организации РСДРП. Большинство партии — большевики, польские и латышские социал-демократы — решительно осудило поддержку меньшевистским ЦК лозунга думского, т. е. кадетского, министерства, рассматривая этот лозунг как отказ от продолжения борьбы за полную победу революции. Для разрешения создавшегося в партии положения конференция петербургских социал-демократов в при-

нятой по докладу В. И. Ленина резолюции «О единстве партии» потребовала созыва партийного съезда⁴⁹. Беспомощность и растерянность, проявленные ЦК РСДРП в момент роспуска Думы, явились новым свидетельством несоответствия политики руководящего центра воле большинства партийных организаций. Созыв съезда диктовался также необходимостью выработки общепартийного решения в отношении к предстоящим выборам во II Государственную думу (ради этого, кстати, были созваны съезд партии кадетов в сентябре 1906 г. и съезд партии эсеров в феврале 1907 г.). Все эти соображения учитывал Петербургский комитет РСДРП, принимая в августе 1906 г. решение о необходимости немедленного созыва съезда⁵⁰.

Меньшевики не без основания опасались, что съезд лишит их преобладания в ЦК. На совещаниях «звездной палаты» (так меньшевистские лидеры окрестили свои неофициальные встречи, проводившиеся с лета 1906 г. по инициативе П. Б. Аксельрода для принятия решений по важнейшим вопросам, чтобы затем уже проводить их по официальным каналам) стали лихоградожно выискивать благовидный предлог, чтобы не допустить созыва съезда. Пространное письмо М. С. Панина-Макадзюба от 18 августа 1906 г., написанное по поручению П. Б. Аксельрода (неизвестному адресату), раскрывает закулисные махинации, предпринятые меньшевистскими деятелями против созыва съезда. В своем узком кругу лидеры меньшевиков не ставили под сомнение необходимость съезда. Формулируя общее мнение участников совещаний «звездной палаты», М. С. Панин-Макадзюб писал: «Собственно говоря, ничего против такого съезда и иметь нельзя... Столько произошло событий после «объединительного» съезда; теперь предстоят выборы, в которых будут, должно быть, необходимы соглашения с буржуазными партиями; наконец, наша партия раздвинула свои рамки, объединившись с национальными социал-демократическими партиями. Все это делает созыв экстренного съезда если не необходимым, то во всяком случае весьма естественным». Далее в письме излагаются предложения, которые были высказаны на совещании, чтобы не допустить созыва съезда. «Представитель ЦК» (по всей видимости, это был Ф. Дан), признав, что «по суще-

ству дела ничего нельзя против него (т. е. съезда. — Авт.) возразить», заявил: «Экстренный съезд нужен большевикам для того, чтобы низвергнуть ЦК и взять его в свои руки. И потому... надо противиться созыву съезда и дать лозунг — не съезд, а конференция». Как следует из письма, «представитель ЦК» рассчитывал путем созыва конференции, не полномочной переизбирать Центральный Комитет, удержать последний в руках меньшевиков. В письме отмечалось, что на совещании были высказаны и другие точки зрения. По мнению одних, съезд мог дать наконец желанное прочное единство, другие стояли на противоположной позиции. «Съезд,— говорили они, — прекрасное средство разделаться и разделиться с большевиками. На съезде будут... представлены две тактики, две системы, что и даст возможность произвести «честный» и добросовестный раскол. Значит — съезд для раскола». Позицию третьих Панин-Макадзюб излагал так: «Съезд нежелателен — он принесет с собой одно только зло и несчастье. Но ЦК не должен агитировать против него, так как нет никаких аргументов по существу против съезда... ЦК должен, не высказывая своего мнения, произвести опрос партийных организаций о том, нужен ли экстренный съезд, и действовать согласно результатам опроса. (Меньшевики в организациях должны, разумеется, вести агитацию против съезда)»⁵¹. Позиция последних была закреплена резолюцией. «В результате совещания, — говорится в письме, — была принята большинством голосов следующая резолюция: ЦК опрашивает партийные организации по вопросу о съезде. При этом высказывает свои мотивы, по которым он считает экстренный съезд не необходимым»⁵².

Это решение означало, по существу, саботаж законного требования большинства партийных организаций созвать экстренный съезд РСДРП.

19 августа 1907 г. ЦК РСДРП обратился к членам партии с письмом (оно было составлено П. Б. Аксельродом), в котором утверждалось, что съезд, «требующий огромных затрат сил и средств, в данный момент несвоевременен». Вместе с тем указывалось, что ЦК «считает, конечно, необходимым произвести формальный опрос всех членов партии по вопросу о созыве съезда»⁵³.

Объявив о своей готовности подчиниться воле партии, меньшевистский ЦК вместе с тем развернул широкую кампанию против созыва съезда. В первом же номере органа ЦК РСДРП газете «Социал-демократ» 17 сентября 1906 г. по инициативе Ф. Дана была перепечатана из августовского номера «Дневника социал-демократа» (Женева, август 1906 г.) статья Г. В. Плеханова «О чрезвычайном партийном съезде (Открытое письмо к товарищам)». Статья повторяла аргументы ЦК против съезда (нет средств, нет времени) и распространяла грубые и пошлые инсинуации насчет мотивов борьбы большевиков за партийный съезд⁵⁴. В очередном номере газеты была помещена статья Л. Мартова против съезда. В связи с этим В. И. Ленин в статье «О созыве экстренного партийного съезда» (10 ноября 1906 г.) писал: «Помещая эти и *только* эти статьи о съезде в *своем* издании, ЦК нашей партии ставит себя прямо-таки в неприличное положение. Подумайте, в самом деле: ответственное министерство демократически организованной рабочей партии совершенно выходит из себя, теряет всякое самообладание по поводу агитации за новый съезд! Да ведь это же прямо непристойно, товарищи. Ведь именно тем, что вы сердитесь и бранитесь по поводу агитации за пересмотр *ваших* полномочий и *вашей* тактики, вы сами выносите себе самое жестокое осуждение»⁵⁵.

И действительно, многие рядовые меньшевики под влиянием статей Плеханова и Мартова пришли к выводам, прямо противоположным тем, которые внушали авторы этих статей. Из Одессы, например, пришла в меньшевистский центр следующая информация: «Я коренно расхожусь во взглядах на причины несозыва съезда с т. Плехановым. Его аргументы слишком ничтожны и мелки. Рабочие у нас глубже формулируют: «Если съезд даст что-либо — пусть будет», «Деньги — второстепенный вопрос»... Нам, меньшевикам, приходилось отказываться от его (Г. В. Плеханова. — *Авт.*) письма»⁵⁶.

К концу сентября 1906 г. уже многие партийные организации страны потребовали созыва съезда. «Значит, — делал вывод В. И. Ленин, — всякая задержка нового партийного съезда является теперь не только прямым нарушением всего духа и всего смысла демократической организации партии, но также са-

мой опасной помехой ближайшей думской и общереволюционной борьбе пролетариата»⁵⁷.

Выступая против партийного съезда, некоторые меньшевистские деятели развернули одновременно едва завуалированную кампанию вообще за ликвидацию РСДРП. Идея эта была выдвинута П. Б. Аксельродом еще летом 1905 г. в связи с предполагавшимся созывом булыгинской думы. В брошюре «Народная дума и рабочий съезд» Аксельрод предлагал созвать Всероссийский рабочий съезд с целью противодействия созыву булыгинской думы и созыва «народной думы», которая, по мысли автора, должна быть образована в результате соглашения «между всеми фракциями и группами радикальной демократии». Вместе с тем, указывал Аксельрод, «рабочий съезд» даст толчок к реорганизации самой с.-д. партии. «Передовые слои рабочего класса, — писал он, — должны создать свою собственную политическую организацию, имеющую свой центр и сплачивающую рабочие массы под всевозможными формами вокруг своего знамени»⁵⁸. В. И. Ленин писал о брошюре Аксельрода, что это — «игра в парламентаризм»⁵⁹.

Революционный подъем октября — декабря 1905 г., сорвавший булыгинскую думу, охладил интерес и к плану созыва «рабочего съезда». После роспуска I Думы с усилением реакции меньшевики, окончательно утратившие веру в революцию, вспомнили об идее Аксельрода. Участники упоминавшегося совещания «звездной палаты», обсуждая, каким образом не допустить созыва партийного съезда, понимали недостаточность «одних оборонительных мер». «Надо, — говорилось в письме Панина-Макадзюба, — наряду с этим выдвинуть что-нибудь положительное, что нейтрализовало бы вредные действия съезда и создало бы силы, необходимые для проведения избирательной кампании. И это положительное есть всероссийский рабочий съезд»⁶⁰. Видимо, имея в виду это решение, П. Б. Аксельрод в начале сентября 1906 г. писал Г. В. Плеханову, что «сам Дан» на последнем собрании «звездной палаты» заявил: «Агитации в пользу «партийного съезда» придется противопоставить агитацию за созыв рабочего съезда»⁶¹. А еще раньше, 15 августа 1906 г., Аксельрод известил Плеханова, что он «выдвинул во главу угла на ближайшее будущее агитацию в пользу всероссийского рабо-

чего съезда»⁶². Аксельрод сообщил также, что им составлен план созыва «рабочего съезда». В нем предусмотрено: на первой стадии — «брожение среди рабочих в пользу съезда», на второй — «пропаганда в широких кругах социал-демократических и вообще... сознательных рабочих», на третьей — «организованное давление снизу на партийные центры»⁶³.

Действительно, начиная с августа 1906 г. в Териоках по воскресным дням П. Б. Аксельрод стал проводить многочасовые беседы по вопросу о «рабочем съезде» с несколькими десятками рабочих, приезжавших сюда из Питера. Собрания эти организовывали меньшевики М. С. Панин-Макадзюб, Л. М. Хинчук, И. А. Исув, С. М. Зарецкая, П. А. Гарви-Бронштейн, рабочие В. Г. Чиркин, С. Шевченко и другие. Газеты «Речь» и «Товарищ» публиковали сенсационные сообщения о пропаганде «старейшим и виднейшим представителем русской социал-демократии» «рабочего съезда». Между тем социал-демократическая печать об этом ничего не писала. Это порождало недоумение у членов партии: о каком съезде идет речь? На каких началах и ради какой цели созываемого? Парадокс состоял в том, что агитация за открытый «рабочий съезд» велась скрытно, в порядке, как писал В. И. Ленин, кружкового шептанья⁶⁴.

А. В. Луначарский как-то заметил, что В. И. Ленин «ловил всякие намеки на оппортунизм»⁶⁵. Против ликвидаторского течения среди меньшевиков В. И. Ленин выступил в самом начале его появления. 21 августа 1906 г. в газете «Пролетарий» была опубликована написанная В. И. Лениным редакционная заметка в десяток строк: «О рабочем съезде». Отметив факт агитации Аксельродом и другими меньшевиками за рабочий съезд, «Пролетарий» заявлял: «Думаем, что партийный долг требует открытого обсуждения подобных вопросов ...Если у Аксельрода нет возможности напечатать изложение своих взглядов, мы можем предложить ему столбцы своей газеты»⁶⁶. Но меньшевики не решились выступить с открытым забралом. Случилось даже так, что 27 августа в Териоках в финском рабочем театре в одно и то же время, только в разных помещениях, происходили собрание большевиков (около 100 человек) под председательством В. И. Ленина и очередное собеседование о «ра-

бочем съезде», которое проводил П. Б. Аксельрод (присутствовало до 40 человек).

В. И. Ленин, как сообщает Д. А. Трилиссер, узнав о происходящем в этом же здании собрании меньшевиков, воскликнул: «Это прекрасно. Объединить оба собрания, и пусть Аксельрод убедит рабочих о важности замены подпольной партии рабочим съездом...» Но Аксельрод категорически отказался встретиться с Владимиром Ильичем⁶⁷.

17 сентября в «Социал-демократе» появился запоздалый ответ П. Б. Аксельрода на заметку «О рабочем съезде» в газете «Пролетарий». Уклоняясь от сути вопроса, ничего не говоря о том, какой съезд, на каких началах и с какой задачей предлагается созвать, Аксельрод обещал «в близком будущем» вынести этот вопрос «на арену политического обсуждения». Но и в конце сентября Мартов писал Плеханову, что «дело рабочего съезда пока еще не выходит из стадии предварительного обсуждения»⁶⁸.

Между тем буржуазная печать использовала эти «обсуждения» как удобный повод для атак на пролетарскую партию, чтобы внести сумятицу в ряды рабочего класса и подорвать у него доверие к партии. Полукадетская газета «Товарищ» утверждала, например, что в отличие западноевропейских с.-д. партий РСДРП «не стала партией масс», что она «не нашла пути для своего приспособления к запросам времени». Необходимо было дать решительный отпор хулителям революционной партии российского пролетариата. В статье «Обывательщина в революционной среде», опубликованной 29 октября, В. И. Ленин писал, что П. Б. Аксельрод не посмел сказать своим слушателям об истинных целях рабочего съезда. В одном из своих докладов П. Б. Аксельрод заявил, что партия может выйти из подполья в случае принятия членами «рабочего съезда» программы социал-демократии «с некоторыми, быть может, изменениями». В. И. Ленин показал, что истинное содержание аксельродовского предложения — это отказ социал-демократии от программных требований: республики, учредительного собрания, диктатуры пролетариата. По меткому замечанию В. И. Ленина, рабочий съезд — это хлороформ, который П. Б. Аксельрод прописывает революционным социал-демократам, чтобы произвести над ними безболезненно желаемую операцию⁶⁹.

Точность ленинской оценки убедительно подтверждают не предназначавшиеся для широкой огласки высказывания П. Б. Аксельрода. Развивая среди своих единомышленников идею о «всероссийском рабочем съезде», он заявлял, что существующая партия неспособна выполнить своих задач, что она должна коренным образом преобразовать методы и приемы своей деятельности. По Аксельроду, единственное, что остается РСДРП, — созвать «рабочий съезд» и «умереть». «И наша теперешняя интеллигентская партия, — говорил он, — расширившись, или лучше сказать, растворившись в новой действительно массовой, действительно пролетарской партии, выполнила бы свое последнее историческое дело, крупнейшую революцию внутри себя... Но умереть вовремя очень трудно»⁷⁰.

В. И. Ленин вскрыл истинную причину появления среди меньшевиков группы сторонников созыва рабочего съезда, равно как факт выделения из партии эсеров партии «народных социалистов». «Люди обывательского, мелкобуржуазного типа, — писал Ленин в статье «Обывательщина в революционной среде», — утомлены революцией. Лучше маленькая, серая, убогая, но спокойная законность, чем бурная смена революционных порывов и контрреволюционного бешенства»⁷¹. Изнутри революционных партий, отмечал В. И. Ленин, это стремление выражается в желании преобразовать, легализировать старые революционные партии. А для этого оппортунисты предлагают провести коренную реформу программ: выкинуть из них требование республики, конфискации земли, изложение социалистической цели⁷².

Буржуазная печать, отмечал В. И. Ленин, не случайно поддерживает идею созыва рабочего съезда: «...она чутьем схватывает обывательские и оппортунистические тенденции этой затеи»⁷³.

В. И. Ленин внимательно следил за меньшевистской литературой о рабочем съезде. К марту 1907 г. было опубликовано до 15 брошюр и статей на эту тему. Авторы-меньшевики, расходясь во многом между собой (одни считали задачей съезда создание «всероссийской рабочей партии», другие — «всероссийского рабочего союза», который бы действовал не по определенной программе, а от случая к случаю согласно директивам съезда), писали о съезде в панеги-

рическом тоне. Съезд изображался неким талисманом, который якобы «даст необычайный количественный размах рабочему движению», «сблизит социал-демократию с самыми широкими массами», даст толчок росту профсоюзных, кооперативных и других рабочих организаций» и т. п. и т. д. Некоторые даже утверждали, что идея рабочего съезда «не уступает по важности своего содержания идее Интернационала»⁷⁴.

В упоминавшейся нами выше по другому поводу статье «Кризис меньшевизма» (декабрь 1906 г.) В. И. Ленин подверг основательному разбору брошюру Ю. Ларина «Широкая рабочая партия и рабочий съезд». Этот молодой тогда сторонник аксельродовской идеи открыто высказал в печати то, о чем его учитель предпочитал до определенного времени умалчивать. Рабочий съезд, писал Ларин, — это слияние в одну партию социал-демократов, эсеров, профсоюзов и других рабочих организаций и создание, как он выразился, широкой «беспартийной партии»⁷⁵. «Спасибо хоть за правдивость! — заметил по этому поводу В. И. Ленин. — Рабочий съезд действительно значит все это. Именно к этому повел бы он даже против воли созывателей. И именно поэтому рабочий съезд теперь есть мелкая оппортунистическая авантюра». И далее В. И. Ленин раскрывает каждое из этих понятий: «Мелкая, ибо никакой широкой идеи тут нет в подкладке, а только усталость интеллигента от упорной борьбы за марксизм. Оппортунистическая — по той же причине и потому, что в рабочую партию впускают тысячи далеко не определившихся еще окончательно мелких буржуа. Авантюра, ибо при современных условиях такая попытка принесла бы не мир, не положительную работу, не сотрудничество эсеров и эсдеков..., а безграничное увеличение борьбы, раздоров, расколов, спутанности идейной, дезорганизации практической»⁷⁶.

Разоблачение В. И. Лениным и другими большевистскими публицистами ликвидаторской сущности идеи рабочего съезда, настойчивые требования большинства партийных организаций немедленно созвать очередной съезд РСДРП дали результат. Вторая конференция РСДРП («Первая всероссийская») в ноябре 1906 г., несмотря на преобладание на ней меньшевиков, постановила созвать очередной съезд партии

в конце марта 1907 г. По настоянию В. И. Ленина конференция обсудила также вопрос о рабочем съезде⁷⁷. В принятой резолюции было указано, что «активные шаги по организации созыва рабочего съезда совершенно недопустимы и являются нарушением партийной дисциплины до тех пор, пока по этому поводу не состоялось соответственного решения партийного съезда»⁷⁸.

Большевики — инициаторы созыва партийного съезда — развернули деятельную подготовку к нему. 15—18 февраля состоялось совещание представителей крупнейших большевистских организаций и редакции «Пролетария», которое обсудило и одобрило предложенные В. И. Лениным проекты резолюции к V съезду РСДРП. 4 марта они были опубликованы в «Пролетарии» (частично и в других большевистских газетах) как материал для партийной дискуссии⁷⁹. Основной документ — проект резолюции «1. О современном моменте демократической революции». Каждый пункт этой резолюции В. И. Ленин обстоятельно аргументировал в статье «Платформа революционной социал-демократии», начало которой было опубликовано в том же номере «Пролетария», что и сама резолюция. Проект давал оценку переживаемого страной этапа революции, определял политическую группировку классов и партий и вытекающие из этой группировки общественных сил основные задачи партии⁸⁰.

Начиная с весны 1905 г. В. И. Ленин и большевики указывали, что если пролетариату не удастся привлечь на свою сторону крестьянство и добиться решительной победы над царизмом, либеральная буржуазия попытается свернуть революцию и достигнуть сделки с царизмом за счет народа. Эти идеи пронизывают и документы, подготовленные большевистским центром к V съезду. Теперь, в начале 1907 г., истинность этих идей можно было подтвердить не только данными теории, как в начале 1905 г., но и опытом развития самой революции.

Подведя итоги политической истории России за год (начиная с I Думы и кончая выборами во II Думу), пункт 3 проекта резолюции констатировал, что либерально-буржуазная партия кадетов, ослабленная в результате поправок высших классов и полевения низших, стремится прекратить революцию посред-

ством уступок, приемлемых для черносотенных помещиков и самодержавия. Поведение кадетов во II Думе явилось новым подтверждением их стремления к сделке с реакцией. «Правильность выводов первой нашей резолюции,— указывал В. И. Ленин,— подтверждена, таким образом, гораздо скорее, чем мы могли ожидать, и гораздо лучше: не логикой, а историей; не словами, а делами; не постановлениями социал-демократов, а событиями революции»⁸¹.

Ленинский проект резолюции еще раз указывал пролетариату, что происходящий политический кризис не может быть разрешен на основе существующих законов и порядков, что он представляет собою не конституционный, а революционный кризис, который ведет к непосредственной борьбе масс пролетариата и крестьянства против самодержавия⁸². Большевистская резолюция делала отсюда следующие выводы: думскую кампанию следует рассматривать и использовать как один из эпизодов революционной борьбы народа за власть; социал-демократия не может поддерживать кадетской политики вообще и кадетского министерства в частности; социал-демократия должна разъяснить массам стоящие перед ними революционные задачи⁸³.

В 20-х числах февраля, когда В. И. Ленин заканчивал статью «Платформа революционной социал-демократии», был опубликован меньшевистский проект резолюции об отношении к Государственной думе. В отличие от предсъездовских документов большевиков, представленных от имени крупнейших организаций партии, проект меньшевиков был выработан неофициальным совещанием их лидеров⁸⁴.

В порядке дня съезда, намеченном ЦК, первым пунктом был поставлен вопрос: «Ближайшие политические задачи». В. И. Ленин высказал мнение, что «нельзя так ставить вопрос перед съездом РСДРП в переживаемую нами эпоху»⁸⁵. Соображения, приведенные В. И. Лениным в обоснование своего мнения, представляют интерес, далеко выходящий за рамки полемики с меньшевиками по частному вопросу. Они помогают лучше понять, какими принципами руководствовался В. И. Ленин при решении, как сейчас принято говорить, футурологических проблем и представляют интерес с точки зрения методологии научного предвидения. В. И. Ленин указывает, что в револю-

ционную эпоху нельзя ограничиться определением ближайших задач по двум причинам. Во-первых, потому, что в такие эпохи выдвигаются на первый план основные задачи с.-д. движения и, во-вторых, «нельзя в такую эпоху определить *ближайшие* политические задачи, ибо революция тем и отличается, что возможны и неизбежны крутые ломки, быстрые повороты, неожиданные ситуации, резкие взрывы»⁸⁶. Сам В. И. Ленин, высказываясь обычно категорично и определенно о развитии событий в более или менее отдаленной перспективе, не исключал возможности альтернативного решения политических событий, стоящих на очереди дня.

В. И. Ленин подверг детальному анализу меньшевистский проект резолюции об отношении к Государственной думе.

Этот проект резолюции, как писал Л. Мартов П. Аксельроду, базировался на предположении, что «полевение» кадетов неизбежно, более того, на предположении, что даже октябристы и те «станут в оппозицию к правительству»⁸⁷, когда они овладеют Думой. Меньшевистские лидеры не решались в печати столь же откровенно заявлять о своем отказе от продолжения революционной борьбы. Но для В. И. Ленина эта тенденция лидеров меньшевизма была очевидна. В статье «Платформа революционной социал-демократии» он в нескольких тезисах показал, что авторы меньшевистского проекта резолюции пытаются свести задачи рабочей партии «к *либеральной* борьбе за *данное* народное представительство или на его почве»⁸⁸, а не к руководству революционной борьбой пролетариата и крестьянства за власть. Это был первый отклик В. И. Ленина на меньшевистскую резолюцию. Более детально, пункт за пунктом, он разобрал ее в статье «Как не следует писать резолюций» (написана 19—25 марта, опубликована в апреле). В. И. Ленин изобличает двуличность меньшевистских лидеров: провозглашая иллюзорность законодательных прав Думы, они на деле пытались укрепить в народе веру в возможность законодательных реформ через Думу и тем самым ослабляли веру в революционную борьбу. В. И. Ленин фиксирует внимание на том пункте меньшевистской резолюции, который в завуалированной форме (поддержка усилий «Гос. Думы подчинить себе исполнительную власть») требовал

«думского» или «ответственного» министерства. Резолюция мотивировала необходимость поддержки этого требования тем, что думское министерство якобы представляет шаг к лучшему и является определенным этапом в борьбе за Учредительное собрание, за народовластие.

Меньшевики, указывая в связи с этим В. И. Ленин, не учитывают, что в действительности думское министерство может сыграть иную роль — послужить прекращению, ликвидации буржуазной революции. В противовес односторонней перспективе меньшевиков, ориентирующихся на то, что в России, как это бывало в странах Западной Европы, буржуазная революция не достигнет полной победы и окончится половинчатым исходом, большевики, не исключая такой перспективы, видят возможность полной победы революции и всемерно добиваются именно такого ее исхода. В противовес меньшевистской пропаганде думского министерства, которая затемняла революционное сознание масс и уменьшала вероятность осуществления даже этого реформистского требования, В. И. Ленин указывал на необходимость «усиливать революционную агитацию в массах, бросать шире, развивать яснее наши полные, неурезанные лозунги, — *этим* мы приблизим, на хороший конец, полную победу революции, а на худой конец, вырвем какие-нибудь половинчатые уступки (вроде думского министерства, всеобщего, но не прямого, избирательного права и т. п.) и обеспечим себе возможность превратить их в орудие революции»⁸⁹.

Таким образом, статьи В. И. Ленина в связи с предстоящим съездом партии задолго до его открытия глубоко обосновывали тактическую платформу большевиков, рассчитанную на полную победу буржуазно-демократической революции, на перерастание ее в социалистическую; они раскрывали оппортунистическую сущность программы меньшевиков, которые, разуверившись в возможности полной победы буржуазной революции, толкали партию к совместным выступлениям с кадетами в Думе и ради этого притупляли, суживали лозунги революционной борьбы масс.

Проводя политику поддержки кадетов, меньшевистские лидеры не решались, однако, открыто предложить ее съезду. Составленные ими резолюции изо-

биловали неопределенными, расплывчатыми выражениями, которые можно было толковать по-разному. Поэтому В. И. Ленин при разборе предсъездовских документов меньшевиков не ограничивался анализом их содержания, а указывал также на двусмысленность их политического лексикона и на многочисленные логические неувязки. Статьи В. И. Ленина «Как не следует писать резолюций», «Интеллигентские воители против господства интеллигенции», «Сердитая растерянность», «Тактическая платформа меньшевиков»⁹⁰ помогли партии разглядеть за словесными выкрутасами меньшевистских резолюций их истинное назначение: навязать партии политику поддержки кадетов, политику подчинения пролетариата гегемонии буржуазии.

Важнейшим моментом организационной подготовки к съезду явилось инструктивное совещание для большевиков, отъезжавших на места для проведения выборов делегатов на съезд. Участник совещания А. Шлихтер вспоминает, что оно состоялось в марте 1907 г. в Куоккале на даче «Ваза». В. И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте и задачах партии. Были обсуждены также предсъездовские документы. Н. К. Крупская наметила места для агитационных поездок⁹¹. В частности, А. Шлихтер был командирован в Тамбов и Саратов, М. Лядов — на Урал, И. Шауров — в Воронеж, И. Дубровинский — в Москву, Д. Лещенко — в Екатеринославль, Я. Берзинь — в Латвию, Я. Ганецкий — в Польшу. Каждому из них предстояло в дискуссиях с эмиссарами меньшевистского ЦК, также отправлявшимися в поездку по стране, отстаивать на партийных собраниях большевистскую платформу и добиваться избрания на съезде ее сторонников.

Со многими партийными работниками перед их отъездом подолгу беседовал В. И. Ленин.

С начала апреля из различных районов страны в Петербург потянулись избранные на съезд делегаты. Встречали их на явке в Технологическом институте. Но оставлять делегатов в столице было небезопасно. Охранка усилила слежку за нелегалами. Были арестованы В. Л. Шанцер (Марат), Ф. А. Сергеев (Артем) и другие. Большевистский центр организовал переезд делегатов в Куоккалу, где для них была снята пустовавшая дача. «Все время прожива-

ния в Куоккала мы каждый день были у Ильича, — вспоминал И. Т. Селезнев (Власов А. С.), избранный на съезд от Миньярской социал-демократической организации (Урал). — ...Сразу чувствовалось, что он действительно тебя понимает, и его слова были понятны, просты и дельны»⁹².

Выборы делегатов на съезд в Петербурге происходили позднее, чем в других городах. Только 25 марта общегородская конференция РСДРП (она состоялась в Териоках) покончила с расколом Петербургской организации. Выборы на конференцию производились под контролем особой комиссии, назначенной ЦК РСДРП. Бесспорные данные голосования (они были проверены цекистской комиссией и приняты как большевиками, так и меньшевиками) показали, что по сравнению с голосованиями при выборах на конференцию 6 января число голосов за меньшевиков сократилось с 46% (1795 голосов из 3900) до 32% (2156 из 6772). В свете этих цифр, приведенных В. И. Лениным в статье «Реорганизация и ликвидация раскола в Петербурге» (написана в апреле 1907 г.)⁹³, становилась очевидной абсолютная несостоятельность попыток меньшевиков «оправдать» свои раскольнические действия тем, что на конференции 6 января большевики будто бы завысили число голосов и незаконно кассировали многие мандаты меньшевиков. «Вина за петербургский раскол на выборах во вторую Думу *всецело лежит на меньшевиках*. Мы это всегда утверждали и обязывались доказать перед партией. Теперь мы это окончательно доказали», — говорилось в заключение статьи⁹⁴.

На конференцию было избрано 94 большевика и 42 меньшевика. Председательствовал на конференции В. И. Ленин. В новый состав Петербургского комитета было избрано 15 большевиков и 4 меньшевика.

Выборы делегатов на съезд в Петербургской организации проводились в первой половине апреля 1907 г. В. И. Ленин участвовал на совещании большевиков, обсуждавшем кандидатуры делегатов. Он решительно высказался, в частности, против кандидатуры В. Войтинского, в выступлениях которого уже тогда стали проявляться оппортунистические черты, и отстаивал кандидатуру Я. Берзиня⁹⁵.

В 20-х числах апреля 1907 г. делегаты выехали через Або и Стокгольм в Копенгаген, где предполага-

лась работа съезда. Когда В. И. Ленин вместе с М. Н. Лядовым прибыли в Копенгаген, они застали здесь почти всех делегатов, знакомившихся в ожидании открытия съезда с достопримечательностями города. Но правительство Дании под давлением царских властей запретило проведение съезда и предложило делегатам покинуть страну в течение 12 часов⁹⁶. «Помню, — писал М. Н. Лядов, — как взволновались все наши делегаты, узнав об этом. Ильич ругательски ругал меньшевистский ЦК за то, что тот не мог предварительно через датских эсдеков получить гарантию в том, что нас не тронут»⁹⁷. В. И. Ленин телеграфно запросил председателя Норвежской рабочей партии О. Нинсена о возможности проведения съезда в Норвегии. Ответ был отрицательный. После длительных скитаний по Дании и Швеции и томительной неопределенности делегаты нашли пристанище в Лондоне. До начала работы съезда В. И. Ленин на несколько дней выехал из Копенгагена в Берлин, где встретился с А. М. Горьким. В Берлине он имел встречи с Р. Люксембург и К. Каутским. В. А. Десницкий, в то время большевик, член ЦК, отмечал, что «несколько дней, проведенных в Берлине, очень сблизили Горького и Ленина»⁹⁸. Вместе они (а также В. А. Десницкий и жена Горького М. Ф. Андреева) выехали из Берлина в Лондон на партийный съезд. В дни съезда В. И. Ленина и А. М. Горького часто видели беседующими до начала заседаний и во время перерывов.

По приезде в Лондон В. И. Ленин узнал, что некоторых делегатов разместили в ночлежном доме, смахивавшем на тюремное помещение. Владимир Ильич, рассказывает М. Лядов, вместе с еще несколькими большевиками, знавшими немного Лондон, пошли отыскивать комнаты. В несколько часов проблема жилья была решена⁹⁹.

У каждого приехавшего на съезд большевика было желание встретиться лично с Лениным, обменяться с ним мыслями, посоветоваться. «И Владимир Ильич, — отмечает делегат съезда Д. Н. Бассалыго, — всегда охотно отвечал на наши вопросы, беседовал с нами, разрешал наши сомнения, помогал советом. В свою очередь Ленин задавал нам много вопросов, интересовался жизнью рабочих...»¹⁰⁰ Это же отмечают в своих воспоминаниях делегаты съезда: молодой пе-

тербургский рабочий И. В. Попов, активный участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве рабочий Е. А. Киселев, уфимский большевик Н. Накоряков и многие, многие другие¹⁰¹.

Делегаты, квартировавшие в том же районе, что и В. И. Ленин, часто встречались с ним в трамвае по пути на съезд. «Он переводил нам на русский язык,— вспоминает К. Х. Данишевский (К. Герман), — все, касающееся нашего съезда и вообще общей политики из свежих английских газет»¹⁰².

«На съезде, — пишет о В. И. Ленине Е. А. Киселев, — он был постоянно окружен нашими делегатами-большевиками, внимательно слушал каждого, кто к нему обращался, отвечал на все наши вопросы, шутил, смеялся, держался с исключительной простотой»¹⁰³.

Впервые делегаты-большевики собрались вместе в день открытия съезда, 30 апреля 1907 г. В арендованной для заседаний съезда церкви Братства (внутри нее не было каких-либо предметов культа: голые стены, невысокая кафедра и два ряда скамеек с высокими спинками) в 7 часов вечера должно было состояться открытие съезда. Большевистская фракция собралась заранее в зале по соседству с той, где должен был происходить съезд. Собственно, это было продолжение совещания фракции, начатого еще в Копенгагене. Отныне и до конца работы съезда фракционные совещания происходили многократно¹⁰⁴. На них обсуждались проекты резолюций, выяснялась возможная расстановка сил при обсуждении очередных вопросов порядка дня, другие текущие вопросы. На каждом совещании был выборный председатель (секретарем фракции был А. Шлихтер). Но душой фракционных совещаний всегда был В. И. Ленин. Он легко убеждал фракцию, причем, как заметил иваново-вознесенский депутат К. Д. Гандурин, мнение Владимира Ильича принималось «не как что-то доказанное, а как нечто открытое, найденное»¹⁰⁵.

На совещании фракции 30 апреля были заслушаны доклады с мест, выяснено примерное соотношение сил большевиков и других фракций (меньшевиков, с.-д. Польши и Литвы, с.-д. Латышского края и Бунда). В. И. Ленин уже имел некоторые данные на сей счет. Заглядывая в свою записную книжечку, он уточнял иногда сообщения некоторых слишком оптими-

стически настроенных товарищей¹⁰⁶. Численность большевиков и меньшевиков на съезде была примерно равной, но, как было подсчитано М. Лядовым, каждый большевик представлял на съезде 507 членов партии, а меньшевик — 429¹⁰⁷. Делегаты-большевики были избраны в основном в крупных пролетарских центрах. Так, из 17 делегатов Петербургской социал-демократической организации 12 являлись большевиками; в составе московской окружной делегации было 16 большевиков и только 3 меньшевика, в уральской — 18 большевиков (из 19), среди них в качестве делегата от Верхне-Камской организации РСДРП был В. И. Ленин. Делегатский мандат ему передал К. Н. Бассалыго, входивший в состав уральской делегации. Иваново-вознесенская, костромская, брянская и несколько других делегаций состояли только из большевиков. Меньшевики же представляли преимущественно мелкобуржуазные слои населения, в частности крестьянство Закавказья, ремесленников Западного края.

Предсъездовская дискуссия показала непримиримость взглядов между обоими течениями. Большевики исходили из того, что спад массового движения носит временный характер и что все еще имеются предпосылки для нового революционного подъема и полной победы демократической революции при условии гегемонии пролетариата. Отсюда следовала необходимость настойчивой борьбы партии за привлечение на сторону пролетариата широких масс крестьянства и изоляции либеральной буржуазии, помышляющей лишь о сделке с царизмом за счет интересов народа.

Напротив, меньшевики, утратив веру в возможность близкой полной победы буржуазно-демократической революции, готовы были поступиться программными требованиями партии (демократическая республика, конфискация помещичьей земли), с тем чтобы, объединившись с кадетами, образовать «общенациональную оппозицию» и через Думу легальным путем добиваться частичных уступок. Это была установка на полное прекращение революции, на подчинение пролетариата гегемонии либерально-монархической буржуазии.

Таким образом, год, прошедший после Стокгольмского съезда, показал, что в основе продолжавшихся острых столкновений между большевиками и меньше-

виками лежали принципиально различные оценки ими текущего момента и перспектив революции. В связи с этим некоторые большевики поднимали вопрос: не лучше ли окончательно размежеваться с меньшевиками? В. И. Ленин поправлял их. «О размежевании говорить несвоевременно, — сказал он, по словам И. В. Шаурова. — Ведь с нами объединились национальные фракции, которые нас не поймут. Осудят и заграничные социал-демократические партии. Это принесет огромный вред»¹⁰⁸.

В. И. Ленин учитывал, что в рядах меньшевиков, особенно в низах, среди рабочих (вождь большевиков при возможности общался с рабочими-меньшевиками и старался их просветить)¹⁰⁹, накапливалось недовольство прокадетской политикой их лидеров. Предвидя раскол с меньшевиками в будущем, В. И. Ленин был уверен, что при этом меньшевики из партии «уведут гораздо меньше рабочих, чем сколько туда их привели»¹¹⁰. Но в период V съезда РСДРП, да и в первые годы после него, усилия большевиков были направлены на предотвращение раскола, к которому стремились отдельные меньшевистские деятели¹¹¹. Некоторые из последних готовы были воспользоваться техническими трудностями, связанными с проведением съезда, чтобы сорвать его¹¹². Отстаивая единство партии, В. И. Ленин вместе с тем предупреждал меньшевиков, что дальнейшее скатывание их вправо, окончательное превращение их в «кадетского вассала» приведут к расколу партии, и призывал не доводить дело до этого¹¹³.

Таким образом, В. И. Ленин ориентировал большевиков на то, что им предстоит на съезде ответственная и трудная борьба за единство революционной социал-демократической партии. Ответственная, ибо открывающийся съезд действительно всероссийский: на нем были представлены не только обе фракции РСДРП — большевики (89 делегатов) и меньшевики (88), но также социал-демократы Польши и Литвы (45), социал-демократы Латышского края (26) и Бунд (55). Всего на съезде присутствовали 303 делегата с решающим голосом и 39 делегатов с совещательным голосом, представлявшие 150 тысяч членов партии. Важно было добиться сплочения партии на подлинно революционных, марксистских принципах,

развитых в произведениях В. И. Ленина и утвердившихся в практике большевизма.

Это была трудная задача. Ибо меньшевики, как писал М. Лядов, пришли на съезд, чтобы окончательно похоронить революцию, а вместе с ней революционную социал-демократическую партию¹¹⁴. Что же касается представителей национальных партий, то бундовцы почти по всем вопросам смыкались с меньшевиками, а поляки и большинство латышей, солидаризируясь с большевиками, но, не уяснив еще всей глубины разногласий, разделявших обе фракции в РСДРП, склонны были ради ложно понимаемого ими «единства партии» идти на уступки меньшевикам. Заметим также, что присутствовавший на съезде с правом совещательного голоса Л. Д. Троцкий, поддерживая меньшевиков, выдавал себя за стоящего «вне фракций» и пытался сколотить на съезде центр из колеблющихся элементов и повести за собой партию.

Несмотря на такое соотношение сил, съезд прошел под знаком победы большевизма над оппортунистическим крылом в партии. Решающая роль в таком исходе V съезда РСДРП принадлежала В. И. Ленину.

Избранный на первом заседании в президиум съезда, В. И. Ленин сразу оказался в центре внимания делегатов. Впервые увидевший В. И. Ленина польский социал-демократ А. П. Краевский (В. Г. Штейн) писал о нем: «Его самообладание, его спокойная сила и твердость произвели на меня огромное впечатление. Во время самых горячих схваток на съезде, когда атмосфера раскалялась, когда Плеханов нервничал, когда Мартов выходил из себя и чуть не ударялся в истерику, когда Церетели метал громы и молнии, Ленин оставался невозмутимо спокоен и только по-своему улыбался... Это была улыбка человека, который сквозь шумиху текущего момента видит далекое будущее, который — один из всех — различает контуры назревающих великих событий... Что он видит дальше других, что не Плеханов, не Мартов, не Аксельрод, а Ленин является крупнейшей фигурой на этом съезде — это так ясно бросалось в глаза, что не видеть этого было невозможно»¹¹⁵.

Выступления В. И. Ленина на съезде 1 и 2 мая были связаны с обсуждением порядка дня съезда.

Проект повестки дня, предложенный большевиками, предусматривал, наряду с отчетами ЦК и дум-

ской фракции, обсуждение общетеоретических, принципиальных вопросов: обострение экономической борьбы и современный момент, классовые задачи пролетариата в современный момент революции, отношение к буржуазным партиям. Против этого выступили на съезде меньшевики, бундовцы, Троцкий. Они предложили снять с обсуждения съезда вопросы о текущем моменте, а вопрос об отношении к буржуазным партиям соединить с вопросом об отношении к Думе.

В. И. Ленин, взойдя на кафедру для защиты большевистского проекта порядка дня, быстро и безраздельно завладел аудиторией. Негромкий, но полный внутренней силы голос Ленина, его простая и ясная речь, раскрывающая самое существо вопроса, неотражимая логика, с которой он отстаивал свои позиции и разбивал доводы противников, — все это восхищало сторонников, вызывало раздражение у меньшевиков.

Многие участники съезда в своих воспоминаниях рассказывали о наиболее поразивших их особенностях ленинской речи. А. М. Горький отмечал слитность, законченность, прямоту и силу его речи. «Весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: все есть и ничего лишнего...»¹¹⁶

Меньшевики предлагали во имя практицизма и деловитости съезда, а также следуя примеру западноевропейских с.-д. партий, снять с порядка дня общепринципиальные вопросы. Надо было поэтому дать им отпор, раскрыть несостоятельность, фальшивость их доводов. В. И. Ленин напоминает, что на своей жевневской конференции весной 1905 г. меньшевики обсуждали, так же, как и большевики на III съезде, основы тактики пролетариата в буржуазной революции и принимали мотивированные решения по этому вопросу. И если весной 1907 г. меньшевики предлагают выбросить принципиальные вопросы, заключает он, «то это результат упадочного настроения, и с этим настроением надо бороться, а не поддаваться ему!»¹¹⁷.

В. И. Ленин опроверг и другой довод. «Толкуют об опыте западноевропейских с.-д. партий с их «деловыми» съездами. А я вам скажу, что у немцев на их съездах обсуждались не раз более абстрактные, более теоретические вопросы, чем те, которые касаются оценки происходящей у нас революции и задач пролетариата в ней». Ленин не ограничивается фактической справкой. Он выдвигает принципиально важное

положение об отношении к опыту других социал-демократических партий. «Мы должны учиться у лучших, а не у худших образцов»¹¹⁸.

Бессильной уверткой от принципиальности к беспринципности Ленин называл ссылку меньшевиков на то, что «нельзя решать серьезные тактические вопросы большинством в десяток голосов». Он напоминает, что под давлением меньшевиков IV съезд РСДРП не принял резолюции об оценке текущего момента и об отношении к буржуазным партиям, в результате чего «ЦК метался весь год, не имея никакой политики»¹¹⁹.

Наконец Ленин показал несостоятельность снятия общих вопросов «во имя партийного мира... во имя практической работы». Из обхода этих вопросов, говорил он, получается не мир, а лишь «более озлобленная, менее плодотворная партийная борьба»¹²⁰.

В стремлении снять с обсуждения съезда общие вопросы тактики партии в буржуазной революции, указал в заключение Ленин, проявился оппортунизм меньшевиков. Стройную, убедительную речь В. И. Ленина завершило принципиально важное обобщение: «Не снимать теоретические вопросы должны мы, а поднимать всю нашу партийную практику на высоту теоретического освещения задач рабочей партии»¹²¹. И хотя победа большевиков была не полной — в повестке дня был оставлен лишь вопрос об отношении к буржуазным партиям, а вопрос о текущем моменте в результате примиренческой позиции части польской и латышской делегаций был снят, — речь Ленина заставила многих делегатов серьезно задуматься о принципиальных вопросах партийной политики.

4 мая В. И. Ленин выступил с речью по докладу ЦК. Докладчик Л. Мартов обошел вопрос о причинах банкротства политики ЦК, представлявшей непрерывную цепь конфликтов с большинством партий.

На этой, политической, стороне вопроса В. И. Ленин остановился больше всего. Он показал, что лозунги, выдвигавшиеся ЦК в период I Думы (поддержка требования «думского министерства»), после ее роспуска и на выборах во II Думу означали на деле приспособление пролетарской политики к политике либеральной буржуазии. «Банкротство нашего ЦК было прежде всего и больше всего банкротством этой политики оппортунизма»¹²², — закончил В. И. Ленин свою речь. Ему аплодировали не только большевики,

но и часть Центра. Однако примиренческие настрóения не были еще изжиты среди значительной части делегатов. Предложенная большевиками резолюция с осуждением деятельности ЦК, как не выражавшего воли большинства партии, не была принята. Но, с другой стороны, меньшевики не решились предложить съезду одобрить деятельность ЦК. Им, однако, удалось с помощью бундовцев и части латышей добиться принятия формулы, которая не давала никакой оценки деятельности ЦК и предлагала простой переход к очередным делам. Польские социал-демократы, заявившие о несогласии с тактикой ЦК, от голосования воздержались.

В речи по докладу о деятельности думской фракции (докладчиком был И. Г. Церетели), произнесенной 8 мая, В. И. Ленин указал на оппортунистические шатания фракции, которая так же, как и меньшевистский ЦК, ориентировалась на создание в Думе «объединенной оппозиции» с участием кадетов, чтобы «законным» путем добиться практических результатов. В ряде существенных вопросов фракция отступила от выдержанной политики. «И не для осуждения лиц, а для воспитания пролетарской партии в целом, — говорил В. И. Ленин, — мы прямо должны признать эти шатания и поставить своей задачей устранение их»¹²³.

Речи В. И. Ленина оказывали огромное воздействие не только на делегатов большевиков, уча их высокой принципиальности, но и на латышских и польских социал-демократов, а также на некоторых рядовых делегатов-меньшевиков. Это отметили даже агенты охранки, регулярно доносившие начальству о происходящем на съезде: «...Ленин — самый блестящий оратор на съезде, — говорилось в реляции, направленной в департамент полиции 8 мая. — Стоит он на крайней революционной точке зрения, говорит с необыкновенным жаром и захватывает даже своих противников. Он крайне резко разбил все доводы и оправдания меньшевиков и очень резко ответил Троцкому и Центру за их метание от одной стороны к другой, за их колебания и нерешительность и предлагал всем присоединиться к резолюции большевиков»¹²⁴.

При обсуждении резолюции о думской фракции наметился перелом в позиции национальных социал-демократов в сторону поддержки большевиков. Из-

бранная съездом комиссия из 10 человек (по 2 от каждой фракции) не смогла выработать единой резолюции по отчету фракции. Комиссия предложила съезду 10 мая решить три вопроса о характере резолюции: 1) должна ли резолюция содержать политические директивы для фракции; 2) перечислять ли все ошибки фракции; 3) вопрос о доверии фракции.

В результате поименного голосования съезд незначительным большинством голосов (за — 145, против — 154, воздержался 1) отклонил большевистское предложение о директивах фракции. Остальные два вопроса снимались сами собой. «Это, несомненно, был кульминационный пункт. Неработоспособность съезда, — писал Д. Лещенко в большевистском сборнике, вышедшем в 1907 г. — достигла наивысшего предела»¹²⁵. Усилия большевиков подытожить в резолюциях съезда уроки борьбы партии за прошедший год, указать на ошибки, допущенные руководящими органами партии, определить задачи на будущее — все это срывалось меньшевиками и теми, кто вольно или невольно поддерживал их. Большевистский ЦК, оказавшись вынужденным созвать съезд, пытался сделать его работу бесплодной.

Сразу же после голосования заседание съезда было закрыто. На состоявшемся тотчас же совещании большевистской фракции В. И. Ленин, по словам Лещенко, дал следующую оценку происшедшего: «Либо это последние остатки примиренчества, т. е. отсрочка главного боя до того момента, когда будут разбираться принципиальные вопросы, либо же это — начало принципиальности, т. е. окончательный переход голосовавших против включения директив латышей к меньшевикам»¹²⁶.

На следующем заседании съезда, 11 мая, стало ясно: состоявшееся накануне голосование свидетельствовало о том, что изживаются последние остатки примиренчества. Представитель латышской фракции Вернер (Т. П. Калнин) внес мотивированное предложение отложить обсуждение резолюции о думской фракции до обсуждения вопросов о буржуазных партиях и Государственной думе. Меньшевики и бундовцы протестовали даже против постановки этого вопроса. Бурные дебаты заняли все утреннее заседание съезда и завершились победой большевиков. Боль-

шинством в 149 голосов против 144 при трех воздержавшихся съезд высказался за необходимость директив фракции после обсуждения вопросов об отношении к буржуазным партиям и о Думе. С этого времени работа съезда пошла продуктивнее.

12 мая съезд приступил к обсуждению центрального вопроса повестки дня — об отношении к буржуазным партиям. С докладами по этому вопросу выступили: Ленин — от большевиков, Мартынов — от меньшевиков, Роза Люксембург — от социал-демократии Польши и Литвы, Абрамович — от Бунда. По времени, как заметил А. М. Горький, Владимир Ильич говорил меньше других ораторов, а «по впечатлению — значительно больше»¹²⁷. В сущности, борьба развернулась между большевиками, которых в основном поддерживали польские социал-демократы, и меньшевиками, за которыми следовали бундовцы.

«Вопрос об отношении к буржуазным партиям, — начал свой доклад В. И. Ленин, — стоит в центре принципиальных разногласий, давно уже разделяющих на два лагеря российскую социал-демократию»¹²⁸. Из речи Ленина делегаты могли видеть, что самый объективный арбитр — прошедшие два года революции — решает спор между большевиками и меньшевиками о движущих силах революции определенно в пользу первых. «Наши теоретические выводы подтвердились на деле, в ходе революционной борьбы. ...Пролетариат шел впереди, крестьянство, более или менее решительно, двигалось за ним против самодержавия и против колеблющихся либералов»¹²⁹.

Переходя к рассмотрению резолюции об отношении к буржуазным партиям, В. И. Ленин отметил, что правильная оценка движущих сил происходящей революции позволила большевикам верно определить политику РСДРП по отношению к другим партиям. «Наша теперешняя резолюция, — говорил Ленин, — ...представляет из себя лишь видоизменение стокгольмской резолюции. Ход событий настолько подтвердил ее основные положения, что потребовались самые небольшие видоизменения для учета опыта первой и второй Думы»¹³⁰.

В. И. Ленин полутно формулирует имеющие важное методологическое значение принципы, которые марксисты не вправе игнорировать, определяя свое отношение к другим партиям. Это, во-первых, соци-

алистическая критика таких партий (определение классового характера каждой партии, выяснение соотношения различных классов в данной революции, т. е., как относятся интересы этих классов к продолжению революции, роль разных партий или групп партий в революции) и, во-вторых, определение политики рабочей партии по отношению к отдельным партиям или группам партий¹³¹.

Меньшевистская резолюция не давала ответа на эти вопросы. Окрестив все оппозиционные непролетарские партии буржуазно-демократическими и признав наличие ряда общих задач у пролетариата и буржуазной демократии, меньшевики не давали анализа классового содержания различных полюсов буржуазной демократии, умалчивали о контрреволюционности буржуазии. Они ставили на одну доску стремление либералов свести данную революцию до конституционной монархии и попытки крестьян утопически идеализировать свою борьбу за помещичью землю. А это означало, по словам Ленина, «совершенно покинуть не только точку зрения пролетариата, но даже и точку зрения последовательного революционного демократа»¹³². В. И. Ленин показал, что якобы отстаиваемая меньшевиками самостоятельная политика рабочей партии на деле ставит пролетариат в зависимость от либеральной буржуазии.

После выступлений В. И. Ленина и Розы Люксембург, которая в основном солидаризировалась с большевиками, меньшевики не посмели предложить съезду заранее заготовленный ими проект резолюции об отношении к буржуазным партиям. Срочно была составлена новая резолюция. Но практический вывод из этой «подчищенной» резолюции был все тот же — вступать в отдельных случаях в соглашения с либералами и с народниками. За проект меньшевиков в комиссии по выработке резолюции об отношении к буржуазным партиям (4 большевика, 4 меньшевика, 2 поляка, 2 латыша, 3 бундовца) голосовали только они сами. «Более полного поражения меньшевистской политики, как таковой, и быть не могло»¹³³. Комиссия, а затем и съезд взяли за основу большевистский проект резолюции, составленный В. И. Лениным. Эта резолюция точно и ясно определяла классовое содержание различных непролетарских партий. Они подразделялись на четыре группы.

Первая группа — реакционные и черносотенные партии («Союз русского народа», монархисты, Совет объединенного дворянства и пр.) — организации крепостников-помещиков, тесно связанные с царизмом.

Вторая группа — «Союз 17 октября», торгово-промышленная партия — организация крупных помещиков и более отсталых слоев буржуазии, также поддерживавшие царизм и ставившие своей задачей помочь ему в «успокоении общества», т. е. в разгроме революционного движения.

Третья группа — партии либерально-монархической буржуазии и главная среди них кадетская, социальную базу которой составляли экономически более прогрессивные слои буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция, стремившиеся лишь к установлению конституционной монархии. Эти партии определенно отвернулись от революции и ставят своей задачей прекращение ее путем сделки с контрреволюцией.

К четвертой группе съезд отнес народнические партии (народные социалисты, трудовики, эсеры), более или менее выражающие интересы деревенской и городской мелкой буржуазии. Эти партии колебались между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещиков и царизма. Свои, в сущности буржуазно-демократические, задачи они облакали туманной социалистической фразеологией.

Резолюция определила линию поведения социал-демократии в отношении каждой из этих групп партий. Она призвала вести бескомпромиссную борьбу против черносотенных и правых партий, разоблачать либералов как распространителей конституционных иллюзий. В отношении же мелкобуржуазных партий резолюция ставила следующую задачу: раскрывая псевдосоциалистический характер этих партий, вырывать их из-под влияния и руководства либералов и привлекать на сторону социал-демократии в борьбе за доведение демократической революции до конца ¹³⁴.

Таким образом, в ленинской резолюции были отчетливо выделены два положения: во-первых, классовое обособление пролетариата по отношению ко всем буржуазным партиям, проведение им самостоятельной политики; во-вторых, обязанность партии пролетариата вести за собой мелкобуржуазные, прежде всего крестьянские демократические партии не

только против царизма, но и против контрреволюционной либеральной буржуазии¹³⁵.

Пытаясь ослабить революционную направленность большевистской резолюции, принятой съездом за основу, меньшевики, бундовцы и Троцкий стали предлагать ряд поправок. Их было более 70. В. И. Ленину многократно приходилось брать слово, чтобы отстоять большевистскую резолюцию. Меньшевик Череванин с неудовольствием писал: «Прочное большинство сплотилось вокруг большевистской резолюции, и один и тот же громадный лес рук поднимался каждый раз для отвержения наших поправок»¹³⁶.

16 мая, на 29-м заседании, съезд 159 голосами против 106 при 18 воздержавшихся принял большевистскую резолюцию, которую было решено назвать «Об отношении к непролетарским партиям». Таким образом, по важнейшему принципиальному вопросу большевики одержали крупную победу. Все делегаты съезда, кроме оппортунистов — меньшевиков и бундовцев, — одобрили ленинскую тактическую линию.

Большевики одержали победу и по вопросу о рабочем съезде. Даже бундовцы разошлись в этом вопросе с меньшевиками. Да и в самой меньшевистской фракции, где сторонники Аксельрода открыто предлагали посредством созыва рабочего съезда ликвидировать РСДРП, не было единодушия. Против этого предложения выступил, в частности, Плеханов. Он решительно восстал против того, чтобы меньшевики отступили с позиций, которые они занимали внутри партии, «на позиции беспартийных организаций»¹³⁷.

Большевистская резолюция, принятая съездом, осудила агитацию за беспартийный рабочий съезд и наметила меры, призванные усилить влияние партии на массовые беспартийные организации пролетариата.

19 мая — последний день работы V съезда — оказался особенно напряженным для Владимира Ильича. Ему пришлось председательствовать на состоявшихся в этот день двух заседаниях съезда: 34-м заседании, с 10 часов до 14 часов, и 35-м заседании, с 15 часов 30 минут до 19 часов и с 20 до 24 часов. С большим искусством и самообладанием В. И. Ленин отразил многократные попытки меньшевиков сорвать нормальную работу съезда. В 12 часов ночи, после избрания ЦК в составе 12 человек (в том числе 5 боль-

шевиков), В. И. Ленин объявил съезд закрытым. «Ильич,— вспоминает делегат съезда Н. С. Каржанский,— окруженный своими ближайшими соратниками, выглядит бодрым и веселым. И это, несмотря на целый день председательского труда, и какого! „Самый трудный день моей жизни“, — говорит он нам, улыбаясь»¹³⁸.

На фракционном собрании, состоявшемся сразу после съезда, большевики избрали свой Центр во главе с В. И. Лениным.

Продолжавшаяся в течение трех недель острая борьба против политики меньшевиков ознаменовалась победой большевизма.

Решения V съезда отразили растущую силу большевиков, их успехи в завоевании масс. Съезд явился важным этапом борьбы большевиков за сплочение РСДРП на основе ленинских принципов.

Исключительно напряженными для Владимира Ильича были и последние дни его пребывания в Лондоне. На другой же день после окончания съезда, в воскресенье 20 мая, Ленин приступил к редактированию стенограммы своих речей на съезде. Каждое утро, вплоть до 24 мая, к Ленину (он жил на окраине Лондона в первом этаже двухэтажного домика стандартной конструкции) приходил делегат съезда, большевик Н. С. Каржанский, который стенографировал выступления на съезде большевиков. «Наша работа,— вспоминает Каржанский,— продлилась пять дней. За это время Владимир Ильич отработал всего около двух авторских листов— такова в печатном виде общая сумма его выступлений на съезде. Цифра значительная. Но какую уйму времени я у него отнимал! Часа по три ежедневно, а над докладом об отношении к буржуазным партиям — часов пять»¹³⁹.

Между 25 мая и 2 июня В. И. Ленин возвратился из Лондона в Куоккалу¹⁴⁰.

Политическая обстановка в столице к началу июня резко обострилась. Правительство форсировало расправу с социал-демократической фракцией Думы и готовило роспуск всей Думы. Еще 27 февраля 1907 г. В. И. Ленин в статье «Близкий разгон Думы и вопросы тактики» предупреждал: «Разгон Думы более, чем вероятен: он неизбежен именно потому, что мы переживаем, по существу дела, вовсе не конституционный, а революционный кризис». И далее: «Глупо

Закрывать глаза на то и умалчивать о том, что сочтены дни даже теперешней русской «почти что конституции», что неизбежна отмена избирательного закона и возврат к полному самодержавию»¹⁴¹. В этой статье, опубликованной 4 марта 1907 г., т. е. за три месяца до 3 июня, Ленин предупреждал народ о том, что «неизбежен разгон Думы, государственный переворот и возврат к чистому самодержавию», указывал: «Только народная борьба может помешать этому»¹⁴².

Предвидение В. И. Ленина основывалось на всестороннем учете расстановки и соотношения классовых и политических сил в стране. Кадетская фракция в Думе не оправдала надежд правительства. Ей не удалось путем привлечения к себе фракций — народников слева и октябристов справа создать прочную опору царизму среди городской и сельской буржуазии. Это отчетливо проявилось при обсуждении Думой главного вопроса — аграрного. Усилия кадетов примирить народнические фракции с правительством провалились. Не только трудовики и эсеры, поддерживаемые социал-демократами, особенно большевиками, но крестьянские депутаты даже из правых фракций решительно потребовали ликвидации помещичьего землевладения. (Так, крестьянин Ф. И. Петрович, депутат от Витебской губернии, обратившись к помещикам, заявил: «Сколько прений не ведите, другого земного шара не создадите. Придется, значит, эту землю нам отдать».) В ответ Столыпин 10 мая, поднявшись на думскую трибуну, заявил, что правительство не позволит «обездолить 130 тысяч владельцев»¹⁴³. Судьба II Думы была тем самым предрешена. В качестве предлога для роспуска Думы власти использовали сфабрикованную охранкой фальшивку о «военном заговоре» социал-демократической фракции против государственного строя.

Поход правительства против социал-демократической фракции начался с первых же дней существования Думы. По воспоминаниям члена фракции Г. Е. Белоусова, вечером 3 марта 1907 г. в помещение фракции (она размещалась тогда на 5-й Рождественской ул.) явился наряд полиции с приставом, который заявил, что у него предписание произвести обыск¹⁴⁴. Благодаря настойчивым протестам депутатов обыск произвести не удалось, но полиция установила надзор как за помещением фракции, так и за каждым

депутатом. 5 мая был произведен обыск в квартире социал-демократического депутата И. П. Озола. Очередной обыск в помещении социал-демократической фракции (Невский проспект, 92) был произведен 8 мая¹⁴⁵, полиция «искала» сфабрикованный в охранке «наказ» петербургской военной организации на имя членов социал-демократической фракции.

1 июня 1907 г. Столыпин потребовал отстранения социал-демократических депутатов от участия в заседаниях Думы и немедленного привлечения многих из них к суду по обвинению в подготовке «военного заговора» против существующего строя. Депутаты-большевики (8 человек) прибыли к Ленину в Куоккалу. Совещались до поздней ночи. Владимир Ильич, вспоминает В. А. Чащин, предложил депутатам направиться к рабочим, на фабрики и заводы столицы и рассказать о происходящем. «...Когда я сказал Владимиру Ильичу,— пишет Чащин,— что в момент нашего выступления на собраниях мы будем сейчас же арестованы, он ответил: „Так что же! Пусть берут на глазах у всех. Пусть все видят, как царское правительство расправляется с депутатами от рабочих“»¹⁴⁶.

Депутаты-большевики не успели добраться до рабочих. 3 июня 1907 г. Дума была распущена, а большинство депутатов социал-демократической фракции (в том числе В. А. Чащин) было арестовано.

Но, как писал позднее В. И. Ленин, рабочий класс России нанес царизму в 1905 г. столь сильный удар, что «раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»¹⁴⁷. Поэтому наряду с роспуском Думы и царский манифест от 3 июня 1907 г. указал об изменении положения о выборах в III Думу. Куцые избирательные права трудящихся были еще более урезаны. Крестьяне получили право избирать лишь 22% выборщиков (вместо прежних 42-х), а рабочие 2% (вместо 4%).

Третьеиюньский переворот — изменение царем без одобрения Думы избирательного закона — означал конец революции и наступление периода реакции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

День 3 июня 1907 г. принято считать символом окончания первой русской революции, переломной датой, когда определилось поражение революции и временная победа царизма. Очевидцы остерегались констатировать полный спад революционного движения. Тем более это относилось к В. И. Ленину, большевикам, которые только что, на V съезде РСДРП, добились победы своей тактической линии, наметили новые рубежи в революционной борьбе масс за доведение до конца демократической революции. Она предполагала подготовку вооруженного восстания, установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Главным направлением борьбы большевики считали внепарламентскую деятельность и с нетерпением ожидали нового революционного подъема масс.

Лишь после еще полугода тяжелых арьергардных боев, когда выяснилось, что ожидаемый революционный подъем во второй половине 1907 г. не произошел, большевики вынуждены были отказаться от курса на вооруженное восстание и готовиться к периоду отступления революции. В конце декабря В. И. Ленин вынужден был эмигрировать из России, чтобы за границей вновь наладить издание Центрального Органа партии газеты «Пролетарий».

Революция 1905—1907 гг. потерпела поражение, но В. И. Ленин был твердо уверен, что она непобедима. И в наступившем времени тяжелой реакцией Ленин и большевики делали все, чтобы сохранить партию рабочего класса как главнейшее оружие будущей революции.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 9—10.

³ Общие и специальные историографические исследования по данному вопросу см.: Актуальные проблемы советской историографии Первой русской революции. М., 1978.

⁴ См.: Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905—февраль 1917 гг.) М., 1975; Революция 1905—1917 годов в России. М., 1975; Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в Первой русской революции (1905—1907). М., 1976; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1976; Клюева А. Д. Партия большевиков в Первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1977; Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1907 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. См. также ранее выпущенные работы: Ерман Л. К. Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966; Яковлев Н. Н. Народ и партия в революции 1905—1907 гг. М., 1967; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2-е. М., 1970; Петров В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.—Л., 1964.

⁵ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904—февраль 1917 года. М., 1966; Костин А. Ф. Боевой орган революции. К 70-летию газеты «Вперед». М., 1975; Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Сулова Ф. М. Ленин в Петербурге—Петрограде. Места жизни и деятельности в городе и окрестностях. 1890—1920. Л., 1977; Кудрявцев А. С., Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И. Ленин в Женеве. Женевские адреса Ленина. М., 1967; Дашков Ю. Ф. По ленинским местам Скандинавии. М., 1971.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7—16, 47.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. 1870—1905. М., 1970; т. 2. 1905—1912. М., 1971; Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. М., 1956; Воспоминания о Ленине в 5-ти т. М., 1969—1970; Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. М., 1979—1980; Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970; Жизнь в борьбе. По воспоминаниям современников о В. И. Ленине (петербургско-петроградский период). Л., 1975; Первая русская... Сборник воспоминаний активных

участников революции 1905—1907 гг. М., 1975; М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 годах (Воспоминания). М., 1956, и др.

⁸ См. документальные сборники серии «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы». М., 1955—1963; собрания документов и материалов Архива Дома Плеханова (АДП) и др.

⁹ См.: Ленин и революция. 1917 год. Л., 1970. Авт. коллектив: Х. М. Астрахан, О. Н. Знаменский, Н. Н. Маслов, В. И. Старцев, Ю. С. Токарев. Под общей редакцией Н. Н. Маслова.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 327, 328.

Глава 1. Накануне

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904—февраль 1917 г. М., 1966, с. 1—2.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 377.

³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. М., 1979, т. 1, с. 268.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

⁵ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 418.

⁶ Там же, с. 431.

⁷ Рабочедельцы — представители редакции журнала «Рабочее дело», органа «экономистов». На II съезде РСДРП представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии. Уход со съезда они объясняли тем, что не желают подчиниться требованиям устава, согласно которому редакция «Рабочего дела» должна была быть распушена.

⁸ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 269.

⁹ Там же, с. 266.

¹⁰ Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Страницы из революционного прошлого. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 100.

¹¹ Там же, с. 100—101.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 313.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 313—314.

¹⁵ Там же, с. 314. Отметим также, что в письме «Задачи революционной молодежи», напечатанном в «Студенте» № 2—3 в сентябре 1903 г., В. И. Ленин находил в России «прогресс политического движения и прямого натиска на самодержавие». (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 354.)

¹⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — Биохроника). Т. 1. М., 1970, с. 487—488.

¹⁷ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 273.

¹⁸ Лепешинский П. Н. На рубеже двух веков. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 71—72.

¹⁹ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 274.

²⁰ Там же, с. 274—275.

²¹ Там же, с. 275.

²² См.: Биохроника, т. 1, с. 503.

²³ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 275.

²⁴ Биохроника, т. 1, с. 503—505.

²⁵ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 275.

- 26 Там же, с. 275.
27 Там же, с. 276.
28 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 313—314.
29 Там же, с. 315.
30 Эссен М. М. Встречи с Лениным. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 109.
31 Там же, с. 110.
32 Крупская Н. К. Указ. соч., с. 276.
33 Там же, с. 277.
34 Биохроника, т. 1, с. 511.
35 Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 23—24.
36 Там же, с. 24—25.
37 Там же, с. 25.
38 Там же.
39 Крупская Н. К. Указ. соч., с. 277.
40 Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Указ. соч., с. 102.
41 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 328—329.
42 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 233; Надежда Константиновна Крупская. Биография. М., 1978, с. 70.
43 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 233.
44 Биохроника, т. 1, с. 521, 522.
45 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 185—414.
46 Там же, с. 99.
47 Там же, с. 106.
48 Мартов Л. Наш съезд. Искра, 1903, 25 ноября, № 53.
49 См.: Искра, 1904, 25 июня, № 68.
50 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 371—372.
51 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 13.
52 Там же.
53 Там же.
54 Там же.
55 Там же, с. 15.
56 Эссен М. М. Указ. соч., с. 116—117.
57 Биохроника, т. 1, с. 531.
58 Крупская Н. К. Указ. соч., с. 278—279.
59 Там же, с. 279—280.
60 Там же, с. 280.
61 Биохроника, т. 1, с. 546.
62 Там же, с. 549.
63 Фотиева Л. А. Встречи с В. И. Лениным в Женеве и Париже. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 147—148.
64 Крупская Н. К. Указ. соч., с. 280.
65 Фотиева Л. А. Указ. соч., с. 148.
66 Биохроника, т. 1, с. 559.
67 Там же, с. 559—561.
68 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 413—415.
69 Биохроника, т. 1, с. 561, 562.
70 Там же, с. 554—557.
71 Там же, с. 559.
72 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 75—98.
73 Биохроника, т. 1, с. 555.
74 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 84, 91, 93.
75 Биохроника, т. 1, с. 523.
76 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 170—174.

- 77 Там же, с. 173.
 78 Биохроника, т. 1, с. 537.
 79 Там же, с. 551—552, 562—563.
 80 Там же, с. 567.
 81 Там же, с. 572.
 82 Там же, с. 576.
 83 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 95—96.
 84 Там же, с. 236.
 85 Там же, с. 135—136.
 86 Там же, с. 136.
 87 Там же, с. 153.
 88 Там же, с. 157.
 89 Там же.
 90 Там же, с. 158.
 91 Там же.
 92 Биохроника, т. 1, с. 575—576.
 93 Там же, с. 578.
 94 Там же, с. 577.
 95 Там же, с. 579.
 96 Там же, с. 578.
 97 Там же, с. 579.
 98 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 172—173.
 99 Биохроника, т. 1, с. 583.
 100 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 176.
 101 Там же, с. 177.
 102 Там же.

Глава 2. „Да здравствует революция!“

- ¹ Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г. Документы и материалы. М., 1955, с. 28.
² Там же, с. 31.
³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 175.
⁴ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. (далее — Переписка), т. 3. М., 1977, с. 438.
⁵ Там же, с. 439—440.
⁶ Там же, с. 448.
⁷ Там же, с. 449.
⁸ Там же, с. 457, 459.
⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 167—168.
¹⁰ Там же, с. 174.
¹¹ Там же, с. 176.
¹² Там же, с. 174.
¹³ Там же, с. 175.
¹⁴ Там же, с. 177.
¹⁵ *Покровский М. Н.* Роль рабочего класса в революции 1905 года. М., (б. д.), с. 7.
¹⁶ Начало первой русской революции, с. 85.
¹⁷ *Лепешинский П. Н.* На повороте. М., 1955, с. 206.
¹⁸ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1979, с. 282—283.
¹⁹ *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 104.
²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 178.

- ²¹ Там же.
- ²² См.: *Лепешинский П. Н.* Указ. соч., с. 208—209.
- ²³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 8.
- ²⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2 (далее — Биохроника). М., 1971, с. 5.
- ²⁵ *Лепешинский П. Н.* Указ. соч., с. 211.
- ²⁶ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма (далее — История КПСС). М., 1966, с. 28.
- ²⁷ См.: Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 64.
- ²⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.
- ²⁹ Там же, с. 207.
- ³⁰ Переписка, т. 3, с. 467, 479, 486.
- ³¹ Биохроника, т. 2, с. 9.
- ³² Переписка, т. 3, с. 467, 481.
- ³³ Там же, с. 486.
- ³⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 12.
- ³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.
- ³⁶ Там же, с. 208—209.
- ³⁷ См.: Биохроника, т. 2, с. 2—8.
- ³⁸ См. там же, с. 18.
- ³⁹ См. там же, с. 22.
- ⁴⁰ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 283.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 279.
- ⁴³ *Луначарский А. В.* Указ. соч., с. 105—106.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 282.
- ⁴⁵ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 284. Позднее Г. Гапон вернулся в Россию, возобновил связь с правительством и охранкой. При деятельном участии П. М. Рутенберга был разоблачен эсерами и в 1906 г. за свою провокационную деятельность и предательство революции был судим рабочими и повешен на пустующей даче в Озерках под Петербургом. П. М. Рутенберг в 1917 г. стал ярким врагом большевиков. 25 октября 1917 г. — помощник главного начальника обороны Зимнего дворца кадета Н. М. Кишкина по гражданской части, затем белоэмигрант.
- ⁴⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 249.
- ⁴⁷ См. там же, с. 258—259.
- ⁴⁸ Там же, с. 259.
- ⁴⁹ См. там же, с. 258.
- ⁵⁰ Там же, с. 259.
- ⁵¹ Биохроника, т. 2, с. 12, 15.
- ⁵² *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 285—286.
- ⁵³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 204.
- ⁵⁴ Там же, с. 281.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же, с. 275.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же, с. 278.
- ⁵⁹ Там же, с. 281—282.
- ⁶⁰ Там же, с. 282.
- ⁶¹ Там же, с. 273.
- ⁶² См.: Революция 1905—1907 годов в России, с. 64, 65.

- ⁶³ См.: *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 79, 80.
- ⁶⁴ См.: История КПСС, т. 2, с. 39.
- ⁶⁵ См. там же.
- ⁶⁶ Партия в революции 1905 года. Документы к истории партии в 1905 году. М., 1934, с. 296—297.
- ⁶⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 285.
- ⁶⁸ См. там же, с. 111.
- ⁶⁹ Там же, с. 288.
- ⁷⁰ Там же, с. 264—265.
- ⁷¹ См. там же, с. 283, 284.
- ⁷² См. там же, с. 245—246.
- ⁷³ Там же, с. 289.
- ⁷⁴ Там же, с. 318.
- ⁷⁵ См. там же, с. 289.
- ⁷⁶ История создания этой ленинской статьи неоднократно привлекала к себе внимание советских историков. См.: *Цейтлин А. Г.* Стиль Ленина-публициста. М., 1969, с. 135—139; *Костин А. Ф.* Боевой орган революции. К 70-летию газеты «Вперед». М., 1975, с. 67—71; *Приймак Н. И.* Источниковедческий анализ статьи В. И. Ленина «Новые задачи и новые силы». — Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 8, Л., 1976, с. 5—20.
- ⁷⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 403, 462.
- ⁷⁸ См. там же.
- ⁷⁹ Там же, с. 404.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же, с. 405.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же, с. 406.
- ⁸⁴ Там же, с. 407.
- ⁸⁵ Там же, с. 294.
- ⁸⁶ Там же, с. 294, 297.
- ⁸⁷ Там же, с. 297—298.
- ⁸⁸ Там же, с. 298.
- ⁸⁹ См. там же, с. 297.
- ⁹⁰ Там же, с. 302.
- ⁹¹ См.: *Бондаревская Т. П.* Указ. соч., с. 75—76.
- ⁹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 302.
- ⁹³ Там же, с. 303.
- ⁹⁴ Там же, с. 298, 304.
- ⁹⁵ Там же, с. 301.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ *Адоратский В. В.* За восемнадцать лет. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 173.
- ⁹⁸ Там же, с. 174.
- ⁹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 341.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 356.
- ¹⁰¹ См. там же, с. 342; Биохроника, т. 2, с. 34—35.
- ¹⁰² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 345.
- ¹⁰³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 10.
- ¹⁰⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 357, 361.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 357.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 360.
- ¹⁰⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 13.
- ¹⁰⁸ Искра, 1905, 17 марта, № 93.
- ¹⁰⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 4, 11, 12.

- 110 *Мартынов А.* Две диктатуры. Женева, 1905, с. 58.
- 111 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 8.
- 112 Там же, с. 18.
- 113 Там же, с. 31.
- 114 Там же, с. 71.
- 115 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 380.
- 116 См. там же, с. 381.
- 117 См. там же.
- 118 Там же.
- 119 *Васильев-Южин М. И.* В огне первой революции. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 184—185.
- 120 История КПСС, т. 2, с. 35.
- 121 *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 281.
- 122 Там же.
- 123 *Фотиева Л. А.* Встречи с В. И. Лениным в Женеве и Париже. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 146—147.
- 124 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 349, 353.
- 125 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 15.
- 126 Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г. Протоколы. М., 1959, с. 683—684.
- 127 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 370—371.
- 128 См.: *Биохроника*, т. 2, с. 53.
- 129 Третий съезд РСДРП, с. 689.
- 130 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 73.
- 131 См.: *История КПСС*, т. 2, с. 44.
- 132 *Лядов М. Н.* Из жизни партии в 1903—1907 годах. Воспоминания. М., 1956, с. 80.
- 133 Партия в революции 1905 года, с. 34.
- 134 *Лядов М. Н.* Указ. соч., с. 81.
- 135 Партия в революции 1905 года, с. 21.
- 136 *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 295.
- 137 *Лядов М. Н.* Указ. соч., с. 82; См.: *Цхакая М.* Встречи с Лениным. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 206—207.
- 138 См.: *Биохроника*, т. 2, с. 57.
- 139 См. там же, с. 62.
- 140 *Луначарский А. В.* Большевики в 1905 году. — Пролетарская революция, 1925, № 11 (46), с. 54.
- 141 См.: Третий съезд РСДРП, с. 98—106.
- 142 См. там же, с. 106—114.
- 143 *Лядов М. Н.* Указ. соч., с. 81—82.
- 144 Партия в революции 1905 года, с. 21.
- 145 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 114.
- 146 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 314.
- 147 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 116.
- 148 См.: Третий съезд РСДРП, с. 158—159.
- 149 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 112—113, 118—121.
- 150 См.: Третий съезд РСДРП, с. 164.
- 151 Там же, с. 450.
- 152 Там же, с. 450—451.
- 153 Там же, с. 451.
- 154 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 115.
- 155 См. там же.
- 156 См.: Третий съезд РСДРП, с. 164.

- 157 См. там же, с. 173, 175, 177, 178.
 158 Там же, с. 183.
 159 См. там же, с. 169.
 160 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 122.
 161 См. там же, с. 123.
 162 Там же.
 163 См.: Третий съезд РСДРП, с. 216, 221.
 164 См. там же, с. 216.
 165 Там же, с. 215.
 166 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 149.
 167 Третий съезд РСДРП, с. 215.
 168 См. там же, с. 214—222, 452—453.
 169 См. там же, с. 718 (Примечания).
 170 Там же, с. 198.
 171 Там же, с. 203.
 172 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 129.
 173 См.: Третий съезд РСДРП, с. 212.
 174 См. там же, с. 451—452.
 175 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 152.
 176 Там же, с. 155.
 177 См.: Третий съезд РСДРП, с. 454.
 178 См. там же, с. 456.
 179 См. там же, с. 374, 383—388.
 180 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 180—185.
 181 См.: Третий съезд РСДРП, с. 456.
 182 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 179.
 183 История КПСС, т. 2, с. 59.

Глава 3. Заграничный представитель ЦК

- ¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — Биохроника). Т. 2. 1905—1912. М., 1971, с. 83.
² См. там же, с. 83.
³ Фотиева Л. А. Встречи с В. И. Лениным в Женеве и Париже. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1979, с. 160; Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 3. М., 1961, с. 55.
⁴ См.: Биохроника, т. 2, с. 83.
⁵ См. там же.
⁶ Лядов М. Н. Из жизни партии в 1903—1907 годах. Воспоминания. М., 1956, с. 83.
⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 195.
⁸ См.: Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы. М., 1959, с. 459—460.
⁹ См. там же, с. 458.
¹⁰ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 — февраль 1917 года. М., 1967, с. 88—89.
¹¹ См.: Биохроника, т. 2, с. 83—84.
¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 205.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же, с. 208—209.
¹⁵ Там же, с. 209.
¹⁶ См.: Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. Ч. 1. 1886 — февраль 1917. М., 1959, с. 203—204.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 213.

¹⁸ Шипов Д. Н. (1851—1920) — крупный помещик, видный деятель земского движения, умеренный либерал, представитель правого, славянофильского крыла земцев. В ноябре 1905 г. стал одним из основателей партии октябристов; вышел из нее в 1906 г. из-за разногласий с А. И. Гучковым. Член Государственного совета. С 1911 г. отошел от политической деятельности. Его конституционный проект исходил из старой славянофильской идеи «земле мнение — царю власть» и предусматривал создание государственного земского совета, составленного путем многостепенных выборов от земств и обладающего правами законосовещательными. Весной 1918 г. в Москве вышли в свет мемуары Д. Н. Шипова «Воспоминания и думы о пережитом», где был напечатан вновь и текст «шиповской» конституции. Нормы представительства этого проекта, предусматривавшие многостепенные выборы, привлекли внимание составителей проекта первой Советской Конституции 1918 г. и были использованы в ней.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 217.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 218—219.

²² Так, в конце мая по ряду колоний был послан П. А. Красиков. См.: Фотиева Л. А. Указ. соч., с. 56.

²³ В. И. Ленин собирался, например, привлечь к сотрудничеству в «Пролетарии» Ю. М. Стеклова. См.: Биохроника, т. 2, с. 89.

²⁴ Фотиева Л. А. Указ. соч., с. 55.

²⁵ Там же, с. 56.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 222.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 37.

²⁸ Там же, с. 37—38. Письмо было написано в связи с требованием большевиков о передаче половины денег, полученных Г. В. Плехановым от Международного социалистического бюро.

²⁹ См.: Третий съезд РСДРП, с. 456.

³⁰ См.: Шипов Д. Н. Указ. соч., с. 310—312.

³¹ См. там же, с. 313—320.

³² См.: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. Изд. 2-е. М., 1970, с. 70.

³³ См.: Шипов Д. Н. Указ. соч., с. 331—332.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 226.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 252—253.

³⁷ Там же, с. 255.

³⁸ Там же, с. 263.

³⁹ Там же, с. 297.

⁴⁰ Ирония судьбы состоит в том, что этот князь Путятин оказался свидетелем полного крушения романовской монархии. Именно на его квартире на Миллионной ул. (ныне ул. Халтурина), 12, в Петрограде утром 3 марта 1917 г. брат Николая II великий князь Михаил Александрович отказался принять корону от своего старшего брата и формально передал власть Временному правительству. Любопытно, что среди свидетелей этого акта был и Ф. И. Родичев.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 302.

⁴² Там же, с. 302—303.

⁴³ Там же, с. 242.

⁴⁴ Там же, с. 249.

⁴⁵ Там же, с. 359—361.

⁴⁶ Там же, с. 359.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, с. 360.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Выше мы приводили ленинские слова из статьи «О временном революционном правительстве» о давлении сверху, из правительства.

⁵¹ По мнению составителей 10-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина, данная работа написана в июне 1905 г.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 310.

⁵³ Там же, с. 311.

⁵⁴ Там же, с. 313.

⁵⁵ Там же, с. 335.

⁵⁶ Там же, с. 344.

⁵⁷ В том же седьмом номере «Пролетария» В. И. Ленин напечатал еще заметку «Последние известия» о появлении «Потемкина» у Феодосии.

⁵⁸ Биохроника, т. 2, с. 105.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 3.

⁶¹ Там же, с. 5.

⁶² Однако влияние пролетариата на ход второй буржуазно-демократической революции в России в 1917 г. было так велико, что она завершилась не единовластием буржуазии, а двоевластием, переплетением двух диктатур.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 13—14.

⁶⁴ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 20.

⁶⁵ Там же, с. 21.

⁶⁶ Там же, с. 24—25.

⁶⁷ Там же, с. 27.

⁶⁸ Там же, с. 30.

⁶⁹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 31. В полном соответствии с этой хвостистской формулой действовали меньшевистские лидеры Петроградского Совета и 1—2 марта 1917 г., отдав власть организуемому буржуазному Временному правительству.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44—45.

⁷¹ Последнее по счету, но не по важности (англ.).

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 45.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 67.

⁷⁵ В этом описании функций революционной местной власти нетрудно узнать будущую ленинскую характеристику Советов рабочих депутатов как органов революционной власти, маленьких временных революционных правительств, данную в конце 1905 г.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 70—71.

⁷⁷ Там же, с. 74.

⁷⁸ Там же, с. 89.

⁷⁹ Там же, с. 90.

⁸⁰ Там же, с. 104.

⁸¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 438—439 (Примечание 1).

⁸² Там же.

⁸³ История КПСС, т. 2, с. 83.

⁸⁴ Там же, с. 86.

⁸⁵ Подробнее см.: *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 117.

⁸⁶ *Кириллов В. С.* Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907). М., 1976, с. 135—136.

⁸⁷ Там же, с. 136—137. Большой политический резонанс имел в это время также черносотенный погром 10—11 июля 1905 г. в Нижнем Новгороде. Вооруженные рабочие пытались дать отпор погромщикам, но против них были брошены казаки. (Подробнее см.: *Революция 1905—1907 годов в России.* М., 1975, с. 105—106.) В. И. Ленин посвятил этому событию свою статью «Черные сотни и организация восстания» (См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 189—193.)

⁸⁸ Биохроника, т. 2, с. 116.

⁸⁹ Там же, с. 117.

⁹⁰ Там же, с. 118.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Александров — Д. С. Постоловский (1876—1948). В социал-демократическом движении с 1895 г. На III съезде РСДРП избран членом ЦК.

⁹⁵ Клещ — И. И. Бибиков (р. 1882) — осенью 1903 г. вступил в РСДРП, примкнул к большевикам. Работал в Москве, Орле, Баку. Летом 1905 г. ездил к Ленину в Женеву. После возвращения работал в Петербургском комитете РСДРП.

⁹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 39.

⁹⁷ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1979, с. 295—296.

⁹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 39.

⁹⁹ Шмидт — П. П. Румянцев (1870—1925), в социал-демократическом движении с 1891 г., после II съезда РСДРП — большевик, член БКБ, делегат III съезда РСДРП. В июне 1905 г. кооптирован в члены ЦК. Затем один из редакторов и сотрудников первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». В годы реакции отошел от партии, умер за границей.

¹⁰⁰ Вернер — А. А. Богданов.

¹⁰¹ Винтер — Л. Б. Красин.

¹⁰² Зоммер — А. И. Любимов (1879—1919), в социал-демократическом движении с 1898 г., в 1904 г. кооптирован в ЦК РСДРП, делегат III съезда от Совета партии. По отношению к меньшевикам занимал примиренческую позицию. В годы первой мировой войны — оборонец, входил в плехановскую группу «Единство».

¹⁰³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 39—40.

¹⁰⁴ Там же, с. 40.

¹⁰⁵ Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель — сентябрь. Ч. 1. М., 1957, с. 52—54.

¹⁰⁶ Там же, с. 59.

¹⁰⁷ Там же, с. 60.

¹⁰⁸ Там же, с. 284.

¹⁰⁹ Там же, с. 303.

¹¹⁰ См.: там же, с. 360—362.

¹¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 43.

¹¹² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 213—214.

¹¹³ Письмо подписано партийной кличкой Игоря.

¹¹⁴ Начало первой русской революции. Январь — март 1905 года. М., 1955, с. 148.

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 49.

¹¹⁶ После данного съезда, происходившего нелегально на территории Финляндии, Союз союзов из-за резкого разногласия между входившими в него союзами отказался от позиции бойкота.

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 150.

¹¹⁸ См. там же, с. 151.

¹¹⁹ 18 марта 1848 г. — день восстания пролетариата и городских низов Берлина против власти прусского короля. Плодами этого выступления революционных рабочих воспользовалась немецкая буржуазия.

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 156—157.

¹²¹ Там же, с. 158. Найденный в заголовке этой статьи образ: пролетариат борется, буржуазия крадется к власти — В. И. Ленин использовал и позднее, в тексте статьи «Борьба за власть и „борьба“ за подачки», опубликованной в середине июля 1906 г. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 219).

¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 166.

¹²³ Там же, с. 168.

¹²⁴ Там же, с. 171.

¹²⁵ Там же, с. 180.

¹²⁶ Там же, с. 181.

¹²⁷ Там же, с. 182.

¹²⁸ Там же, с. 183.

¹²⁹ См. там же, с. 183—184.

¹³⁰ Там же, с. 188. Перед революцией 1848 г. в Германии король созвал Соединенный ландтаг. 18 марта 1848 г. революционный народ и пролетариат Берлина в восстании победил войска прусского короля. Тогда он был вынужден созвать собрание народных представителей на основе всеобщего избирательного права. В результате восстания народных масс в Париже 10 августа 1792 г. был арестован Людовик XVI и члены его семьи, ликвидирована цензовая конституция 1791 г. и уничтожено господство монархической буржуазии.

¹³¹ См. работы В. И. Ленина «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?», «Самое ясное изложение самого путаного плана»: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 196—208; 209—211.

¹³² Биохроника, т. 2, с. 126—127.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 52—53.

¹³⁴ Там же, с. 53.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, с. 54.

¹³⁷ Конференция состоялась в Риге 7—9 сентября ст. ст. В ее работе приняли участие представители ЦК РСДРП, Бунда, Латышской социал-демократической партии, социал-демократии Польши и Литвы, Революционной украинской партии. Приглашены были и меньшевики из ОК РСДРП. Однако вместо делегата, снабженного специальными полномочиями, меньшевики прислали случайного человека. Конференция приняла резолюцию о Государственной думе, призывавшую бойкотировать Думу, и резолюцию по поводу событий на Кавказе. Конференция явилась важным шагом на пути сплочения социал-демократических сил накануне решительных выступлений российского рабочего класса.

Меньшевики отказались подписать резолюции конференции. Текст резолюций см.: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М.—Л., 1955, с. 17—20. В 1905 г. резолюции были напечатаны в большевистской газете «Пролетарий», 24 (11) октября, № 22.

¹³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 64.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, с. 65.

¹⁴¹ Там же, с. 68. «Рабочий» издавался до декабря 1905 г. Фактическим редактором его был член ЦК РСДРП А. А. Богданов.

Глава 4. Время открытой борьбы

¹ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М.—Л., 1955, с. 39.

² Там же, с. 22—23.

³ Там же, с. 12—13.

⁴ Там же, с. 190.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 270—271.

⁶ Там же, с. 279—280.

⁷ Там же, с. 298.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 75.

⁹ Там же.

¹⁰ Воинов — А. В. Луначарский.

¹¹ Орловский — В. В. Воровский.

¹² До октября по старому стилю.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 79.

¹⁴ Там же, с. 80.

¹⁵ Пароход «Джон Графтон» под английским флагом был зафрахтован группой русских революционеров, главным образом эсеров. В открытом море он принял на борт 30 тыс. винтовок и несколько миллионов патронов к ним, а также взрывчатые вещества, которые надлежало выгрузить в Финляндии для дальнейшей переправки в Россию. 26 августа (8 сентября нов. ст.) 1905 г. пароход сел на мель в финских шхерах. Удалось перевести на берег только часть оружия. Пароход был взорван, а команда его укрылась в Швеции.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 82—83.

¹⁷ Там же, с. 83.

¹⁸ Там же, с. 84.

¹⁹ См. там же, с. 98, 339.

²⁰ В дальнейшем в связи с подготовкой объединительного съезда РСДРП этот вопрос потерял свою остроту.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 104.

²² См.: Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907). М., 1976, с. 164.

²³ См. там же, с. 165—168. В ходе этой стачки депутаты рабочих разных типографий впервые назвали свое общее постоянно действующее собрание «Советом депутатов».

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 316—317.

²⁵ Имеется в виду мирный договор между Россией и Японией, заключенный 23 августа ст. ст. в американском городе Портсмуте. За сравнительную мягкость его условий для России,

фактически проигравшей войну, руководитель русской делегации видный государственный деятель С. Ю. Витте получил от Николая II титул графа.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 345.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 87.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 336—337.

²⁹ Там же, с. 338.

³⁰ См. там же, с. 339—343. Статья была впервые опубликована в 1926 г.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 339.

³² Там же, с. 343.

³³ Там же, с. 385.

³⁴ См.: Мицкевич С. И. Москва в сентябре — октябре 1905 г. — Первая русская... Сборник воспоминаний активных участников революции. М., 1975, с. 118.

³⁵ Подробнее см.: Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 147—155.

³⁶ Мицкевич С. И. Указ соч., с. 123.

³⁷ Фотиева Л. А. Памятные дни. — Первая русская..., с. 130.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 99.

³⁹ См. там же, с. 366. Примечание 85.

⁴⁰ См.: Эссен М. М. Встречи с В. И. Лениным. — Первая русская..., с. 140.

⁴¹ Партийная кличка М. М. Эссен — Зверь.

⁴² Так, 11 октября 1905 г. в Петербургском университете состоялся колоссальный 10-тысячный митинг. Участники его были размещены в Актовом зале, различных аудиториях и во дворе университета. Одновременно проводили свои собрания железнодорожники, объявившие о своем присоединении к всеобщей стачке с 12 октября, приказчики и ювелиры. Среди собравшихся проводился сбор денег на покупку оружия и распространялись революционные прокламации и листовки. В связи с этим министр народного просвещения В. Г. Глазов закрыл Петербургский университет с 15 октября.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 100.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Именно на Невском проспекте, около Фонтанки, разместилась через несколько дней редакция большевистской газеты «Новая жизнь».

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 100—101.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 1.

⁴⁸ Там же, с. 3—4.

⁴⁹ Там же, с. 5.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, с. 6.

⁵² Подробнее см.: Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977, с. 8—9.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 27.

⁵⁴ Там же, с. 29—30.

⁵⁵ См.: Всероссийская политическая стачка, с. 374—377.

⁵⁶ Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии в 1898—1904 гг. Проводил руссификаторскую политику в крае. С согласия Николая II ввел ряд мер, ограничивавших финляндскую конституцию: обязательный государственный русский язык, упразднение финских войск и др. «Бобриковщина» вызвала рез-

кое усиление национально-освободительного движения и сепаратистских настроений. Возникла партия пассивного сопротивления царизму, а затем и активного. По приговору «активистов» 3 июня 1904 г. Евгением Шауманом было произведено покушение на Бобрикова в здании финляндского сената. От полученных револьверных ранений Бобриков в тот же день скончался.

⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 413.

⁵⁸ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — Биохроника). Т. 2. М., 1971, с. 188—189.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 36.

⁶⁰ Там же, с. 37.

⁶¹ См. примечание 39 к 22 тому Полн. собр. соч. В. И. Ленина.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 49.

⁶³ Там же, с. 50.

⁶⁴ Там же, с. 52.

⁶⁵ Там же, с. 52—53.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 7.

⁶⁷ Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1979, с. 296—297.

⁶⁸ См.: Биохроника, т. 2, с. 194—195; Дашков Ю. Ф. По ленинским местам Скандинавии. М., 1971, с. 54—55.

⁶⁹ См.: Биохроника, т. 2, с. 195—196.

⁷⁰ Листовки петербургских большевиков, т. 1. М., 1939, с. 270—271.

⁷¹ Сын отечества, 1905, 2 ноября.

⁷² См.: Известия Совета рабочих депутатов, 1905, 4 ноября.

⁷³ Листовки петербургских большевиков, с. 279—280.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 64—65.

⁷⁵ Там же, с. 65.

⁷⁶ Там же, с. 66.

⁷⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 154, 228, 230. (В особенности на с. 228: «Русская революция... показала шире „Советы рабочих депутатов“, „железнодорожных депутатов“, „солдатских и матросских депутатов“, „крестьянских депутатов“».)

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 70.

⁷⁹ Там же, с. 83.

⁸⁰ Эссен М. М. Указ. соч., с. 142.

⁸¹ М. Н. Лядов утверждал, что первым обстоятельством, вызвавшим недовольство В. И. Ленина, было то, что редакция рабочей газеты поместилась на Невском. В свете приводившегося нами выше письма самого В. И. Ленина от 26 (13) октября 1905 г. о том, что он желал бы, чтобы Центральный Орган партии удался «печатать на Невском», данное утверждение мемуариста выглядит малоубедительным. Напомним, что и редакции всех остальных большевистских газет всегда помещались в центре города.

⁸² Лядов М. Н. Из жизни партии в 1903—1907 гг. Воспоминания. М., 1956, с. 114.

⁸³ Лядов М. Н. Указ. соч., с. 115.

⁸⁴ Там же, с. 115. (Однако, судя по дальнейшим событиям — привлечении Минского к ответственности за публикацию ленинских статей во второй половине ноября 1905 г., — договор с ним расторгнут все-таки не был.)

- ⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 100.
- ⁸⁶ Там же, с. 100—101.
- ⁸⁷ Там же, с. 102—103.
- ⁸⁸ См.: Биохроника, т. 2, с. 198.
- ⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 106.
- ⁹⁰ Фотиева Л. А. Указ. соч., с. 137.
- ⁹¹ Эссен М. М. Указ. соч., с. 143.
- ⁹² Воронский А. К. О Ленине. — Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., 1965, с. 29.
- ⁹³ См.: Бреслав Б. А. Ленин видел вперед на десятки лет. — Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 142—143.
- ⁹⁴ Фотиева Л. А. Указ. соч., с. 137—138.
- ⁹⁵ Там же, с. 138.
- ⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 108—109.
- ⁹⁷ Там же, с. 113.
- ⁹⁸ Там же, с. 116.
- ⁹⁹ Там же, с. 122.
- ¹⁰⁰ Н. К. Крупская была знакома с П. П. Румянцевым с начала 90-х годов, когда он был «молодягой с кудрявой шевелюрой». В 1905 г. она нашла его «литератором, человеком с положением, с брюшком, бонвиванских повадок». Но он «выступал умно и дельно». См.: Крупская Н. К. Указ. соч., с. 298—299.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же, с. 116; Биохроника, т. 2, с. 201.
- ¹⁰³ Луначарский А. В. Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. — Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 1. М., 1956, с. 308.
- ¹⁰⁴ См.: Лядов М. Н. Указ. соч., с. 117—118.
- ¹⁰⁵ Андреева М. Ф. О Владимире Ильиче Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1979, с. 225.
- ¹⁰⁶ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 302.
- ¹⁰⁷ Эссен М. М. Указ. соч., с. 142; Биохроника, т. 2, с. 200.
- ¹⁰⁸ Воронский А. К. Указ. соч., с. 29; Биохроника, т. 2, с. 200.
- ¹⁰⁹ См.: Биохроника, т. 2, с. 201—202.
- ¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 123.
- ¹¹¹ Там же, с. 128.
- ¹¹² См.: Биохроника, т. 2, с. 202.
- ¹¹³ См. там же.
- ¹¹⁴ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 303.
- ¹¹⁵ Биохроника, т. 2, с. 202—203.
- ¹¹⁶ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 303.
- ¹¹⁷ См.: Биохроника, т. 2, с. 207—209.
- ¹¹⁸ См.: Старцев В. И. Указ. соч., с. 38—49.
- ¹¹⁹ Милуков П. Н. Год борьбы. Спб., 1907, с. 85.
- ¹²⁰ См.: Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 237.
- ¹²¹ См.: Биохроника, т. 2, с. 209.
- ¹²² На месте гостиницы «Байер» стоит ныне отель «Эммаус». Здание пансиона, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, было недавно сломано. Макет его хранится в музее В. И. Ленина в Тампере.
- ¹²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 165.
- ¹²⁴ Биохроника, т. 2, с. 210.
- ¹²⁵ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 303—304.
- ¹²⁶ См.: Куделли П. Ф. Из дальних и ближних лет. — Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 3. М., 1960, с. 54; Сталин И. В. О Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т.

Изд. 2-е. Т. 2. М., 1979, с. 127; *Ярославский Е. М.* Наш вожьд, наш учитель. — Вечно живой. М., 1965, с. 15.

¹²⁷ *Ярославский Е. М.* Указ. соч., с. 15.

¹²⁸ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 304.

¹²⁹ Федеративные советы РСДРП из представителей большевистских комитетов и меньшевистских групп были созданы в ноябре 1905 г. для совместного руководства революционным движением и подготовки условий для предстоящего объединения партии.

¹³⁰ См.: Революция 1905—1907 годов в России, с. 248.

¹³¹ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 304.

¹³² См.: Революция 1905—1907 годов в России, с. 259—260.

¹³³ *Биохроника*, т. 2, с. 212; *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Сулова Ф. М.* Ленин в Петербурге — Петрограде. Л., 1977, с. 154—155.

¹³⁴ Там же, с. 155.

¹³⁵ *Биохроника*, т. 2, с. 212.

¹³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 150.

¹³⁷ Там же, с. 150—151.

¹³⁸ Там же, с. 151.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, с. 152.

¹⁴¹ Там же, с. 152—153.

¹⁴² Там же, с. 153.

¹⁴³ *Биохроника*, т. 2, с. 218.

¹⁴⁴ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 306—307.

¹⁴⁵ *Биохроника*, т. 2, с. 219.

¹⁴⁶ Там же, с. 219—220.

¹⁴⁷ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 307. (Ныне — ул. Пестеля, 5).

¹⁴⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 158.

¹⁴⁹ Там же, с. 159.

¹⁵⁰ Там же, с. 161.

¹⁵¹ Там же, с. 173.

¹⁵² Там же, с. 175.

¹⁵³ См. там же, с. 176.

¹⁵⁴ Там же, с. 177.

¹⁵⁵ См. там же, с. 177—178.

¹⁵⁶ Там же, с. 178.

¹⁵⁷ Там же, с. 178—179.

¹⁵⁸ Здесь мы видим уточнение вывода, сделанного В. И. Лениным еще в конце декабря 1905 г.

¹⁵⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 180.

¹⁶⁰ *Биохроника*, т. 2, с. 234—235.

¹⁶¹ Там же, с. 226—228.

¹⁶² Там же, с. 228; *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 307. (Басок — Меленевский М. И.) (1879—1938) — украинский мелкобуржуазный националист, один из лидеров Украинской социал-демократической организации «Спилка», меньшевик. В годы первой мировой войны — активный деятель буржуазно-националистического «Союза освобождения Украины», ориентировавшегося на победу Германии в войне. После Октябрьской революции — на хозяйственной работе в СССР.

Глава 5. Против кадетской Думы

¹ См.: Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 287—288.

² См. там же, с. 290.

³ См. там же, с. 291. Из них в январе — 190 188, в феврале — 27 418, в марте — 51 697. (См.: *Кириллов В. С.* Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции. (1905—1907). М., 1976, с. 292.)

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 209.

⁵ Там же, с. 210.

⁶ Там же, с. 210—211.

⁷ Там же, с. 211.

⁸ Там же, с. 212.

⁹ Там же, с. 212—213.

¹⁰ На самом деле этот вывод был сделан на основе неполной информации. С 16—17 декабря 1905 г., когда правительство обеспечило себе перевес сил и стало систематически использовать артиллерию, баррикады были тотчас разрушены. Баррикады и партизанские нападения из-за угла и с крыш и верхних этажей домов были эффективны только в борьбе с пехотой и кавалерией. Объективный анализ недостаточности «новой баррикадной тактики» см. в статье В. И. Ленина «Уроки московского восстания» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 370—372).

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 220.

¹² Там же, с. 225.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 227.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. там же, с. 228—234.

¹⁷ См. там же, с. 237.

¹⁸ См. там же, с. 238.

¹⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — Биохроника). Т. 2. М., 1971, с. 230—233.

²⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 269.

²¹ См.: *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 180—181.

²² Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РО ГПБ). Материалы по истории выборов в I Государственную думу. Ф. 1072, д. 14, лл. 198, 229, 230, 238—238 об.

²³ Дата начала земского съезда, выдвинувшего требование конституции.

²⁴ См.: Биохроника, т. 2, с. 233.

²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 273.

²⁶ См. там же, с. 282.

²⁷ Там же, с. 283.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 285.

³⁰ Там же, с. 286.

³¹ Там же, с. 286—287.

³² Там же, с. 291.

³³ Там же, с. 293.

³⁴ Там же, с. 352.

³⁵ См.: Революция 1905—1907 годов в России, с. 296.

³⁶ См. там же, с. 298.

- 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 259—262.
- 38 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 18.
- 39 Там же.
- 40 См.: Биохроника, т. 2, с. 234.
- 41 См. там же.
- 42 См. там же, с. 235.
- 43 Там же, с. 237.
- 44 Лядов М. Н. Из жизни партии в 1903—1907 годах. Воспоминания. М., 1956, с. 165.
- 45 См.: Революция 1905—1907 годов в России, с. 300.
- 46 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 361.
- 47 См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП (Апрель — май) 1906 года. Протоколы. М., 1959, с. 522.
- 48 См.: Биохроника, т. 2, с. 240.
- 49 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 375.
- 50 Лядов М. Н. Указ. соч., с. 164.
- 51 См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП, с. 50.
- 52 Лядов М. Н. Указ. соч., с. 165.
- 53 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 236—237.
- 54 Там же, с. 377.
- 55 Там же.
- 56 Там же.
- 57 Это предложение содержалось в меньшевистском проекте.
- 58 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 377—378.
- 59 Там же, с. 378.
- 60 Там же, с. 380.
- 61 Там же, с. 380—381. Так и получилось на выборах во II Государственную думу, когда в результате участия революционных партий в выборах кадеты уменьшили свое представительство, и в Думе образовалось левое и правое (черносотенное) крыло.
- 62 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 383.
- 63 Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП, с. 325—326.
- 64 Там же, с. 525.
- 65 Там же, с. 526.
- 66 Воробьев — Ломтатидзе В. Б. (1879—1915), меньшевик из Кутаиси.
- 67 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 390.
- 68 Там же, с. 391.
- 69 Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП, с. 527.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 Эсеры торопили с восстанием и связывали его с разгоном I Думы, местные большевики требовали снестись предварительно со своим центром в Петербурге и поэтому настаивали на отсрочке начала вооруженного выступления.
- 73 Дяденька — Л. М. Книпович.
- 74 Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1979, с. 308.
- 75 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 397.
- 76 Там же, с. 397.
- 77 Там же, с. 398.
- 78 См. там же, с. 399.
- 79 См.: Биохроника, т. 2, с. 248.
- 80 Цит. по: Из записок А. Ф. Редигера. — Красный архив, 1933, т. 5(60), с. 110.

⁸¹ Доклад начинается со слов: «Товарищи! Вы выбрали меня делегатом на Объединительный съезд РСДРП. Не имея возможности лично явиться в настоящее время в Петербург, я позволю себе письменно представить мой доклад о съезде...» (См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 3).

⁸² Подробнее см.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977, с. 53—57.

⁸³ Подробнее см.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970, с. 177—202.

⁸⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 409.

⁸⁵ См. там же, с. 76—79.

⁸⁶ Биохроника, т. 2, с. 250.

⁸⁷ См. там же, с. 252; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 410.

⁸⁸ См.: Биохроника, т. 2, с. 252.

⁸⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 410.

⁹⁰ Там же, с. 69.

⁹¹ Там же, с. 74.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, с. 75.

⁹⁴ Там же, с. 83.

⁹⁵ *Шлихтер А. Г.* Первое выступление Ильича на открытом митинге в России. — Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 1. М., 1956, с. 337.

⁹⁶ Там же, с. 338.

⁹⁷ *Абрамов И. А.* И в сердце, и в памяти. — Наш Ильич. Воспоминания рабочих о В. И. Ленине. М., 1969, с. 19.

⁹⁸ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 309.

⁹⁹ Это выражение В. И. Ленин употребил и в статье «Борьба за свободу и борьба за власть». См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 69.

¹⁰⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 91.

¹⁰¹ *Кржижановский Г. М.* Великий Ленин. М., 1971, с. 55.

¹⁰² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 92.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, с. 93.

¹⁰⁵ Этой теме В. И. Ленин посвятил статьи «Рабочая группа в Государственной думе» (опубликована в «Волне» 9 мая 1906 г.) и «Крестьянская или «Трудовая» группа и РСДРП» (опубликована там же 11 мая). В первой из них он упрекал членов Рабочей группы за то, что они вместе с кадетами голосовали за текст ответного адреса. По мнению В. И. Ленина, они должны были голосовать против адреса. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 86—89; 95—98.

¹⁰⁶ *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 309.

¹⁰⁷ См.: *Ленин В. И.* Резолюция и революция. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 104.

¹⁰⁸ Там же, с. 103.

¹⁰⁹ Там же, с. 105.

¹¹⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая, т. 1. Спб., 1906, стб. 322.

¹¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 107.

¹¹² Государственная дума, стб. 352.

¹¹³ Там же, стб. 353. Через день 10 голосовавших против заявили, что они были только против редакции формулы.

- ¹¹⁴ См.: Сборник «Известий крестьянских депутатов» и «Трудовой России». М., 1906, с. 103—104.
- ¹¹⁵ См.: *Ленин В. И.* Избирательная победа социал-демократии в Тифлисе. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 108—110; «Волна», 14 мая.
- ¹¹⁶ См. работы В. И. Ленина «По поводу обращения депутатов-рабочих», «По поводу декларации нашей думской фракции». — Полн. собр. соч., т. 13, с. 120—121; 223—228.
- ¹¹⁷ Редакция «Волны» помещалась на наб. реки Фонтанки, 96.
- ¹¹⁸ *Лещенко Д. И.* Воспоминания. — Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 3. М., 1961, с. 58—59.
- ¹¹⁹ *Луначарский А. В.* Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. — Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 1, с. 309.
- ¹²⁰ Там же, с. 169.
- ¹²¹ Там же, с. 113.
- ¹²² Там же, с. 116.
- ¹²³ Там же, с. 117.
- ¹²⁴ Там же, с. 127.
- ¹²⁵ См. там же, с. 128—129.
- ¹²⁶ Там же, с. 131.
- ¹²⁷ Там же, с. 134.
- ¹²⁸ Там же, с. 136.
- ¹²⁹ Там же, с. 169.
- ¹³⁰ См.: *Биохроника*, т. 2, с. 255.
- ¹³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 170—171.
- ¹³² Там же, с. 172.
- ¹³³ Там же, с. 174.
- ¹³⁴ См.: *Биохроника*, т. 2, с. 260—261; *Шустер У. А.* Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976, с. 232—233.
- ¹³⁵ См.: *Биохроника*, т. 2, с. 261.
- ¹³⁶ *Стасова Е. Д.* Учитель и друг. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2, с. 214.
- ¹³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 207.
- ¹³⁸ Там же, с. 208—209.
- ¹³⁹ Подробнее см.: *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 52—108.
- ¹⁴⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 221.
- ¹⁴¹ Там же, с. 229—230.
- ¹⁴² *Крупская Н. К.* Указ. соч., с. 310.
- ¹⁴³ С. А. Муромцев, председатель I Государственной думы, утверждал, что Дума является частью «правительства», Совет же министров — только «министерство».
- ¹⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 232, 233.
- ¹⁴⁵ См. статьи В. И. Ленина: «Переговоры о министерстве», «Среди газет и журналов», «Кто за союзы с кадетами?», «Кадетские подголоски»; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 239—240, 241—243, 244—250, 255, 256—260.
- ¹⁴⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 264.
- ¹⁴⁷ Работы первой Государственной думы. Спб., 1906, с. 482.
- ¹⁴⁸ Подробнее см.: *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 101—109.
- ¹⁴⁹ См.: *Биохроника*, т. 2, с. 266—267.

Глава 6. Роспуск Думы и задачи пролетариата

¹ Второй период революции. 1906—1907 гг. Ч. 2. Май — сентябрь 1906 г. Кн. 1. М., 1961, с. 48. Подробнее см.: *Деренковский Г. М.* Всеобщая стачка и Советы рабочих депутатов в июле 1906 г. — Исторические записки, 1965, № 77, с. 115—116.

² См.: *Лядов М. Н.* Из жизни партии в 1903—1907 гг. Воспоминания. М., 1956, с. 179—180.

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 305—327; Второй период революции..., с. 47—50, 57—58.

⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 314—319.

⁵ См.: *Лядов М. Н.* Указ. соч., с. 180—181.

⁶ *Войтинский В.* Годы побед и поражений. Кн. 2. Берлин, 1924, с. 86—87.

⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 334—337.

⁸ См.: Второй период революции..., с. 48—49.

⁹ См.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения, т. 2. М., 1961, с. 395—396.

¹⁰ Второй период революции..., с. 269.

¹¹ *Теодорович И. А.* Заметки читателя. — Пролетарская революция, 1924, № 7(30), с. 174.

¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 351.

¹³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — Биохроника). Т. 2. М., 1971, с. 268.

¹⁴ См.: *Иоффе А. М.* Издательская деятельность большевиков в 1905—1907 гг. М., 1971, с. 189.

¹⁵ О статье Г. В. Плеханова см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 378—382.

¹⁶ Там же, с. 309.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: *Плеханов Г. В.* «Общее горе». Сочинения, т. XV. М.—Л., 1926, с. 158.

¹⁹ См. там же, с. 159.

²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 312.

²¹ Там же, с. 313.

²² «...На войне, — говорилось в статье Плеханова, — наиболее целесообразно то, что наносит наибольший вред неприятелю, а способ, рекомендуемый народу выборгским манифестом, именно и не принесет неприятелю всего того вреда, который нужно и должно нанести ему в интересах свободы». (См.: *Плеханов Г. В.* Указ. соч., с. 160.)

²³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 318.

²⁴ Там же, с. 321.

²⁵ Биохроника, т. 2, с. 270, 271, 278—279, 309—310.

²⁶ См.: Второй период революции..., с. 24. Летом 1906 г. не только революционеры, но и либералы ждали в ближайшее же время массовых антиправительственных выступлений. «Какое слово скажут крестьяне осенью... пока неизвестно», — писала «Речь» 12 августа 1906 г.

«Мы идем навстречу самым ужасным событиям», — пугала обывателя левокадетская газета «Товарищ». Газета упрекала царизм за то, что в борьбе против революции он делает ставку на репрессии, и указывала ему: «Единственное средство борьбы с... разрушительными инстинктами — возможно более скорый созыв Думы» (Товарищ, 1906, 4 авг.).

²⁷ Отголоски. Спб., 1907, сб. [1], с. 41.

- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 325.
- ²⁹ Мстиславский С. Записи о Ленине. — О Ленине. Воспоминания. Кн. IV. М., 1925, с. 96.
- ³⁰ Там же, с. 97.
- ³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 328.
- ³² Теодорович И. А. Указ. соч., с. 174.
- ³³ Там же, 1924, № 6—7, с. 166.
- ³⁴ См.: Деренковский Г. М. Указ. соч., с. 130.
- ³⁵ Теодорович И. А. Указ. соч., с. 175.
- ³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 288.
- ³⁷ Второй период революции..., с. 51.
- ³⁸ Там же, с. 53.
- ³⁹ См.: Авилов Б. Современное политическое положение. — Очередные вопросы. Сб. статей. Спб., 1907, апрель, № 1, с. 54—55.
- ⁴⁰ Второй период революции..., с. 588—589.
- ⁴¹ Шлихтер А. Г. Ильич, каким я его знал. М., 1970, с. 27.
- ⁴² Там же, с. 29.
- ⁴³ Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч., с. 374.
- ⁴⁴ Кржижановский Г. М. Из воспоминаний. — О Ленине. Воспоминания. Кн. IV. М.—Л., 1925, с. 29.
- ⁴⁵ После Февральской революции Г. Д. Лейтейзен примыкал к группе «Новая жизнь», выступал за объединение большевиков и меньшевиков. С 1918 г. вновь в рядах большевистской партии. Погиб на Восточном фронте 1 февраля 1919 г.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Петрограде. Л., 1980, с. 206—211.
- ⁴⁷ Рузер Л. И. Из воспоминаний об Ильиче. — Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 185.
- ⁴⁸ Марков С. В. Выполняя ленинские поручения. — Об Ильиче. Воспоминания питерцев, с. 164.
- ⁴⁹ Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 202.
- ⁵⁰ Ярославский Е. М. Владимир Ильич руководит боевой работой партии. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1979, с. 235.
- ⁵¹ Берзинь-Зиемелис Я. А. Первые встречи с Лениным. — Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, с. 37—38.
- ⁵² Там же, с. 39.
- ⁵³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1979, с. 312.
- ⁵⁴ См.: Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Указ. соч., с. 233, 234—235.
- ⁵⁵ Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 195.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 18.
- ⁵⁷ Только в «Пролетарии» было помещено 30 статей В. И. Ленина. Секретарь редакции Е. С. Шлихтер еженедельно выезжала в Куоккалу за рукописями; иногда их доставлял в Выборг умелый конспиратор, проживавший в Териоках, И. И. Рябков (Пчела) (См.: Пышновская О. М., Усыскин Г. С. Зеленогорск. Л., 1978, с. 54—57); три статьи были опубликованы в журналах «Вестник жизни», «Тернии труда». В это же время, помимо уже упоминавшейся брошюры «Роспуск Думы и задачи пролетариата», были опубликованы также брошюры В. И. Ленина «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати» и «Социал-демократия и избирательные соглашения».

- ⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 15.
- ⁵⁹ Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 336—337.
- ⁶⁰ Там же, с. 337—338.
- ⁶¹ Тропин В. И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970, с. 158.
- ⁶² Горн В., Меч В., Череванин. Борьба общественных сил в русской революции. Вып. 2. М., 1907, с. 107.
- ⁶³ Ларин Ю. Широкая рабочая партия и рабочий съезд. М., 1906, с. 34—35.
- ⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 152.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же, с. 14.
- ⁶⁷ Там же, с. 160.
- ⁶⁸ Там же, с. 19.
- ⁶⁹ Там же, с. 151.
- ⁷⁰ См. там же.
- ⁷¹ Там же, с. 76.
- ⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 337.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ См.: Кржижановский Г. М. Указ. соч., с. 28; см. также: Кржижановская З. Несколько штрихов из жизни Ильича. — Молодая гвардия, 1924, № 2—3, с. 38.
- ⁷⁵ Лепешинский П. Н. Предвиденье Ильича. — «Ленинградская правда», 1925, 21 января; см.: Он же. Жизненный путь Ильича. — Молодая гвардия, 1924, № 2—3, с. 137.
- ⁷⁶ Шлихтер А. Г. Указ. соч., с. 34—35.
- ⁷⁷ Войтинский В. Указ. соч., с. 114.
- ⁷⁸ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 312.
- ⁷⁹ Берзинь-Зиемелис Я. А. Указ. соч., с. 39.
- ⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 337.
- ⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 76.
- ⁸² Там же, с. 168—169.
- ⁸³ Там же, с. 159—160; см. также с. 152.
- ⁸⁴ См. там же, с. 160.
- ⁸⁵ Там же, с. 219.
- ⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 373.
- ⁸⁷ См.: Шауров И. В. Воспоминания участника Первой русской революции. Изд. 2-е. М., 1974, с. 163.
- ⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 316.
- ⁸⁹ Биохроника, т. 2, с. 286.
- ⁹⁰ Ханин Л. Г. Воспоминания о В. И. Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 3. М., 1960, с. 73.
- ⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 379.
- ⁹² См.: Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Указ. соч., с. 226; В. Войтинский также констатирует, что «уже в начале августа — а, может быть, даже в конце июля... — у нас было решение участвовать в предстоящих выборах». Войтинский В. Указ. соч., с. 114.
- ⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 343.
- ⁹⁴ См.: Отголоски. Сб. V. Спб., 1907, с. 7.
- ⁹⁵ Рузер Л. И. Указ. соч., с. 183.
- ⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 123.
- ⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 68.
- ⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 347.
- ⁹⁹ Мартов в письме к Г. В. Плеханову от 8 октября 1906 г. с явным неудовольствием сообщал, что большевики, пользуясь-

щиеся преобладающим влиянием на пролетарские массы в обеих столицах, «высказываются за участие в выборах на этот раз, но требуют, чтобы до официального открытия избирательной кампании правительством партия не приступала ни к какой избирательной агитации». Л. Мартов возмущался, что точку зрения большевиков «поддерживает Р. Люксембург». Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Дома Плеханова (далее — АДП), ф. 1093, ед. хр. В.281.22, л. 1.

¹⁰⁰ Миллюков П. Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника 1907 г. Спб., 1908, с. 201. См. подробнее: Волобуев О. В. Революция 1905—1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков. — Исторические записки, № 102. М., 1978.

¹⁰¹ См.: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970, с. 340.

¹⁰² Социал-демократ, 1906, 13 окт.

¹⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 93.

¹⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 343—344.

¹⁰⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 81.

¹⁰⁶ Плеханов Г. В. Сочинения, т. XV, с. 332.

¹⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 117.

¹⁰⁸ Второй период революции..., ч. 3. М., 1963, с. 41.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 127.

¹¹⁰ См. там же, с. 103—105.

¹¹¹ Вестник жизни, 1906, № 13, с. 6.

¹¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 92.

¹¹³ Там же, с. 107.

¹¹⁴ См. там же, с. 106—111.

¹¹⁵ Там же, с. 115.

¹¹⁶ См. там же, с. 118.

¹¹⁷ Плеханов Г. В. Сочинения, т. XV, с. 333.

¹¹⁸ См.: Общественное движение в России в начале XX века, т. III, кн. 5. Спб., 1914, с. 629.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 145.

¹²⁰ См.: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 339—340.

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 147.

¹²² Там же, с. 126.

¹²³ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970, с. 189.

¹²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 326.

¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 126—127.

¹²⁶ См. там же, с. 247—248, 270, 290.

¹²⁷ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.188.8, л. 1.

¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 403.

¹²⁹ Там же, с. 405.

¹³⁰ Там же, с. 365.

Глава 7. В дни Второй Думы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 380.

² Там же.

³ Там же, с. 382.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 25.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 383.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

- ⁸ Там же, с. 383—384.
- ⁹ Там же, с. 384.
- ¹⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 57—62.
- ¹¹ Там же, с. 26.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 409.
- ¹³ Второй период революции. 1906—1907 гг. Январь — июнь 1907 года. Кн. 1. М., 1963, с. 107.
- ¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 410.
- ¹⁵ Архив Дома Плеханова (далее — АДП), ф. 1093, ед. хр. В.220.9, л. 1.
- ¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 19.
- ¹⁷ Там же, с. 22.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 233.
- ¹⁹ См.: *Чащин В. А.* В суровые годы. Свердловск, 1957, с. 186—187.
- ²⁰ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. — Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1979, с. 314.
- ²¹ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.14.37, л. 2.
- ²² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 276—280: см. там же, с. 74—77.
- ²³ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.14.38, л. 3.
- ²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 33.
- ²⁵ См.: *Плеханов Г. В.* Сочинения, т. XV, с. 309—310.
- ²⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 61.
- ²⁷ Там же, с. 363.
- ²⁸ См. там же, с. 71.
- ²⁹ См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970, с. 373.
- ³⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 67.
- ³¹ См.: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года. Протоколы. М., 1963, с. 224, 285 и др.
- ³² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — Биохроника), т. 2. М., 1971, с. 313.
- ³³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 123.
- ³⁴ Там же, с. 124.
- ³⁵ *Шпагин А.* На всю жизнь. — Ленин в сердцах уральцев. Свердловск, 1969, с. 14—15.
- ³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 165.
- ³⁷ Там же, с. 119.
- ³⁸ См. там же, с. 155.
- ³⁹ Там же, с. 156.
- ⁴⁰ Там же, с. 371.
- ⁴¹ См. подробнее: Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции. М., 1975, с. 224—229.
- ⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 1—12.
- ⁴³ См. там же, с. 371—379; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 229—249; Биохроника, т. 2, с. 303.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 371.
- ⁴⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 414—415.
- ⁴⁶ См.: *Берзинь-Зиемелис Я.* Первые встречи с Лениным. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 3-х ч. Ч. 3. М., 1960, с. 72.
- ⁴⁷ *Рожков Н. А.* Судьбы русской революции. Спб., 1907, с. 112.
- ⁴⁸ Биохроника, т. 2, с. 302. Неверие в революционные возможности российского пролетариата привело в годы реакции

Н. А. Рожкова и А. А. Богданова в лагерь противников большевизма. Н. А. Рожков только в 1922 г. порвал с меньшевиками и незадолго до смерти (умер в 1927 г.) вновь стал сближаться с большевиками. А. А. Богданов не понял социалистического характера Великой Октябрьской революции, хотя считал ее великим социальным завоеванием. А. А. Богданов погиб в 1928 г., испытывая на себе новый препарат в Институте переливания крови, организатором которого он был.

⁴⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 411—412; Второй период революции..., с. 246.

⁵⁰ Второй период революции..., с. 286.

⁵¹ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.275.1, л. 20—23.

⁵² Там же, с. 23.

⁵³ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. М., 1925, с. 224, 226—228.

⁵⁴ См.: *Плеханов Г. В.* Сочинения, т. XV, с. 323—328.

⁵⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 63.

⁵⁶ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.484.46, л. 2.

⁵⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 65.

⁵⁸ Цит. по: 1905—1907 гг. в профсоюзном движении. М., 1925, с. 46.

⁵⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 424.

⁶⁰ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.275.1, л. 23.

⁶¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2, с. 224.

⁶² Там же, с. 219.

⁶³ Там же, с. 224.

⁶⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 29.

⁶⁵ См.: *Луначарский А. В.* Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 9.

⁶⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 368.

⁶⁷ *Трилиссер Д. А.* Ильич в 1906 г. — Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 154—155. Информация об этих собраниях без указания фамилий была помещена в «Товарище» 29 августа и в «Пролетарии» 8 сентября 1906 г. Донесения Охранного отделения в департамент полиции по поводу этих собраний см.: Красная летопись, 1927, № 1 (22), с. 36.

⁶⁸ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.281.22, л. 1.

⁶⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 48—49.

⁷⁰ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.275.1, л. 8.

⁷¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 47.

⁷² См. там же, с. 47.

⁷³ Там же, с. 49.

⁷⁴ АДП, ф. 1093, ед. хр. В.484.45, л. 7.

⁷⁵ *Ларин Ю.* Широкая рабочая партия и рабочий съезд. М., 1906, с. 52—53.

⁷⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 164.

⁷⁷ См. там же, с. 102.

⁷⁸ КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 190.

⁷⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 1—11.

⁸⁰ См. там же, с. 3—4.

⁸¹ Там же, с. 85—86.

⁸² См. там же, с. 3—4.

⁸³ См. там же, с. 4.

⁸⁴ Даном, Мартовым, Мартыновым и др. См.: Русская жизнь, 1907, 24 февраля. В основном документ написал, по словам

А. Коллонтай, Л. Мартов (см.: АДП, ф. 1093, ед. хр. В.220.9, л. 1).

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 79.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924, с. 163.

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 87.

⁸⁹ Там же, с. 109.

⁹⁰ См. там же, с. 89—112, 171—174, 175—187, 188—203.

⁹¹ Шлихтер А. Тридцать лет назад. — Комсомольская правда, 1937, 11 мая.

⁹² Власов А. (Костя, Архип). Моя поездка на Лондонский съезд 1907 г. — Пролетарская революция, 1925, № 9 (44), с. 177.

⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 273.

⁹⁴ Там же, с. 275.

⁹⁵ См.: Страуян Я. Боевая быль. М., 1935, с. 115.

⁹⁶ Причины особых строгостей датских властей по отношению к русским революционерам заключались в династических связях: мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, была датской принцессой.

⁹⁷ Лядов М. Н. Из жизни партии в 1903—1907 гг. Воспоминания. М., 1956, с. 203.

⁹⁸ Десницкий В. А. В. И. Ленин и М. Горький. — Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., 1965, с. 40—41.

⁹⁹ См.: Лядов М. Н. Указ. соч., с. 208—209.

¹⁰⁰ Бассальго Д. Незабываемые встречи. — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч. Ч. 3. М., 1960, с. 79.

¹⁰¹ См.: Попов И. В. Воспоминания. М., 1971, с. 172; Накоряков Н. Н. Записки делегата IV и V съездов партии. — О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900—1923 гг. М., 1963, с. 69—70; Шауров И. В. Воспоминания участника Первой русской революции. Изд. 2-е. М., 1974, с. 225 и др.

¹⁰² Герман К. Воспоминания о т. Ленине. — «Буревестник» (Краснодар), 1924, № 3, с. 19.

¹⁰³ Киселев Е. А. В борьбе за свободу. Слово старых большевиков. М., 1965, с. 61.

¹⁰⁴ См.: Лядов М. Н. Указ. соч., с. 209.

¹⁰⁵ Гандурин К. Д. О Лондонском съезде РСДРП (1907 г.). Из воспоминаний. — В кн.: V съезд партии (Лондонский). М., 1923, с. 131.

¹⁰⁶ См.: Каржанский Н. С. В. И. Ленин на V съезде РСДРП. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1956, с. 350; см. также: Лядов М. Указ. соч., с. 209.

¹⁰⁷ Лядов М. Н. Лондонский съезд РСДРП в цифрах. — V съезд партии (Лондонский), с. 76.

¹⁰⁸ Шауров И. В. Указ. соч., с. 202.

¹⁰⁹ См.: Семенов-Булкин Ф. Из встреч с тов. Лениным. — Красная летопись, 1924, № 1 (10), с. 37—44.

¹¹⁰ Луначарский А. В. Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 20.

¹¹¹ Г. В. Плеханов писал в феврале 1907 г. Л. Мартову: «Я думаю, что не вредно было бы, если бы на съезде дошло, наконец, до разрыва с большевиками». — Социал-демократическое движение в России. М.—Л., 1928, с. 170. См. также письмо Г. В. Плеханова П. Б. Аксельроду от 6 марта 1907 г.—Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 2. М., 1925, с. 240.

- ¹¹² См.: *Лядов М. Н.* Из жизни партии, с. 203.
- ¹¹³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 56, 353.
- ¹¹⁴ См.: *Лядов М. Н.* Из жизни партии, с. 209.
- ¹¹⁵ *Краевский В.* Из воспоминаний о В. И. Ленине. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 3. М., 1960, с. 83.
- ¹¹⁶ *Горький А. М.* В. И. Ленин. — Воспоминания о Ленине в 5-ти т. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1979, с. 248.
- ¹¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 312.
- ¹¹⁸ Там же, с. 312—313.
- ¹¹⁹ Там же, с. 313.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же, с. 314.
- ¹²² Там же, с. 321.
- ¹²³ Там же, с. 322.
- ¹²⁴ Второй период революции. Январь — июнь 1907 г, кн. 1, с. 502.
- ¹²⁵ См.: *Лещенко Д.* Лондонский съезд РСДРП. — В кн.: V съезд партии (Лондонский), с. 23.
- ¹²⁶ *Лещенко Д.* Указ. соч., с. 23.
- ¹²⁷ *Горький А. М.* Указ. соч., с. 248.
- ¹²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 330.
- ¹²⁹ Там же, с. 333.
- ¹³⁰ Там же. Проект резолюции «Отношение к буржуазным партиям», предложенный большевиками IV съезду РСДРП см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 232—234.
- ¹³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 335, 375.
- ¹³² Там же, с. 340—341.
- ¹³³ Там же, с. 373.
- ¹³⁴ См.: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП, с. 610—612.
- ¹³⁵ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2. М., 1966, с. 224—225.
- ¹³⁶ *Череванин.* Лондонский съезд РСДРП. 1907 г. Изд-во «Борьба», 1907, с. 56.
- ¹³⁷ Там же, с. 79.
- ¹³⁸ *Каржанский Н. С.* Указ. соч., с. 355.
- ¹³⁹ Там же, с. 363.
- ¹⁴⁰ Биохроника, т. 2, с. 333.
- ¹⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 70, 72.
- ¹⁴² Там же, с. 72, 73.
- ¹⁴³ См.: Революция 1905—1907 гг. в России, с. 351.
- ¹⁴⁴ См.: АДП, ф. 1093, ед. хр. АД.8.509, л. 1.
- ¹⁴⁵ См.: Русь, 1907, 9(22) мая.
- ¹⁴⁶ *Чащин В. А.* В суровые годы. Свердловск, 1957, с. 209.
- ¹⁴⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 416.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>1 глава. НАКАНУНЕ (А. Н. Цамутали)</i>	13
1. II съезд РСДРП. Большевики и меньшевики	13
2. Борьба за партию, борьба за революцию	34
3. Предвестники бури	44
<i>2 глава. «ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ!» (О. Н. Знаменский)</i>	57
1. Девятое января	57
2. «Новые задачи и новые силы»	76
3. Ленин и III партийный съезд	96
<i>3 глава. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЦК (В. И. Старцев)</i>	117
1. После III съезда РСДРП	117
2. Против меньшевиков и буржуазных либералов	126
3. Книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции»	140
4. Связь с Центральным Комитетом и партией	152
<i>4 глава. ВРЕМЯ ОТКРЫТОЙ БОРЬБЫ (В. И. Старцев)</i>	170
1. Всеобщая стачка в России	170
2. Снова в Петербурге. Добить врага после первой победы!	185
3. Высшая точка революции	210
<i>5 глава. ПРОТИВ КАДЕТСКОЙ ДУМЫ (В. И. Старцев)</i>	229
1. «Победа кадетов и задачи рабочей партии»	229
2. На IV съезде РСДРП	246
3. В дни Первой Думы	258
<i>6 глава. РОСПУСК ДУМЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА (Х. М. Астрахан)</i>	284
1. В критические дни июля 1906 г.	284
2. На даче «Ваза»	296
3. Во главе первой избирательной кампании большевиков	311
<i>7 глава. В ДНИ ВТОРОЙ ДУМЫ (Х. М. Астрахан)</i>	324
1. Воздействие на социал-демократическую фракцию	324
2. В борьбе за V съезд РСДРП. Победа большевиков на съезде	338
Заключение	370
Источники, литература и примечания	371